

902.6
К63.4
63.4

98878-1

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО АРХЕОЛОГИИ СССР

106

В.А. КУЗНЕЦОВ

АЛАНСКИЕ ПЛЕМЕНА
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

902.6+9 (с164)
К891

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

№ 106

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1962

25
А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ ПО АРХЕОЛОГИИ СССР, № 106

В. А. КУЗНЕЦОВ

АЛАНСКИЕ ПЛЕМЕНА
СЕВЕРНОГО
КАВКАЗА

К.-Б.А.С.С.Р.
Республиканская библиотека
им. Н. К. Крупской
гор. Владикавказ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1962

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
Е. И. КРУПНОВ

98878-1

98878-1

ПРЕДИСЛОВИЕ

Средневековый период истории народов Северного Кавказа исторически слабо освещен, несмотря на то что историко-археологическое изучение Кавказа, в том числе и Северного, начато давно.

Одной из наиболее важных и сложных проблем, относящихся к этому периоду, является аланская проблема, связанная с исследованием этнонима «аланы», наиболее часто упоминаемого многими древними и средневековыми авторами (Иосифом Флавием, Аммианом Марцеллином и др.).

С начала XIX в. и до последнего времени научный интерес к средневековым аланам, к их истории и культуре, к их роли в судьбах многих народов стран Европы и Кавказа не ослабевает. По истории алан создана большая литература у нас и за рубежом. Высказано множество точек зрения на вопросы их происхождения, исследовались судьбы аланских племен и их генетические связи с различными современными народами, прежде всего северокавказскими (Ю. Клапрот, В. де Сен-Мартен, Ю. Кулаковский, В. Ф. Миллер, В. Минорский, В. И. Абаев, З. Н. Ванеев и др.).

В основе всех этих исследований лежали преимущественно исторические свидетельства и лингвистические данные (топонимика и язык) при полном, иногда, незнании авторов с памятниками материальной культуры. В итоге вырисовывалась картина очень широкого аланского единства на громадных территориях, причем генетически алан связывали только с осетинским народом.

В археологических работах не было достаточно глубокого и дифференцированного анализа вещественных источников, господствовала концепция о бытовании в V—X вв. на юге СССР очень широкой и аморфной культуры аланских племен, иногда называвшейся даже алано-хазарской культурой.

Все эти мнения и взгляды не вносили ясности в изучение истории и культуры средне-

вековых и современных народов нашей страны, предположительно связываемых с аланами. Между тем аланская проблема в целом, действительно, имеет огромное значение для раннесредневековой истории юга Европейской части СССР (вспомним так называемую салтово-маяцкую культуру на Донце) и в особенности для истории народов Северного Кавказа, так как некоторые народы Кавказа генетически связаны с определенными группами аланских племен. Об остроте и актуальности этой темы свидетельствует то, что в последнее время ни одна научная сессия в любом центре Северного Кавказа не обходится без обсуждения этой проблемы. Вместе с тем ее разработка требует глубокого и дифференцированного подхода в исследовании все умножающихся археологических источников.

Вот почему книгу В. А. Кузнецова «Аланские племена Северного Кавказа», подготовленную им как кандидатскую диссертацию, следует признать нужной, своевременной и отвечающей насущным задачам современного кавказоведения. В основе монографии В. А. Кузнецова лежит обильный археологический материал из разных районов Северного Кавказа, начиная с верховьев Кубани и кончая Дагестаном, впервые рассмотренный автором в хронологических рамках с IV в. (со времени гуннского нашествия) и до XII в. (вторжение монголов в 1222 г.). В достаточной мере автором использованы и исторические источники и данные языка (этнонимика и топонимика).

Считая, что аланы (сарматского происхождения) были носителями особого типа погребальных сооружений — катакомб, совершенно чуждых кавказской среде, и изучая распространение катакомб, автор показывает, как с IV в. проникали в горы Кавказа ираноязычные аланские племена под давлением гуннских полчищ. С приходом алан на Северном Кавказе начался интенсивный процесс

ассимиляции местных этнических групп, в разных районах края закончившийся по-разному.

Справедливо признавая важнейшими этнографическими признаками местных племенных групп формы могильных сооружений (склепы и каменные ящики), черты погребального обряда и особые типы керамики, автор под этим углом зрения проанализировал весь материал из разных районов Северного Кавказа и выделил три локальных варианта так называемой аланской культуры: западный — в верхнем Прикубанье, центральный — в Кабардино-Балкарии и восточный — в Северной Осетии и в западной части Чечено-Ингушетии.

Проследив последовательно развитие каждого из этих вариантов, отражающих лишь племенные (этнографические) различия этнически родственных между собою древних групп населения Северного Кавказа, автор пришел к заключению о генетической связи западного варианта с адыгским этническим массивом, центрального варианта с алагодигорскими племенами и восточного варианта с ироно-вейнахским населением Северного Кавказа.

Такое расчленение ранее казавшейся единой «аланской культуры» кажется вполне закономерным, если учесть, что такое же выделение трех локальных вариантов уже произведено при изучении более древних культур Северного Кавказа: кобанской раннежелезного века (Е. И. Крупновым) и северокавказской культуры эпохи бронзы (В. И. Марковиным).

Очень интересен конечный вывод автора о существовании на Северном Кавказе в эпоху раннего средневековья двух больших племенных союзов, составлявших историческую Аланию. Основой западного союза, связанного с этнонимом «асы», были предки адыгов, абазин и отчасти дигорцев. Основу восточного аланского союза, связанного с «иронами», составляли предки осетин, ингушей и чеченцев.

Возрождая старый спор по поводу интерпретации таких этнонимов, как «асы» и «аланы» (начатый еще В. де Сен-Мартеном), ав-

тор локализует асов в западной части Алании и рассматривает их как собирательное наименование представителей местного кавказского субстрата и ассимилированных ими сарматских ираноязычных элементов.

Окончательно развенчав миф об этнической чистоте так называемых алан, В. А. Кузнецов локализует их в Северной Осетии и частично в Ингушетии и приписывает им решающую роль в языковой ассимиляции на территории восточного варианта местных кавказских племен, именуемых термином «Ирон», не происходящим из иранского языка.

Все эти выводы и заключения автора об аланах, так весомо подтверждающие тезис об общей кавказской подоснове этногенеза осетин, адыгов и вейнахских народов, имеют принципиально важное значение для истории народов Северного Кавказа.

Не все поднятые в работе вопросы выяснены автором окончательно, например вопрос о месте и роли алан в этногенезе, скажем, чеченцев и ингушей. Это объясняется недостаточностью материальных источников и весьма слабой изученностью Чечни. Кое-что кажется еще спорным и требующим уточнения. Но, признавая некоторую, вполне оправданную гипотетичность ряда выводов и заключений автора (например, о локализации и истолковании «асов», об ограниченности этнонима «ирон» и др.), в целом монография В. А. Кузнецова является ценным историческим исследованием, несомненно, продвинувшим вперед решение аланской проблемы применительно к Северному Кавказу. Этногенетическая направленность работы вполне оправдана; она позволила автору, как нам кажется, обосновать местное, кавказское происхождение осетин и других народов Северного Кавказа.

Книга В. А. Кузнецова «Аланские племена Северного Кавказа», безусловно, привлечет внимание не только кавказоведов, но и самых широких слоев интеллигенции всего Северного Кавказа.

Е. И. Крупнов.

ВВЕДЕНИЕ

Раннее средневековье — эпоха, начавшаяся крушением Римской империи и кровавым нашествием гуннов на Европу, насыщенная событиями огромного исторического значения, эпоха «великого переселения народов», войн и дальнейшего экономического и культурного прогресса человечества, когда сложились основы многих современных больших и малых народов Европы, всегда привлекала и продолжает привлекать внимание историков и всех, кто интересуется историей.

Чрезвычайно сложна и интересна эпоха раннего средневековья на Северном Кавказе, с глубокой древности населенном множеством племен, различных по происхождению, языку и особенностям материальной культуры. Все эти древние кавказские племена оставили богатейшее археологическое наследие в виде массы древних могильников и городищ, памятников бытовой и культовой архитектуры, кладов и отдельных находок, созданных руками десятков поколений. Однако это не только богатое, но и очень сложное «наследство». Разобраться в нем — нелегкая задача.

Раннесредневековая культура племен Северного Кавказа, занимавших его центральную часть, обычно именуется аланской, по имени одного из наиболее сильных и доминирующих племен. Она весьма значительна не только в территориальном, но и в хронологическом отношении. Аланская культура занимала на Северном Кавказе в основном обширную область между Кубанью и Терекон. Кроме того, аланские памятники имеются в еще слабо изученной Чечне, а еще дальше на восток в Дагестане. Хронологические рамки аланской культуры обычно определяются как IV—XIII вв. Нижний хронологический рубеж бытования аланской культуры — IV век — обусловлен гуннским нашествием 372 г., когда масса алан (поздних сарматов.— В. К.) под напором гуннов отхлынула из Поволжья и Подонья в предгорья и горы Северного Кав-

каза. Верхняя дата — XIII век — обусловлена татарио-монгольским нашествием. В результате этого нашествия аланы Северного Кавказа были разгромлены, а на территории аланской культуры в последующий период окончательно складываются национальные культуры современных народов: осетин, кабардинцев, карачаевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев.

Важность и необходимость изучения аланской проблемы для воссоздания истории многих северо-кавказских народов очевидна. Однако значение аланской проблемы, взятой в целом, выходит далеко за рамки истории Северного Кавказа. В конце IV — начале V в. большая группа поздних сарматов — алан оказалась вовлеченной в гуннскую орду и вместе с гуннами, а позже с вандалами и свевами пересекла Европу и Гибралтар, создав в Северной Африке недолговечное государство вандалов и алан¹. В VIII—IX вв. большая группа алан жила в бассейне верхнего течения Дона, где оставила культуру, родственную аланской кавказской и называемую салтово-маяцкой. Эти донские аланы, несомненно, тесно связаны с северокавказскими в этническом отношении и, по-видимому, являются переселенцами с Северного Кавказа². Занимая в течение двух столетий срединное положение между славянскими племенами и Хазарским каганатом, донские аланы сыграли видную роль в истории юго-востока Европы³.

¹ В. А. Кузнецов, В. К. Пудовин. Аланы в Западной Европе в эпоху «Великого переселения народов». СЛ, 1961, № 2, стр. 79—95.

² В. А. Бабенко. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 года. Труды XII АС в Чернигове, т. III. М., 1911, стр. 230; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, № 62. 1958, стр. 145.

³ Ю. В. Готье. Ясы — аланы в ранней русской истории. Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. I, Симферополь, 1927, стр. 46—47.

Кратко остановимся на истории изучения северокавказских алан и их культуры.

Первые наблюдения над раннесредневековыми памятниками Северного Кавказа были произведены в 1770—1773 гг. русским академиком И. А. Гильденштедтом, путешествовавшим с научными целями по Кавказу⁴. Работы И. А. Гильденштедта положили начало археологическому изучению Северного Кавказа. После этих первых работ последовал долгий период накопления материала — период естественный и необходимый в развитии всякой науки. Особенно интенсивное изучение древностей Северного Кавказа, в том числе средневековых, началось в связи с подготовкой к V Археологическому съезду в Тифлисе, состоявшемуся в 1881 г., и после съезда. Именно в этот период были открыты получившие широкую известность аланские могильники Северной Осетии (Камунта, Кумбулта, Верхняя Кобань, Балта, Чми), могильники Кабардино-Балкарии на реках Чегеме и Баксане. На Северном Кавказе работали многие русские и иностранные археологи последней четверти XIX — начала XX в.: А. С. Уваров, П. С. Уварова, В. Б. Антонович, Д. Я. Самоквасов, А. А. Бобринский, Р. Вирхов, Э. Шантр. Большую работу на местах проводили такие энтузиасты кавказской археологии, как Е. Д. Фелицын, В. М. Сысоев, В. И. Долбежев, И. А. Владимиров и др. Фактические данные, полученные этими исследователями при археологическом изучении края, до сих пор сохраняют значение источников первостепенного значения.

Результаты археологических исследований публиковались в «Отчетах Археологической комиссии», «Материалах по археологии Кавказа» и «Древностях». Особо следует отметить капитальный труд, принадлежащий перу П. С. Уваровой, «Могильники Северного Кавказа»⁵. Значительную его часть занимает описание могильников и вещей аланской культуры. Работе П. С. Уваровой присущи многие недостатки, характерные для того времени: неточная документация раскопок, поверхностное описание и изучение материала, зачастую неверная датировка и интерпретация находок. Тем не менее для своего времени труд П. С. Уваровой, несомненно, был

большим шагом вперед и первой попыткой обобщения накопленного археологического материала.

Одновременно с археологическими работами на раннесредневековых памятниках Северного Кавказа отдельными учеными были опубликованы работы по истории алан, основанные на письменных и лингвистических данных. Пионером в деле изучения истории алан выступил известный ориенталист Ю. Клапрот, который впервые научно поставил вопрос о генетической связи алан с современными осетинами⁶. Более чем через 60 лет после работы Ю. Клапрота вышел в свет труд акад. В. Ф. Миллера «Осетинские этюды»⁷, открывший новую страницу в изучении алан и осетин. Исследование В. Ф. Миллера до сих пор является одним из главных трудов по кавказоведению. В. Ф. Миллер, проанализировав большой лингвистический, исторический и топонимический материал, пришел к выводу о генетической связи алан и осетин, подтвердив тем самым правильность идей, выдвинутых Ю. Клапротом.

Большой вклад в изучение истории алан сделал Ю. А. Кулаковский, которому принадлежат две важные работы⁸. В первом исследовании автор, опираясь на многочисленные письменные источники, воссоздал политическую историю алан, в том числе и северокавказских, с I по XIV—XV вв. Второе исследование излагает историю проникновения христианства из Византии к аланам Северного Кавказа.

Можно без преувеличения сказать, что в дореволюционный период был заложен прочный фундамент для дальнейшего научного изучения алан Северного Кавказа. Однако существовал полный отрыв археологических исследований от истории, вследствие чего изучаемые памятники с аланами не связывались. В свою очередь историки не пытались привлечь к своим исследованиям археологические материалы. Почти совершенно не использовались данные исторического языкознания, антропологии и этнографии. Эмпирическое накопление фактов

⁶ J. Klaproth. Mémoire dans lequel on prouve l'identité des Ossetes, peuplade du Caucase, avec les Alains du Moyen-âge. Annales des voyages, t. XVI, Paris, 1822.

⁷ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. 1—3. М., 1881—1887.

⁸ Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899; его же. Христианство у алан. «Византийский временник», т. I, вып. 1—2, СПб., 1898, стр. 1—18.

⁴ I. A. Gildens tadt. Reisen durch Russland und im Kaukasischen Gebürge, t. I—II, Sankt-Petersburg, 1787—1791.

⁵ П. С. Уварова. Могильники Северного Кавказа. МАК, VIII, М., 1900 (далее МАК VIII).

без учета достижений смежных дисциплин, конечно, не могло привести к созданию обобщающих работ, основанных на всестороннем учете материалов. Археологов интересовали главным образом «эффектные» находки; рядовому и наиболее массовому материалу уделялось слишком мало внимания, методика полевых исследований стояла на низком уровне, в результате чего многие интересные памятники вскрывались без должной документации и фиксации и тем самым обесценивались. Археологические исследования велись без всякого плана и системы, без постановки научных задач. Настоящим бичом кавказской археологии было развигвавшееся среди местного населения массовое кладоискательство, из-за которого погибли десятки интереснейших памятников культуры. Наконец, в дореволюционный период совершенно не исследовались бытовые памятники алан — городища и поселения.

Коренной перелом в истории отечественной археологии и, в частности, в археологии Кавказа произошел после Великой Октябрьской социалистической революции. На смену Императорской археологической комиссии и Московскому археологическому обществу пришла организованная по ленинскому декрету Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК) и большое число исследовательских институтов и музеев на местах, опиравшихся на широкое краеведческое движение среди интеллигенции, служащих, рабочих и крестьян. Археология перестала быть замкнутой, кастовой наукой. Все сказанное полностью относится и к Северному Кавказу. В 20—30-х гг. XX в. продолжается дальнейшее накопление археологических материалов по аланской культуре. Основную работу в этом направлении вела Северокавказская экспедиция ГАИМК, возглавляемая А. А. Миллером. В ГАИМК и Северокавказской экспедиции выросли такие видные археологи-кавказоведы, как Б. Б. Пиотровский, А. А. Иессен, Б. Е. Деген-Ковалевский. Впервые в истории изучения алан начались раскопки аланских городищ, проводимые Б. Е. Деген-Ковалевским и А. А. Иессеном в Кабардино-Балкарии⁹, стала применяться современная научная методика и фиксация раскопок.

⁹ Б. Е. Деген-Ковалевский. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. ИГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935; Археологические исследования в РСФСР в 1934—1936 гг. М.—Л., 1941, стр. 231—235.

Также впервые началось систематическое изучение аланских памятников на территории Чечено-Ингушетии. В 1936 г. А. П. Круглов исследовал Дуба-юртский могильник на р. Аргун¹⁰, а в 1938 г. начала свои работы Северокавказская экспедиция ИИМК АН СССР под руководством М. И. Артамонова. Экспедицией были исследованы позднеарматские-раннеаланские подкурганые катакомбные погребения у сел. Алхан-юрт и произведена разведка городищ по течению р. Сунжи¹¹.

В 20—30-е годы начали исследование аланских памятников Северного Кавказа Е. Г. Пчелина, Е. И. Крупнов, руководивший экспедицией Государственного исторического музея на Северном Кавказе, и Т. М. Минаева. Е. И. Крупнов вскрыл несколько аланских погребений в Осетии и Ингушетии¹², Т. М. Минаева начала систематические раскопки городищ и могильников в верховьях Кубани¹³, а Е. Г. Пчелина исследовала катакомбный могильник у сел. Архон в Северной Осетии.

Значительную и серьезную работу на местах проводили работники северокавказских институтов и музеев. Л. П. Семенов и И. П. Щерблюкин (Орджоникидзе), М. И. Ермоленко (Нальчик), Н. М. Егоров (Пятигорск) — это далеко не полный перечень археологов-краеведов, внесших вклад в собиранье и изучение материалов по аланской культуре Северного Кавказа.

Одновременно с изучением памятников и накоплением археологических материалов в предвоенные годы были созданы первые сводные работы по истории алан, основанные на всестороннем анализе всех доступных источников с позиций исторического материализма. Это статьи Б. Е. Деген-Ковалевского в макете «Истории СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства»¹⁴ и

¹⁰ А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 г. Записки ЧИНИИ языка и истории, т. 1. Грозный, 1938.

¹¹ Северо-Кавказская 1 экспедиция, КСИИМК, вып. 1, 1939, стр. 27—29.

¹² См., напр., Е. И. Крупнов. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов. ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 113—121; его же. Археологические памятники Ассинского ущелья. ТГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 187.

¹³ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гляч в верховьях Кубани. МИА, № 23, 1951, стр. 273—301.

¹⁴ История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет), ч. III—IV, М.—Л., 1939, стр. 176—189, 436—447.

соответствующий раздел работы А. А. Иессена «Археологические памятники Кабардино-Балкарии»¹⁵. Обе названные работы, хотя и небольшие по размерам, ценны по широте и глубине сделанных обобщений и наблюдений и правильности многих высказанных мыслей.

Этим работами Б. Е. Деген-Ковалевского и А. А. Иессена завершается довоенный период исследования алан в советской археологии. Второй период начинается после окончания Великой Отечественной войны.

В 1946 г. вышла небольшая сводная работа Е. И. Крупнова по археологии Кабарды¹⁶, в которой содержится краткий очерк аланских археологических памятников. В 1947—1948 гг. экспедиция руководимая Е. И. Крупновым, произвела обследование аланских городищ Кабардино-Балкарии, из которых отдельные были ранее открыты или обследованы П. Г. Акритасом¹⁷. Вскоре возобновились археологические исследования в верховьях Кубани, где Т. М. Минаева начала раскопки на катакомбном могильнике Байтал-Чапкан¹⁸.

Но особенно интенсивное изучение аланской культуры началось в 50-х гг. Т. М. Минаева продолжает систематические исследования могильников и городищ в верхнем течении Кубани; особенно важны ее раскопки городища Адиух в Карачаево-Черкесской АО¹⁹. Е. П. Алексеева исследует поселение и могильник у аула Жако, расположенные на р. Малый Зеленчук²⁰, а археологическая экспедиция Пятигорского педагогического института в 1952—1953 гг. производит разведку памятников раннего средневековья в Зеленчукском районе Ставропольского края²¹.

В 1953 г. начались охранные раскопки Северо-Осетинского научно-исследовательского

института и музея на Змейском катакомбном могильнике в Северной Осетии²². С 1957 г. исследование Змейского могильника продолжала объединенная археологическая экспедиция Института археологии АН СССР и Северо-Осетинского научно-исследовательского института под руководством Е. И. Крупнова²³. В результате этих работ на Змейском могильнике вскрыто более ста аланских катакомб и добыт огромный археологический материал. Одновременно производились раскопки Змейского поселения VIII—XII вв. (В. Б. Деопик и В. А. Кузнецов) и аланского городища X—XII вв. Верхний Джулат (О. В. Милорадович).

В 50-е годы продолжается активная работа местных археологов-краеведов по сбору и изучению археологических материалов, относящихся к аланской культуре; краеведами открываются и обследуются десятки аланских памятников. Н. М. Егоров и А. П. Рунич в Пятигорске, Н. Н. Михайлов в Кисловодске, Л. Н. Глушков в Ставрополе, Е. Ф. Снежко в Орджоникидзе, М. П. Севастьянов в Грозном систематически занимаются разведками, а в ряде случаев и раскопками аланских памятников. Значительно пополнились коллекции северокавказских музеев, в которые поступает почти весь материал, полученный при археологических работах.

В организации и осуществлении исследовательских работ по изучению истории и археологии северокавказских алан наряду с Институтом археологии АН СССР ведущую роль теперь играет Северо-Осетинский научно-исследовательский институт, ставший важным центром алановедения. Осетинские ученые В. И. Абаев, Г. А. Кокиев, Б. А. Алборов, З. Н. Ванев внесли свой вклад в изучение языка и истории алан. Особенно плодотворны многолетние исследования В. И. Абаева в области истории языка²⁴.

В последние годы вышел ряд трудов обобщающего характера по истории алан. Это работы В. Б. Деопик²⁵, Л. П. Семенова и

¹⁵ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, стр. 7—50.

¹⁶ Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946.

¹⁷ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г. в Кабардинской АССР. УЗ КНИИ, IV, Нальчик, 1948; П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. УЗ КНИИ, II, Нальчик, 1947.

¹⁸ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. МИСК, вып. 2—3, Ставрополь, 1950, стр. 205—239.

¹⁹ Е. П. Алексеева. Городище Адиух в Черкесии. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 110—119.

²⁰ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии. КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 73—79.

²¹ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 году. МИСК, вып. 6, Ставрополь, 1954.

²² С. С. Куссаева. Некоторые итоги археологических раскопок в ст. Змейской. ИСОНИИ, XVII, Орджоникидзе, 1956.

²³ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре Северного Кавказа. СА, 1959, № 2, стр. 97—118.

²⁴ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор. I. М.—Л., 1949; его же. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958.

²⁵ Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958, стр. 616—632.

Б. В. Скитского²⁶, З. Н. Ванеева²⁷. В них с большей или меньше полнотой использован и археологический материал. Появление подобных работ ясно говорит о возросшем интересе к истории алан и их культуре, о потребности в монографических исследованиях аланской проблемы.

Аланам неоднократно уделяли внимание и отдельные зарубежные ученые. Статьи и очерки Е. Тойблера, Р. Блейхштейнера, В. Минорского, Г. Вернадского²⁸ посвящены общим и частным вопросам аланской истории и основаны на изучении письменных источников. Однако археологические материалы в них не затронуты, насколько об этом можно судить по доступным изданиям. Это обстоятельство, естественно, снижает качество исследований и делает их в значительной мере односторонними.

В результате длительного и кропотливого труда десятков ученых разных поколений и национальностей изучение сложной аланской проблемы оказалось продвинуто далеко вперед. Выяснены или уточнены вопросы происхождения алан и их расселения, политической истории алан и их международных связей, роли ираноязычных алан в этногенезе осетинского народа, связи аланского языка с осетинским и т. д. Исследованные археологами памятники материальной культуры алан дают объективное представление о характере и особенностях аланской культуры, о ее хронологии и уровне развития на разных этапах. Однако ряд важных вопросов еще не получил удовлетворительного разрешения, а вопрос о конкретном племенном составе исторической Алании до сих пор серьезно не поставлен в науке.

Между тем выявление, хотя бы в предварительном виде, племенных групп, входивших в аланский племенной союз, представляет собой большой научный интерес. Вплоть до последнего времени аланская культура Северного Кавказа рисовалась как нечто целое, как

однородная культура, занимавшая большую часть Северного Кавказа. Некоторые авторы связывали аланскую культуру не только с аланами, но и с хазарами. На основе сходства широко распространенных категорий вещей (оружия, украшений и т. п.) намечалась одна обширная и довольно аморфная культура, называемая «алано-хазарской», т. е. по существу, делалась попытка выдать аланскую культуру за хазарскую.

Согласно некоторым письменным источникам, аланы не были единым этническим и культурным образованием и состояли из разных племен. Так, уже в IV в. римский писатель Аммиан Марцеллин отмечает тот факт, что имя алан обнимает много соседних народностей, которые были покорены аланами и объединились в одном имени победителей²⁹. Историк VI в. Менандр Византиец отметил «аланские народы»³⁰, хотя и ничего не сказал об их количестве и местонахождении. Подобные сведения можно обнаружить и у арабов. В X в. Ибн-Русте насчитывал четыре племени алан³¹, а в XIII в. Ибн-Ал-Асир указывает, что «их много племен»³². Это, разумеется, не оговорки и не ошибки древних авторов, а отражение реально существовавшей исторической картины. Аланская культура Северного Кавказа не могла быть единой; в этом убеждают не только письменные источники, но и современное развитие археологической науки, выявившей в ряде подобных крупных культур разных эпох локальные варианты. Термин «аланы», введенный в историографию греко-римскими писателями как собирательное наименование ряда племен, обитавших главным образом на Северном Кавказе, требует раскрытия его этнического содержания, что можно сделать в первую очередь археологическим путем.

Раскрытие этнической принадлежности аланской культуры имеет не только познава-

²⁶ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959 (главы I—III).

²⁷ З. Н. Ванеев. Средневековая Алания, 1959. См. также его более раннюю сводку письменных источников «Исторические известия об аланах-оссах», 1941.

²⁸ E. Taubler. Zur Geschichte der Alanen. Klio, t. IX. Leipzig, 1909; R. Bleichsteiner. Das Volk der Alanen. Berichte der Forschungs Institutes für Osten und Orient, Wien, 1918; V. Minorsky. The Alan Capital Magas and the Mongol Campaigns. BSOAS, t. XIV, part 2, 1952; George Vernadsky. Sur l'origine des Alains. Byzantion, t. XIV, part 1, Boston, 1944.

²⁹ Аммиан Марцеллин. История. В кн.: В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II, вып. 2, СПб., 1906, стр. 339.

³⁰ Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой. «Византийские историки», СПб., 1860, стр. 420.

³¹ Ибн-Русте. Книга драгоценных камней. Перев. Н. А. Караулова. СМОМПК, вып. XXXII, Тифлис, 1903, стр. 51.

³² Выписки из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны с 1220 по 1224 год. «Ученые записки Императорской академии наук по первой и третьему отделениям», т. II. СПб., 1854, стр. 659.

тельное значение. Выявление конкретных племенных групп и исследование их исторических судеб проливают свет на один из кардинальных вопросов истории — вопрос о происхождении народов. Поэтому выявление локальных вариантов аланской культуры и связанных с ними групп древних племен имеет большое историческое и практическое значение, особенно важное в условиях многонационального Кавказа.

Специфические условия географической среды и исторического процесса обусловили необычайную этническую пестроту Кавказа и превратили его в «гору языков и народов». Археологически эта пестрота выражена в существовании в одно и то же время и на одной и той же территории разных погребальных сооружений и обрядов, нередко в пределах одного могильника. Сталкиваясь с подобными фактами, археологи иногда приходили к ошибочному выводу, что в условиях Кавказа эти основные этнографические признаки теряют свою устойчивость и исключительность³³ и что погребальный обряд раннего средневековья на Кавказе настолько неустойчив, что не может характеризовать ту или иную этническую группу и не является этническим показателем³⁴.

Пестрота и смешанность погребальных обрядов делают историко-археологическое исследование Северного Кавказа очень трудным. И тем не менее это исследование вполне перспективно. При этом, конечно, неизбежны отдельные ошибки и недочеты, но главное, что следует признать, — это полноценность ранне-средневекового погребального обряда Север-

ного Кавказа как источника. В последующем изложении будет показано, что, несмотря на кажущуюся путаницу, все же можно выделить большие группы погребальных памятников Северного Кавказа, объединяемых общими признаками. Они и служат основой при выделении локальных вариантов аланской культуры и связанных с ними племен.

В настоящей работе делается попытка поставить вопрос о конкретном этническом составе аланского племенного объединения и его внутреннем содержании. К числу дополнительных проблем, затронутых в работе, относятся вопросы периодизации рассматриваемых памятников, типологии керамики, бытования группы алан в Дагестане, происхождения осетинского народа и т. д. Не все вопросы разработаны с желаемой полнотой; многие из них только поставлены в форме гипотетических предположений. Это естественно при существующем состоянии археологических источников, зачастую ограниченных или недостаточно достоверных. Многие положения, высказанные ниже, еще нуждаются в проверке дальнейшими исследованиями и в будущем, вероятно, будут уточнены. И, тем не менее, хочется надеяться, что эта работа окажется в какой-то степени полезной.

В заключение считаю своим долгом выразить самую искреннюю благодарность В. И. Абаеву, Н. М. Егорову, Е. И. Крупнову, О. В. Милорадович, Н. Н. Михайлову, Е. Г. Пчелиной, А. П. Руничу и Т. Б. Тургневу, которые помогли своими ценными советами и замечаниями во время работы над темой и предоставили в мое распоряжение часть неопубликованных материалов, впервые вводимых в научный оборот. Автор также многим обязан товарищам по сектору скифо-сарматской археологии и группе Кавказа Института археологии Академии наук СССР, которым он приносит свою благодарность.

³³ Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. ИСО НИИ, т. IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 130, 132; его же. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов. ВДИ, 1938, № 2(3), стр. 113.

³⁴ Н. Б. Шейхов. Погребальный обряд в ранне-средневековом Дагестане как исторический источник. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 108—109.

Глава первая

АЛАНСКИЕ КАТАКОМБНЫЕ МОГИЛЬНИКИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Катакомбы в северокавказских степях существовали еще во II тысячелетии до н. э.¹, во время проникновения сюда степных племен — носителей катакомбной культуры. После этого на предкавказской плоскости они исчезают, и только в первые века нашей эры на обширной северокавказской равнине и в предгорьях Кавказа вновь появляются могильники, состоящие из подземных камер-катакомб (рис. 1), не имеющие истоков в местной культуре и поэтому представляющие собой могильные памятники племен некавказского происхождения.

Археологическими исследованиями установлено, что в I тысячелетии до н. э. катакомбы и подбой бытуют исключительно на основной савромато-сарматской территории, очерченной письменными источниками и простирающейся от Арала до Дона и далее на запад до Днепра, а также в некоторых районах Средней Азии². Тот же ареал катакомбно-подбойных захоронений мы в основном наблюдаем и в первые века нашей эры³. Эти

¹ М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине реки Маныча в 1935 г. СА, IV, 1937, стр. 93—132; его же. Раскопки курганов на р. Маныче в 1937 г. СА, XI, 1949, стр. 305—336.

² К числу наиболее древних савромато-сарматских катакомб относятся катакомбы, исследованные на р. Илек (Оренбургская обл.) К. Ф. Смирновым. Материал пока не опубликован.

³ Б. Н. Граков. Пережитки матриархата у сарматов. ВДИ, 1947, № 3, стр. 100 сл.; К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 100; его же. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1955, стр. 201; А. Н. Бернштам. Кенкольский могильник. Л., 1940; С. С. Сорокин. Среднеазиатские подбойные и катакомбные захоронения как памятники местной культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 97—117; Б. А. Латынин и Т. Г. Оболдуева. Исфагинские курганы, КСИИМК, 76, 1959, стр. 17—27.

памятники ученые обоснованно связывают прежде всего с сарматами.

Кочевникам-сарматам, передвигавшимся в первые века нашей эры из-за Волги на запад и юг, принадлежат и катакомбные погребения этого времени, открытые на Северном Кавказе. Они немногочисленны. Это «Золотое кладбище» в Прикубанье⁴. Алханкалинский могильник на Сунже⁵, отдельные катакомбы у сел. Пседах⁶, у сел. Алхасте⁷ (ЧИ АССР), у Моздока⁸ и сел. Брут⁹ (СО АССР), а также подбойные погребения на р. Юце у г. Пятигорска¹⁰. По форме могильных сооружений, погребальному обряду и материальной культуре эти могильники имеют ближайшие аналогии в синхронных сарматских памятниках Поволжья¹¹.

Одновременно в европейских письменных источниках впервые появляются сообщения, в которых говорится о выделившихся из сарматского племенного объединения аланам.

⁴ Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Труды XII АС, т. I, М., 1905, стр. 341—373; см. также: Н. В. Анфимов. Земляные склепы сарматского времени в грунтовых могильниках Прикубанья. КСИИМК, XVI, 1947, стр. 148 сл.

⁵ ОАК за 1882—1888 гг. СПб., 1891, стр. 246 сл.; КСИИМК, I, 1939, стр. 29.

⁶ ОАК за 1898 г., стр. 160—161.

⁷ Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. ТГИМ, вып. XII, М., 1941, стр. 183—186.

⁸ Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., М.—Л., 1941, стр. 246.

⁹ С. С. Куссаева. Археологические находки последних лет в Северной Осетии. ИСОНИИ, т. 19, Орджоникидзе. 1957, стр. 184 сл.

¹⁰ А. П. Рунич. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы. СА, 1961, № 1, стр. 266—270.

¹¹ См., напр., P. Rau. Die Hügelgräber romischer Zeit an der Unteren Wolga, Pokrowsk, 1927.

Так, Иосиф Флавий (I в. н. э.) сообщает, что «племя Аланов есть часть Скифов (сарматов.— В. К.), живущая вокруг Танаиса и Меотийского озера», т. е. на территории плоскостного Северо-Западного Кавказа. Тот же Иосиф Флавий говорит о походе алан в 68 г. в Мидию и Армению¹², который, несомненно, был совершен через кавказские горные проходы. Ю. Кулаковский подчеркивает, что в I в. н. э. «римляне знали уже Алан, как народ прикавказский»¹³.

В 372 г. тяжелый удар аланам нанесли гунны. «И вот гунны, пройдя через земли алан, которые граничат с танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение»,— сообщает Аммиан Марцеллин¹⁴. Эти события имели решающее значение в изменении этногеографии края. Масса алан после гуннского нашествия передвинулась далеко к югу, в глубь Кавказа. Именно в это время— начиная с V в.— катакомбные могильники во все возрастающем числе появляются в предгорьях и горах Северного Кавказа.

Принадлежность катакомбных могильников эпохи раннего средневековья потомкам ираноязычных сарматов— аланам доказана¹⁵, и здесь нет необходимости возвращаться к этому вопросу. Отметим только, что генетическая связь между сарматами и аланами устанавливается на основании анализа не только типов могильных сооружений и погребального обряда, но и всего могильного инвентаря¹⁶. Определенное значение имеют также личные имена ирано-сарматского происхождения, написанные на стене одной из

керченских катакомб V в.¹⁷ и указывающие на иранскую языковую принадлежность погребенных в ней лиц.

Появление массы катакомб— погребальных сооружений, чуждых местной среде, означало внедрение в глубь Северного Кавказа нового значительного этнического массива— алан. Расселившись на территории центральной части Северного Кавказа и вступив в самый тесный контакт с местными племенами, аланы приняли участие в создании культуры, получившей обобщенное название аланской. Катакомбные могильники и связанные с ними древности во многом определили характер и особенности этой аланской культуры, хотя, как будет показано ниже, аланы не стерли особенностей древней местной культуры, обусловивших существование локальных вариантов. Рассмотрение памятников аланской культуры Северного Кавказа мы начинаем с катакомбных могильников, оставленных ираноязычными аланами. Описание их дается сокращенно, так как многие из этих памятников довольно обстоятельно разбирались в археологической литературе.

1. Байтал-Чапкан. Могильник Байтал-Чапкан находится на водораздельном хребте между Кубанью и Малым Зеленчуком, в Карачаево-Черкесской АО. Открыт и исследован Т. М. Минаевой в 1941—1951 гг.¹⁸ Всего на могильнике вскрыто 34 катакомбы. Некоторые катакомбы имели в плане четырехугольную форму, в стенах— ниши. Входные отверстия обычной для катакомб сегментовидной формы закрывались каменными плитами. Погребальный обряд характеризуется вытянутым на спине положением погребенных с вытянутыми руками. Голени ног у мужчин скрещены, у женщин вытянуты. Ориентированы погребенные головами на юг. Под многими костяками Т. М. Минаева зафиксировала следы подстилки, возможно, кошмы. Следует также отметить захоронение части туши коня. Тщательный анализ погребального инвентаря позволил Т. М. Минаевой датировать могильник Байтал-Чапкан V в.¹⁹

Керамика, найденная в Байтал-Чапканских катакомбах, весьма характерна для аланской

¹⁷ Ю. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 года. МАР. № 6, СПб., 1891, стр. 23.

¹⁸ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. МИСК, вып. 2—3. Ставрополь, 1950, стр. 230 (далее «Могильник Байтал-Чапкан»).

¹⁹ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии. СА, XXVI, 1956, стр. 255 (далее «Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии»).

¹² Иосиф Флавий. О войне иудейской. В кн.: В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 2, СПб., 1896, стр. 484.

¹³ Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, стр. 9.

¹⁴ Аммиан Марцеллин. История. В кн.: В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II, вып. 2, СПб., 1906, стр. 339.

¹⁵ А. А. Спицын. Исконные обитатели Дона и Дона. ЖМНП, новая серия, ч. XIX, 1909, январь, стр. 72; Ю. В. Готье. Кто были обитатели Верхнего Салтова? ИГАИМК, т. V, Л., 1927, стр. 65; Л. Г. Нечаева. Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе. Исследования по археологии СССР, Л., 1961, стр. 151—159.

¹⁶ См., напр., Ю. В. Готье. Ук. соч., стр. 75—76; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи. ТГИМ, вып. XVII, М., 1947, стр. 45; Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 14—30.

посуды IV—VI вв.²⁰ Она представлена несколькими основными типами. Прежде всего это небольшие кувшинчики с шаровидным туловом, прямым венчиком и прикрепленной к нему ручкой (рис. 3, А, 1—2). Сосуды лощеные, иногда до блеска, украшены наклепными сосками и врезным орнаментом. Другая группа керамики представлена высокими (до 50 см) одноручными и трехручными кувшинами яйцевидной формы, с носиком-сливом (рис. 3, А, 3). Это сосуды для хранения воды. К третьему типу можно отнести кувшины с вертикально поставленными ручками, имеющими сквозные отверстия (рис. 3, А, 4). В небольшом числе найдены миски (рис. 3, А, 5). Некоторые сосуды имеют зооморфные ручки, продолжающие сарматскую традицию.

Сравнивая высококачественную керамику могильника Байтал-Чапкан с керамикой синхронного могильника горной полосы Гиляч, Т. М. Минаева приходит к заключению о существовании уже в это время ремесленного гончарного производства и профессионалов-гончаров, о чем свидетельствуют и гончарные клейма на днищах сосудов²¹.

2. Березовский могильник. На речке Березовке, текущей южнее Кисловодска и впадающей в Подкумок, ранее были известны памятники I тысячелетия до н. э. В 1958 г. пятигорский археолог-краевед А. П. Рунич открыл здесь катакомбный могильник, обнаружившийся при земляных работах. Всего А. П. Рунич зафиксировал пять полуразрушенных катакомб, из которых исследовать удалось только три. Скелеты лежали вытянуто на спине. В катакомбе № 1 погребенный был ориентирован головой на север, в катакомбе № 3 два костяка лежали головами на юг. Во всех катакомбах под скелетами отмечена подстилка из древесного угля. В катакомбе № 1 был обнаружен конский череп²².

Керамика из березовских катакомб (рис. 3, А, 6—9) близка керамике из датированного могильника Байтал-Чапкан. На этом основании исследованные А. П. Руничем катакомбы Березовского могильника можно отнести к V—VI вв. Следует особо отметить крупный глиняный котел с двумя круглыми наклепными ручками и остроредерным туловом (по-види-

²⁰ См., напр., В. А. Кузнецов. Локальный вариант аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии. УЗ КБНИИ, т. XVI, Нальчик, 1959, стр. 162, табл. III.

²¹ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан. стр. 236.

²² Архив ИА АН СССР, д. № 1720.

мому, котел является подражением металлическому сосуду)²³. Подобные глиняные сосуды из других находок нам неизвестны.

3. Могильник у отстойника Кисловодского озера. На западной окраине г. Кисловодска находится искусственное озеро с отстойником. Возле отстойника при выборке глина местными жителями в 1957 г. были обнаружены катакомбы. Тогда же их обследовал А. П. Рунич. Всего здесь отмечено четыре полуразрушенных катакомбы. Погребальный обряд этого могильника в основном остался невыясненным из-за плохой сохранности катакомб. Однако, судя по одной, лучше сохранившейся катакомбе, костяки лежали вытянуто на спине, головами на восток. Найдены ребра барана или козы²⁴.

Для датировки рассматриваемого могильника первостепенное значение имеет керамика. Сосуды, происходящие из катакомб, совершенно аналогичны керамике из могильников Байтал-Чапкан и Березовского и относятся к типам посуды, весьма распространенной в IV—VI вв. на территории аланской культуры. Учитывая то обстоятельство, что катакомбные могильники на Северном Кавказе в массе своей появляются с V в., мы можем предположительно временем использования могильника у отстойника Кисловодского озера считать V—VI вв. Эта дата находит подтверждение в наличии искусственно деформированных черепов. Обычай искусственной деформации головы во II—III вв. был широко распространен в позднесарматских памятниках Поволжья²⁵, в IV—V вв. он появляется на Северном Кавказе, где также получает большое распространение²⁶. Возможно, что это распространение обычая искусственной деформации головы связано с движением гуннов²⁷. В могильниках позже VI в. деформированные черепа встречаются редко²⁸.

²³ Некоторую аналогию в форме тулова и венчика можно видеть в бронзовом ведрке, опубликованном П. Рау. Ук. соч., стр. 87, рис. 89.

²⁴ Архив ИА АН СССР, д. № 1480.

²⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, XXXIV, 1950, стр. 112.

²⁶ Напр., в могильниках Байтал-Чапкан, Гиляч, Куркужин, Гижид, Задалиск и т. д. Все они датируются временем с IV по VI вв.; об этом см. ниже.

²⁷ Е. В. Жиров. Об искусственной деформации головы. КСИИМК, VIII, 1940, стр. 88.

²⁸ Аналогичная картина наблюдается в Западной Европе, где искусственно деформированные черепа появляются во время гуннского нашествия. J. Wegner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956, S. 16, Tabl. 73.

4. Могильник у бывшего санатория Наркомтяжпрома. Катакомбы на территории бывшего санатория Наркомтяжпрома в Кисловодске были открыты при строительных работах в 1934 г. Количество их и характер погребального обряда неизвестны. В катакомбах были найдены глиняные сосуды, из которых три попали в Пятигорский музей краеведения. Два сосуда представляют собой сероглиняные кувшины с носиками-сливами и зооморфными ручками²⁹, третий сосуд — небольшой кувшинчик с широким горлом и зооморфной ручкой (рис. 1, А, 10—11). Он относится к тому типу сосудов, которые мы уже встречали в могильниках V—VI вв. К. М. Скалон большие кувшины из рассматриваемого могильника относит к V в.³⁰, что и определяет основную дату самого могильника.

5. Буденновская слобода Кисловодска. Катакомбы на территории Буденновской слободы Кисловодска были обнаружены местным жителем К. И. Вальковым летом 1940 г. Они расположены в глинище на левом берегу Белой речки. Тогда же две полуразрушенные катакомбы были обследованы Н. М. Егоровым. Характер погребального обряда остался невыясненным из-за плохой сохранности погребений. К. И. Вальков доставил в Пятигорский музей две миски, два кувшина, сломанный железный кинжал, три пряжки и две серебряные подвески. Кроме того, во время обследования Н. М. Егоров обнаружил пять бронзовых фибул (одна со следами кожаного футляра), железные удила с бронзовыми кольцами, тонкие серебряные со штампованным рисунком пластинки, серебряные бляхи или накладки, железный обоюдоострый меч длиной 90 см, без перекрестья, серебряную печатку с неясными штрихами на щитке и пять глиняных сосудов.

Из вещей, поступивших в Пятигорский музей, сохранились не все. Часть их, в том числе меч, серебряная печатка и серебряные пластинки со штампованным орнаментом, утрачена, по-видимому, во время Великой Отечественной войны. Несомненно, они весьма важны для датировки могильника. В своих записях 1940 г. Н. М. Егоров отмечает, что «полная аналогия серебряной печатки халцедоновой печатке из Рутхи (МАК VIII, стр. 245) дает основание отнести это погребение к V—VI вв. н. э. К тому

же заключению приводит и форма меча — двулезвийная, без крестовины, и его длина. Скорее нужно думать, что это V век. Меч и удила роднят инвентарь этого погребения с сарматскими»³¹.

На рис. 4 изображены предметы, происходящие из рассматриваемых катакомб: два бронзовых кольца с серебряными петлями, к которым крепились ремни сбруи, серебряная плоская пластинка-подвеска (вероятно, от узды) и две поясные пряжки — одна серебряная, другая бронзовая. Последние относятся к типу пряжек, широко распространенных как в позднесарматское, так и в раннеаланское время на территории юго-восточной Европы и Северного Кавказа³². Более показательны в хронологическом отношении принадлежности узды. Аналогичные предметы были обнаружены А. Б. Ашиком в 1841 г. в кургане возле Аджи-мушкайской каменоломни (Керчь). В. Шкорпил датировал находку А. Б. Ашика III в.³³ Однако подобные принадлежности конской узды известны и в более позднее время, вплоть до V в. не только на территории Восточной, но и в Центральной Европе³⁴. Поэтому есть основания присоединиться к дате, первоначально предложенной Н. М. Егоровым, и отнести катакомбу Буденновской слободы к IV—V вв.

6. Паласа-сырт. Плато Паласа-сырт находится южнее Дербента, в Дагестане. На плато расположен огромный курганный могильник протяженностью около 5 км. В 1880 г. на нем производили раскопки Н. И. Цилюсани и А. А. Руссов. Среди вскрытых ими курганов 20 содержали захоронения в катакомбах, относящихся к раннему средневековью³⁵. Устройство их типично для раннесредневековых аланских катакомб: входные дромосы, отверстие сегментовидной формы, закрытое каменной плитой, эллипсоидной формы камера

³¹ Пользуюсь материалами Н. М. Егорова, любезно предоставленными в мое распоряжение.

³² См., напр., Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, 1951, стр. 217, рис. 8, 2; Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан, рис. 3, 2 и др.

³³ В. Шкорпил. Заметка о рельефе на памятнике с надписью Евпатерия. ИАК, вып. 37, СПб., 1910, стр. 33—34, рис. 15.

³⁴ J. Wegner. Op. cit., Tabl. 17, 27—28, 59, 1.

³⁵ Н. И. Цилюсани. Дневник раскопок, веденных в Южном Дагестане в 1880 г. Труды Предварительных комитетов V АС в Тифлисе. М., 1882, стр. 464, табл. XXVII, XXVIII; А. А. Руссов. Отчет о летних и осенних археологических работах в Южном Дагестане. Там же, стр. 574 сл., табл. XLIII, XLIV.

²⁹ Пятигорский музей краеведения, инв. № 502 и 526.

³⁰ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода. ТОИПК, I, Л., 1941, стр. 213—214.

со сферическим сводом. Положения скелетов детально не устанавливались, так как все катакомбы оказались освещенными, а кости — перемешанными и разбитыми. Необходимо отметить такую деталь погребального обряда, как посыпку пола катакомб толстым слоем глины. Другой особенностью, характерной еще для сарматского погребального обряда, является посыпка дна могилы толченым мелом (курган № 17, раскопки А. А. Руссова). Реминисценцией этого обычая, по-видимому, следует считать побелку дна и стен катакомбы известью³⁶ (курганы № 7, 8, 10, раскопки А. А. Руссова).

Многие неясные вопросы, связанные с раскопками Н. И. Цилоссани и А. А. Руссова, получили освещение в недавних исследованиях В. Г. Котовича³⁷. На плато Паласа-сырт им вскрыто пять подкурганых катакомбных погребений. Подтвердился факт обмазки пола и стен катакомбы глиной, побелки камер и наличия мела в погребениях.

Положение погребенных преимущественно вытянутое на спине, ориентировка — южная. В катакомбе № 1 женский скелет был положен на правом боку, с согнутыми ногами. В дромосе катакомбы № 3 обнаружен конский череп — деталь обряда, довольно типичная для аланских катакомбных могильников (например, захоронения коней или части конских туш отмечены в могильниках Байтал-Чапкан, Березовском, Чми, Верхне-Салтовском и др.).

В. Г. Котович датирует Паласа-сыртские катакомбы IV—VII вв.³⁸ Тот инвентарь, который опубликован В. Г. Котовичем, вполне укладывается в эти хронологические рамки. Следует отметить, что черепа погребенных были искусственно деформированы; это обстоятельство также свидетельствует в пользу датировки В. Г. Котовича. Вместе с тем в катакомбе № 2 был найден бронзовый втульчатый наконечник стрелы скифского времени³⁹. Автор раскопок считает, что этот наконечник связан с существованием «какого-то, чрезвычайно устойчивого, весьма архаического ри-

туала»⁴⁰. Здесь, пожалуй, правильнее было бы говорить не об устойчивом ритуале, а о вторичном использовании найденных в древности предметов. Яркие примеры тому дают некоторые раннесредневековые могильники Центрального Предкавказья, например катакомбы Гоуста, где были найдены кобанские бронзовые подвески в виде животных и скифские наконечники стрел.

Интересной особенностью рассматриваемого памятника является почти полное отсутствие керамики. Лишь в катакомбе № 4 найден небольшой кувшинчик⁴¹.

7. Верхний Чир-юрт. Катакомбный могильник, расположенный в районе сел. Верхний Чир-юрт на р. Сулак (ДАССР), был открыт при строительных работах и исследован экспедицией Дагестанского филиала АН СССР. За ряд полевых сезонов здесь вскрыто большое число погребений (не менее 150), причем значительная их часть — катакомбы со всеми характерными для них конструктивными деталями. Материалы раскопок И. П. Костюченко еще не опубликованы, и о них можно судить только по краткой информации В. И. Канивца⁴².

В большинстве случаев в Чир-юртских катакомбах содержались индивидуальные захоронения, но часты и коллективные погребения (до девяти человек в одной камере). Ориентировка погребенных неустойчивая, положение вытянутое на спине, ноги иногда перекрещены. В последующих раскопках Н. Д. Путинцева выявила те же черты погребального обряда: коллективность захоронений, вытянутое положение скелетов, неустойчивая ориентировка. На полу многих катакомб отмечен древесный уголь; некоторые скелеты (женские?) лежали скорченно на боку⁴³.

По мнению В. И. Канивца, рассматриваемый памятник относится к V—VII вв.⁴⁴ В некоторых катакомбах были найдены золотые индикации византийских монет времени императоров Ираклия и Константина (первая половина VII в.) с отверстиями для подвешивания, употреблявшиеся в качестве украшений. Индикации VII в., как и вещи, которые мы

³⁶ См. то же в Верхнем Салтове: В. А. Бабенко. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 г. Труды XIV АС в Чернигове, т. III, М., 1911, стр. 217.

³⁷ В. Г. Котович. Новые археологические памятники Южного Дагестана. Материалы по археологии Дагестана, т. I, Махачкала, 1959, стр. 148.

³⁸ В. Г. Котович. Ук. соч., стр. 154.

³⁹ Там же, табл. XIII, 17.

⁴⁰ Там же, стр. 154.

⁴¹ Там же, табл. XIII, 26.

⁴² В. И. Канивец. Дагестанская археологическая экспедиция в 1959 году. Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, т. III, Махачкала, 1957, стр. 162—164.

⁴³ Архив ИА АН СССР, д. № 1513.

⁴⁴ В. И. Канивец. Ук. соч., стр. 162.

осматривали в 1956 и 1959 гг., свидетельствуют о том, что Верхне-Чир-юртский катакомбный могильник следует скорее относить к VII—VIII вв., хотя в нем и есть ряд архаичных элементов, типичных на более западных территориях для V—VII вв.

8. Бавтугай. Бавтугайское поселение и могильник на р. Сулак (ДАССР) исследовались М. И. Пикуль в 1957 г. На могильнике М. И. Пикуль раскопала катакомбу, содержащую вытянутый скелет, лежащий на слое коры и древесного угля. Катакомба датируется VII—VIII вв.⁴⁵ Более подробные сведения нам неизвестны.

9. Песчанка. Урочище Песчанка находится в верхнем течении р. Нальчик, за г. Нальчик (КБАСР). Здесь И. А. Владимиров в 1898 г. исследовал 16 катакомб⁴⁶. Из этого числа одна катакомба была ограблена, во второй не сохранился скелет. В остальных 14 катакомбах наблюдается довольно устойчивый погребальный обряд. Большая часть погребенных ориентирована на запад, и лишь в двух могилах (№ 7 и 12) скелеты были ориентированы головами на юг. Все без исключения костяки лежали вытянуто на спине. У десяти погребенных руки скрещены на груди, ноги слегка согнуты. В катакомбе № 9 зафиксирована кучка древесного угля.

В погребальном обряде Песчанки ясно чувствуются христианские элементы — западная ориентировка и скрещенные на груди руки. На стенах пяти катакомб были высечены христианские кресты. Это дало возможность ряду авторов сделать справедливое заключение о раннем проникновении христианства на Северный Кавказ⁴⁷.

По вопросу о датировке катакомб Песчанки в литературе уже высказывались мнения. Так, А. А. Спицын датировал их VIII—IX вв.⁴⁸ А. А. Иессен считает, что этот памятник относится «ко времени не ранее конца VI и не позже VIII в. н. э.»⁴⁹ Тем же периодом датируют Песчанку К. Х. Кушнарера и В. П. Шилов⁵⁰. В. Б. Деопик относит Песчанку к VI—

VIII вв.⁵¹ Как видно, особых расхождений в этом вопросе нет.

В катакомбе № 5 была найдена золотая монета византийского императора Юстиниана (527—565), с двумя дырочками для подвешивания. Следовательно, монета попала в погребение скорее всего в VII в. Интересен керамический материал из Песчанки. В нем можно усмотреть формы, типичные для IV—VI вв., и формы, свойственные для более позднего периода. К первым следует отнести кувшины⁵², весьма характерные для вышеописанных могильников IV—VI вв. — Байтал-Чапкана, Березовского и т. д. Эти сосуды немногочисленны (три экземпляра, рис. 3, Б, 1). По-видимому, это уже отживающие формы. Остальные сосуды не могут быть отнесены к столь раннему времени; они находят себе аналогии в керамике из могильников VII—IX вв. Кабардино-Балкарии⁵³. Таковы, например, кувшины с двойной ручкой-петлей⁵⁴, кувшины с горлом-раструбом⁵⁵, высокогорлые одноручные кувшины с носиком-сливом⁵⁶ (рис. 3, Б, 2—4).

Сочетание в одном комплексе сосудов, характерных, с одной стороны, для IV—VI вв., а с другой, для VII—IX вв., по-видимому, свидетельствует о том, что этот керамический комплекс относится к началу второго периода — к VII—VIII вв. Этой дате не противоречит прочий инвентарь могильника. Хорошим показателем времени являются стеклянные перстни⁵⁷, которые, по наблюдениям Е. И. Крупнова, бытуют в VIII—IX вв.⁵⁸ Характерны для аланских памятников VII—IX вв. бронзовые литые фигурки, изображающие всадника на лошади⁵⁹, бронзовые колесовидные подвески, бронзовые штампованные бляшки. Хорошо датируется VII в. так называемая византийская ажурная пряжка, найденная в катакомбе № 1⁶⁰. Она еще раз подтверждает

⁵¹ В. Б. Деопик (с использованием материалов Б. Е. Деген-Ковалевского и Е. П. Алексеевой). Северокавказские аланы. Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958, стр. 631.

⁵² ОАК за 1898 г. рис. 30.

⁵³ В. А. Кузнецов. Локальный вариант аланской культуры..., табл. V.

⁵⁴ ОАК за 1898 г., рис. 1 и 23.

⁵⁵ Там же, рис. 14 и 46.

⁵⁶ Там же, рис. 21 и 36.

⁵⁷ Там же, рис. 31; ГИМ, хр. 67/48 и 79/20.

⁵⁸ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека..., стр. 39.

⁵⁹ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 105.

⁶⁰ Д. Чалланы. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства II. Acta Antiqua, t. IV, вып. 1—4, Budapest, 1956, стр. 267, табл. III, 7.

⁴⁵ Архив ИА АН СССР, д. № 1530.

⁴⁶ ОАК за 1898 г., СПб., 1901, стр. 124 сл.

⁴⁷ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии. МИА, № 3, 1941, стр. 27; К. Х. Кушнарера и В. П. Шилов. Рецензия на МИА, № 23. СА, XXI, 1954, стр. 412.

⁴⁸ А. А. Спицын. Исконные обитатели Дона и Дона..., стр. 77.

⁴⁹ А. А. Иессен. Ук. соч., стр. 27.

⁵⁰ К. А. Кушнарера и В. П. Шилов. Ук. соч., стр. 412—413.

правомерность датировки катакомб Песчанки VII—VIII вв., причем основным временем использования могильника, пожалуй, является VIII в.

10. Чми (Суаргом). Катакомбы у сел. Чми (Дарьяльское ущелье, СО АССР) расположены в урочище Суаргом, на склонах холма того же наименования. Могильник систематически раскапывался местными жителями с кладоискательскими целями. П. С. Уварова насчитала здесь более 100 ограбленных катакомб⁶¹. В 1882 г. Д. Я. Самоквасов вскрыл в Чми 36 катакомб⁶². В 1887 г. еще одна катакомба была исследована В. И. Долбежеевым⁶³, а в следующем 1888 г., три катакомбы в Чми вскрыты А. А. Бобринским⁶⁴. Таким образом, всего в Чми археологами исследовано 40 катакомб.

Погребальный обряд катакомб Чми на основании раскопок Д. Я. Самоквасова рисуется следующим образом. Ориентировка погребений неустойчива. Преобладает положение костяков на спине, с вытянутыми конечностями, хотя в катакомбе № 9 Д. Я. Самоквасов зафиксировал скелет, лежащий скорченно на левом боку, с согнутыми руками⁶⁵. Во многих катакомбах отмечен слой подсыпки, а иногда и присыпки сверху, древесного угля (катакомбы № 7, 11, 12, 13, 26). Весьма интересной особенностью погребального обряда являются черепа лошади, лежащие обычно перед входом в катакомбу (катакомбы № 9, 11, 18, 19, 22 и 24).

В катакомбе, раскопанной В. И. Долбежеевым, оба скелета лежали на боку — один на левом, другой на правом, на слое угля⁶⁶.

Дата катакомб Чми на основании монетных находок была определена Д. Я. Самоквасовым как VII—VIII вв.⁶⁷ Для основного комплекса Чми эту дату следует признать верной. Специальная работа по Чми, проведенная С. С. Куссаевой, подтвердила ее и помогла выделить в то же время в Чми комплексы конца VI и начала IX в.⁶⁸ Материалы VI в.

⁶¹ МАК VIII, стр. 111.

⁶² Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли. М., 1908, стр. 175—185.

⁶³ ОАК за 1887 г., СПб., 1891, стр. 171.

⁶⁴ ОАК за 1882—1888 гг., СПб., 1891, стр. 242—243.

⁶⁵ Д. Я. Самоквасов. Ук. соч., стр. 179.

⁶⁶ ОАК за 1887 г., стр. 171.

⁶⁷ МАК VIII, стр. 113.

⁶⁸ С. С. Куссаева. Археологические памятники Восточной Осетии (Чми и Балта) как исторический источник по древней Алании. Автореферат. Л., 1953, стр. 13.

ярко представлены серебряным поясным набором и импортной стеклянной посудой⁶⁹. Таким образом, общей датой Чми можно считать время с VI по IX в. На очень длительное время существования могильника указывает также многоярусное расположение катакомб Чми⁷⁰.

Керамика, найденная в катакомбах Чми, характерна для аланской посуды VII—VIII вв. В собраниях Государственного исторического музея хранится большое количество сосудов из Чми, но не все они происходят из катакомб. Нам удалось выделить 23 сосуда, несомненно связанных с катакомбными погребениями, о чем свидетельствуют их паспорта. Среди этих сосудов численно преобладают небольшие кувшины черного цвета хорошего лощения. Типологически они связаны с подобными сосудами предшествующего периода — IV—VI вв. — в общем те же пропорции и профили, та же конструкция ручки, близкая фактура и, следовательно, технология изготовления, налпные соски (кувшин из катакомбы № 23). Вместе с тем наблюдаются и некоторые особенности, обусловленные разницей во времени. У многих кувшинов тулово делается более приземистым, горло вытягивается и расширяется вверх в виде раструба (аналогично керамике из Песчанки). На днищах некоторых кувшинов имеются разнообразные гончарные клейма. Ручки в большинстве случаев крепятся не к венчику, а к середине тулова (рис. 3, Б, 5—6). В целом эти кувшины являются, несомненно, развитием чернолощенных кувшинов IV—VI вв.

Представлены в Чми и высокие кувшины с носиками-сливами. Они немногочисленны (2 экз.). Один кувшин серо-палевого, второй красного цвета, лощеный. Высота кувшинов 25—30 см (рис. 3, Б, 7—8).

Из остальных типов керамики отметим горшок яйцевидной формы с отогнутым венчиком и двумя ручками, прикрепленными к венчику (рис. 3, Б, 9), маленький горшочек черного цвета, нелощеный, с тремя сосками на корпусе (рис. 3, Б, 10), кружку коричнево-серого цвета с каннелюрами и ручкой (рис. 3, Б, 11) и миски с загнутым внутрь бортом. Интересен также черный лощеный кувшин с ручкой, имеющей сверху налп в виде очень сильно схематизированного животного (рис. 3, Б, 12).

⁶⁹ Очерки истории СССР III—IX вв., рис на стр. 629 и 630; МАК VIII, стр. 124, рис. 108.

⁷⁰ МАК VIII, стр. 111.

Кувшины с носиками-сливами, миски сарматского облика с загнутым бортом, сосуды с налепными сосками, каннелюры — все эти приемы орнаментации также являются производными от предшествующих форм керамики.

11. Хазнидон. Село Хазнидон находится при слиянии р. Хазнидон с р. Урух (СО АССР). Здесь на склоне речной террасы в 1957 г. был случайно открыт катакомбный могильник. Единственная пока катакомба была обнаружена при выемке глины сторожем местной школы Б. Кабановым. Никаких данных о погребальном обряде не имеется. Золотые браслет и серьга остались у находчиков, остальные находки попали в Северо-Осетинский музей краеведения. Материал Хазнидонской катакомбы состоит из трех глиняных сосудов, бронзовых поясных бляшек, разбитого металлического зеркала, бронзовой ажурной пряжки с тремя штифтами на обороте, бронзовой дужки от фибулы, имевшей железную иглу, шести пастовых бусин (рис. 6), золотой серьги и двух бронзовых проволочных браслетов в кусках⁷¹.

В данном комплексе хорошо датированным материалом является пряжка (рис. 6, 7). Она относится к одному из характерных типов пряжек VII в., распространенных на юге Восточной Европы и в Центральной Европе⁷². Золотая серьга имеет довольно близкую аналогию в катакомбном могильнике VII—VIII вв. Песчанки⁷³, где найдены и аналогичные бронзовые пряжки⁷⁴. Фибула, бусы и зеркало вполне соответствуют намечаемому времени. Один из сосудов (черноглиняный, рис. 6, 2) также может быть отнесен к VII в. Он имеет ряд аналогий в аланской керамике этого времени⁷⁵. Из этого следует, что Хазнидонская катакомба, вероятнее всего, может быть отнесена к VII в.

12. Садон. Катакомбный могильник в сел. Нижний Садон (Алагирское ущелье, СО АССР) открыт местными жителями в 1928 г. Обнаруженная катакомба была обследована Е. Г. Пчелиной⁷⁶. Положение скелета не удалось установить из-за очень плохой сохранно-

сти костей. Определена лишь его ориентировка с северо-запада на юго-восток.

Дата погребения на основании найденного золотого византийского солида императора Фоки (602—610) определена Е. Г. Пчелиной как VII—VIII вв. Прочий инвентарь катакомбы (металлическое зеркало с шестиконечной звездой, серьга, браслеты) не противоречат этой дате. То же можно сказать и об единственном черно-коричневом кувшинчике, аналогичном наиболее многочисленной группе керамики Чми.

13. Архон. Катакомбный могильник в сел. Архон (в боковом ответвлении Алагирского ущелья, СО АССР) открыт и исследован Е. Г. Пчелиной в 1929—1938 гг. Всего за два сезона вскрыто 18 катакомб⁷⁷. Некоторые катакомбы соединились между собой. Для погребального обряда характерна преобладающая южная ориентировка скелетов, хотя встречаются и иные ориентировки. Южная и юго-восточная ориентировка зафиксирована 23 раза, западная, северо-западная и восточная — пять раз. Положение костяков различно: часть их лежала вытянуто на спине, с вытянутыми руками, другая часть скорчена на боку (преимущественно на левом), с согнутыми руками. В двух катакомбах отмечено наличие древесного угля.

Е. Г. Пчелина датирует архонские катакомбы VII—IX вв.⁷⁸, но эта дата высказана ею мимоходом и не аргументирована. Монеты, найденные в Архонских катакомбах, утрачены и не определены. Инвентарь, который хранится в Северо-Осетинском музее краеведения, к сожалению, оказался для меня недоступен. Поэтому сейчас трудно подтвердить датировку Е. Г. Пчелиной, хотя в экспозиции Северо-Осетинского музея краеведения я наблюдал происходящие из раскопок Е. Г. Пчелиной металлические предметы — две так называемые византийские пряжки VII в. с бородками, поясной набор, обломок металлического зеркала с многоконечной звездой, колесовидную подвеску с четырьмя птичьими головками. Все эти предметы также могут быть отнесены к VII—VIII вв. Наконец, на VIII—IX вв. указывают обнаруженные в Архонских катакомбах стеклянные перстни⁷⁹.

Характерной особенностью рассматриваемого памятника является почти полное отсут-

⁷¹ Письмо Т. Б. Тургнева к автору от 9 ноября 1960 г.

⁷² Д. Чаллань. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства. I. Acta Antiqua, т. II, вып. 3—4, Budapest, 1954, табл. VI, VII.

⁷³ ОАК за 1898 г., рис. 5.

⁷⁴ Там же, рис. 45.

⁷⁵ J. Pcelina. Ein Katakombengrab der Völkerwanderungszeit in Nordossetien. ESA, IV, Helsinki, 1929, S. 212, Zeichn. 1.

⁷⁶ J. Pcelina, Ibid.

⁷⁷ Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 185/1929 и 49/1938.

⁷⁸ Е. Пчелина. Крепость «Зильде Машиг», СЭ, 1934, № 3, стр. 98, примеч. 25.

⁷⁹ Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 185/1929 и 49/1938.

ствие керамики. В 18 исследованных катакомбах было найдено лишь два целых сосуда и незначительные обломки еще трех-четырех. По-видимому, в Архоне глиняную посуду при погребении заменяли деревянной, остатки которой более многочисленны.

14. Кирпичный завод г. Орджоникидзе. На юго-восточной окраине г. Орджоникидзе расположен кирпичный завод «Красный Строитель». При выборке глины в карьере завода разрушены многие десятки катакомб, которые никем не исследовались и материал из которых не публиковался. Разрозненный материал из них хранится в Северо-Осетинском музее краеведения. По мнению Е. И. Крупнова⁸⁰ и Л. П. Семенова⁸¹, этот могильник датируется VI—IX вв.

15. Камунта. Широко известный катакомбный могильник у сел. Камунта в Дигории (СО АССР) случайно открыт местными жителями. В 1879 г. по поручению Московского подготовительного комитета V Археологического съезда могильник посетил В. Б. Антонович. Им было вскрыто семь катакомб, камеры которых изнутри выложены камнями⁸². Катакомбы Камунты были также постоянным полем деятельности местных кладоискателей, добывших из них огромное число древностей. Часть их попала в коллекцию К. И. Ольшевского и ныне хранится в Государственном историческом музее⁸³. Общее количество вскрытых кладоискателями катакомб неизвестно.

По данным В. Б. Антоновича, погребальный обряд катакомб Камунты отличается неустойчивой ориентировкой погребенных. Встречаются костяки, лежащие головой на север, юг, северо-восток, северо-запад, юго-восток. Судя по описанию и опубликованным зарисовкам, большинство погребенных лежало вытянуто на спине, с вытянутыми руками. Два скелета лежали на правом боку, на угольной подсыпке (катакомба № 3)⁸⁴.

Вопрос о датировке катакомб Камунты уже затрагивался в археологической литературе. И. Толстой и Н. Кондаков относили этот па-

мятник к эпохе IV—VI вв.⁸⁵ Такую датировку Камунты находим также у Б. Е. Деген-Ковалевского⁸⁶ и С. И. Капошиной⁸⁷. В сводном труде П. С. Уваровой четкая дата памятника не определена, но из контекста видно, что она была склонна определять время рассматриваемого памятника VI—IX вв.⁸⁸ Этим же временем датировали катакомбы Камунты Е. Г. Пчелина⁸⁹ и Ю. В. Готье⁹⁰.

Представляется, что последняя дата более верна⁹¹, хотя из Камунты известны и более ранние вещи (например, египетские скарабеи). Основанием для нее являются монеты. Самая ранняя из них — золотая монета византийского императора Анастасия (491—518), самая поздняя — аббасидский диргем халифа Эль-Мегди, чеканенный в Багдаде в 776—777 гг. Кроме монет имеются золотые брактеаты начала IX в. Таким образом, монеты ограничивают дату Камунты временем VI—IX вв.

Погребальный инвентарь из катакомб Камунты вполне соответствует этой дате. Такова, например, серебряная штампованная фигура льва⁹², хорошо датируемая по аналогиям VI в.⁹³, отличной ювелирной работы золотые серьги в виде опрокинутой пирамидки⁹⁴, которые находят себе аналогии в материалах V—VI вв. из Северного Причерноморья⁹⁵. Металлические зеркала, украшенные многочисленными звездами и радиально расходящимися прямыми⁹⁶, характерны для довольно значительного

⁸⁵ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. III. СПб., 1890, стр. 118.

⁸⁶ Б. Е. Деген-Ковалевский. Северокавказские аланы. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. III—IV (макет), М.—Л., 1939, стр. 179—180.

⁸⁷ С. И. Капошина. Золотые серьги из окрестностей Ольвии. КСИИМК, XXXIII, 1950, стр. 104.

⁸⁸ МАК VIII, стр. 324.

⁸⁹ Е. Г. Пчелина. Два погребения времени алано-хазарской культуры из селения Лац. ТСА РАНИОН, IV, М., 1929, стр. 421.

⁹⁰ Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 57.

⁹¹ В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. КСИИМК, 76, 1959, стр. 88.

⁹² И. Толстой и Н. Кондаков. Ук. соч., стр. 121, рис. 137.

⁹³ См., напр., Мартыновский клад: Б. А. Рыбаков. Ремесло Древней Руси. М., 1948, стр. 82, рис. 10; Т. М. Минаява. находка близ станицы Преградной на р. Урупе. КСИИМК, 68, 1957, стр. 134, рис. 52.

⁹⁴ И. Толстой и Н. Кондаков. Уч. соч., стр. 117, рис. 129; МАК VIII, табл. СХХIV, 7.

⁹⁵ С. И. Капошина. Ук. соч., стр. 104.

⁹⁶ E. Chantre. Recherches anthropologiques dans le Caucase, t. III. Paris—Lyon, 1887, tabl. VII—IX.

⁸⁰ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека..., стр. 38.

⁸¹ Л. П. Семенов. Из истории города Дзауджикау. Дзауджикау, 1947, стр. 5.

⁸² В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 г. Труды Предварительных комитетов V АС в Тифлисе, I, М., 1882, стр. 228.

⁸³ ГИМ, хр. 55/76, 55/96, 55/56аб.

⁸⁴ В. Б. Антонович. Уч. соч., стр. 228; МАК VIII, рис. 227—228.

промежутка времени⁹⁷, но в VII—IX вв. они широко распространены в памятниках Северного Кавказа и Верхне-Салтовском могильнике⁹⁸. В последнем могильнике, датируемом VIII—IX вв., можно видеть серьги с подвижной колонкой⁹⁹, тождественные таким же серьгам из Камунты¹⁰⁰. Круг подобных аналогий можно значительно увеличить. Некоторые данные свидетельствуют о наличии в Камунте материалов IV—V вв. (например, бусы)¹⁰¹, хотя нет уверенности в том, что эти материалы происходят из катакомб.

Керамика Камунты также укладывается в указанные хронологические рамки. Вся она чернолощенная, чаще всего изготовленная на круге; некоторые сосуды имеют на дне гончарные клейма. Керамика представлена теми же типами, которые встречались в описанных выше могильниках. Таковы, например, горшки с округлым корпусом, слегка отогнутым венчиком и ручкой-петлей, прикрепленной по середине тулова, аналогичной формы сосуда, но с пояском на шейке (рис. 3, Б, 15), низкие приземистые кружки (рис. 3, Б, 16), сосуды с горлом-раструбом, высокий кувшин с носиком-сливом и тремя ручками (рис. 3, Б, 13), горшки с зооморфными ручками в виде животного¹⁰² или с ручкой, имеющей два отверстия — захвата для пальцев. Совершенно тождественные по форме и фактуре сосуды найдены в катакомбах Песчанки, Чми и в других могильниках VI—IX вв. центральной части Северного Кавказа.

Интересными и оригинальными представляются некоторые сосуды из Камунты. Любопытен высокий (30 см) кувшин с длинным горлом, украшенный по корпусу и шейке круглыми налестками в виде «пуговиц», острореберными валиками и валиками с зашипами¹⁰³. Другой кувшин, относящийся к распространенному типу, имеет на тулове налесточной крест¹⁰⁴

(рис. 3, Б, 14). Шаровидный кувшин с прямым венчиком и несколько необычно моделированными зооморфными ручками¹⁰⁵ также пока не имеет прямых аналогий, за исключением найденных в Кумбулте¹⁰⁶. Оригинальной является также кружка цилиндрической формы с ребристым корпусом¹⁰⁷.

16. Балта. Катакомбный могильник Балта расположен на Военно-Грузинской дороге (Дарьяльское ущелье, СО АССР), в 12 км южнее г. Орджоникидзе. Здесь в 1897 г. В. И. Долбежев исследовал восемь катакомб¹⁰⁸. К катакомбе № 4 примыкала «боковая пещерка небольших размеров» с погребением.

В исследованных В. И. Долбежевым катакомбах все костяки были ориентированы головами на юг и лежали вытянуто на спине, с вытянутыми вдоль тела руками. Лишь в боковой «пещерке», примыкавшей к катакомбе № 4, скелет лежал на правом боку, с согнутыми ногами. Во всех катакомбах (судя по отчету В. И. Долбежева) погребенные лежали на слое древесного угля. По характеру погребального инвентаря катакомбы Балты, согласно последним исследованиям, датируются VIII—IX вв.¹⁰⁹

Керамика, найденная в катакомбах Балты, немногочисленна¹¹⁰. Из-за недоброкачества старой документации ее происхождение из катакомб не всегда является достоверным. Среди сосудов, помеченных этикеткой «Балта», с уверенностью связывать с катакомбами можно лишь четыре экземпляра, хранящиеся в фондах Государственного исторического музея и имеющие в паспорте указание на раскопки В. И. Долбежева в 1897 г. Один из сосудов — кувшин из коричневатой-розовой глины, с носиком-сливом, орнаментированный по шейке семячководным, а по корпусу линейным орнаментом (рис. 3, Б, 17). Два других — чернолощенные сосуды с высоким, отогнутым в виде раструба горлом, приземистым, округлым очертанием туловом и короткими ручками-петлями. Четвертый сосуд аналогичной формы, также чернолощенный, снабжен ручкой с двумя отверстиями — захватами для пальцев.

⁹⁷ W. A. Jentzsch. Verzierte Bronzespiegel aus nordkaukasischen Gräbern. PZ, В. XIX, Hf. 3/4, 1928.

⁹⁸ См., напр., Е. Г. Пчелина. Два погребения..., стр. 415, рис. 33 и др.; А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. Труды XII АС в Харькове, т. I, М., 1905, табл. XXII.

⁹⁹ А. М. Покровский. Уч. соч., табл. XXI, 23—24.

¹⁰⁰ МАК VIII, табл. СХХII, 18; E. Chantre. Op. cit., tabl. XIV, 5, 7.

¹⁰¹ В. Б. Деопик. Классификация бус Северного Кавказа IV—V вв. СА, 1959, № 3, стр. 49, 52.

¹⁰² E. Chantre. Ibid, tabl. III, XVII, 1.

¹⁰³ МАК VIII, табл. СХХIX, 14; E. Chantre. Op. cit., tabl. III, XXIII, 2.

¹⁰⁴ МАК VIII, табл. СХХIX, 15; E. Chantre. Op. cit., tabl. III, XXIII, 1.

¹⁰⁵ МАК VIII, табл. СХХIX, 16.

¹⁰⁶ Хранится в ГИМ, без номера.

¹⁰⁷ E. Chantre. Op. cit., tabl. III, XXI, 4.

¹⁰⁸ ОАК за 1897 г. СПб., 1900, стр. 46—47 и 146—149.

¹⁰⁹ С. С. Куссаева. Уч. соч., стр. 13. См. также: Очерки истории СССР III—IX вв., стр. 624, примеч.

¹¹⁰ По отчетным данным В. И. Долбежева, найдено 10 сосудов.

Аналогичные по форме и фактуре сосуды уже разбирались нами в материалах из северокавказских катакомбных могильников VII—IX вв. (см. выше — могильники Песчанка, Чми, Камунта). Такая керамика типична и для Верхне-Салтовского могильника VIII—IX вв.¹¹¹ В целом керамика подтверждает указанную датировку катакомб Балты. В составе коллекции П. С. Уваровой¹¹² из Балты имеется ряд чернолощенных сосудов тех же форм, относящихся к VIII—IX вв. Вполне возможно, что эти сосуды, купленные П. С. Уваровой, найдены во время хищнических раскопок местного населения на катакомбном могильнике Балты.

17. Харх. Холм Харх находится около сел. Балта в Дарьяльском ущелье. Наряду с каменными ящиками и подземными склепами здесь известны и катакомбы. В 1882 г. две катакомбы были раскопаны Д. Я. Самоквасовым¹¹³. Погребальный обряд им был зафиксирован поверхностно, имеются данные лишь о южной ориентировке погребенных. Прочие детали в положении костяков не отмечены. В катакомбе № 1 имелся слой древесного угля, покрывавший пол камеры. В обеих катакомбах были найдены бараньи кости, что также является особенностью погребального ритуала.

Дату катакомб Харха определяют две абсидские монеты конца VIII в., найденные в катакомбе № 2. На этом основании С. С. Куссаева отнесла катакомбы Харха к VIII—IX вв.¹¹⁴ По нашему мнению, дату катакомб Харха следует ограничить IX в., допуская возможность и начала X в.

Судя по отчетным данным Д. Я. Самоквасова, в катакомбах Харха было найдено семь глиняных сосудов. Все они хранятся в фондах Государственного исторического музея. И типы посуды, и ее фактура типичны для аланской керамики VIII—IX вв. Это те же кувшины с приземистым туловом и ручками-петлями, сосуды с горлом-раструбом (рис. 3, Б, 20), лощеные, черноглиняные. На днищах встречаются гончарные клейма (сосуд из катакомбы № 1). В катакомбе № 1 была найдена чернолощенная двойная ручка от кувшина описанной выше формы. Аналогии этой

посуде можно найти в уже рассмотренных катакомбных могильниках.

18. Кобань. Селение Кобань, расположенное в восточной части СО АССР — Тагаурии, — широко известно по первому открытому здесь памятнику кобанской позднебронзовой культуры. Наряду с памятниками I тысячелетия до н. э., в районе Кобани известны и памятники эпохи средневековья, в том числе катакомбы. Они в течение длительного времени раскапывались местными жителями — кладочисателями, а найденные вещи расходились по рукам. Особенно печальную известность приобрел местный помещик-алдар Хабош Кануков, раскопавший в Кобани сотни могил разных эпох. К сожалению, катакомбы Кобани никогда не были полем деятельности археологов, и это весьма ограничивает сведения о них. Число вскрытых в Кобани катакомб и связанный с ними погребальный обряд неизвестны; очень затруднено определение инвентаря, происходящего из кобанских катакомб.

П. С. Уварова, осматривая катакомбы Кобани, отнесла их к VI в.¹¹⁵ Однако для основного материала такая дата вряд ли приемлема. Более правильной датой Кобанских катакомб следует признать VIII—IX вв.¹¹⁶ Эта дата находит полное подтверждение в богатом материале из катакомб Кобани, купленном Францем Хегером в 1881 г. во Владикавказе и хранящемся в Венском музее народоведения¹¹⁷. В состав этого собрания входят черные стеклянные перстни, о датировке которых VIII—IX вв. говорилось выше. Весьма характерны для VIII—IX вв. предметы конского убора: серебряные круглые и сердцевидные бляхи от сбруи и начельник в виде цилиндрической трубки на широком пластинчатом основании. Совершенно аналогичные предметы конского убора были найдены в хорошо датируемых VIII—IX вв. катакомбах Верхнего Салтова¹¹⁸. То же можно сказать о сабле¹¹⁹, сходной с саблями из Салтовского могильника¹²⁰ и из Галиятского склепа

¹¹⁵ МАК VIII, стр. 91.

¹¹⁶ Очерки истории СССР III—IX вв., стр. 624, примеч.

¹¹⁷ F. Hauser. Der Inhalt eines Kobaner Katakombengrabes im Wiener Völkerkundemuseum. «Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien», B. LXIII, Wien, 1933, S. 34.

¹¹⁸ А. М. Покровский. Ук. соч., табл. XXII, 91—96.

¹¹⁹ F. Hauser. Op. cit., Zeichn. 6—8.

¹²⁰ А. М. Покровский. Ук. соч., табл. XX, 2; Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 131 сл.

¹¹¹ А. М. Покровский. Ук. соч., табл. XXIII—XXIV; С. Семенов-Зусер, Розкопки коло с. Верхнього Салтова 1946 р. «Археологічні пам'ятки УРСР», т. I. Київ, 1949, табл. III.

¹¹² ГИМ, инв. № 148—153.

¹¹³ Д. Я. Самоквасов. Уч. соч., стр. 185.

¹¹⁴ С. С. Куссаева. Ук. соч., стр. 8.

VIII в.¹²¹, и о зеркалах из высокооловянистой белой бронзы, украшенных многолучевыми звездами¹²².

Керамика из Кобанских катакомб фактически неизвестна из-за хищнического характера раскопок и отсутствия документации.

19. Гоуст. В 1889 г. у ингушского селения Гоуст (Джераховское ущелье) произвел небольшие раскопки В. И. Долбежев, но тип могил им не был определен¹²³.

В 1890 г. В. И. Долбежев продолжил раскопки в Гоусте, в результате которых было вскрыто 12 катакомб, высеченных в склоне оврага¹²⁴.

Погребальный обряд катакомб Гоуста характеризуется вытянутым на спине положением погребенных и преимущественно южной их ориентировкой. Встречаются погребения с северной ориентировкой (катакомбы № 3 и 6). В катакомбе № 4 В. И. Долбежев отметил слой древесного угла. Следует также указать на нескольких необычное для катакомбных погребений положение скелетов: ногами к входному отверстию (катакомбы № 1, 2, 5 и 6).

Вскрытые в Гоусте катакомбы В. И. Долбежев отнес к IX—XII вв., однако эта дата явно завышена, так как в Гоустских катакомбах нет материала X—XII вв., хорошо знакомого нам по раскопкам в станице Змейской. Более верные определения по интересующему нас вопросу находим у Е. Г. Пчелиной и Е. И. Крупнова, датирующих катакомбы Гоуста IX в.¹²⁵ Основания для такой датировки Е. Г. Пчелина видит в близости погребального инвентаря катакомб Гоуста инвентарю из катакомб Чми. Сближение справедливо, но оно не должно проводиться механически, ибо для катакомб Чми характерен большой хронологический диапазон — от VI до IX вв. По нашему мнению, для катакомб Гоуста наиболее приемлемой датой является VIII—IX вв. На время не раньше VIII в. указывают стеклянные перстни, найденные в большом числе и почти во всех катакомбах¹²⁶. К VII—

IX вв. относятся литые бронзовые фигурки всадников¹²⁷, найденные также в рассматриваемом памятнике¹²⁸. Прочий металлический инвентарь не противоречит предлагаемой дате, хотя в нем есть ряд довольно архаичных элементов (например, бронзовые фигурки животных кобанского времени, использованные вторично).

В катакомбах Гоуста В. И. Долбежвым найдено, судя по отчету, шесть целых глиняных сосудов¹²⁹. Это чернолощенные кувшины с низким, приземистым туловом, горлом-раструбом, ручками с двумя отверстиями для захвата пальцами (рис. 3, Б, 21) и миниатюрный, сделанный из хорошо отмученной серой глины, туалетный флакон, высотой в 10 см. Флакон, несомненно, импортный, привезенный скорее всего из городов Крыма¹³⁰.

20. Верхний Алкун. Ингушское селение Верхний Алкун находится в ущелье р. Асса. В полукилометре к северо-западу от Верхнего Алкуна Л. П. Семенов обнаружил катакомбный могильник, расположенный на склонах холма. В 1938—1939 гг. Л. П. Семенов и Е. И. Крупнов здесь исследовали две катакомбы.

В катакомбе, исследованной Л. П. Семеновым, был обнаружен женский скелет, лежащий скорченно на правом боку, лицом к западу, головой на север, на слое древесного угля¹³¹.

В 1939 г. была вскрыта вторая катакомба (рис. 2, 3), содержащая мужское и женское погребения¹³². Оба скелета лежали на спине, с вытянутыми руками, головами на юг.

Л. П. Семенов и Е. И. Крупнов по характеру могильного инвентаря и найденным арабским монетам VIII в. датируют Верхне-

¹²⁷ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 105.

¹²⁸ ОАК за 1890 г., стр. 94, рис. 39.

¹²⁹ В фондах Государственного исторического музея хранится семь сосудов с паспортом «Гоуст, раскопки В. И. Долбежева 1890 г.» Один из них — кобанский горшок с двумя боковыми ручками (инв. № 25279) — очевидно, неправильно отнесен к раскопкам В. И. Долбежева 1890 г. Остальные сосуды типично раннесредневековые алланские, и их происхождение из катакомб не вызывает особых сомнений.

¹³⁰ Ср. кувшин очень близкой формы из Саркела: М. И. Артамонов. Саркел-Белая Вежа. МИА, № 62, М.—Л., 1958, стр. 72, рис. 50.

¹³¹ Л. П. Семенов. Археологические разведки в Асоинском ущелье. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 117—118.

¹³² Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека..., стр. 39.

¹²¹ Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ. ИСОНИИ, т. IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 154, рис. 11.

¹²² Ф. Напсаг. Op. cit., Zeichn. 10.

¹²³ ОАК за 1889 г. СПб., 1892, стр. 73.

¹²⁴ ОАК за 1890 г. СПб., 1893, стр. 87—96.

¹²⁵ Е. Г. Пчелина. Два погребения..., стр. 421; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека..., стр. 38.

¹²⁶ О датировке стеклянных перстней см. выше.

можно связать с монетным кризисом, начавшимся с 60-х годов X в. В начале XI в. ввоз восточных монет в Европу прекратился¹⁴⁸. Отсутствие монет свидетельствует о том, что Змейские катакомбы были сооружены уже во время кризиса, т. е. в XI—XII вв. Вместе с тем можно допустить, что отдельные катакомбы, по характеру инвентаря пока неотличимые, могут относиться и к первым двум десятилетиям XIII в., т. е. ко времени, непосредственно предшествующему татаро-монгольскому нашествию.

Огромное количество сосудов (более 200 экз.), найденных при раскопках Змейского катакомбного могильника, отличается большим единообразием и устойчивостью форм. Типологическо-керамиче можно разделить на несколько основных групп. Наиболее многочисленную группу составляют черные, серые или коричневые горшки шаровидной или грушевидной формы, со слабо отогнутым или прямым венчиком и с короткими ручками-петлями (рис. 3, В, 7). Реже встречаются горшки баночной формы со стоячим прямым венчиком (рис. 3, В, 8). Сосуды этой группы обычно не орнаментировались и покрывались вертикальным лощением. Некоторые сосуды имели весьма стилизованные зооморфные ручки с выступом снизу и круглой плоской «пуговицей» сверху (рис. 3, В, 9).

Вторую группу керамики составляют стройные высокогорлые кувшины с носиками-сливами и ручками, прикрепленными ниже венчика (рис. 3, В, 1—2). На днищах многих кувшинов имеются рельефные гончарные клейма. Цвет сосудов серый или серо-коричневый, поверхность всегда лощеная, иногда орнаментированная штампом. В 1958—1959 гг. найдено несколько кувшинов с ребристым туловом (рис. 3, В, 3), один из них по плечу был покрыт схематичной плетенкой, второй был сплошь орнаментирован зубчатым и круглым штампом, имел четыре ножки (отбиты) и ниже венчика на горле — два выступающих ушка с отверстиями. Единственной аналогией данному сосуду является кувшин с ушками, но без ножек, происходящий из могильника Харх (скорее всего из каменных ящиков, рис. 32, 3).

Все сосуды описанных двух групп сделаны на круге из хорошо отмученной плотной глины.

К третьей группе керамики Змейского катакомбного могильника следует отнести не-

большие горшки-кружки, изготовленные или подправленные на легком ручном круге. Эти сосуды имеют слабо профилированные, почти прямые стенки, отогнутые венчики и ручки-петли, начинающиеся от венчика (рис. 3, В, 13—14). Они изготовлены из грубой, плохо отмученной глины со значительной примесью шамота и дресвы. Почти все кружки украшены по тулову сплошным линейным орнаментом, а по венчику зубчатым штампом.

Таковы три наиболее многочисленные и типичные группы змейской керамики. Но наряду с ними в катакомбах станицы Змейской встречались и иные формы, правда, представленные единичными экземплярами. Таковы чернолощенные миски (рис. 3, В, 15), крупный яйцевидной формы сосуд типа пифоса (рис. 3, В, 16), красноглиняный кувшин с поднятой выше венчика ручкой типа салтовских (рис. 3, В, 4), кувшины без носика, с широко отогнутым в стороны венчиком.

Посуда играла определенную роль в погребальном ритуале. Это ярко отражено в ее распределении в пределах катакомбы. Так, кувшины обычно находились в дромосе, преимущественно перед входом в камеру и почти никогда не находились внутри последней. Вероятно, в кувшинах в дромосе ставилось какое-то ритуальное питье; внутрь камеры ставились горшки и кружки с обычной пищей и питьем.

24. Кисловодская мебельная фабрика № 1. В 1957 г. на северной окраине Кисловодска (левый берег р. Подкумок) началось строительство мебельной фабрики № 1. При строительно-земляных работах были открыты погребения в катакомбах, которые обследовались местными археологами-краеведами А. П. Руничем и Н. Н. Михайловым. В 1958 г. им удалось расчистить пять катакомб, три из которых имели в плане четырехугольную форму. По данным, сообщаемым А. П. Руничем в его отчете¹⁴⁹, все погребенные лежали на спине, вытянуто, головой на запад (лишь один костяк был ориентирован на север). Интересной особенностью данного памятника является наличие деревянных гробов, изготовленных из досок толщиной 2—3 см, скрепленных железными гвоздями, остатки которых зафиксированы во всех катакомбах. Другой особенностью обряда является отсутствие в катакомбах древесного угля.

Временем существования рассматриваемого памятника следует считать XI—XII вв., о

¹⁴⁸ В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956, стр. 128—130.

¹⁴⁹ Архив ИА АН СССР, д. № 1720.

чем свидетельствует близость ряда вещей змейским находкам и стеклянные браслеты, найденные в катакомбах мебельной фабрики № 1¹⁵⁰.

Большой интерес представляет единственный сосуд, происходящий из катакомб мебельной фабрики № 1. Это красноглиняный кувшинчик с губой для слива, помещенной не против ручки, а сбоку от нее (рис. 3, В, 17). На территории Центрального Кавказа известны лишь один сосуд аналогичной формы и с таким же боковым сливом. Он случайно найден во время разработки карьера на Змейском кирпичном заводе и хранится в Северо-Осетинском музее краеведения. Судя по отдельным находкам, сосуды с боковым сливом чаще встречаются на Средней и Нижней Кубани, и, возможно, входят в состав адыгской керамики X—XIII вв. Недавно несколько таких сосудов было найдено Н. А. Онайко на Раевском городище¹⁵¹.

25. Рим-гора. Городище и могильник на возвышенном плато, называемом «Рим-гора», находятся в 16 км западнее Кисловодска (Ставропольский край) у слияния рек Подкумок и Эшкакон. Первое упоминание о катакомбах Рим-горы находим у А. Фирковича¹⁵². Позже на Рим-горе побывал художник и археолог Д. Струков, сделавший зарисовки памятника (в том числе и катакомб). Зарисовки Д. Струкова опубликованы Н. Е. Макаренко, посетившим Рим-гору в 1907 г.¹⁵³

В 1927 г. катакомбы Рим-горы обследовал В. Ф. Смолин, установивший, что некоторые из них соединяются отверстиями¹⁵⁴. Наконец, в последние годы катакомбы Рим-горы обследовал А. П. Рунич. По его подсчетам, на Рим-горе открыто и ограблено 82 катакомбы, в чем мы могли убедиться, посетив Рим-гору в 1958 и 1959 гг. Интересно, что катакомбы Рим-горы высечены в плотном песчанике, из которого

сложено плато. Встречаются катакомбы, четырехугольные в плане, с двускатным сводом.

Погребальный обряд, связанный с Рим-горскими катакомбами, почти неизвестен, так как катакомбы ограблены. Достоверно известно, что в катакомбах имелся слой древесного угля. В одной из катакомб, по наблюдениям А. П. Рунича, он имел толщину 2—3 см. Другой чертой обряда является наличие деревянных гробов, от которых сохранились только обломки досок. В катакомбе, доследованной в 1958 г., были обнаружены остатки гробов, выдолбленных из ствола дуба¹⁵⁵. Наличие гробов сближает Рим-горские катакомбы с катакомбами мебельной фабрики № 1 Кисловодска; по-видимому, погребальный обряд этих двух памятников был если не одинаков, то очень похож.

В 1960 г. А. П. Рунич обнаружил на Рим-горе неразграбленную катакомбу. Привожу ее описание А. П. Руничем: «Катакомба в плане квадратная и выдолблена в песчанике. Потолок сделан в виде двускатной крыши, пол ровный, без лежанок, ниш нет (рис. 2, б). На дне камеры головами на запад, без гробов, деревянного настила и углей и с вытянутыми конечностями лежали три костяка. Костяки почти полностью истлели и превратились в слой костной муки. Судя по длине этого слоя и инвентарю, в катакомбе были похоронены две женщины и подросток. В юго-восточном углу в 30 см от стенки лежал кусок бересты размером 30×40 см, на котором находились бусины: 36 стеклянных в виде бисера голубого и черного цвета, одна стеклянная глазчатая, одна круглая из горного хрусталя, одна сердоликовая, одна из стекловидной пасты черного цвета с красными волнистыми прослойками. Диаметр бусины 2,5 см. Две бусины из янтаря неправильной формы и т. д. У черепа одного костяка найдены две серьги в виде колечек из бронзовой проволоки. Вдоль позвонков лежали бронзовые бубенчики (всего 15 шт.). У ног костяков найдены 4 грецких ореха, довольно хорошо сохранившиеся. Остатков сосудов в камере и дромосе не оказалось»¹⁵⁶.

Археологический материал, собранный А. П. Руничем в катакомбах Рим-горы, находит ближайшие аналогии в Змейском катакомбном могильнике XI—XII вв. Таковы, например, сабли (во фрагментах), обкладки

¹⁵⁰ О датировке стеклянных браслетов см.: В. В. Кропоткин. О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси. КСИИМК, 68, 1957, стр. 36 сл. Обломки черного и желтого стеклянных браслетов, треугольных в сечении, были найдены в двух катакомбах в 1959 г. А. П. Руничем.

¹⁵¹ Архив ИА АН СССР, д. № 1743а.

¹⁵² А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. ЗИАО, т. IX, вып. 2, СПб., стр. 371 сл.

¹⁵³ Н. Макаренко. Археологические исследования 1907—1909. ИАК, вып. 43, СПб., 1911, стр. 122 сл.

¹⁵⁴ В. Ф. Смолин. Катакомбы на Рим-горе близ Кисловодска. «Краеведение на Северном Кавказе», № 1—2. Ростов, 1928, стр. 87 сл.

¹⁵⁵ А. П. Рунич. Археологические находки. «Ставропольская правда», № 39(6957) от 15 февраля 1959 г.

¹⁵⁶ Письмо А. П. Рунича к автору от 26 октября 1960 г.

сабельных ножен, бронзовые золоченые бляшки, складни-амулеты, бубенчики, предметы женского туалета — копоушки и ногтечистки и т. д. На этом основании Рим-горский могильник можно также отнести к XI—XII вв.

Единственный сосуд из катакомб Рим-горы представлен на рисунке 3, В, 18.

26. Кольцо-гора. В трех километрах северо-западнее Кисловодска на левом берегу р. Подкумок находится известная Кольцо-гора, заметная издалека своим отверстием. У склонов Кольцо-горы расположено ранне-средневековое поселение VIII—X вв.¹⁵⁷

В 1958 г. А. П. Рунич, осматривая территорию поселения, обнаружил в его западной части яму от осевшей катакомбы. Расчистка катакомбы выявила три костяка, лежащие головами на юго-запад, вытянутые на спине, с вытянутыми конечностями. Один из скелетов был положен на слой древесного угля; второй лежал в истлевшем деревянном гробу с дном, составленным из отдельных дощечек. Третий скелет покоился на настиле из поперечно и продольно положенных досок (рис. 2, 5).

Датировка исследованной А. П. Руничем катакомбы — XI—XII вв. — определяется темно-голубым витым стеклянным браслетом, обнаруженным в погребении¹⁵⁸. Остальной металлический инвентарь (металлическое зеркало, железные секиры, бубенчики и т. д.) вполне соответствует этому времени.

Таковы те катакомбные средневековые могильники Северного Кавказа, которые в определенной степени исследованы и поддаются датировке. Однако действительное их количество намного больше. В настоящее время имеются более или менее определенные сведения о наличии катакомб в следующих пунктах Северного Кавказа (кроме уже перечисленных): у сел. Учкеек (западнее Кисловодска)¹⁵⁹, в районе Лермонтовской скалы в Кисловодске¹⁶⁰, у пос. Острогорка (подножье г. Бештау)¹⁶¹, на территории мясокомбината г. Пятигорска¹⁶², у с. Шалущка (под Нальчи-

ком)¹⁶³, у с. Гунделен¹⁶⁴, в местности Рахты в Балкарии¹⁶⁵, у аула Галиат¹⁶⁶, у г. Беслан¹⁶⁷, у селений Згид, Унал и Бад¹⁶⁸, в Алагирском ущелье Осетии, на р. Фортанга¹⁶⁹ в Чечено-Ингушской АССР. Хотя в большинстве этих могильников позволяющего определить дату материала нет, их все же следует учесть, так как наиболее вероятно их принадлежность к раннему средневековью.

Катакомбные могильники — источник по истории и культуре сармато-аланских племен Северного Кавказа. Известна немногочисленность, скудность, а подчас противоречивость письменных известий об аланах. По этой причине письменные источники сами по себе не могут дать полной и объективной картины исторического процесса, связанного с аланами. Поэтому огромную роль в воссоздании древней истории Кавказа, и в частности алан, играют археологические источники. Нередко являясь единственными материалами, на которые может опираться исследователь, данные археологии позволяют судить о расселении древних племен, времени их существования и роли в этногенезе современных народов, общем уровне и особенностях культуры, экономики и т. д.

Аланские катакомбные могильники и добытый в них обширный и разносторонний археологический материал, несомненно, являются важнейшим историческим источником, весьма существенно дополняющим и корректирующим письменные источники.

Какие выводы, заключения и предположения можно сделать на основании того археологического материала, который мы изложили выше?

¹⁶³ Катакомба у с. Шалущка открыта и дообследована сотрудниками Кабардино-Балкарского музея краеведения О. П. Медведевой и А. В. Субботиной в январе 1956 г. Материал хранится в Кабардино-Балкарском музее краеведения.

¹⁶⁴ П. Г. Акритас. Древний торговый путь от Черного моря к Каспийскому по горам Центрального Кавказа. УЗ КБНИИ, т. XVI, Нальчик, 1959, стр. 208, рисунок.

¹⁶⁵ Д. В. Врублов. Раскопка кургана Хусанаты близ поселка Зилги Балкарского общества и могильников в местности Рахты. «Древности», т. XVI, М., 1900, стр. 185—196.

¹⁶⁶ Е. И. Крупнов. Галиатский могильник..., стр. 115.

¹⁶⁷ Сообщено Т. Б. Тургиевым.

¹⁶⁸ Разведки Е. Г. Пчелиной, которой я обязан полученными данными. Письмо Е. Г. Пчелиной автору от 8 января 1959 г.

¹⁶⁹ Архив ЛО ИА АН СССР. ФАК, д. № 16/1892, л. 55; Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека..., стр. 39.

¹⁵⁷ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и районе Кисловодска. Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. IX, Нальчик, 1961, стр. 213.

¹⁵⁸ Отчет А. П. Рунича об археологических исследованиях в р-не Кавминвод в 1959 г. Архив ИА АН СССР, д. № 1720.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ По сведениям Н. М. Егорова.

¹⁶¹ По сведениям Н. М. Егорова.

¹⁶² По сведениям Н. М. Егорова.

Прежде всего встает вопрос о времени бытования алан на территории Северного Кавказа, а тем самым и о хронологических рамках северокавказской аланской культуры. В вводной части этой главы перечислены сарматские памятники первых веков нашей эры, среди которых могут быть и самые ранние аланские (например, Алхан-Кала). Но это еще единичные, территориально разрозненные памятники, свидетельствующие о раннем проникновении алан в пределы Кавказа. Вряд ли с этими памятниками можно связывать начало аланской культуры.

Как уже говорилось, письменные источники упоминают алан на Кавказе с I в. н. э. Но наиболее исторически обоснованным временем бытования аланской культуры, по нашему мнению, следует считать период с V по XIII в. Периодизация катакомбных могильников, которая намечена выше, полностью подтверждает эти хронологические рамки. Разумеется, аланская культура возникает не раньше времени появления на Кавказе основной массы самих носителей этой культуры — алан. С исчезновением и растворением алан в местной этнической среде связан закат аланской культуры. Оба эти явления — начало и конец аланской культуры — исторически совпадают с двумя грандиозными событиями — с нашествием гуннов в конце IV в. и с татаро-монгольским нашествием в 20-х годах XIII в.

О гуннском нашествии упоминалось выше; татаро-монгольское нашествие нанесло кавказским аланам тяжелый, непоправимый удар. После XIII в. катакомбные могильники уже не появляются; последние группы алан окончательно ассимилируются; начинается период развития позднесредневековой культуры современных кавказских народов. С этого времени мы должны говорить уже не об аланской культуре, а о культуре осетин, кабардинцев, черкесов, балкарцев, ингушей, чеченцев.

Таким образом, время существования аланской культуры Северного Кавказа лежит между двумя крупными историческими событиями, оказавшими огромное воздействие на ход истории между нашествиями гуннов и монголов на Европу. Если нашествие гуннов, сдвинув алан из приволжских, донских и северокавказских степей в глубь гор, объективно вызвало формирование и развитие своеобразной аланской культуры Кавказа, то нашествие монголов ее сокрушило.

Второй важный вопрос — это расселение алан, носителей катакомбного обряда погре-

бления. Картографирование аланских катакомбных могильников показывает (рис. 1), что аланы после V в. занимали всю центральную часть Северного Кавказа от верховьев Кубани на западе до р. Аргун на востоке. Такой рисуется в настоящее время основная территория северокавказских алан. Далее на восток картина еще не совсем ясна из-за «белых пятен» на археологической карте, но есть основания считать, что восточная граница далекой аланской «периферии» проходила в районе р. Сулак, в Северном Дагестане. Отдельная группа сармато-алан обитала в Южном Дагестане, на границе с Кавказской Албанией. К этим вопросам мы еще вернемся ниже.

Разумеется, очерченные границы не были постоянными. Они должны были меняться в зависимости от исторических условий и от хода этногенетического процесса. Однако, судя по всему, границы основной территории алан, включающей в себя Кабардино-Балкарию, Северную Осетию и часть Чечено-Ингушетии, оставались довольно устойчивыми. Наиболее ощутимые изменения происходили, по-видимому, на периферии.

На протяжении изучаемого нами периода аланская территория постепенно уменьшается: если в V—VIII вв. она наиболее значительна (от Кубани до Дагестана), то в последующий период она суживается до пределов основной территории расселения алан. В VIII—IX вв. аланы теряют район Кисловодска, откуда они вынуждены уйти под давлением группы черных болгар. По-видимому, в это же время подвергаются ассимиляции и растворяются среди местного населения группы алан, жившие в северном и южном Дагестане.

Аланские памятники X—XIII вв. еще плохо изучены; судить о территории, занимаемой собственно аланскими племенами в это время, трудно. Все известные катакомбные могильники X—XII вв. сосредоточены в Северной Осетии и в районе Кисловодска (Змейский, Римгора, Кольцо-гора и мебельная фабрика № 1 Кисловодска). Если эти данные в какой-то мере отражают реальную картину, то можно полагать, что в X—XIII вв. ареал аланских племен сузился. Теперь большие группы алан занимают только часть Центрального Кавказа. В этот период, соответствующий состоянию феодальной раздробленности, наиболее сильно сказывалась племенная пестрота и чересполосица.

Аланы сарматского происхождения, заселившие предгорья и горы Кавказа, не были

однородны в этнографическом отношении и не представляли собой совершенно одинакового во всех отношениях массива. Несомненно, они состояли из ряда племен, различавшихся специфическими особенностями материальной культуры.

Однако этот сложный вопрос еще слабо освещается имеющимися материалами. Некоторые наблюдения можно сделать на основании погребального обряда, да и то применительно не ко всем периодам. Так, например, в VIII—IX вв. в районе Дарьяльского ущелья бытовали катакомбные могильники Балта, Харх и Гоуст с устойчивой южной ориентировкой. Возможно, это памятники, оставленные какой-то одной группой аланского населения, в то время как тут же расположенный могильник Чми с неустойчивой ориентировкой погребенных принадлежал иной группе алан.

В Архонском катакомбном могильнике довольно характерной чертой погребального обряда является отсутствие керамики, в то время как в других катакомбных могильниках Осетии ее много. Эта черта отличает Архонский могильник от остальных синхронных памятников и дает возможность предполагать наличие здесь еще одной локальной группы алан.

Более четко ощущается разница в погребальном обряде в X—XIII вв. Если в Змейском могильнике доминирует северо-восточная ориентировка, костяки лежат на слое угля, заметно различие в положении погребенных по половому признаку, то в могильнике на мебельной фабрике № 1 Кисловодска мы встречаем совершенно иные черты: западную ориентировку, вытянутое положение в деревянных гробах, отсутствие угля и керамики в погребениях. Несомненно, эти памятники принадлежат двум группам алан с одинаковой материальной культурой, но с разным погребальным ритуалом. В данной связи надо вспомнить слова Ф. Энгельса о том, что «первоначальные религиозные представления, по большей части общие каждой данной родственной группе народов, после разделения таких групп своеобразно развиваются у каждого отдельного народа, смотря по выпавшим на его долю жизненным условиям»¹⁷⁰.

Погребальный обряд могильника мебельной фабрики № 1 по ряду признаков близок христианскому. Вполне возможно, что эта группа алан была в X—XI вв. крещена византийскими

миссионерами и хоронила по христианскому обряду, сохраняя в то же время ряд языческих черт. Существенным является и тот факт, что аланы вплоть до XIII в. сохраняли самобытные, только им присущие, особенности материальной культуры. Есть ряд категорий вещей, которые встречаются почти исключительно в катакомбных могильниках и не встречаются в каменных ящиках, гробницах и склепах. Здесь нет возможности подробно разбирать этот вопрос; отметим только, что к таким предметам принадлежат кавалерийские сабли типа змейских (рис. 5, 1—3), конские уборы, состоящие из круглых и сердцевидных подвесных блях типа верхне-салтовских (рис. 5, 5—6), конские украшения — начельники (рис. 5, 4), бронзовые двупластинчатые складни (рис. 5, 7—9) и т. д. Интересные наблюдения можно сделать на основании керамики. Сопоставляя керамику из разных катакомбных могильников одного времени, мы в большинстве случаев видим полную аналогию по формам, фактуре и составу посуды. Если же сопоставить керамику из катакомбных могильников с керамикой происходящей из раннесредневековых каменных ящиков, гробниц и склепов, то можно заметить, что первоначальное тождество форм сменяется их ощутимым различием.

Так, во всех могильниках центральной части Северного Кавказа в V—VIII вв. найден ряд близких между собой типов керамики. К ним относятся шаровидные чернолощенные кувшины с сосками на корпусе и без них, тех же форм кувшины с зооморфными ручками, кувшины с ручкой-сливом, крупные яйцевидные одноручные и трехручные кувшины с носиком-сливом, кувшины с низким приплюснутым туловом и горлом-раструбом, сосуды с ручками, имеющими два отверстия для пальцев и т. д.

Примерно с X в. между керамикой аланских катакомб и керамикой каменных ящиков, гробниц и склепов наблюдается расхождение. Особенно хорошо оно ощущается в археологически лучше изученной Осетии. Если сопоставить керамику Змейского катакомбного могильника с керамикой синхронных могильников горной полосы Саниба и Даргавса (о них см. ниже), то можно легко заметить, что в Санибе и Даргавсе есть ряд форм, отличающихся от змейской керамики (рис. 27, В, 1—9), хотя есть и общность в кувшинах с носиком-сливом. Кроме формы, керамика Санибы и Даргавса отличается от серо-коричневой змейской посуды красным цветом глины и другими приемами орнаментации (волна, вдавлины) редко

¹⁷⁰ Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. Госполитиздат, М., 1955, стр. 49.

встречающимися на сосудах из Змейской. Добавим, что посуда, аналогичная керамике Санибы и Даргавса, известна и в других некатакомбных могильниках Осетии (рис. 27, В). В XI—XIII вв. такая керамика было широко распространена в Горной Осетии и, по-видимому, в соседних с Осетией районах.

Во время как керамика Змейского могильника продолжает традиции салтовской посуды¹⁷¹, керамика горной полосы Кавказа обнаруживает большое своеобразие в формах и орнаментации. Различия, которые прослеживаются в керамике XI—XIII вв., свидетельствуют о том, что аланы этого периода, жившие в предгорной полосе Кавказа, были отличны в культурном отношении от населения гор. Эти факты еще раз говорят о длительном сохранении аланами своих этнографических и культурных особенностей.

Аланы и раннесредневековый Дагестан. Следует кратко остановиться на вопросе об обитании группы алан в Дагестане. Несмотря на выразительные археологические материалы, этот вопрос все еще остается мало разработанным и встречает возражения со стороны некоторых дагестанских археологов¹⁷².

Рассматриваемый вопрос, по существу, является лишь частью большой проблемы о взаимосвязях и взаимоотношениях коренного населения Дагестана с окружающим миром. По данным археологии, Дагестан всегда находился в контакте со своими южными и северными соседями. Нельзя недооценивать, а тем более нигилистически отрицать связи Дагестана с населением обширных евразийских степей. Установлению этих явлений способствовала и иная, более благоприятная, чем сейчас, физико-географическая среда, когда северная часть Каспийского моря представляла собой сушу

вплоть до дельты Терека¹⁷³. Уже в эпоху бронзы равнинный Дагестан был связан с племенами северокавказских и причерноморских степей, в результате чего в Дагестане появились памятники катакомбной культуры¹⁷⁴. В I тысячелетии до н. э. через Дербентский проход совершали свои походы на юг скифы¹⁷⁵. Связи древнего населения Дагестана с более северным степным миром четко прослеживаются в последующий сарматский период. Работами Е. И. Крупнова и К. Ф. Смирнова в районах, прилегающих к Дагестану с севера, и в самом Дагестане выявлены памятники сарматской культуры начала I тысячелетия н. э. Так, за р. Терек в бажиганских и ачикулакских песках Прикаспийской экспедицией Института археологии АН СССР обнаружен ряд разветвленных сарматских памятников, а в 1955 г. у сел. Ачикулак обнаружены сарматские погребения с диагональным положением костяков в грунтовых ямах. Такие погребения могут рассматриваться как роксаланские¹⁷⁶. Эти археологические материалы свидетельствуют о проникновении сарматских этнических элементов в степи северо-западного Прикаспия.

В послевоенные годы Е. И. Крупнов и К. Ф. Смирнов исследовали грунтовый могильник II—III вв. у сел. Тарки (в районе г. Махачкала). Этот интересный памятник Е. И. Крупнов связывает с местным населением, вместе с тем допуская проникновение в местную среду отдельных сарматских этнических элементов¹⁷⁷. По мнению К. Ф. Смирнова, сарматизацию местного населения следует рассматривать как «результат смешения древнего удинского населения с пришлыми из степей Северного Прикаспия аорскими племенами»¹⁷⁸. Таким образом, оба исследователя считают вполне вероятным этническое проникновение сарматов в Северный Дагестан.

¹⁷¹ Последнюю сводную работу по салтовской керамике см. Б. А. Шрамко. Кераміка салтівської культури. Труды історичного факультету Харківського ордену Трудового Червоного Прапора Державного університету ім. О. М. Горького, т. 7, 1959, стр. 241—267.

¹⁷² В. Г. Котович, Н. Б. Шейхов. Археологическое изучение Дагестана за 40 лет. Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, т. VIII, Махачкала, 1960, стр. 358. В. Г. Котович и Н. Б. Шейхов полностью отрицают связь средневековых катакомбных могильников Дагестана с аланским населением Северного Кавказа и стараются представить носителей катакомбного обряда погребения в Дагестане местными племенами. Однако совершенно очевидно, что глубокие этнические и культурные связи между Дагестаном и Центральным Кавказом объективно существовали, и они никоим образом не умаляют значения и исторической роли местных дагестанских племен в истории Дагестана.

¹⁷³ С. А. Ковалевский. «Карта Птолемея» в свете исторической географии Прикаспия. ИВГО, 85, вып. 1, 1953, стр. 31 сл.

¹⁷⁴ Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956, стр. 167 сл.

¹⁷⁵ Е. И. Крупнов. О походах скифов через Кавказ. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 186 сл.

¹⁷⁶ Е. И. Крупнов. К археологическому изучению северо-восточного Кавказа и северо-западного Прикаспия. Тезисы докладов на сессии отделения исторических наук, М.—Л., 1956, стр. 51—52.

¹⁷⁷ Е. И. Крупнов. Новый памятник древних культур Дагестана. МИА, № 23, стр. 224.

¹⁷⁸ К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, стр. 271.

Другим памятником, отразившим влияние сарматской культуры, является Карабудахкентский могильник I—II вв. В литературе уже указывалось, что по мере продвижения на юг сарматское влияние ослабевает¹⁷⁹. Археологические материалы Карабудахкентского могильника вполне подтверждают это наблюдение.

Есть все основания считать, что в эпоху раннего средневековья связи Дагестана со степным сарматским миром и центральной частью Северного Кавказа не прекратились и продолжали развиваться.

Наиболее восточным пунктом распространения аланских катакомбных погребений считалась р. Аргун на границе Чечни и Дагестана. Такое представление сложилось после раскопок А. П. Круглова в Дуба-юрте¹⁸⁰. Исследователи, занимавшиеся аланской культурой Северного Кавказа, не обращались к археологическим памятникам Дагестана и вопрос об аланах в Дагестане даже не ставился в науке. Между тем еще в дореволюционное время раскопки Н. И. Цилюсани и А. А. Руссова выявили на плато Паласа-сырт катакомбные погребения, которые могут быть связаны с аланами. В послевоенное время археологи Дагестанского филиала АН СССР исследовали ряд катакомбных погребений V—VIII вв., которые мы охарактеризовали выше (Паласа-сырт, Верхний Чир-юрт, Бавтугай). Как сам тип могильного сооружения — катакомба, так и такие детали погребального обряда, как мел и древесный уголь в погребениях в качестве подсыпки, захоронения частей конской туши, глиняное покрытие пола камеры — все это является новым в древней культуре Дагестана и не имеет глубокой предшествующей традиции в местной среде. Все аналогично и параллельно этим материалам неизбежно уводят на север, в круг сармато-аланских памятников. Нам уже приходилось обращать на это внимание¹⁸¹.

Инвентарь, найденный в Паласа-сыртских и Чир-юртских катакомбах, также обнаруживает близость к аланским и северо-кавказским материалам. Применительно к катакомбам Паласа-сырта автор раскопок В. Г. Ко-

тович справедливо отмечает, что «все параллели археологическим материалам Паласа-сыртского могильника уводят в северо-кавказскую, аланскую среду»¹⁸².

Материальная культура Верхне-Чир-юртского катакомбного могильника весьма своеобразна и имеет ряд деталей, неизвестных в аланских могильниках Центрального Кавказа. Особенно своеобразен металлургический инвентарь. В этом сказалось интенсивное воздействие местной среды, наложившей на материальную культуру Верхне-Чир-юртского могильника свою печать. Если сравнить находки из катакомб Паласа-сырта с инвентарем Чир-юрта, то можно заметить, что Паласа-сырт имеет значительно более «чистый» аланский облик, чем Чир-юрт. Это и понятно. Ведь Паласа-сыртский могильник относится к более раннему времени, когда аланские племена только что проникли в равнинный Дагестан и еще не успели подвергнуться культурному воздействию местного населения.

Вместе с тем в инвентаре Чир-юртского могильника следует отметить явные аланские или общекавказские элементы. Так, некоторые формы керамики типологически близки аланской (например, сероглиняные кувшины с носиком-сливом и ручкой, прикрепленной ниже венчика, налепные соски на сосудах и т. д.). Для аланских памятников характерны бронзовые височные кольца с граненой гирькой на конце, колесовидные бронзовые подвески, металлические зеркала, бронзовые серьги с боковым отростком на кольце и зернью или шариком внизу столбика, двупластинчатые фибулы, в Чир-юрте превращенные в подвески, и т. д. Весьма характерным фактом является то, что в Чир-юртских катакомбах обнаружены многочисленные византийские монеты и их индикации. Касаясь данного вопроса, В. И. Каневец отметил, что «уже сам факт находок монет византийского облика при полном отсутствии иранских указывает на северокавказское направление политических связей местного населения в это время»¹⁸³.

Характерный для сармато-алан тип могильного сооружения, данные погребального обряда, а также некоторые перечисленные выше формы материальной культуры дают возможность связывать описанные катакомбные могильники Дагестана с аланскими памятниками

¹⁷⁹ Очерки истории Дагестана, т. I. Махачкала, 1957, стр. 24.

¹⁸⁰ А. П. Круглов. Ук. соч., стр. 19.

¹⁸¹ В. А. Кузнецов. Новые данные по аланской культуре Северного Кавказа и раннесредневековой Дагестан. Тезисы докладов на научной сессии Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 43—44.

¹⁸² В. Г. Котович. Новые археологические памятники южного Дагестана, стр. 154.

¹⁸³ В. И. Каневец. Ук. соч., стр. 163.

ми Северного Кавказа и видеть в них свидетельство расселения группы алан на территории плоскостного Дагестана. Этот вывод находит определенное подтверждение в обычае искусственной деформации черепов в Паласа-сыртском и Чир-юртском могильниках.

Показательны раннесредневековые поселения плоскостного Дагестана, связанные с катакомбными могильниками. Рядом с Верхне-Чир-юртским могильником Н. Д. Путинцева исследовала поселение, давшее интересный керамический материал¹⁸⁴, имеющий ряд форм, сближающих его с керамикой аланских городищ и поселений Центрального Кавказа. Наиболее распространены небольшие кувшины с высоким горлом носиком-сливом и ручкой. Этот вид кувшинов типичен для аланской посуды. Другая широко распространенная форма керамики Верхне-Чир-юртского поселения — большие сероглиняные кувшины яйцевидной формы с тремя ручками и носиком-сливом. Подобные сосуды типичны для аланской керамики V—VIII вв.¹⁸⁵ В большом числе в Чир-юртском поселении представлены обломки сосудов типа «хумов», с плоским утолщенным венчиком и кухонные горшки из серой и черной глины, с резко отогнутым венчиком, иногда снабженным косыми насечками или вдавлениями. Обе эти формы керамики широко распространены на аланских городищах и поселениях Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии в VIII—X вв.

В целом керамика Верхне-Чир-юртского поселения достаточно ощутимо увязывается с керамикой аланских городищ Центрального Кавказа. Можно полагать, что Верхне-Чир-юртское поселение, как и могильник, оставлено аланским населением, находившимся в постоянном контакте с населением Центрального Кавказа.

В 1957 г. М. И. Пикуль исследовала участок Бавтугайского поселения VIII—IX вв. на р. Сулак¹⁸⁶. Керамика этого поселения аналогична керамике Верхне-Чир-юртского поселения.

Все эти данные убеждают в том, что на территории равнинного Дагестана в эпоху раннего средневековья обитало довольно значительное аланское население, находившееся в культурно-этническом взаимодействии с местными племенами. Влияния были взаимны-

ми и достаточно глубокими; об этом говорит не только очень своеобразный инвентарь Чир-юртских катакомб, но и проникновение сармато-аланских форм материальной культуры и погребального обряда в глубь гор¹⁸⁷. Этнический контакт и смешение сармато-алан с дагестанскими племенами нашли свое отражение и в антропологических материалах¹⁸⁸, и в бытовании видоизмененных местных форм нартского эпоса в Дагестане¹⁸⁹.

Совершенно определенные указания об обитании алан в Дагестане содержатся в некоторых письменных источниках. Так, в IV в. Аммиан Марцеллин сообщает, что римский полководец Помпей во время закавказского похода достиг албанов и массагетов, которых называют аланами¹⁹⁰. Ясно, что здесь не может идти речь о северокавказских аланах, ибо на Северном Кавказе Помпей не был. Речь может идти только об аланах, живших рядом с албанами, скорее всего в пределах Дагестана.

Прокопий Кесарийский (VI в.), характеризуя границы расселения алан, сообщает, что «всю эту страну, которая простирается от пределов Кавказа до Каспийских ворот занимают аланы»¹⁹¹. Ю. А. Кулаковский, комментируя это место Прокопия, пришел к заключению, что под «Каспийскими воротами» Прокопий разумел Дарьяльское ущелье¹⁹². Однако в свете представленных выше данных археологии по-

¹⁸⁷ М. И. Пикуль. Эпоха раннего железа в Дагестане. Тезисы докладов на научной сессии Ин-та истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР, посвященной археологии Дагестана. Махачкала, 1959, стр. 38—39; керамика близких форм: М. И. Исakov. Археологические памятники Дагестана. Материалы по археологии Дагестана, т. I, табл. III, 13, табл. IV, 1—3. В горах Дагестана известны и катакомбы, но, к сожалению, неясна их датировка. См.: В. И. Марковин и А. М. Твердохлебов. Акушинский могильник. КСИИМК, 60, 1955, стр. 150 сл.; М. И. Исakov. Ук. соч., стр. 228.

¹⁸⁸ Н. Н. Миклашевская. Новые палеоантропологические материалы с территории Дагестана. Материалы по археологии Дагестана, т. I, стр. 189.

¹⁸⁹ У. Б. Далгат. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана. Сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 154 сл.

¹⁹⁰ Аммиан Марцеллин. История, кн. XXIII, 5, 16.

¹⁹¹ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, стр. 381.

¹⁹² Ю. А. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей, стр. 46. К мнению Ю. А. Кулаковского присоединился М. И. Артамонов. Очерки древнейшей истории хазар. Л., 1936, стр. 123; см. также: К. В. Тревер. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.—Л., 1959, стр. 115—116.

¹⁸⁴ Архив ИА АН СССР, д. № 1513.

¹⁸⁵ См., напр., в могильниках Байтал-Чапкан, Гиляч, Хабаз, Гижгид, Галиатском и др.

¹⁸⁶ Архив ИА АН СССР, д. № 1530.

правка Ю. А. Кулаковского отпадает, ибо, судя по памятникам, аланы действительно распространялись до Каспийских ворот (т. е. Дербентского прохода).

Много сведений об аланах в Дагестане находим у более поздних авторов. Арабский географ начала XIII в. Иакут сообщает, что «аланы многочисленный народ, пограничный с Дербентом»¹⁹³. Подтверждение сведений, сообщаемых Иакутом, можно видеть в рассказе Ибн-ал-Асира о татаро-монгольском нашествии на Кавказ. «Прошедши Дербент ширванский, они (татары.— В. К.) шли этими областями, а в них были многочисленные племена, в том числе Аланы, Лезгины и несколько тюркских племен»¹⁹⁴. Вскоре после татарского нашествия на Кавказе побывал европейский путешественник Гильом Рубрук. Прежде чем добраться до Железных Ворот (Дербента), Рубрук достиг «замка Аланов». «На следующий день мы добрались до Железных ворот» — свидетельствует Рубрук¹⁹⁵. Из этого сообщения явствует, что упомянутый замок алан находился где-то в пределах однодневного перехода севернее Дербента. Однодневный переход составляет приблизительно 50—60 км; отложив это расстояние на карте, получаем точку, расположенную в районе между станциями Каякент и Изберг¹⁹⁶. На географической карте Прикаспия, составленной в XIV в. Истахри, аланы помещены на территории современного Северного Дагестана рядом с землей Серир (Аварией)¹⁹⁷.

Итак, изложенные данные дают веские основания говорить о длительном обитании алан в пределах равнинного Дагестана, и в первую очередь северного. Судя по имеющимся археологическим данным, аланы на территории Дагестана обитали, по-видимому, двумя основными группами. Одна из них вплоть до VIII—IX вв. занимала равнину до р. Сулак, вторая — район южнее Дербента. Аланские памятники Северного Дагестана географически располо-

жены очень близко к аланским памятникам Чечено-Ингушетии, особенно к сунженским и гудермесским городищам¹⁹⁸. Вполне возможно, что дальнейшие археологические исследования в районе между Сулаком и Гудермесом также выявят аланские памятники. Тогда можно будет с большей уверенностью говорить о восточной границе аланской культуры по р. Сулак, где последняя соприкасалась и смешивалась с местной культурой Дагестана.

Вторую группу памятников, представленную катакомбами южнее Дербента, можно рассматривать как отдельную группу, связанную с продвинувшейся далеко на юг частью алан. В. Г. Котович сопоставляет Паласа-сыртские катакомбы с известными по письменным источникам маскутами, жившими в Южном Дагестане и бывшими, по данным некоторых источников, частью алан¹⁹⁹. В. Г. Котович предполагает, что маскуты принадлежали к аланскому кругу племен²⁰⁰. Это интересное предположение заслуживает внимания, но нуждается в дальнейшей разработке и аргументации. Сам же факт существования аланского населения в Южном Дагестане следует полностью учитывать; не случайно вопросу о связях Дагестана с аланами уделено внимание таким крупным зарубежным исследователем, как В. Минорский²⁰¹.

Позднеаланская культура Северного Кавказа. Аланы и аланская культура сыграли крупную роль в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Можно без преувеличения сказать, что все современные народы Северного Кавказа в той или иной степени испытали на себе влияние аланской культуры. Необходимость всестороннего изучения аланской культуры на всех этапах ее развития очевидна. Однако это изучение до последнего времени шло неравномерно: в то время как исследовались десятки аланских памятников I тысячелетия н. э., позднеаланские памятники X—XIII вв. оставались почти неизвестными. Поэтому каждый новый позднеаланский памятник, обнару-

¹⁹³ Iacuts geographisches Wörterbuch. Leipzig, 1924; цит. по Б. Дорну. Каспий. Приложение к XXVI тому «Записок Императорской Академии наук», СПб., 1875, стр. 292.

¹⁹⁴ Выписки из Ибн-эль-Атира о первом нашествии татар на кавказские и черноморские страны с 1220 по 1224 год. «Ученые записки Императорской Академии наук по первому и третьему отделению», т. II, СПб., 1854, стр. 659.

¹⁹⁵ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 186.

¹⁹⁶ В районе ст. Изберг действительно существует большое средневековое городище, сопоставляемое дагестанскими историками с хазарским городом Семендер.

¹⁹⁷ Б. Дорн. Ук. соч., стр. 85, карта II.

¹⁹⁸ Т. М. Минаева. Археологические разведки в долине реки Сунжи. СНТ СГПИ, вып. 13, Ставрополь, 1958, стр. 413 сл.; разведки и сборы М. П. Севастьянова. Материал хранится в Грозненском музее.

¹⁹⁹ Баладзори. Книга завоевания стран. Баку, 1947, стр. 7; Ал-Истахри. Книга путей и царств. СМОМПК, вып. XXIX, Тифлис, 1901, стр. 15, 17; Ибн-ал-Факих. Книга о странах. СМОМПК, вып. XXXI, Тифлис, 1902, стр. 41.

²⁰⁰ В. Г. Котович. Ук. соч., стр. 156.

²⁰¹ V. Minorsky. A History of Sharvan and Darband in the 10—11 Centuries. Cambridge, 1958, p. 16, 32, 47, 71, 100.

женный и исследованный археологами, заполняет существующий пробел в наших знаниях и проливает свет на многие еще не решенные вопросы.

К числу новых источников по позднеаланской культуре относится Змейский катакомбный могильник, исследованный в 1957—1959 гг. объединенной археологической экспедицией Института археологии АН СССР и Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Вскрытые за три года раскопок 88 катакомб дали большой археологический материал, в корне меняющий наши старые представления о позднеаланской культуре.

Вплоть до самого последнего времени существовало мнение, что аланская культура в X—XII вв. беднеет и «затухает» после расцвета в V—IX вв.²⁰² Материалы Змейского катакомбного могильника опровергают это мнение. Сотни найденных предметов рисуют перед нами яркую картину дальнейшего развития и совершенствования аланской культуры в X—XII вв.²⁰³

Инвентарь, найденный в мужских погребениях, состоит прежде всего из многочисленных предметов вооружения и богатых конских уборов. Наиболее характерны сабли с почти прямыми клинками, слегка изогнутыми ручками и перекрестьями с округленными концами. Всего найдено 26 сабель, т. е. значительно больше, чем в Верхне-Салтовском могильнике за все время его раскопок²⁰⁴. Все они относятся к типу так называемых хазарских сабель, широко распространенных в VIII—IX вв. на юге Восточной Европы; хорошо известны сабли этого типа (особенно многочисленные в X—XI вв.) и на Северном Кавказе²⁰⁵. Выше уже говорилось, что на Кавказе сабли происходят (в тех случаях, когда они документированы) почти исключительно из катакомбных могильников²⁰⁶. Нет сомнения в том, что они были

специфически аланским оружием. Большое количество сабель, найденных в катакомбах станицы Змейской, говорит о том, что и в X—XII вв. аланы имели сильную и хорошо вооруженную конницу. По-видимому, не случайно каталонская хроника Раймона Мунтемера XIII в. свидетельствует, что «алане считаются лучшими, какими ни на есть, всадниками на Востоке»²⁰⁷.

Три сабли выделяются богатством оформления ножен и рукоятей. Это сабли из катакомб № 3, 9 и 14. У первой серебряные перекрестья и обкладка ножен были покрыты углубленным штампованным орнаментом (рис. 7, 5). Ножны сабли из катакомбы № 9 снабжены двумя серебряными обкладками для прикрепления ремней портупей и серебряным наконечником с вырезом. Над перекрестьем рукоять охвачена серебряной пластинчатой обкладкой, сверху рукоять венчал колпачок с петлей для темляка (рис. 7, 6). Наконечник, обкладки ножен и перекрестье орнаментированы плетенкой и трилистниками аканфа. Углубления на наконечнике и перекрестье заполнены чернью.

Выдающимся образцом аланского оружия является сабля из катакомбы № 14 (рис. 7, 1—4). Ее рукоять, перекрестье и ножны отделаны позолоченным серебром, сабля в деталях ничем существенно не отличается от двух предыдущих сабель, но обкладки ножен здесь очень широкие, массивные, а наконечник ножен не имеет выреза. Все детали сплошь покрыты сложным штампованным орнаментом, состоящим из вьющихся стеблей с тремя листьями аканфа на конце, чередующихся острых листьев, плетенкой и бордюрами, заполненными V-образным и точечным рисунками. Орнаментирована только лицевая сторона. В перекрестье вставлен ромбической формы камень — рубин или алмадин. Выше сохранилось гнездо для другой вставки, которая утрачена.

Рассматриваемая сабля, несомненно, относится к числу лучших сабель хазарского типа. Наиболее близка ей сабля Венского музея, приписываемая Карлу Великому²⁰⁸. Правда, сабля из катакомбы № 14 не имеет елмани и дола, клинок ее не покрыт орнаментом, но по

²⁰² Л. П. Семёнов. Нартский эпос и памятники материальной культуры. Сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 86; его же. К вопросу о происхождении осетинского нартского эпоса. ИСОНИИ, т. 19, Орджоникидзе, 1957, стр. 3.

²⁰³ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 117.

²⁰⁴ В Верхне-Салтовском могильнике найдено 12 сабель. Н. Я. Мерперт. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье. СА, XXIII, 1955, стр. 132.

²⁰⁵ Собраны и опубликованы в работе А. Захарова и В. Арндта. *Studia Levetica*. АН XVI, Tabl. III, V, VI. То же: см. Г. Ф. Корзухина. Из истории древнерусского оружия XI в. СА, XIII, 1950, табл. II.

²⁰⁶ Н. Я. Мерперт. Ук. соч., стр. 165.

²⁰⁷ В. И. Ламанский. Заметка об ясах-аланах. «Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом», т. VII, М., 1900, стр. 249.

²⁰⁸ I. Hampe l. Der sogenannte Säbel Karls des Grossen. «Zeitschrift für historische Waffenkunde», Bd 1, H. 2. Dresden — Berlin, 1897—1899, S. 45—49.

своему общему убранству она почти не уступает пышной «сабле Карла Великого». Обе сабли можно сближать и в хронологическом отношении. Венгерские археологи предложили для «сабли Карла Великого» несколько дат²⁰⁹, но, согласно последнему высказанному в печати мнению Г. Ф. Корзухиной, ее следует относить к XI в.²¹⁰ Этим определяется дата сабли из катакомбы № 14, причем следует указать, что на поверхности трущихся частей сохранились четкие следы длительного пользования в виде стертостей, вмятин, царапин и т. д. Несомненно, сабля высоко ценилась и переходила из рук в руки, прежде чем попасть в могилу, хотя Г. Ф. Корзухина и возражает против этой точки зрения²¹¹. Очень ценным для датировки сабли является найденный в одном с ней погребении обрывок коричневой шелковой ткани с кувической надписью начала XII в. Надпись дает возможность катакомбу № 14 отнести к первой половине — середине XII в. и подтверждает тем самым длительное использование сабли, изготовленной в XI в.

Остальные змеиные сабли относятся к числу рядовых; обкладки, наконечники ножен и перекрестья их сделаны из железа.

Как правило, в погребениях конных воинов находились стрелы с железными плоскими наконечниками ромбической или вытянуто-треугольной формы (рис. 8, 5—6). Встречаются вильчатые наконечники стрел, употреблявшиеся для охоты (рис. 8, 4). Трехперые наконечники, характерные для времени до X в.²¹², совершенно отсутствуют. В катакомбах № 3, 14, 15 и 36 удалось зафиксировать деревянные древки стрел, круглые в сечении и тщательно обструганные. Средний диаметр древков 1 см, длина не менее 50 см. Стрелы носились в колчанах, представленных в тех же катакомбах двумя типами. Наиболее распространены высокие (до 50 см) колчаны цилиндрической формы, с толстым деревянным дном в виде неполного круга²¹³ (рис. 8, 11). Обтянутые кожей

деревянные стенки крепились к днищу бронзовыми гвоздями с круглыми или четырехугольными шляпками и украшались резной берестой. Для ношения колчана с его внутренней стороны прибывались бронзовые скобы.

Колчаны этого типа, большие и тяжелые, по-видимому, принадлежали конным воинам и приторачивались к седлу.

В катакомбах № 14 и 15 найдены остатки плоских колчанов-горитов, носившихся у пояса. Гориты сделаны также из дерева, обтянутого кожей. На поверхности горита из катакомбы № 14 мелкими полусферическими бляшками выполнена пятиконечная звезда с отходящими от нее стеблями и завитками; горит из катакомбы № 15 украшен изображением чудовища с птичьей головой и телом собаки. Чудовище держит в клюве змею (рис. 10). Интересны зафиксированные в некоторых катакомбах остатки деревянных луков, обтянутые кожей или берестой. Концы луков округлые, с вырезом для тетивы (рис. 8, 8).

Наконечники копий в Змейской очень редки и встречены всего два раза. Они имеют позднюю воронковидную форму и почти лишены пера (рис. 8, 1). Совершенно отсутствуют защитные доспехи — щиты, шлемы, кольчуги.

В наиболее богатых погребениях конных воинов обнаруживался пышный набор конского снаряжения — уздечки, сбруи, стремена, седла, остатки попон и т. д. Уздечки и сбруи сделаны из сыромятной кожи, покрытой бронзовыми золочеными бляшками с разнообразным геометрическим орнаментом (рис. 8, 9—10). Стремена относятся к широко распространенному типу, встречающемуся как в Восточной Европе²¹⁴, так и Венгрии²¹⁵; удила имеют бронзовые прямые псалии со стремевидным выступом. Аналогичные псалии найдены П. А. Дитлером в Колосковском могильнике в Краснодарском крае. Чрезвычайно интересны два фрагмента ислетшей кожаной попоны из катакомбы № 14. Кожа прекрасной выделки (вероятно, сафьян). На одном фрагменте крученой серебряной нитью вышит геометрический орнамент, состоящий из плетенки и перекрещивающихся прямых, образующих углы, на втором фрагменте изображены два павлина, сидящие на дереве и клюющие плоды. Отличная

²⁰⁹ I. Hampel. Op. cit.; Z. Toth. Attilas Schwert. Studie über die Herkunft des sogenannten Säbels Karls des Grossen in Wien, Budapest, 1930; W. Arndt. Türkische Säbel aus VIII—IX. Jahrhunderten. AN, XVI, S. 65—66.

²¹⁰ Г. Ф. Корзухина. Ук. соч., стр. 85.

²¹¹ Там же, стр. 64.

²¹² История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. III—IV, стр. 442.

²¹³ Аналогичные колчаны известны в синхронных памятниках — могильниках Саниба в Северной Осетии (МАК VIII, стр. 98, рис. 93) и у мебельной фабрики № 1 Кисловодска (работы А. П. Рунич и Н. Н. Михайлова).

²¹⁴ М. К. Каргер. Археологические исследования древнего Киева. Киев, 1950, стр. 89, рис. 63 и др.

²¹⁵ B. Szöke. Adatok a Kisalföld IX és X századi történetéhez. AE, t. 81, Budapest, 1954, S. 128, Zeichn. 5; N. Fettich. Adatok a honfoglalások archaológiaihoz. AE, t. XLV. Budapest. 1931, S. 83, Zeichn. 57.

композиция, твердый и четкий рисунок изображений свидетельствуют о подлинно профессиональном мастерстве исполнения. Насколько известно, подобная находка на территории Восточной Европы обнаружена впервые.

Седла, найденные в катакомбах № 3, 14, 15 и 36, представляют собой вполне развитые кавалерийские седла, состоящие из двух деревянных ленчиков, передней и задней лук. Ленчики и луки обтягивались кожей. Особенно богато было отделано седло из катакомбы № 14. Ленчики его украшены золочеными штампованными пластинами с рельефными изображениями зверей и птиц (рис. 11), на деревянных луках вырезан рельефный орнамент, состоящий из схематической спиральной плетенки с круглыми стеклянными вставками (рис. 8, 12). Седло из катакомбы № 15 было обтянуто кожей, а поверх ее — тканью, по которой золотой нитью вышит орнамент в виде крутой волны. На ленчиках этого седла сохранились остатки войлочной подушки.

Как правило, богатое конское снаряжение сопровождалось начальником, предназначавшимся для султана из волос или перьев. Начальники все бронзовые, золоченые, обычного типа, ничем не отличающиеся от известных начальников VIII—IX вв.²¹⁶ Лишь начальник из катакомбы № 14 представляет собой совершенно необычную и не имеющую никаких аналогий вещь. Он имеет стандартное круглое основание из золоченой бронзы, увенчанное фигурой женщины, держащей в вытянутых руках чашу (рис. 9). Жидкость в чаше имитирована стеклышком. На голове женщины головной убор с бордюром по краю; такой же бордюр идет по вороту платья. На груди висит лунница, в уши вдеты проволочные бронзовые серьги в полтора оборота. Глаза выполнены при помощи вставок из стекла цвета ляпис-лазури. Руки первоначально двигались, о чем свидетельствует их крепление шарнирами. Этот уникальный начальник можно смело считать одним из лучших образцов средневековой кавказской торевтики.

К числу предметов амуниции конного воина относятся также деревянные чаши с устьем для слива, выточенные из твердых пород дерева. Чаши (судя по находкам в катакомбе № 3) имели бронзовые кольца для подвешивания,

продетые через борт. В походе такие чаши были удобны и легки.

Большинство мужских погребений, не отличавшихся богатством инвентаря, содержало железные боевые секиры и ножи (последние, как правило, находились и в богатых погребениях конных воинов, но более характерны именно для рядовых мужских погребений). Секиры и ножи были обязательной принадлежностью мужчин, причем их нередко обнаруживали даже в погребениях детей и подростков. Секиры отличаются легкостью и небольшими размерами (длина 10—13 см); лезвия их поставлены перпендикулярно одно к другому (рис. 8, 2—3). Секиры одевались на древки, достигавшие полметра в длину.

Дифференциация оружия и амуниции по могилам рисует довольно четкую картину состояния военного дела и структуры аланского войска. Наряду с сильной конницей аланы в XI—XII вв. имели и пешую рать, состоявшую из воинов, вооруженных секирами и ножами. Представляется весьма вероятным, что конные воины составляли дружину, объединенную вокруг феодального князя. Именно таким раннефеодальным князем можно считать лицо, погребенное в катакомбе № 14 с богатейшим инвентарем. Возможно также, что дружина была постоянной, как это наблюдалось и на Руси.

Масса пеших воинов, вооруженных секирами и ножами, хорошо отличима от дружинников. По-видимому, эти воины аналогичны русским феодальным «воям», т. е. крестьянам, ремесленникам, простым горожанам²¹⁷, созываемым в случае военной опасности и составлявшим ополчение.

Женские скелеты обычно сопровождались предметами, связанными с хозяйственной деятельностью женщин и украшениями. К первым относятся кабаньи клыки и железные ножницы. Кабаньи клыки употреблялись в качестве лоцил или гладил. Из этнографических данных известно, что кабаньи клыки вплоть до XX в. употреблялись для разглаживания швов при шитье одежды у осетин, кабардинцев и других народов Северного Кавказа²¹⁸. Их часто находят в раннесредневековых могильниках²¹⁹. На-

²¹⁷ Б. А. Рыбаков. Военное дело. В кн.: «История культуры древней Руси», т. I, М.—Л., 1948, стр. 403.

²¹⁸ О. В. Марггарф. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882, стр. 144.

²¹⁹ МАК VIII, табл. XLVI, 23, табл. CXXI, 1; МАК I, табл. XII, 20 и др.

²¹⁶ МАК VIII, табл. XVI, 8—9. Ф. Напсар. Op. cit., стр. 36, рис. 4; А. А. Захаров. Ук. соч., стр. 140, рис. 1—2; А. М. Покровский. Ук. соч., табл. XXII, 91.

личие массы кабаньих клыков свидетельствует о широко развитом у алан домашнем производстве обиходных изделий из ткани и кожи. При раскопках Змейских катакомб неоднократно были найдены остатки этих изделий — истлевшая верхняя и нижняя одежда, матерчатые и кожаные головные уборы в виде шлемов (колпаки)²²⁰, кожаные ноговицы (обувь без подметок и каблуков), напоминающие ноговицы-арчи кавказских горцев XIX — начала XX в.

Частыми находками в женских погребениях являются предметы туалета: зеркала из белой высокоооловянистой бронзы, бронзовые золоченые копоушки и ногтечистки (некоторые аналогичные салтовским²²¹); встречены также ручки от туалетных кисточек с остатками грубой щетины внутри²²² и золоченые флакончики с крышечками. В нескольких катакомбах были найдены истлевшие деревянные шкатулки, в которых хранились предметы туалета. Внутри одной из шкатулок лежали румяна из красной охры.

Очень любопытной категорией предметов, связанных в основном с женскими погребениями, являются бронзовые складни и фигурные пластинки, вырезанные в виде правильных кругов, овалов, вытянутых пятиугольников, напоминающие по форме фибулу (рис. 5, 7, 9). почти все они покрыты пунсонным орнаментом. Аналогичные вещи известны в других памятниках X—XII вв., например в могильниках Усть-Тебердинском²²³ и на мебельной фабрике № 1 Кисловодска²²⁴ (рис. 12, 4—5). Как правило, складни-пластинки обычно находятся на груди вместе с туалетными принадлежностями; некоторые из них имеют петли для подвешивания. Практическое назначение предметов не совсем ясно. Определенный свет на этот вопрос могут пролить наиболее многочисленные складни, состоящие из двух пластинок пятиугольной формы (рис. 13). Пластины совпадают, образуя при этом полость. В нескольких случаях

нам удалось проследить, что внутри полости лежала шерсть или войлок. Подобные наблюдения сделаны А. П. Руничем и Н. Н. Михайловым в катакомбах мебельной фабрики № 1 Кисловодска. Невольно напрашивается мысль, что рассматриваемые пятиугольные складни с вложенной в них шерстью играли роль амулета.

Подтверждение этому соображению можно видеть в наиболее ранней находке предметов подобного рода из катакомб VI—IX вв. в Камунте. П. С. Уварова называет их «кожаными мешками»²²⁵. По форме эти «мешки» совершенно идентичны металлическим складням; кроме того, в катакомбах Змейской мы также находили кожаные мешочки рассматриваемого типа, сшитые шелковой ниткой (например, в катакомбе № 7). Они, несомненно, выполняли те же функции, что и бронзовые складни. Какими были эти функции? Ответ на этот вопрос дают мешочки Камунты. На них изображены схематично выполненные человеческие фигурки с расставленными ногами и руками (рис. 13, 1—3). Фигурки эти полностью совпадают с металлическими человеческими фигурками, широко распространенными в IV—V вв., но дожившими до более позднего времени. Типичный образец металлической человеческой фигурки есть в той же Камунте²²⁶. Недавно краткая, но интересная сводка таких фигурок была составлена И. Т. Кругликовой²²⁷. По мнению И. Т. Кругликовой, рассматриваемые фигурки являются амулетами или оберегами²²⁸. Таким образом, логично решается вопрос и о назначении кожаных мешочков из Камунты, и о назначении тождественных им бронзовых складней из катакомб ст. Змейской и Кисловодска.

Это были амулеты, а с хранившейся в них шерстью, по-видимому, были связаны какие-то магические представления.

Чрезвычайно интересным и показательным является факт очень позднего бытования кожаных мешочков интересующей нас формы в осетинских наземных склепах²²⁹ (рис. 13, 9). Тем самым еще раз подтверждается огромный

²²⁰ Колпаки считаются некоторыми авторами предметами кавказского происхождения. Г. Фехер. Исследования по одеянию народов степи периода великого переселения народов. АЕ, t. 2, Budapest, 1956, S. 164.

²²¹ А. М. Покровский. Ук. соч., табл. XXI, 66.

²²² Сходные вещи см.: Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды. МИСК, вып. 7, Ставрополь, 1955, стр. 269, рис. 7, 7.

²²³ Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды..., рис. 6, 10; такой же предмет найден Т. М. Минаевой в могильнике Адюх. Е е же. Городище Адюх в Черкесии, стр. 114, рис. 49, 10.

²²⁴ Пользуюсь сообщениями и зарисовками А. П. Рунича и Н. Н. Михайлова.

²²⁵ МАК VIII, стр. 317, рис. 248—249.

²²⁶ Там же, стр. 314, рис. 244.

²²⁷ И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское. СА, 1957, № 2, стр. 253—257, рис. 2.

²²⁸ Там же, стр. 256.

²²⁹ Выставлен в экспозиции Северо-Осетинского музея краеведения в г. Орджоникидзе. Происходит из раскопок Л. П. Семенова в с. Даргавс в 1928 г.

вклад аланской культуры²³⁰ в позднесредневековую культуру осетинского народа и генетическая связь осетин с аланами.

Проблема генетических связей осетин и алан очень важна для правильного понимания истории Осетии. Материалы Змейского катакомбного могильника дают дополнительные данные и по этому вопросу. Так, обычай закрывать вход в катакомбу мельничным жерновом (зафиксированный раскопками Змейского могильника) нашел отражение в осетинских проклятиях, хотя и исчез из быта осетин эпохи позднего средневековья. С другой стороны, определенный интерес может представлять предпринятая нами попытка сопоставления осетинского нартского сказания о крадущих яблоки птицах и Ахсартаге с изображением на одной из накладных пластинок на седле из катакомбы № 14²³¹. Связь между сказанием об Ахсартаге и упомянутым изображением вполне вероятна, ибо подобные примеры не единичны²³².

К числу распространенных женских украшений относятся бусы, подвески и стеклянные цветные браслеты. Бусы обнаруживались не только в области шеи, но и у пояса, и у кистей рук, где они, вероятно, выполняли роль браслета. Бусы не отличаются таким богатством и разнообразием, как это было в VIII—IX вв. Количественно преобладает янтарный и цветной стеклянный бисер, довольно часты крупные янтарные подвески трапециевидных форм с отверстием в верхней части. Бросается в глаза отсутствие импортных каменных бус, поступавших из стран Передней Азии и Индии²³³ и находившихся северокавказские могильники в предшествующую эпоху. Это явление не случайно, по-видимому, оно стоит в непосредственной связи с концом арабского господства в Закавказье и изменением торговых путей в X в. Увеличение количества янтаря в погребениях X—XII вв. указывает на усиление связи с Севером — Поднепровьем и Прибалтикой, где имеются крупные месторождения янтаря²³⁴.

²³⁰ Судя по имеющимся сейчас материалам, подобные предметы характерны прежде всего для катакомбных аланских могильников. Есть они и в Верхне-Салтовском могильнике. А. М. Покровский. Ук. соч., табл. XXI, 76.

²³¹ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 118.

²³² Л. П. Семенов. Нартский эпос и памятники материальной культуры. Сб. «Нартский эпос», Орджоникидзе, 1957, стр. 82 сл.

²³³ Г. Г. Леммлейн. Опыт классификации форм каменных бус. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 166.

²³⁴ Янтарь. БСЭ, изд. 2, т. 49, стр. 571.

Усиление связей с Севером и в первую очередь с Русью подтверждается некоторыми другими наблюдениями. Так, например, в трех катакомбах были найдены нателные крестики киевского типа²³⁵. Причины, способствовавшие усилению связей между Русью и Северным Кавказом в период до монгольского нашествия, лежат в исторической обстановке того времени. Вскоре после падения арабского владычества в Закавказье был сокрушен Хазарский каганат, а на Таманском полуострове возникло русское Тмутараканское княжество — форпост Руси на Северном Кавказе и проводник ее влияния на местные племена²³⁶.

Проблема международных связей алан X—XII вв. уже освещалась в статьях, посвященных Змейскому катакомбному могильнику²³⁷. Не повторяя здесь аргументации, укажем, что наряду со сношениями с северными соседями и Русью, кавказские аланы, несомненно, поддерживали отношения с Грузией, Азербайджаном и Ираном. Влияние иранского искусства отражено в ряде уникальных орнаментированных вещей, например в изображениях сидящих на дереве павлинов, птиц, сидящих около жертвенника²³⁸, а также в изображениях полиморфных чудовищ. В этих последних можно узнать Сэнмурва — излюбленный мифический образ древнего Ирана²³⁹. Однако следует также учитывать, что изображения подобных грифонов (в том числе и Сэнмурва) в рассматриваемое время были широко распространены вне Ирана, хотя бы в Средней Азии²⁴⁰. Поэтому в данном случае не обязательно усматривать прямое иранское влияние.

²³⁵ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 109, рис. 13, 1—2; аналогичный крестик с распятием см.: В. К. Гончаров. Археологічні розкопки в Київі у 1955 р. «Археологія», т. X, 1957, стр. 125, рис. 4, 2.

²³⁶ Очень показательным фактом служат руины древнехристианской церкви XII—XIII вв., открытой О. В. Милорадович на городище Верхний Джулат в 1959 г. По своим основным архитектурным признакам церковь тяготеет к архитектуре славянского мира.

²³⁷ Е. И. Крупнов. О чем рассказывают пещеры. «Наука и жизнь», 1958, № 2, В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 116, Е. И. Крупнов. Новые источники по древней и средневековой истории Северного Кавказа..., стр. 116—118.

²³⁸ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 112, рис. 15, 3.

²³⁹ К. В. Тревер. Сэнмурв-Паскудж. Собака-птица. Л., 1937.

²⁴⁰ Г. А. Пугаченкова. Грифон в античном и средневековом искусстве Средней Азии. СА, 1959, № 2, стр. 70 сл.

На Северный Кавказ попадали также отдельные вещи из далеких стран арабского Востока и Сирии. Таковы арабская куфическая надпись на ткани (вероятно, повязка) из катакомбы № 14 и цветная стеклянная ваза сирийского происхождения из катакомбы № 23²⁴¹.

Сравнительно большое количество импортных изделий в катакомбах станицы Змейской объясняется ее очень выгодным географическим положением у входа в так называемые Эльхотовские ворота. Эльхотовские ворота являются единственным удобным и наиболее доступным проходом через Кабардинский хребет по течению Терека. Всего в 70 км юго-восточнее Эльхотовских ворот лежит важнейшая магистраль Центрального Кавказа — Дарьяльское ущелье. Огромная роль Дарьяльского ущелья как главной магистрали, связывавшей Северный Кавказ с Закавказьем, общеизвестна. Крупный международный торговый путь, проходивший по Дарьяльскому ущелью, затем, по-видимому, направлялся на север через Эльхотовские ворота. Аланы, жившие в районе Эльхотовских ворот, в силу своего положения контролировали этот проход, и у них оседали некоторые импортные товары.

Выгодное географическое и стратегическое положение у Эльхотовских ворот было одной из причин возникновения здесь большого аланского поселения Верхний Джулат, позже (в татарскую эпоху) превратившегося в город. Судя по археологическим материалам, полученным при раскопках О. В. Милорадович в 1958—1960 гг., аланский слой городища относится к X—XII вв., т. е. он синхронен Змейскому катакомбному могильнику. Не подлежит сомнению, что появление здесь огромного городища объясняется не только выгодным положением. Главную причину следует усматривать во внутреннем экономическом развитии племен Центрального Кавказа в позднеаланский период. Археологические материалы, добытые на Змейском катакомбном могильнике, подтверждают высококачественное ремесленное производство. Масса высококачественной гончарной керамики с клеймами мастеров, железные кораны, наконечники стрел, ножи, ножницы, стремена, деревянная посуда, предметы конского снаряжения — сбруи, уздечки, седла, — деревянные колчаны, бронзовые литые ременные бляшки, пряжки, женские украшения, зеркала, амулеты, предметы туалета — все это, несомненно,

²⁴¹ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 102, рис. 4; Е. И. Крупнов. Новые источники..., стр. 117, рис. 43, 1.

было произведено на месте и требовало высокого мастерства специалиста-ремесленника. Можно предполагать также местное производство многих тканей, остатки которых зафиксированы в ряде катакомб. Значительно более трудным представляется вопрос о происхождении тканей, покрытых золочеными кожаными аппликациями²⁴². Нами уже выдвинуто предположение о возможности их местного производства²⁴³, но для твердых выводов данных еще недостаточно.

Центром средоточения ремесел мог быть только зарождавшийся город. Как уже было сказано, таким зарождающимся городом было крупнейшее средневековое городище Северной Осетии — Верхний Джулат, расположенное всего в 3 км к юго-востоку от станицы Змейской. По-видимому, уже в аланское время это городище было крупным производственным и торговым центром Центрального Кавказа. Не случайно через Верхний Джулат (Татартуп) проходил большой торговый путь, существовавший еще в XVIII в. Отсюда осетины вели торговлю с русскими, жившими в Моздоке и Кизляре, здесь же находился центр работорговли²⁴⁴. Не случайно также район Татартупа весьма почитался вплоть до последнего времени осетинами и кабардинцами как священная местность²⁴⁵. Все эти традиции, несомненно, уходят в глубокую древность.

Раскопки Змейского катакомбного могильника позволяют сделать некоторые наблюдения относительно общественного строя алан XI—XII вв. В исторической литературе период X—XII вв. принято рассматривать как период разложения родового строя и зарождения феодализма²⁴⁶. Данные археологии вполне согласуются с этими выводами. Выше мы уже отмечали, что необычайно богатая катакомба

²⁴² В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., рис. 16.

²⁴³ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 117. Арабский географ X в. Масуди сообщает, что в стране кешаков (касогов-черкесов) выделяют полотняную материю, называемую «тала», и что такую материю вывозят также из стран, соседних с кешаками. Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. СМОМПК, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 55.

²⁴⁴ Г. Кок и е. в. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартупа и Джулата. «Записки Северо-Кавказского горского н.-и. института», т. II, Ростов-Дон, 1929, стр. 211—212.

²⁴⁵ Л. П. Семенов. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1947, стр. 18 сл.

²⁴⁶ Б. Скитский. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. ИСОНИИ, XI, Дзауджикау, 1947, стр. 65; История Северо-Осетинской АССР, М., 1959, стр. 55 сл.

№ 14 могла принадлежать семье местного феодала — князя, а погребения конных воинов — его дружинникам. Об этом говорит дифференциация инвентаря по могилам. Но не менее интересные наблюдения можно сделать, используя топографию могильника. На плане Змейского катакомбного могильника более или менее четко выделяется несколько компактных групп могил. От соседних могил они отделяются «нейтральным» пространством, не занятым катакомбами. В этом факте, как в зеркале, отразились родовые устои позднеаланского общества. Отдельные группы катакомб представляют не что иное, как родовые участки кладбища. Зарубежные археологи в последнее время стали выделять такие участки на могильниках путем тщательного учета и изучения отдельных категорий погребального инвентаря²⁴⁷. В данном случае вряд ли есть необходимость прибегать к такому методу, ибо топография могильника говорит сама за себя. В том, что это действительно родовые участки кладбища, нас убеждают и многочисленные данные этнографии. Так, например, каждый род имел свой участок на общем кладбище у осетин²⁴⁸, сванов²⁴⁹, мтиулов²⁵⁰ и других горских народов Кавказа в недавнем прошлом.

Если намеченные участки принадлежат родам, то нетрудно заметить, что не все роды равноценны в социальном отношении. Наиболее богатые катакомбы № 3, 14 и 15 расположены

на одном родовом участке. Отсюда вытекает, что данный род был наиболее значительным и в экономическом и в социальном отношении. И не случайно именно здесь мы находим погребение князя-феодала. Скорее всего это был уже выделившийся из рода родо-племенной вождь. Иными словами, археологические материалы рисуют яркую картину разложения родового строя эпохи военной демократии²⁵¹ и оформления феодализма на его раннем этапе.

Развитие феодальных отношений и состояние феодальной раздробленности у алан в предмонгольский период подтверждают и письменные источники. Рельефную картину феодальной раздробленности и междоусобиц рисует доминиканец Юлиан, посетивший Аланию вскоре после нашествия татар: «сколько там селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вожда против вожда, села против села»²⁵². Характерно, что многие аланские городища рассматриваемого периода имеют укрепленные цитадели и обнесены валами и рвами. Это городища, в рвах которых, по образному выражению Ф. Энгельса, «зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию»²⁵³. Однако дальнейшее развитие культуры северокавказских алан было прервано татаро-монгольским нашествием. Уцелевшие от погрома остатки алан в массе своей покинули северокавказскую плоскость и укрылись в горах, где быстро слились с местным горским населением.

²⁴⁷ G. Laszlo. Etudes archeologiques sur l'histoire de la Societe des Avars. АН, XXXIV, Budapest, 1955.

²⁴⁸ Г. Ф. Чурсин. Осетины. Этнографический очерк. Труды Закавказской научной ассоциации, вып. I. Тифлис, 1925, стр. 222.

²⁴⁹ Б. Е. Деген-Ковалевский. Сванское селение как исторический источник. СЭ, 1936, № 4—5, стр. 41.

²⁵⁰ Л. Б. Панек. Следы родового строя у мтиулов. СЭ, 1939, № 2, стр. 87.

²⁵¹ Я. С. Смирнова. Военная демократия в нартском эпосе. СЭ, 1959, № 6, стр. 60—68.

²⁵² С. А. Аннинский. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах в Восточной Европе. «Исторический архив», III, М.—Л., 1940, стр. 78—79; то же см.: ЗООИД, т. V, Одесса, 1863, стр. 999.

²⁵³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Госполитиздат, 1951, стр. 170.

Глава вторая

ЗАПАДНЫЙ ЛОКАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Катакомбные могильники, описанные в главе I, характеризуют культуру сармато-алан — носителей иранской речи на Северном Кавказе. Однако этими памятниками далеко не исчерпывается то многостороннее содержание, которое мы обычно вкладываем в понятие аланской культуры. Аланская культура Северного Кавказа представляет собой сложное историческое явление, огромный комплекс разнообразных памятников, включающий в себя не только катакомбные погребения ираноязычных алан, но и памятники автохтонных кавказских горских племен. Таково содержание Северокавказской аланской культуры в ее расширенном понимании. Поэтому нам неизбежно приходится наряду с катакомбами привлекать к исследованию все раннесредневековые памятники центральной части Кавказа.

После исследований Ю. Клапрота и особенно В. Ф. Миллера¹, собравшего и обобщившего все имевшиеся источники, обитание алан в верховьях Кубани считается установленным. Более западные районы Прикубанья издревле были заняты меотами, керкетами, синдами и другими племенами, относящимися к доадыгской общности. Поэтому рассмотрение отдельных групп аланских памятников следует начинать с района верховий Кубани. При этом еще раз необходимо подчеркнуть, что в последующем изложении имеются в виду аланские памятники Северного Кавказа именно в расширенном понимании этого термина.

¹ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 112—116.

1. НАЗЕМНЫЕ ГРОБНИЦЫ

В бассейне верхнего течения Кубани в настоящее время известны десятки могильников, состоящих главным образом из наземных гробниц. Довольно широко в эпоху раннего средневековья были распространены подземные склепы, кроме того, в отдельных районах встречаются уникальные могильные сооружения — дольменообразные склепы. Известны в верховьях Кубани и каменные ящики, но в сравнительно небольшом числе. Они не являются характерными именно для верховьев Кубани рассматриваемого времени.

Наземные гробницы имеют обычно вид небольшого домика, иногда одной стороной впущенного в склон горы. В плане они представляют собой вытянутый прямоугольник и сложены из битого или тесаного камня без раство-

ра. В передней стене обязательно делалось входное отверстие, сверху гробницы покрывались одной или несколькими толстыми плитами.

1. Индыш - Баши. Большой могильник из наземных каменных гробниц расположен на плоскогорье Индыш-Баши, между верховьями рек Индыш и Индыш-Артыкол. По свидетельству В. М. Сысоева, на плоскогорье насчитывается не менее 100 наземных гробниц, сложенных из мелких плиток камня, с четырехугольными входными отверстиями в передней стене. Встречаются наземные двухэтажные гробницы, сложенные из крупных плит². Гроб-

² В. М. Сысоев. Древности по верхнему течению р. Кубани. МАК IX, М., 1904, стр. 161—163.

ницы Индыш-Баши не исследовались, вследствие чего нам неизвестен связанный с ними погребальный обряд.

Из наземных гробниц Индыш-Баши В. М. Сысоевым опубликованы два бронзовых предмета: фибула и подвеска с птичьими головками по кругу³. Оба предмета хорошо известны в раннесредневековых памятниках Северного Кавказа и датируются IV—VI вв. Ближайшими аналогиями могут служить такие же вещи из раскопок Т. М. Минаевой на могильниках Гиляч⁴ и Байтал-Чапкан⁵. Имеются также фибулы и подвески в могильниках более восточных районов, например в Кумбултском могильнике Верхняя Рутха⁶. Особенно характерен для IV—VI вв. прием украшения металлических изделий птичьими головками.

2. Сенты. Селение и гора Сенты находятся на левом берегу Теберды. На вершине Сентинской горы сохранился древнехристианский храм X—XI вв. Вокруг храма по вершине и склонам горы расположено множество гробниц, неоднократно отмеченных в литературе⁷. Наземные гробницы среди них составляли, по-видимому, большинство.

В 1895 г. В. М. Сысоев обнаружил здесь четырехугольную гробницу с двускатной крышей⁸. В южной ее стене было сделано четырехугольное отверстие⁹. Он же исследовал на склонах Сентинской горы¹⁰ полуподземные гробницы с четырехугольными входными отверстиями. В 1898 г. В. М. Сысоев на Сентинской горе осмотрел еще ряд полуразрушенных наземных и полуподземных гробниц с четырехугольными отверстиями¹¹. Две из них были раскопаны.

В 1899 г. на Сентинской горе побывал И. А. Владимиров. На южном и восточном склонах им были обнаружены расположенные рядами гробницы с четырехугольными отверстиями, одной стороной впущенные в склон. Всего И. А. Владимиров насчитал до 35 таких гробниц. На западном конце площадки он отметил хорошо сохранившуюся гробницу с четырехугольным отверстием в южной стене. Наконец, южнее Сентинской горы И. А. Владимиров обследовал ряд пещер, внутри которых были устроены гробницы рассматриваемого типа, обмазанные глиной¹² с четырехугольными отверстиями (рис. 14, 8).

Сведений о погребальном обряде Сентинского могильника имеется очень мало. Это объясняется прежде всего сильной разрушенностью гробниц. Кое-что можно почерпнуть из раскопок В. М. Сысоева. Гробница, исследованная им в 1895 г., была ориентирована отверстием на юго-восток. Остатки двух черепов лежали у северо-западной стены, что говорит о северо-западной ориентировке погребенных¹³. Положение скелетов неясно. В гробнице, вскрытой в 1899 г. И. А. Владимировым, скелет лежал вытянуто на спине, по линии СЗ—ЮВ. Правая рука была положена на грудь, левая согнута¹⁴.

Сентинские гробницы из-за малочисленности найденных в них вещей могут быть датированы очень относительно, как и гробницы Индыш-Баши. Нам известно, что И. А. Владимиров в гробнице, вскрытой в 1899 г., кроме сосудов (не сохранились), нашел бусы, железное огниво с кремнем и бронзовую пряжку¹⁵. Последняя имеет так называемый геральдический щиток и может быть поэтому отнесена к VI—VII вв. Аналогичные пряжки и поясные бляшки с «геральдическими» щитками широко бытуют в то время в Восточной и Центральной Европе¹⁶. Осматривая другие гробницы Сентинской горы, И. А. Владимиров нашел в них еще несколько фрагментов таких же пряжек,

³ МАК IX, стр. 165, рис. 71 и 72.

⁴ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 279, рис. 5 и 16.

⁵ Е е же. Могильник Байтал-Чапкан, рис. 12, 17.

⁶ МАК VIII, табл. СII, 10—13 и др.

⁷ И. Бернадаци. Христианские древности за Кубанью. ЖМВД, ч. III, СПб., 1830, стр. 189; Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году. ИРАО, т. VIII, вып. 4, СПб., 1877, стр. 355; Из путевых заметок епископа Владимира о Северном Кавказе. «Русский архив», 1904, № 4, стр. 675 и т. д.

⁸ В. М. Сысоев. Поездка на реки: Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. МАК VII, М., 1898, стр. 129.

⁹ «Древности», т. IV, М., 1896, стр. 169—170.

¹⁰ МАК VII, стр. 130—132; «Древности», т. IV, стр. 169.

¹¹ ОАК за 1898 г., стр. 40; Архив ЛО ИА АН СССР. ФАК, д. № 38/1898, л. 15; В. М. Сысоев. Карачай в географическом, бытовом и историческом отношении. СМОПК, вып. 43, Тифлис, 1913, стр. 105.

¹² ОАК за 1899 г., СПб., 1902, стр. 52—55, рис. 102; Архив ЛО ИА АН СССР, ФАК, д. № 102/1899.

¹³ МАК VII, стр. 130—131 «Древности», т. IV, стр. 169.

¹⁴ ОАК за 1899 г., стр. 53.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См., напр., А. Бобринский. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смеги, т. III. СПб., 1901, табл. XIV, 2—4; В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 годах. ИАК, вып. 56, 1914, стр. 129, рис. 20; Т. М. Минаева. Находка близ станции Преградной на р. Урупе..., стр. 133 сл., рис. 52; АЕ, т. 43, Budapest, 1943, Tabl. XXIII, 6, 7, 10, 13.

бронзовый наконечник ремня, бронзовое кольцо-подвеску, обломок бубенчика и бронзовое височное кольцо с многогранником на конце. Эти височные кольца могут служить хорошим хронологическим признаком V—VII вв. для многочисленных погребений обширной территории Северного Причерноморья¹⁷ и Северного Кавказа¹⁸. Остальные вещи вполне соответствуют этому времени и не выходят за пределы V—VII вв.

На Сентинском могильнике есть и более поздние погребения, относящиеся к IX—XI вв. Они были обнаружены в 1959 г. Е. П. Алексеевой, опубликовавшей ряд предметов этого времени¹⁹, в частности стеклянный браслет.

3. Могильник № 1 р. Кривой. Река Кривая — восточный приток р. Кыфар. Недалеко от слияния этих рек на плоской вершине невысокого горного кряжа расположен крупный могильник, состоящий не менее чем из 100 наземных гробниц. Отрывочные сведения об этом могильнике в печати появились давно²⁰, но впервые обследован он был в 1952—1953 гг. археологической экспедицией Пятигорского государственного педагогического института. В результате раскопок на могильнике было вскрыто пять гробниц. Из них четыре были ориентированы входными отверстиями на восток. Отсюда можно заключить, что лежавшие в них костяки были ориентированы головами на запад. По остаткам истлевших костей судить о положении скелетов невозможно. Скорее всего они были вытянуты на спине, о чем говорят форма и размеры гробниц. Число погребенных в одной гробнице не превышает трех, чаще гробница использовалась для одного захоронения. В одной гробнице зафиксирована угольная, в другой — зольная подсыпка.

4. Могильник № 2 р. Кривой. Могильник № 2 расположен на правом берегу р. Кривой, против могильника № 1, и насчитывает около 50 гробниц. Здесь нами исследовано во-

семь наземных гробниц обычного типа, с четырехугольными входными отверстиями (рис. 14, 4—5). Большинство их, как и на могильнике № 1, было разрушено, скелеты перемешаны. Поэтому о деталях погребального обряда судить невозможно. Можно лишь отметить, что семь гробниц было ориентировано отверстиями на запад. Следовательно, погребенные в них должны были лежать головами на восток. Одна гробница была отверстием ориентирована на север.

Вопрос о времени использования рассматриваемых могильников был уже нами рассмотрен²¹. Средняя дата наземных гробниц р. Кривой определяется VIII—XII вв., причем большая часть материала относится ко времени позже VIII в. Гробницы № 2 и 5 могильника № 1 датируются временем не ранее X в. по найденным в них стеклянным браслетам.

Интересна керамика, в небольшом количестве обнаруженная в гробницах р. Кривой. Всего найдено четыре сосуда, из них два сильно фрагментированы. Два целых сосуда представляют собой коричнево-красные кувшины с одинаковой формы туловами, округло переходящими в дно. Ручки круглые, прикреплены ниже венчика, по горлу и шейке кувшины украшены волной и косой пролощенной сеткой (рис. 15, В, 1—2). Обломки третьего сосуда серо-охристого цвета принадлежали, по-видимому, кувшину с округлым шаровидным туловом и круглой ручкой (рис. 15, В, 3). Все кувшины изготовлены на круге.

5. Нижний Архыз. Поселок Нижний Архыз находится в ущелье р. Большой Зеленчук. Здесь же расположено большое городище эпохи средневековья. Рядом с городищем на склонах хребта Ужум находится могильник, состоящий из наземных гробниц, часть которых впущена одной стороной в склон. Здесь нами в 1953 г. были вскрыты две гробницы (рис. 30), ориентированные отверстиями на юго-запад. Судя по размерам, гробницы были предназначены для индивидуальных погребений, и скелеты в них могли лежать только вытянуто. Кости были перемешаны, детали погребального обряда не устанавливаются²².

В одной из гробниц, давно ограбленной, не было никаких вещей. Во второй найдено железное тесло, аналогичное теслам из гробниц

¹⁷ См., напр., Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, СПб., 1906, табл. 1.

¹⁸ См., напр., МАК I, табл. XX, 2, МАК VIII, табл. LXIII, 5, табл. LXXXIV, 6.

¹⁹ Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1960, стр. 25, табл. 12, 3, табл. 13, 1—4, 6, табл. 14.

²⁰ Н. Каменев. Попытки разведок в Кубанской области. «Кубанские войсковые ведомости», 1870, № 47—48; «Археологические известия и заметки, издаваемые императорским Московским археологическим обществом», т. 1, М., 1893, стр. 41.

²¹ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе..., МИСК, вып. 6, Ставрополь, 1954, стр. 345—351; его же, Наземные гробницы на реке Кривой, стр. 83—89.

²² Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. № 760.

р. Кривой²³. По-видимому, гробницы Нижнего Архыза можно отнести к тому же периоду (VIII—XII вв.).

6. Усть-Тебердинский могильник. Расположен в месте слияния Теберды и Кубани, около нынешнего Карачаевска. Первое указание на наличие здесь наземных гробниц было у И. Бернадацци, отметившего «небольшую древнюю гробницу, отличающуюся от прочих изяществом отделки»²⁴. В 1939 г. могильник был обследован Т. М. Минаевой. Могильные сооружения она разбила на четыре вида, выделив в четвертый вид наземные гробницы. Гробницы сложены, по словам Т. М. Минаевой, из хорошо отесанного камня и группируются в восточной части могильника²⁵. Ни одна из наземных гробниц не была раскопана, поэтому вопрос о характере погребального обряда и дате остается открытым. Т. М. Минаева, датирующая Усть-Тебердинский могильник IX—XI вв., эти наземные гробницы относит к числу наиболее поздних могил²⁶.

7. Верховья р. Бежгон. Река Бежгон — западный приток р. Кяфар. В верховьях Бежгона Т. М. Минаева обследовала могильник, состоящий из нескольких десятков наземных гробниц²⁷. Могильник не исследован.

8. Левый берег р. Кяфар. На левом берегу Кяфара, в 16 км южнее станции Сторожевой, Е. Д. Фелицын зафиксировал наземные гробницы с четырехугольными и круглыми отверстиями в передней стене²⁸ (рис. 14, 3). Могильник не исследован.

9. Шоана. Гора Шоана находится на левом берегу Кубани, около сел. Коста Хетагурова (б. Осетинское). На вершине горы сохранился древнехристианский храм, окруженный разрушенными гробницами. В 1895 г. В. М. Сысоев исследовал здесь две наземные гробницы, содержавшие ограбленные погребения²⁹. В 1895 г. им же на горе Шоана была раскопана еще одна гробница, впущенная в склон³⁰.

Из-за того, что погребения были ограблены, судить о характере погребального обряда не-

возможно. Нет также и датирующего археологического материала.

10. Могильник № 1 на левом берегу Теберды. Расположен в 2—3 км выше слияния Теберды и Кубани. Здесь В. М. Сысоевым были вскрыты три гробницы, из которых одна, судя по описанию, была полуподземной³¹. В некоторых гробницах В. М. Сысоев отметил четырехугольные отверстия³². Одна из гробниц была ориентирована отверстием на юго-восток. Костяк, по описанию В. М. Сысоева, находился в сидячем положении. Последнее сомнительно, ибо дореволюционные археологи зачастую считали сидячими костяки, сдвинутые в кучу при повторном захоронении. Насколько известно, сидячее положение покойников совершенно нехарактерно для погребального обряда Центрального Кавказа³³.

11. Могильник № 2 на левом берегу Теберды. Описан В. М. Сысоевым, не указавшим точного местонахождения могильника. Судя по описанию В. М. Сысоева, этот памятник находится несколько выше могильника № 1 по течению Теберды. Здесь В. М. Сысоев осмотрел гробницу с четырехугольным отверстием, обращенным на восток. Им же были раскопаны две полуподземные гробницы с входными отверстиями³⁴. Погребения были нарушены, обряд не устанавливается.

В коллекциях Государственного исторического музея хранится материал, собранный В. М. Сысоевым в 1896 г. во время его поездки в верховья Кубани. Среди вещей из коллекции В. М. Сысоева есть два плоских железных наконечника стрел³⁵. Из отчета В. М. Сысоева видно, что действительно были найдены два наконечника стрел: один — в наземной гробнице могильника № 2 на левом берегу Теберды, второй — в разрушенной гробнице в Шубертовой балке³⁶. Нет сомнения в том, что в отчете речь идет именно об этих наконечниках стрел.

Оба наконечника стрел однотипны — плоские, ромбической или треугольной формы, с

²³ В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на реке Кривой..., стр. 85, рис. 37, 5 и 7.

²⁴ И. Бернадацци. Ук. соч., стр. 187.

²⁵ Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды..., стр. 263.

²⁶ Там же.

²⁷ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. ТЧНИИ, вып. II, Черкесск, 1954, стр. 275.

²⁸ Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК IX, табл. XIII.

²⁹ МАК VII, стр. 126—127, рис. 29; «Древности», г. IV, стр. 169—170.

³⁰ МАК IX, стр. 144.

³¹ Там же, стр. 146.

³² СМОНПК, вып. 43, стр. 109.

³³ Пожалуй, наиболее часто сидячее положение покойников наблюдается в могильниках Дагестана. См., напр., А. А. Захаров. Contributions to Caucasian Archaeology, ESA, V, Helsinki, 1930, p. 183—216, fig. 26; К. Ф. Смирнов. Археологические исследования в районе дагестанского селения Тарки в 1948—1949 гг. МИА, № 23, стр. 258, табл. III и др.

³⁴ МАК IX, стр. 148—149.

³⁵ ГИМ, инв. № 44758.

³⁶ МАК IX, стр. 148, 151.

четырёхгранным черешком (рис. 16, 1—2). Это довольно поздние наконечники стрел, получившие распространение около X в., и сменившие трехперые наконечники стрел. Они чрезвычайно устойчивы и существуют не только в предмонгольский период (см., например, в Змейском катакомбном могильнике³⁷), но и значительно позже, вплоть до XVII—XVIII вв.³⁸ Поэтому они не могут служить основой для датировки. В данном случае ясно лишь, что могильник № 2 на левом берегу Теберды вряд ли относится ко времени ранее X в. По-видимому, время этого могильника может ориентировочно определяться X—XII вв.

12. **Кала-Сырты.** Гора Кала-Сырты находится в 3 км к юго-востоку от сел. Сенты. В восточной части горы сохранились остатки древнехристианской часовни, а вокруг нее и по склонам горы много небольших каменных гробниц. Передние стенки у большинства гробниц разрушены, а в тех случаях, когда они сохранились, в них видны четырехугольные отверстия.

В. М. Сысоев на горе Кала-Сырты раскопал три гробницы³⁹. Некоторые данные по погребальному обряду можно извлечь лишь в одном случае, когда в гробнице были обнаружены остатки семи скелетов, лежащих на слое березовой коры. Никаких других данных по погребальному обряду в описании не содержится. В гробнице были найдены обломки браслета из черного стекла, что и определяет дату (X—XII вв.).

13. **Гиляч.** У места впадения р. Гиляч в Кубань расположено городище IV—XI вв. и могильники того же времени⁴⁰. Большинство гилячских могил — подземные склепы, но Т. М. Минаева обнаружила здесь и типичную наземную гробницу, сложенную из тесаных камней (рис. 14, 1). Передняя стена не сохранилась, гробница была ограблена⁴¹.

14. **Клянь-Кала.** Гора Клянь-Кала находится в 8 км к северу от аула Карт-Джурт, на правом берегу р. Клянь-Су. На вершине и

склонах горы Клянь-Кала В. М. Сысоев зафиксировал каменные гробницы, часть которых наполовину впущена в склон⁴². Одна из них, ориентированная с юго-востока на северо-запад, была раскопана. Погребение нарушено, характер погребального обряда не поддается определению. В гробнице были найдены четыре кувшина и обломки бронзовых фибул и пуговиц. Два кувшина опублицованы В. М. Сысоевым⁴³. Они имеют зооморфные ручки, один кувшин по корпусу снабжен тремя наклепными сосками, очень характерными для аланской керамики IV—VI вв. Ориентировочно дату гробниц Клянь-Кала можно определить IV—VI вв.

15. **Индыш.** Река Индыш — один из восточных притоков верховьев Кубани. В 3 км выше впадения Индыша в Кубань В. М. Сысоев исследовал три наземных гробницы⁴⁴. В передней стене наиболее сохранившейся гробницы имелось четырехугольное отверстие. Все гробницы оказались ограбленными. Найденные в них остатки погребального инвентаря — бронзовые серьги, бубенчик, наконечник пояса и стеклянная бусина — относятся, несомненно, к эпохе средневековья. Более точная дата Индышских гробниц неопределима.

Всего здесь В. М. Сысоев насчитал 15 наземных гробниц. По последним сведениям, сообщаемым Х. О. Лайпановым, на Индыше насчитывается до 40 гробниц⁴⁵.

16. **Джашатык-Кала.** Местность Джашатык-Кала находится в верхнем течении р. Индыш, против горы Дуарбат-Айры. Здесь В. М. Сысоев отметил две группы наземных гробниц с четырехугольными отверстиями в передней стене. Две из них были раскопаны, но оказались давно ограбленными. Характер погребального обряда не устанавливается. Найденны скудные остатки типично раннесредневекового инвентаря: несколько бусин, бронзовый бубенчик и обломок металлического зеркала⁴⁶.

17. **Марджа.** Урочище Марджа расположено по верхнему течению р. Индыш. А. Фир-

³⁷ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 104.

³⁸ См., напр., О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА. XX, 1954, стр. 346, рис. 2, 10—18; об употреблении стрел наряду с огнестрельным оружием см. у С. Броневского. Новейшие известия о Кавказе, ч. 1, М., 1823, стр. 103—104.

³⁹ ОАК за 1898 г., стр. 40; Архив ЛО ИА АН СССР, ФАК, д. № 38/1898, л. 16; СМОМПК, вып. 43, стр. 109.

⁴⁰ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 273 сл.

⁴¹ Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35, д. № 44/1939, рис. 11.

⁴² МАК IX, стр. 155.

⁴³ МАК IX, рис. 63 и 64.

⁴⁴ ОАК за 1898 г., стр. 40; СМОМПК, вып. 43, стр. 108; Архив ЛО ИА АН СССР, ФАК, д. № 38/1898, л. 19—20, см. также И. Хурумов. Древние гробницы на р. Индыш. СМОМПК, вып. XIII, Тифлис, 1892, стр. 20, рис. 7, 8.

⁴⁵ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, стр. 48.

⁴⁶ МАК IX, стр. 160—161, СМОМПК, вып. 43, стр. 107.

кович, предпринимавший археологическую разведку в верховьях Кубани в 1849 г., отметил, что в ущелье р. Марджды (верхний Индыш.— В. К.) находятся три квадратные гробницы, стоящие рядом и сложенные из тесаного камня правильной формы и кладки, крытые плитами, с «кровлями» и окном в каждой из них, обращенным на юго-запад⁴⁷.

⁴⁷ А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. ЗРАО, т. IX, вып. 2, СПб., 1857, стр. 388—389.

Несколько позже А. Фирковича через урочище Марджа проезжал чиновник Токарев, отметивший в своем путевом дневнике большую группу наземных гробниц с входными отверстиями⁴⁸. После этих двух посещений в урочище Марджа археологи не были, и могильник остается неисследованным.

⁴⁸ Токарев. Поездка на снеговой хребет северо-западной цепи Кавказа. «Современник», т. XXVIII, отд. VI, СПб., 1851, стр. 6—7.

2. ПОДЗЕМНЫЕ СКЛЕПЫ

Наряду с надземными гробницами в верховьях Кубани в раннем средневековье были довольно широко распространены подземные склепы. В конструктивном отношении они очень близки наземным гробницам: стены также сложены из битого или подтесанного камня, перекрытие состоит из одной или нескольких толстых плит, в плане они также представляют собой вытянутый четырехугольник. В стенах подземных склепов иногда устраивались ниши и полки, чего нет в наземных гробницах. Сверху подземные склепы покрывались тонким слоем земли. В целом они по конструкции и строительным приемам связаны с наземными гробницами и, по-видимому, составляют одну линию развития могильного сооружения.

1. Узун-Кол. Горная река Узун-Кол — приток р. Уллу-Кам, впадающей в Кубань в самом ее верховье. В устье р. Узун-Кол Т. М. Минаева в 1939 и 1956 гг. исследовала древнее поселение и могильник, связанный с поселением. Хронологически могильник делится Т. М. Минаевой на две группы: древнейшую и позднюю. Все могилы древнейшей группы однородны и представляют собой типичные подземные склепы, сложенные из битого камня и в большинстве случаев снабженные полками вдоль стен. В стенах двух склепов имелись ниши⁴⁹ (рис. 14, II). Погребальный обряд Узун-Колского древнейшего могильника характеризуется коллективным (семейным) характером погребений, вытянутым на спине положением покойников и неустойчивой ориентировкой.

В поздней части могильника Т. М. Минаева обнаружила могилы двух типов: подземные склепы аналогичные склепам древнейшего мо-

гильника, и грунтовые ямы⁵⁰. Погребальный обряд этой группы могильника Т. М. Минаевой не охарактеризован, очевидно, ввиду того, что склепы ограблены. Древнейшую группу могил Узун-Кола Т. М. Минаева датирует III—V вв., а позднюю VI—VII вв. Однако в древнейшей группе могильника найден только один предмет, несомненно, относящийся ко II—III вв. н. э., — металлическое зеркало с боковым ушком (склеп № 2)⁵¹, остальные предметы могут быть датированы более поздним временем, что вытекает из высказываний самой Т. М. Минаевой⁵². Очень характерна для IV—V вв. керамика. Поэтому древнейшие склепы Узун-Кола, пожалуй, вернее было бы датировать IV—V вв., исключив III в. Ведь металлическое зеркало-подвеска, к тому же связанное с культом змеи, могло употребляться весьма длительное время и переходить из поколения в поколение. Подобные случаи в археологии хорошо известны.

Т. М. Минаева опубликовала описания восьми целых или фрагментированных глиняных сосудов из склепов Узун-Кола. Керамика древнейшего периода могильника чернолощевая и лепная. Наиболее распространенным типом сосудов является кувшин с шаровидным туловом, ручкой, прикрепленной к венчику, и наклепными сосками на корпусе. Встречаются также же кувшины без сосков. Вторым типом являются крупные яйцевидные кувшины с носиком-сливом. К третьему типу Т. М. Минаева относит небольшие кружки (рис. 15, А, 7).

Сосуды описанных типов иногда попадают и в поздней части могильника (например, кувшины с наклепными сосками). Но в то же время появляются новые формы керамики.

⁵⁰ Там же, стр. 199.

⁵¹ Там же, стр. 196—197, рис. 6, 9.

⁵² Там же, стр. 198.

⁴⁹ Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол. СА, 1960, № 2, стр. 193 сл., рис. 2.

Таковы, например, кувшины типа бутылки, сделанные из красной глины на гончарном круге (рис. 15, Б, 1). Кувшины с отогнутым горлом и шаровидным туловом Т. М. Минаева генетически связывает с первым типом керамики IV—V вв.

2. Гиляч. На могильниках у городища Гиляч Т. М. Минаева в 1939 г. исследовала 30 подземных склепов⁵³. Все они имели отвесные стены, иногда с нишами и полками, сверху перекрытые плитами, положенными поперек. Большинство склепов было опустошено, остатки скелетов перемешаны. Более или менее определенные сведения о погребальном обряде мы можем получить из описания восьми склепов (№ 3, 16, 18, 20, 21, 25, 28 и 30). Из них шесть склепов были ориентированы с запада на восток, два имели северо-восточную и юго-западную ориентировку. Число погребенных в одном склепе не превышает двух. Преобладающая ориентировка скелетов — головой на восток (в склепе № 21 на запад), положение — вытянутое на спине для мужских (?) и скорченное на боку (склепы № 3 и 25) для женских (?) костяков. Иногда одна из рук была положена на таз, в склепе № 28 ноги первого костяка были скрещены. Подземные склепы Гиляча Т. М. Минаева датирует IV—V вв.⁵⁴

Керамика, найденная в Гилячских склепах, представлена в основном теми же типами, что и в древнем ярусе Узун-Кола. Это небольшие чернолощенные, шаровидной формы кувшины с ручкой, прикрепленной к венчику и часто с налипшими сосками на тулове (рис. 15, А, 2—3). Некоторые кувшины сосков не имеют (рис. 15, А, 1). Встречены в Гиляче и большие яйцевидные кувшины с носиком-сливом, одной или тремя ручками, богато орнаментированные (рис. 15, А, 5—6). Некоторые куршины имеют носик в виде трубочки и стоячую ручку со сквозным отверстием (рис. 15, А, 8), другие сосуды имеют стилизованные зооморфные ручки в виде животных. Следует также отметить, что на дне некоторых сосудов были рельефные клейма⁵⁵.

3. Л а х р а н. Плоскогорье Лахран расположено в районе сел. Хасаут, у одноименной реки. Здесь в 1956 г. В. И. Семакин обнаружил

подземный склеп рассматриваемого типа⁵⁶. Отвесные стены склепа сложены из плит камня без раствора. Сверху склеп был покрыт четырьмя поперечными плитами (рис. 14, 13). Группа туристов во главе с В. И. Семакиным раскопала склеп, причем в камере был найден кувшин, типичный для IV—VI вв. (аналогичный сосудам из Узун-Кола, Гиляча и других могильников). Этот сосуд и определяет дату лахранского склепа.

4. Куутум. Урочище Куутум находится у слияния небольших речек Тала и Каяла, под горой Эльбрус. Здесь Т. М. Минаева открыла остатки небольшого поселения и могильник, состоящий из подземных склепов. По наблюдениям Т. М. Минаевой, склепы были отмечены на поверхности четырехугольными выкладками камней⁵⁷. Исследованы два склепа, содержавшие остатки перемешанных и ограбленных погребений. Склепы удлиненно-четыреугольной формы, покрыты толстыми гранитными плитами, стены выложены битым камнем. Вдоль одной из длинных стен делалась полка шириной до 25 см. Один из склепов был ориентирован с севера на юг, другой — с северо-запада на юго-восток.

Ориентировка погребенных (если судить по ориентировке склепов) была неустойчивой.

Поселение в Куутум Т. М. Минаева датировала II—III вв. н. э.⁵⁸, хотя в ее беглом упоминании об интересующем нас памятнике не содержится никакой аргументации. По-видимому, та же дата подразумевается и для могильника. Судя по более подробным данным, изложенным в диссертации Т. М. Минаевой, в склепах Куутума были найдены шесть бусин, бронзовая ложка-цедилка с пятью дырочками, обломки бронзовой фибулы, маленькая золотая серьга калачиком и бронзовое зеркальце-подвеска с изображением свернувшейся змеи на обороте⁵⁹. Комплекс этих металлических вещей, как мы видим, аналогичен металлическому комплексу из склепов Узун-Кола. Это позволяет сблизить хронологически оба памятника. К сожалению, в склепах Куутума не найдено керамики. Т. М. Минаева упоминает о

⁵⁶ Сведения о склепе Лахрана и зарисовка получены мной от Н. М. Егорова, которому они были переданы В. И. Семакиным.

⁵⁷ Т. М. Минаева. Из истории археологических обследований верховьев реки Кубани. УЗ СГПИ, т. VII, Ставрополь, 1951, стр. 230.

⁵⁸ Там же, стр. 231.

⁵⁹ Т. М. Минаева. Археологические памятники верховьев р. Кубани. Кандидатская диссертация. Архив ИА АН СССР, ф. 2, № 747, стр. 72—73.

⁵³ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 273 сл.

⁵⁴ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 297.

⁵⁵ Там же, стр. 283.

выброшенных из могил черепках сосуда с «шищечками» (сосками.— В. К.) по корпусу⁶⁰. Эта находка служит косвенным указанием на то, что в Куутумских склепах находилась керамика, хорошо известная нам по могильникам Узун-Кола, Гиляча и других памятников IV—V вв.

5. Усть-Тебердинский могильник. Как отмечает Т. М. Минаева, значительную часть Усть-Тебердинского могильника составляют подземные склепы. Их стены сложены из небольших плит тесаного камня настолько хорошо, что жители Карачаевска устраивали из них погребя. Стены склепов отвесные, пол обычно выстлан плитами. В стенах имелись ниши. Всего Т. М. Минаевой здесь вскрыто восемь подземных склепов, большая часть которых оказалась ограбленной⁶¹.

Т. М. Минаева отмечает, что ориентировка склепов была неустойчивой и зависела от условий местности. В них было найдено от двух до шести костяков; по-видимому, склепы были семейными. Интересной особенностью погребального обряда является различие в положении погребенных по полу: мужчина — на спине, женщина — на боку, со слегка согнутыми ногами. Такая особенность намечается также по материалам Гилячского могильника.

Т. М. Минаева относит Усть-Тебердинский могильник к IX—X вв. Однако эту дату следует признать слабо аргументированной. В поисках аналогий Т. М. Минаева обращается к памятникам VIII—IX вв. (Лац, Галиат, Дуба-юрт, Зеленчукский клад)⁶², и эти несколько натянутые аналогии заставляют автора искусственно занижать время бытования Усть-Тебердинского могильника. Однако ни в Лаце, ни в Галиате, ни в Дуба-юрте не было найдено стеклянных браслетов, в то время как они довольно часты в склепах Усть-Тебердинского могильника. Стеклянные браслеты указывают на время не ранее X в., о чем мы уже говорили выше. На основании этого дату Усть-Тебердинского могильника следует определить не IX—X вв., а X—XII вв. В материалах Усть-Тебердинского могильника есть ряд вещей, ближайше аналогии которым можно видеть в катакомбных могильниках X—XII вв. — Змейском, Рим-горском, на мебельной фабрике № 1 Кис-

ловодска. Таковы, например, характерные наконечники ножен сабель, бронзовые фигурные пластинки в виде трезубца⁶³ и т. д. Такой же типичный позднеаланский инвентарь был обнаружен в склепах Усть-Тебердинского могильника в 1959 г. местным учителем А. Кузьминовым, среди инвентаря — стеклянные браслеты⁶⁴.

В Усть-Тебердинских склепах Т. М. Минаевой найдено семь глиняных сосудов. Описание четырех из них опубликовано. Это небольшие кувшинчики с грушевидным округлым туловом с отогнутым венчиком, украшенные косой лощеной сеткой по горлу (рис. 15, В, 4—5), чернолощенные или красноглиняные, кружка баночной формы (рис. 15, В, 7), кувшинчик с носиком-сливом типа змейских (рис. 15, В, 6). Посуда изготовлена на гончарном круге.

6. Нижний Архыз. Летом 1956 г. на левом берегу р. Большой Зеленчук против пос. Нижний Архыз мной был обследован случайно открытый при ремонте дороги подземный склеп⁶⁵. Отвесные стены склепа сложены из подтесанных плиток известняка насухо и накрывы одной мощной плитой во всю длину, пол выстлан тонкими плитами. Длина склепа 2,1 м, ширина 0,8 м, высота камеры 0,6 м.

Склеп был ориентирован с северо-запада на юго-восток. Ниш и полок в склепе не было. При расчистке в склепе обнаружены отдельные человеческие кости нарушенного погребения, очевидно, ориентированного головой на северо-запад. Остальные детали положения погребенного не устанавливались.

В Нижне-Архызском склепе найдены обломки пяти разбитых стеклянных браслетов — четырех треугольных в сечении и одного круглого витого (рис. 17, 4—9). Браслеты цветные: коричневого, желтого, синего и вишневого стекла. Они и определяют датировку памятника XI—XII вв. Следует отметить, что в Нижне-Архызском склепе нами обнаружено не менее 14 стеклянных предметов — браслетов, перстней, сосудов и, кроме того, стеклянные бусы. Такое обилие стекла в средневековых могилах верхнего Прикубанья нами наблюдается впервые. Сосуд, найденный в склепе, был разбит бульдозером, удалось обнаружить несколько фрагментов гончарного кувшина серо-коричне-

⁶⁰ Т. М. Минаева. Археологические памятники верховьев р. Кубани. Кандидатская диссертация. Архив ИА АН СССР, ф. 2, № 747, стр. 70.

⁶¹ Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды.... стр. 261 сл.

⁶² Там же, стр. 276.

⁶³ Там же, рис. 5, 4, рис. 6, 10, рис. 7, 1, 8.

⁶⁴ А. Кузьминов. Археологические находки школьников. «Ставропольская правда», № 264 за 10 января 1959 г.

⁶⁵ В. А. Кузнецов. Археологическая находка. «Знамя коммунизма», № 71 за 2 сентября 1956 г.

вого цвета, в верхней части корпуса орнаментированного лощеной косой сеткой (рис. 17, 24). По форме кувшин, по-видимому, аналогичен кувшину Усть-Тебердинского могильника.

7. Адиюх. При исследовании аланского городища Адиюх у аула Хабез в Черкесии Т. М. Минаева вскрыла ряд могил. Судя по публикации, некоторые из них были подземными склепами рассматриваемого типа⁶⁶. Отвесные стены склепов сложены из подтесанного камня, без ниш и полок. На полу вскрытого склепа лежали два скелета: один — на левом боку, другой — на спине, с раздвинутыми ногами и руками, сложенными на тазе. Головами скелеты были ориентированы на запад.

Подземные склепы Адиюх Т. М. Минаева отнесла к IX в.⁶⁷ В могиле № 10 был найден кувшинчик с туловом округлой формы, прикрепленной к венчику ручкой и, сплошным линейным орнаментом⁶⁸.

8. Шоана. Наряду с наземными и полуподземными гробницами В. М. Сысоев отметил на горе Шоана и подземные склепы. Один из них был обнаружен под полом храма во время его реставрации. В западной стене склепа имелась ниша⁶⁹. Погребений и инвентаря не обнаружено. Склеп, несомненно, средневековый.

9. Гаратуз. Могильник Гаратуз находится на Кубани, в 2 км ниже аула Карт-Джурт. Подземные склепы находятся на глубине около полуметра и на поверхности обозначены кругами из камней. Обследованы В. М. Сысоевым⁷⁰.

10. Кльян-Кала. Выше мы упоминали наземные гробницы, обследованные В. М. Сысоевым на горе Кльян-Кала, в 8 км севернее аула Карт-Джурт. Наряду с наземными гробницами В. М. Сысоев зафиксировал здесь подземный склеп, сложенный из нетесанных камней. Плиты перекрытия лежали поперек. Погребений и инвентаря не обнаружено⁷¹.

11. Кой-Боулар. Урочище Кой-Боулар находится на правом берегу Кубани севернее аула Карт-Джурт. Здесь В. М. Сысоев обследовал подземный склеп, не содержащий погребения,

но свидетельствующий о наличии могильника⁷².

12. Левый берег р. Теберды. На могильниках по левому берегу Теберды, кроме наземных гробниц, В. М. Сысоев обследовал ограбленные подземные склепы рассматриваемого типа⁷³.

13. Поселок Коста Хетагурова (б. Георгиевско-Осетинский). В 1—2 км южнее б. поселка Георгиевско-Осетинского на левом берегу Кубани В. М. Сысоев в 1895—1896 гг. вскрыл три подземных склепа⁷⁴, содержащих ограбленные погребения с деформированными черепами (один из погребенных лежал головой на северо-запад). Деформация черепов как будто указывает на IV—VI вв. — время широкого распространения этого обычая на Кавказе. Известное подтверждение этой даты можно найти в материалах из раскопок В. М. Сысоева в 1896 г., хранящихся в Государственном историческом музее⁷⁵, с этикеткой «Хумара» (б. укрепление Хумаринское находилось около пос. Осетинского). Это бронзовая ложка с отверстием и фибула (?) с тремя птичьими головами (рис. 16, б—7). Совершенно аналогичные предметы найдены в ряде могильников Северного Кавказа V—VI вв., например в хорошо датированном пехлевийской печаткой VI в. могильнике Верхняя Рутха⁷⁶. Этой дате не противоречит бронзовая ложка.

14. Боготобагде. Местность Боготобагде находится в окрестностях станицы Зеленчукской (точнее неизвестно). Здесь в 1908 г. В. Л. Тимофеев раскопал подземный склеп на глубине около 1 м. Сверху склеп был накрыт двумя плитами, стены выложены камнем «без заливки». Судя по описанию, В. Л. Тимофеевым здесь же были осмотрены другие неразграбленные склепы.

Вскрытый В. Л. Тимофеевым склеп содержал скелет, лежавший на правом боку головой на север, руки были согнуты в локтях, кисти подведены к лицу. При погребенном было найдено 11 бронзовых вещей и «один кусочек железа от неизвестного предмета». В других склепах В. Л. Тимофееву удалось собрать следующий материал: кабаньих клык, несколько янтарных бусин, железный топорик, трехгранный

⁶⁶ Т. М. Минаева. Городище Адиюх в Черкесии..., стр. 110 сл., рис. 48, 2.

⁶⁷ Там же, стр. 117.

⁶⁸ Т. М. Минаева. Городище на балке Адиюх в Черкесии..., стр. 160, рис. 7.

⁶⁹ МАК VII, стр. 126.

⁷⁰ СМОМПК, вып. 43, стр. 109—110, о том же: Д. М. Павлов. Искусство и старина Карачая. СМОМПК, вып. 45, Махач-Кала, 1926, стр. 248.

⁷¹ МАК IX, стр. 155—156.

⁷² Там же, стр. 156.

⁷³ Там же, стр. 146—149.

⁷⁴ МАК VII, стр. 128. МАК IX, стр. 145.

⁷⁵ ГИМ, инв. № 44758.

⁷⁶ МАК VIII, табл. СП, 11, табл. СШ, 7.

наконечник стрелы и два обработанных камня⁷⁷.

Предметы из раскопок В. Л. Тимофеева⁷⁸ в местности Боготобаде с этикеткой «Из целой могилы» относятся к интересующему нас комплексу. Это кольцо от пряжки со следом железной иглы, наконечник ремня, литая круглая подвеска, поясная бляшка с двумя штифтами, бронзовая, пуговица, круглая плоская бляшка со штифтом и три поясные бляхи со штифтами и прорезями (рис. 16, 8—11).

Лучше другого инвентаря датируются предметы поясного набора. Наконечникам ремня и бляшкам можно подобрать немало аналогий в материалах VI—VII вв. Северного Кавказа.

⁷⁷ В. Тимофеев. Отчет проверочным раскопкам могильников, произведенным в июле и августе месяцах 1908 г. в Баталпащинском отделе Кубанской области. «Древности», т. XXIII, вып. 2, М., 1914, стр. 174—175.

⁷⁸ ГИМ, инв. № 45718.

Территориально ближайшие аналогии можно указать в Узун-Коле⁷⁹, в случайной находке с р. Уруп⁸⁰, на горе Брык Ставропольской возвышенности⁸¹ (раскопки И. А. Владимирова в 1900 г.), в Архонском катакомбном могильнике⁸² и т. д. Хорошо известны подобные предметы поясного набора VI—VII вв. и с территории Сибири, Восточной Европы и Венгрии⁸³. Весь перечисленный материал дает основание отнести подземный склеп из местности Боготобаде к VI—VII вв.

⁷⁹ Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол., стр. 200, рис. 8, 6.

⁸⁰ Т. М. Минаева. Находка близ станицы Преградной..., стр. 134, рис. 52, 3—6.

⁸¹ ОАК за 1900 г., СПб., 1902, стр. 49—52, рис. 113, 115, 123.

⁸² Северо-Осетинский музей краеведения, экспозиция.

⁸³ N Fettich. Die Metallkunst der Landhemenden Ungarn. AN, XXI, Budapest, 1937, Tabl. CXX.

3. ДОЛЬМЕНООБРАЗНЫЕ СКЛЕПЫ

Помимо наземных гробниц и подземных склепов в бассейне верхней Кубани известны уникальные могильные сооружения, которые мы называем дольменообразными склепами. Это монументальные коллективные усыпальницы, сооруженные из массивных плит, всегда тщательно отесанных и плотно пригнанных одна к другой. Сложенные таким образом из двух-трех плит стены покоились на каменном цоколе, иногда образовавшем ступеньки.

В передней стене обязательно делалось круглое или овальное отверстие, закрывавшееся каменной втулкой. Связь между отдельными плитами и стенами осуществлялась при помощи пазов и плеч, которые входили в пазы. Никакой иной системы крепления деталей не было. Пол склепов покрывался каменными плитами; ими покрывался и свод. Последний, как правило, был плоским; двускатная крыша у дольменообразных склепов встречена лишь один раз (рис. 18). В плане эти сооружения имеют вид удлиненного четырехугольника.

Следует отметить, что на плитах дольменообразных склепов обычно встречаются различные по характеру изображения: фигуры людей, животных, птиц, христианские кресты, тамги, геометрический орнамент и т. д. Все эти обстоятельства делают дольменообразные склепы верхнего Прикубанья интереснейшим видом местных археологических памятников,

к сожалению, еще почти неизвестных науке. В настоящее время они известны лишь в двух пунктах — на р. Кривой и на могильнике Амгата.

1. Река Кривая. Дольменообразные склепы р. Кривой обратили на себя внимание путешественников и исследователей еще в середине прошлого столетия⁸⁴, но впервые они были исследованы в 1952—1953 гг. археологической экспедицией Пятигорского государственного педагогического института. На могильнике № 1 р. Кривой (см. выше) нами обнаружены остатки 11 дольменообразных склепов, занимающих юго-восточную часть могильника.

Замечателен дольменообразный склеп № 1. Он выделяется не только размерами и тщательностью обработки плит, но и своими многочисленными рельефными изображениями, которые покрывают все стены (рис. 18). В этом смысле дольменообразный склеп № 1 является единственным в своем роде могильным сооружением Северного Кавказа. Интерпретация этих изображений очень сложна и тре-

⁸⁴ А.—Д. Г. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. «Военный сборник», 1860, № 1, стр. 289; Е. Д. Феллицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК IX, стр. 85, рис. 39, табл. X, 20, А. М. Та Igren. Sur les monuments megalithiques du Caucase occidental. ESA, IX, Helsinki, 1934, p. 15, fig. 16.

бует специального углубленного исследования. Не ставя перед собой такой задачи, отметим, что на отдельных плитах можно различить сцены войны, танцев, пиршеств и т. д. Кроме того, на стенах склепа высечены семь христианских крестов. Сочетание их с символами безусловно языческих верований свидетельствует о синкретизме религиозных представлений людей, оставивших склеп.

Нельзя не обратить внимания на другое неоднократно повторяющееся изображение — собаки. Этим изображений пять, причем трактовка одинакова: вытянутые пасти с длинными языками, торчащие уши и завернутые вверх хвосты. Эти приемы изображения собаки на Кавказе традиционны и известны еще в эпоху кобанской культуры⁸⁵. По-видимому, собака занимала видное место в идеологии местного населения. А. А. Миллер изображения собаки связывал с сюжетом охоты⁸⁶. Если это верно для I тысячелетия до н. э., то вряд ли приемлемо для рассматриваемых изображений. На всех пяти изображениях собаки представлены вне охоты и никак с ней не связаны. Можно полагать, что изображенные на склепе собаки выполняют охранные функции, оберегая покой погребенных⁸⁷. Такое представление о роли собаки в загробном мире было у многих кавказских народов⁸⁸.

Интересно повторяющееся дважды изображение знамени: с длинным вырезом в полотнище и прямоугольным уступом у древка. Знамя аналогичной формы в руках всадника имеется на наскальных изображениях у сел. Капчугай в Дагестане⁸⁹. По-видимому, в эпоху раннего средневековья этот тип знамени был широко распространен⁹⁰. Довольно близкая форма знамени дожила в Дагестане до XIX в. В Дагестанском музее хранится знамя Хаджи-

Мурата, имеющее такой же формы вырез в полотнище⁹¹.

Из других предметов, высеченных на стенах дольменообразного склепа № 1, можно отметить такие чисто кавказские предметы, как котел на железной цепи и низкие скамеечки или столики — обычные предметы быта кавказских горцев⁹².

На передней плите другого дольменообразного склепа мы видим два креста и четыре тамги⁹³. На одной плите высечены христианские кресты (рис. 14, 9), на нескольких — концентрические круги, вероятно, солярные знаки (рис. 20).

2. Верхняя Теберда. Еще в прошлом столетии Д. Н. Анучин писал, что дольмены есть «по слухам, в верховьях Кубани»⁹⁴. В 1940 г. в ауле Верхняя Теберда (курорт Теберда) были зафиксированы остатки дольменообразных склепов того же типа, что склепы р. Кривой⁹⁵. Отдельные плиты склепов были вывезены с городища Амгата жителями аула. В одной из них мы легко узнаем поломанную переднюю плиту дольменообразного склепа с тамгой и всадником, держащим в руках лук (рис. 14, 10). Две другие плиты были составными частями боковой или задней стены. На одной из них изображены семь человеческих фигур с поднятыми руками, на другой — четыре бегущих оленя с теленком. Эти изображения по стилю близки рельефам дольменообразного склепа № 1 р. Кривой.

Таковы известные сейчас дольменообразные склепы верхнего Прикубанья. Кроме того, по свидетельству Г. Н. Прозрителева, в районе сел. Ермоловского (ущелье р. Большой Зеленчук) при рубке леса было обнаружено кладбище с «богатыми мраморными памятниками», на плитах которых изображены «львы и как будто царские персоны»⁹⁶. Из сведений, приводимых Г. Н. Прозрителевым, остается неясным, о каком именно сел. Ермоловском идет речь, ибо в этом районе имеется два сел. Ермоловских (Верхнее и Нижнее). В окрест-

⁹¹ «Дагестанский сборник». Махач-Кала, 1927, рис. на стр. 41.

⁹² См., напр., В. П. Пожидаев. Горцы Северного Кавказа. М.—Л., 1926, стр. 38, рис. 10.

⁹³ Сходные тамги см. В. П. Пожидаев. Кабардино-Черкесская тамга и кавказский орнамент. УЗ КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948, табл. III, пятый и седьмой ряды.

⁹⁴ Д. Н. Анучин. Доисторическая археология Кавказа. ЖМНП, т. 1—2, СПб., 1884, стр. 235.

⁹⁵ Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35, № 7/1940, рис. 15—18.

⁹⁶ Г. Н. Прозрителев. Археологическая находка. СССР, т. II, Ставрополь, 1909, стр. 1—3.

⁸⁵ А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, II, П, 1922, стр. 321.

⁸⁶ А. А. Миллер. Там же.

⁸⁷ В. Ф. Миллер. Значение собаки в мифологических верованиях. «Древности», т. VI, вып. 3, М., 1876, стр. 195.

⁸⁸ Г. Ф. Чурсин. Культ собаки у кавказских народов. Бюллетень КИАИ, № 5, Л., 1929, стр. 20.

⁸⁹ В. И. Марковин. Наскальные изображения в предгорьях северо-восточного Дагестана. СА, 1958, № 1, стр. 152, рис. 6, а.

⁹⁰ Очень близкой формы полотнища изображены на камне из Преславы. Никола Мавродинов. Старобългарското изкуство. София, 1959, стр. 75, рис. 68. Такое же знамя держит на плече всадник, изображенный на одной из ваз Сент-Миклошского клада. Там же, стр. 116, рис. 107.

ностях Нижнего Ермоловского подобных памятников нет, в чем я убедился лично. По-видимому, упоминание Г. Н. Прозрителева касается Верхнего Ермоловского, в районе которого действительно находятся могильники р. Кривой. В таком случае речь шла, несомненно, о дольменообразном склепе № 1.

Датировка дольменообразных склепов. Следует кратко остановиться на вопросе о времени бытования рассмотренных дольменообразных склепов, ибо этот вопрос ранее не изучался.

Важный материал для решения этих вопросов дает дольменообразный склеп № 1 р. Кривой. В основу исследования приходится положить анализ рельефных изображений склепа, ибо никаких археологических находок в обследованных нами склепах не было. Среди изображений дольменообразного склепа № 1 прежде всего обращают на себя внимание семь христианских крестов. Как известно, христианство проникает в центральную часть Северного Кавказа уже в VII—VIII вв.⁹⁷, а у адыгских племен оно появляется еще раньше — с VI в.⁹⁸ В X в. христианизации, шедшей из Византии через Абхазию, подверглись верхнекубанские аланы⁹⁹. Следовательно, вряд ли склеп № 1 может относиться ко времени раньше X в. Действительно, в верховьях Кубани известны десятки памятников христианства, относящихся к периоду с X по XIV вв. (к ним мы еще вернемся ниже). Поэтому вполне закономерно включение дольменообразного склепа № 1 в круг этих христианских памятников.

Рельефные изображения рассматриваемого склепа находят аналогии в ряде средневековых памятников Северного Кавказа. Прежде всего это каменная мужская статуя «Дука-бек», происходящая с р. Этока (Пятигорье). На ее лицевой стороне изображены фигуры двух всадников, а выше — люди, черпающие из большого сосуда. Другие стороны статуи покрыты изображениями животных, людей, стреляющих из лука, а на левой стороне представлена сцена борьбы с чудовищем¹⁰⁰. Налицо

⁹⁷ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии..., стр. 27.

⁹⁸ Е. П. Алексеева. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов. ТЧНИИ, т. II, Черкесск, 1954, стр. 223

⁹⁹ Ю. Кулаковский. Христианство у алан..., стр. 7 сл.

¹⁰⁰ В. Ф. Миллер. Отголоски кавказских верований на могильных памятниках. МАК III. М., 1893, табл. XIII и XVI.

не только близкие технико-стилистические приемы, но и близкие сюжеты изображений. Оба памятника — дольменообразный склеп № 1 и «Дука-бек» отражают сходные религиозно-мифические представления и, очевидно, относятся к одному историческому периоду.

Вопрос о дате «Дука-бека» вызвал различные мнения и до сих пор твердо не решен. Причиной этого является плохая сохранность надписи, сделанной по-гречески на статуе и содержащей дату. Эту дату А. Попадопуло-Керамевс читал как 1623 г.¹⁰¹, к чему склоняется и А. А. Иессен¹⁰². Большинство же ученых относит статую «Дука-бека» ко времени не ранее XII в. или к XIII в., причем дата, содержащаяся в надписи, определена как 1130 г. В. В. Латышевым и поддержана В. Ф. Миллером¹⁰³.

Выяснение этой даты проливает свет и на дату дольменообразного склепа № 1. Однако надгробные памятники с рельефами близкого характера известны на Северном Кавказе и позже, вплоть до XVI в.¹⁰⁴ Но относить дольменообразный склеп № 1 к такому позднему времени мало оснований. В этом убеждают предметы материальной культуры, изображенные на склепе. Не принимая во внимание те из них, которые четко определить невозможно, мы устанавливаем наличие лука, меча, щита, четырех секир, котла на цепи и трех кувшинов с носиками. Наиболее хорошо выражены и в наибольшем числе представлены изображения секир и кувшинов. Все секиры Т-образные. Такие секиры на Северном Кавказе известны пока мало, а их хронология и типология не разработаны. Из центральных районов Северного Кавказа мне известны лишь две сходные секиры — из могильников Камунты¹⁰⁵ и Чми¹⁰⁶. Из верховьев Кубани происходят три

¹⁰¹ ЗРАО, т. III, новая серия, СПб., 1887, стр. 51.

¹⁰² А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии..., стр. 34.

¹⁰³ ЗРАО, т. III, СПб., 1851, стр. 68; Г. Д. Филимонов. Древние каменные изваяния в Пятигорске. Вестник Общества древнерусского искусства, № 11—12, М., 1876, стр. 77; В. В. Латышев. Кавказские памятники в Москве. ЗРАО, т. II, новая серия, СПб., 1887, стр. 45 сл.; В. Ф. Миллер. Отголоски кавказских верований..., стр. 124; Л. И. Лавров. Адыги в раннем Средневековье. Сборник статей по истории Кабарды, вып. 4, Нальчик, 1955, стр. 53.

¹⁰⁴ Памятник с р. Кунбелея (р. Камбилеевка около города Беслан) с датой 1581 г. (?) I. A. Gil den st ä d t. Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebürge, t. I, Sankt-Petersburg, 1787, S. 502—503, Tabl. XII—XIII.

¹⁰⁵ E. Chantre. Op. cit., Vol. III, tabl. XI, 2.

¹⁰⁶ ГИМ, инв. № 76990.

Т-образные секиры¹⁰⁷, кроме того, на территории верхнего Прикубанья известен ряд каменных статуй воинов, на поясах которых висят такие же секиры. По вопросу о дате верхнекубанских статуй в литературе высказывались различные мнения. Н. И. Веселовский, основываясь на том, что на некоторых статуях есть христианские кресты, указывал, что они относятся к XI в.¹⁰⁸ и что нет оснований предполагать более позднее происхождение крестов, чем статуй. Г. Н. Прозрителев относил статуи к числу древнехристианских памятников Кавказа, т. е. к периоду распространения христианства¹⁰⁹. По мнению венгерского археолога Белы Пошта, статуи из окрестностей станицы Сторожевой относятся ко времени не позже X—XI вв.¹¹⁰ А. А. Захаров сближал эти статуи с известным Збручским идолом X—XII вв.¹¹¹

Для определения даты рассматриваемых статуй первостепенное значение имеют сабли, высеченные на некоторых из них (рис. 19, 1—2). Это не мечи, ибо хорошо видна кривизна клинка и изгиб рукояти. По форме клинка, рукояти и перекрестья, сабли, изображенные на верхнекубанских статуях, относятся к широко распространенному на Северном Кавказе и в Венгрии типу сабель VIII—XII вв., называемых хазарскими. Это обстоятельство уже отметили З. Тот¹¹², А. А. Захаров и В. Арндт¹¹³. На наиболее тщательно выполненных статуях сабли изображены со всеми деталями оформления ножен, что и дает возможность уточнить дату. На нескольких статуях из района станицы Сторожевой и из ущелья р. Большой Зеленчук сабли имеют ножи с характерными полукруглыми обкладками. Такой формы обкладки ножен типичны для сабель Северного Кавказа XI—XII вв., и неоднократно встречены нами в катакомбных могильниках у станицы

Змейской¹¹⁴ (рис. 7) и у мебельной фабрики № 1 Кисловодска.

Таким образом, по ряду археологических признаков статуи верхнего Прикубанья следует датировать временем не раньше X и не позже XIII вв. Тем самым выясняется дата Т-образных секир, изображенных на статуях и на дольменообразном склепе № 1. Намеченной датировке не противоречат секиры, опубликованные Т. М. Минаевой. Одна из них происходит из Усть-Тебердинского могильника¹¹⁵, который мы отнесли к X—XII вв., другая — из могил не ранее VIII в. на Амгате¹¹⁶. Формы секиры из Амгаты еще слабо развиты (как и у секиры из Камунты). П. С. Уварова погребения, из которых происходят такие верхнекубанские секиры, относит к первым столетиям II тысячелетия н. э.¹¹⁷. Отметим также, что в странах юго-восточной Европы Т-образные секиры встречаются в комплексах, начиная с IX в.¹¹⁸

По свидетельству П. С. Уваровой, секиры описанного типа находили вместе с высокими кувшинами с «губообразным носиком»¹¹⁹. Повидимому, речь идет о том типе кувшинов, которые изображены на дольменообразном склепе № 1. Это довольно поздний тип высокого, обычно серо-коричневого кувшина с высоким горлом, носиком-сливом и одной ручкой. Кувшины этого типа в большом количестве были найдены нами в Змейском катакомбном могильнике XI—XII вв.¹²⁰, известны они в верховьях Кубани¹²¹, в Кабардино-Балкарии¹²² и Северной Осетии¹²³.

Нельзя также не отметить очень близкого сходства некоторых изображений дольменообразного склепа № 1 с фигурами на средневековой штампованной керамике Закавказья. Последние принадлежат иной этнокультурной

¹¹⁴ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 102—103, рис. 5—6.

¹¹⁵ Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды..., стр. 263—264, рис. 3, 12.

¹¹⁶ Там же, стр. 277, рис. 8, 7.

¹¹⁷ МАК VIII, стр. 348.

¹¹⁸ А. Ч. Шош. Могильник II аварской эпохи в Юллё. «Acta archaeologica», t. VI, Budapest, 1955, табл. XVI, 5; Абоба-Плиска. Альбом к X тому «Известий Русского археологического института в Константинополе», Вена, 1905, табл. IX, 15; Josef Poulík. Staroslavanska Morava. Praha, 1948, табл. XI, 11, табл. XLVII, 7, 8 и др.

¹¹⁹ МАК VIII, стр. 348.

¹²⁰ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 99, рис. 2, 1—2.

¹²¹ Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды..., рис. 6, 7.

¹²² Хранятся в музее г. Нальчика, без номера.

¹²³ Хранятся в музее г. Орджоникидзе, без номера.

¹⁰⁷ МАК VIII, стр. 348, рис. 274; Т. М. Минаева. Могильник в устье реки Теберды..., рис. 3—8.

¹⁰⁸ Н. И. Веселовский. Мнимые каменные бабы (отд. оттиск). СПб., 1905, стр. 25.

¹⁰⁹ Г. Н. Прозрителев. Древние христианские памятники на Северном Кавказе. СССР, т. I, Ставрополь, 1906, стр. 10—11.

¹¹⁰ Bela Posta. Archaeologische Studien auf russischen Boden, t. III, Budapest, 1905, S. 111.

¹¹¹ A. Zakharov. The Statue of Zbrucz. ESA, IX, Helsinki, 1934, S. 342.

¹¹² Z. Toth. Attilas Schwert. Studie über die Herkunft des sogenannten Säbels Karls des Grossen in Wien. Budapest, 1930, S. 49.

¹¹³ A. Zakharov und W. Arndt. Studia Levedica. AH, XVI, p. 33.

среде и выполнены в другой технике, но тем не менее совпадения и стилистическое единство не вызывают сомнения. На штампованных поясах закавказских карасов мы видим такие же человеческие фигуры с кубками в руках¹²⁴, такие же изображения собаки¹²⁵, христианских крестов, птиц¹²⁶ и т. д. Перед нами интересный факт связи и взаимодействия изобразительного искусства Северного Кавказа и Закавказья, который еще требует разъяснения. Сейчас же

¹²⁴ Н. Я. Марр. Ани. М.—Л., 1934, табл. XLV, 192а.

¹²⁵ В. Н. Левиатов. Керамика Старой Ганджи. Баку, 1940, рис. 3, 7.

¹²⁶ Экспозиция в Государственном историческом музее Армении в Ереване. См. также: Д. Айналлов. Некоторые христианские памятники Кавказа. Археологические известия и заметки, издаваемые Московским археологическим обществом, 1895, № 7—8, стр. 233—243, табл. III.

укажем, что датировка закавказских штампованных карасов установлена достаточно твердо—XI—XIII вв.¹²⁷ Тем самым подтверждается дата дольменообразного склепа № 1, намеченная выше как XI—XII вв.

Остальные дольменообразные склепы р. Кривой и Амгаты можно с основанием отнести к тому же времени. Во всяком случае, сейчас вряд ли имеются причины датировать их более ранним временем или намечать более узкий хронологический промежуток их бытования.

¹²⁷ В. Н. Левиатов. Ук. соч.; Б. А. Шелковников. Художественная керамика двинских раскопок. «Иzv. Арм. фил. АН СССР», № 4—5, Ереван, 1940, стр. 183; Г. О. Караханян. Неполивная орнаментированная керамика из раскопок Двина и Ани. Автореферат. Ереван, 1954, стр. 8.

4. НЕКОТОРЫЕ СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ВЕРХНЕГО ПРИКУБАНЬЯ

Итак, выше были рассмотрены все основные типы могильных сооружений и погребальный обряд, бытующие в период с IV по XII вв. в верховьях Кубани. Устанавливается, что в этой части Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья основными, наиболее многочисленными типами могил были наземные гробницы, подземные склепы и дольменообразные склепы. Они отмечены в 25 пунктах верхнего Прикубанья и насчитывают сотни единиц. Грунтовые могилы (Узун-Кол), каменные ящики (Усть-Тебердинский могильник) и пещерные погребения (Нижний Архыз) встречены лишь в отдельных случаях и не характерны. За последние годы в верховьях Кубани и прилегающем с востока Пятигорье выявлены могилы оригинальной формы, напоминающие корыто, обставленное по сторонам каменными плитами (Жако¹²⁸, Адиух¹²⁹, Учккен¹³⁰). Однако эти могилы настолько малочисленны и слабо изучены, что в настоящее время выделение их в отдельную группу было бы преждевременным.

Локальный характер рассмотренных памятников. В то время как в верховьях Кубани наземные гробницы широко распространены,

¹²⁸ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако..., стр. 75; Архив ИА АН СССР, д. № 671, табл. 8, II.

¹²⁹ Т. М. Минаева. Городище Адиух в Черкесии..., стр. III, рис. 48, I.

¹³⁰ Отчет А. П. Рунича о полевых исследованиях в районе Кавминвод в 1959 г. Архив ИА АН СССР, д. № 2036.

в районах более западных и более восточных они совершенно неизвестны. Нет их на среднем и нижнем Прикубанье, нет и на территории Кабардино-Балкарии. Неизвестны они нам за Кавказским хребтом, на территории Абхазии. То же можно сказать и о дольменообразных склепах, известных ныне только в верхнем Прикубанье и не имеющих никаких аналогий. Поэтому можно с уверенностью утверждать, что рассмотренные выше наземные гробницы и дольменообразные склепы являются специфически местными, локальными могильными сооружениями, присущими только данному району.

Несколько сложнее обстоит дело с подземными склепами, ибо близкие им формы существуют в раннем средневековье в Кабардино-Балкарии. Однако детальное сравнительное изучение тех и других показывает, что подземные склепы верхнего Прикубанья по ряду конструктивных деталей заметно отличаются от синхронных склепов Кабардино-Балкарии. Для подземных склепов верхнего Прикубанья характерны следующие черты: 1) отсутствие курганных насыпей, 2) отсутствие входных отверстий, 3) прямые вертикальные стены, 4) полки внутри камер. Как будет показано ниже (в гл. III), эти черты не характерны для склепов Кабардино-Балкарии, которые имеют иные особенности конструкции.

Таким образом, подземные склепы верховьев Кубани следует признать могильными

сооружениями, обладающими чисто местными, локальными особенностями конструкции, которые позволяют отделить их от подобных сооружений соседних районов.

Западная граница их намечается между реками Кяфар и Уруп, восточная — приблизительно по верховьям р. Малка и меридиану Эльбруса, южная — по Главному Кавказскому хребту. Северная граница теряется в предгорьях и плохо различима. Наличие на очерченной территории локальной группы могильных сооружений, присущих только этой территории, свидетельствует о существовании здесь довольно своеобразного варианта материальной культуры северокавказских племен эпохи раннего средневековья. Носителем этой культуры скорее всего было племя, имевшее свою особую область и «общие религиозные представления (мифология) и обряды культа»¹³¹.

Последнее замечание Ф. Энгельса прямо относится к погребальному обряду. Погребальный обряд, связанный с дольменообразными склепами, нам неизвестен из-за плохой сохранности погребений. Приведенные выше подчас отрывочные данные, которые могут быть использованы для исследования наземных гробниц и подземных склепов, позволяют сделать следующие заключения.

Для погребального обряда, связанного с наземными гробницами, характерны: неустойчивая ориентировка погребенных, зависящая от местоположения могилы, и преимущественно индивидуальный характер захоронений. Коллективные погребения встречаются реже. Угольной подстилки под погребенными не наблюдается. Данных о положении костяков почти нет, но сама конструкция наземных гробниц и их размеры позволяют предполагать, что погребенные были положены вытянуто, на спине, ногами ко входу. Как важный момент отметим, что погребальной ямы нет и в наземных камерах с открытым входом погребения находятся на поверхности земли. Это существенная сторона погребального обряда, означающая отход от старых, традиционных представлений о покойнике и ритуале его погребения, связанного с обязательным преданием тела земле.

Погребальный обряд, характерный для подземных склепов, отличается неустойчивой ориентировкой, зависящей от местоположения

склепа, преимущественно коллективным характером захоронений, отсутствием угольной или какой-либо иной подстилки под погребенными и (судя по отрывочным данным Гилячского и Усть-Тебердинского могильников) различием в положении погребенных мужчин и женщин — мужчина погребен в вытянутом положении, на спине, женщина скорчена на боку.

Наиболее характерной и существенной чертой погребального обряда в целом является неустойчивая ориентировка погребенных, свойственная и наземным гробницам и подземным склепам. Это наиболее достоверная и научно фиксируемая сторона погребального обряда, общая для всех верхнекубанских памятников. Вместе с тем она чрезвычайно важна для характеристики погребального обряда и его особенностей. Неустойчивая ориентировка позволяет вполне четко отделить погребальный обряд, бытующий в верхнем Прикубанье от обряда, существовавшего в раннем средневековье на территории Кабардино-Балкарии. Для последнего типична довольно устойчивая западная ориентировка.

Другая особенность погребального обряда верхневье Прикубанья — уже отмеченный обычай погребения на поверхности земли в наземных могильных сооружениях. Такая особенность в рассматриваемую эпоху совершенно нехарактерна для погребального ритуала Кабардино-Балкарии, среднего и нижнего Прикубанья. На территории Центрального Кавказа погребения в наземных склепах имеют место лишь в последующую эпоху позднего средневековья.

Итак, погребальный обряд, бытовавший в раннем средневековье в верховьях Кубани и связанный с рассмотренными нами памятниками по ряду существенных признаков отличается от погребального обряда, существовавшего на территории Кабардино-Балкарии, также входившей в состав исторической Алании. Эти наблюдения служат еще одним важным аргументом при выделении западного варианта аланской культуры.

Топография городищ и поселений. Некоторые особенности фортификации. Интересные данные можно получить, рассматривая топографию верхнекубанских раннесредневековых городищ, хотя, конечно, она находится в прямой зависимости от географических условий. Однако определенные локальные особенности в топографии и планировке городищ, мало зависящие от географической среды, все же можно уловить.

¹³¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, стр. 94.

Почти все средневековые городища и поселения верховий Кубани выявлены и обследовались в советское время. Особенно плодотворными являются работы Т. М. Минаевой. По материалам ее исследований в настоящее время известны следующие городища и поселения на территории Черкесии: против хут. Дубянского, у аула Ново-Кувинского (долина р. Большой Зеленчук), против станицы Беломечетской, два поселения у аула Абазакт, восточнее аула Инжич-Чукун, южнее аула Инжич-Чукун, городище Адиюх у аула Хабез (долина р. Малый Зеленчук), поселение северозападнее г. Черкесска, у аула Псыж, два поселения у хут. Дружба, поселение южнее аула Кубины (долина Кубани), поселение между аулами Кубина и Инжич-Чукун на водораздельном хребте между Кубанью и Малым Зеленчуком. К сожалению, в своей публикации¹³² Т. М. Минаева почти не касается вопроса о времени существования указанных памятников, но, судя по всему, они относятся в основном к раннему средневековью.

Кроме того, Е. П. Алексеева исследовала поселение IV—V вв., расположенное у аула Жако на р. Малый Зеленчук¹³³, а разведками Ставропольского краеведческого музея выявлено второе селище на балке Адиюх у аула Хабез и селище VI—XI вв. у аула Эльбурган на р. Малый Зеленчук¹³⁴. Таким образом, в плоскостной части Карачаево-Черкесии сейчас известно 17 раннесредневековых городищ и поселений.

В пределах предгорной и горной части Карачаево-Черкесии нам известны следующие городища и поселения эпохи раннего средневековья: Хумаринское городище у аула Хумара на Кубани¹³⁵, Усть-Тебердинское поселение¹³⁶, три поселения на левом берегу р. Муху¹³⁷, поселение на левом берегу Теберды¹³⁸, городище

на р. Гиляч¹³⁹, поселение в урочище Куутум¹⁴⁰, городище около курорта Теберда¹⁴¹, городище Амгата¹⁴², поселения на реках Узун-Кол¹⁴³ и Куначхир¹⁴⁴. Все эти памятники расположены по верхнему течению Кубани и ее небольшим верхним притокам.

Далее на запад поселения и городища эпохи раннего средневековья известны у б. аула Красный Карачай на р. Аксаут¹⁴⁵, у впадения р. Бежгон в р. Большой Зеленчук¹⁴⁶, против станицы Зеленчукской на левом берегу р. Большой Зеленчук, на холме Батарей¹⁴⁷, у пос. Нижний Архыз¹⁴⁸, в окрестностях сел. Архыз¹⁴⁹ (ущелье р. Большой Зеленчук), на горе Шпиль (р. Кривая), на правом берегу р. Кяфар в 16 км южнее станицы Сторожевой¹⁵⁰, в верховьях р. Кяфар¹⁵¹.

Всего в настоящее время в верхнем Прикубанье насчитывается 37 городищ и поселений. Большинство их бегло зафиксировано и предварительно датировано ранним средневековьем; более или менее систематическому обследованию подверглись лишь немногие памятники. Разумеется, это очень ограничивает возможность получения научных выводов. Можно лишь отметить, что в топографии городищ и поселений предгорно-плоскостной зоны заметно тяготение последних к речным долинам. Это хорошо видно на опубликованной Т. М. Минаевой¹⁵² карте. Второй характерной чертой то-

¹³⁹ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 273 сл.

¹⁴⁰ Т. М. Минаева. Археологические памятники верховьев Кубани. Канд. диссертация, Архив ИА АН СССР, ф. 2, № 747, стр. 70 сл.

¹⁴¹ Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 7, л. 13; Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг..., стр. 283.

¹⁴² Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 7, л. 13.

¹⁴³ Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол. СА, 1960, № 2, стр. 193—207.

¹⁴⁴ Архив ЛО ИА АН СССР, ФАК, д. № 38/1898, л. 18.

¹⁴⁵ Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 7, л. 11.

¹⁴⁶ Открыто и обследовано автором в 1955 г.

¹⁴⁷ Открыто В. П. Любиным в 1955 г. и обследовано автором в 1956 г.

¹⁴⁸ П. Г. Бутков. О древне-греческих церквях в верховьях р. Большого Зеленчука, осмотренных в 1802 г. майором Потемкиным. «Библиографические листы» Кеппена, № 30, СПб., 1825, стр. 431; В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе Ставропольского края в 1953 г. МИСК, вып. 6, стр. 348—349.

¹⁴⁹ Обследовано экспедицией Пятигорского гос. пед. ин-та в 1952—1953 гг.

¹⁵⁰ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе..., стр. 348 сл.

¹⁵¹ Е. Д. Фелицын. Археологическая карта Кубанской области, М., 1882.

¹⁵² Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии..., стр. 270, карта.

¹³² Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии. ТЧНИИ, вып. II, Черкесск, 1954, стр. 271 сл. Приложена карта городищ и поселений.

¹³³ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако..., стр. 75.

¹³⁴ Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг. СА, 1957, № 4, стр. 283.

¹³⁵ МАК VII, стр. 128, табл. XX, 2, Е. Д. Фелицын. Некоторые сведения о генуэзских поселениях в Кубанской области. «Кубанск. сб.», т. V, Екатеринодар, 1899, стр. 23.

¹³⁶ Т. М. Минаева. Могильник в устье р. Теберды..., стр. 26.

¹³⁷ Археологические работы музеев в СССР за 1955—1956 гг., стр. 283.

¹³⁸ МАК IX, стр. 146

топографии городищ и поселений предгорно-плоскостной зоны является их расположение небольшими группами, по два-три поселения (у аула Инжич-Чукун, у хут. Дружба, у аула Псыж, у аула Абазакт). Отдельные группы поселений находятся на значительном расстоянии друг от друга. Возможно, каждая такая группа поселений принадлежала одному роду.

К рекам тяготеют и некоторые городища и поселения горной зоны. В таких случаях они занимают удобные горные долины или котловины на берегах рек (городища Кяфарское, Нижне-Архызское, Архызское, Усть-Тебердинское и др.). Другая часть городищ горной зоны расположена на плоских вершинах хребтов или их выступах и естественно укреплена (Гиляч, Узун-Кол, Амгата, Шпиль и др.). Характерно, что здесь городища и поселения не группируются так, как в предгорьях, и лишены зрительной связи.

Ниже мы увидим, что раннесредневековые городища Кабардино-Балкарии имеют несколько отличные особенности топографии, что и позволяет отделять их от синхронных городищ и поселений верховьев Кубани.

В устройстве оборонительных сооружений верхнекубанских городищ и городищ других районов Северного Кавказа эпохи средневековья есть много общего. Так, земляные валы и рвы можно встретить в любом предгорном или плоскостном районе. Есть они и на городищах верхнего Прикубанья у хут. Дружба и у аула Абазакт¹⁵³. Но довольно характерной и, судя по всему, локальной особенностью верхнекубанских городищ является наличие на многих из них каменных оборонительных стен. Каменные стены отмечены как на городищах предгорной зоны (Адиух, Байтал-Чапкан¹⁵⁴, Хумаринское), так и на городищах горной зоны (Нижний Архыз, Архыз, Кяфар, Шпиль¹⁵⁵ и др.). Протяженность и толщина стен, зависели от местных условий. Так, например, городище Адиух, ограниченное с двух сторон глубокими балками, имело стену только с напольной стороны. Городище Байтал-Чапкан было, по видимому, окружено стеной со всех сторон, о чем говорит длина сохранившегося участка (784 м). Также по всему периметру было окру-

жено мощной стеной Хумаринское городище, причем эта стена сложена из отлично отесанных блоков песчаника¹⁵⁶. Городища Нижний Архыз, Архыз, Кяфар, Шпиль имели стены, защищавшие их в наиболее опасном (со стороны речной долины) направлении. Если судить по городищу Нижний Архыз, стены достигали 2 м в толщину и делались из двух панцирей, сложенных насухо из больших подтесанных глыб камня, а промежутки между ними заполнялись мелкими камнями и щебнем. О высоте таких стен дает представление стена, защищавшая въезд на городище Шпиль. Высота ее достигает более 2,5 м вместе с подстилающей материковой скалой.

Каменные оборонительные стены довольно типичны для городищ верхнего Прикубанья, и эта особенность фортификации является их характерной чертой. Раннесредневековые городища Пятигорья и Кабардино-Балкарии, насколько сейчас известно, оборонительных стен почти не имеют. Есть сведения о наличии стен (оборонительных?) на городище у сел. Хасаут; возможно также, что небольшие стены имелись на городищах у отстойника Кисловодского озера и Клиньяре (окрестности Кисловодска)¹⁵⁷. Последние имеют вид невысоких земляных валов, и без раскопок их истинная конструкция остается неясной.

Таковы локальные черты в топографии и фортификации городищ и поселений верхнего Прикубанья. Можно полагать, что дальнейшее исследование внесет коррективы и уточнят рассматриваемый вопрос.

Керамика. Следует сказать несколько слов о керамике, найденной в верхнекубанских памятниках. К сожалению, керамика из дореволюционных раскопок В. М. Сысоева, И. А. Владимирова и других лиц почти неизвестна и ныне утрачена. Керамика, происходящая из современных раскопок, представлена небольшим числом сосудов неравномерно распределенных во времени. Эти обстоятельства ограничивают возможность обобщений, тем не менее в керамическом материале ощущаются, с одной стороны, тесные связи и близость керамике центральных районов Северного Кавказа, с другой, — наличие своеобразных форм, характерных для данной территории.

¹⁵⁶ Стена на Хумаринском городище впервые осмотрена нами летом 1960 г.

¹⁵⁷ Наши разведки 1959 г. См. В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и районе Кисловодска. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. IX, Нальчик, 1961, стр. 210—211.

¹⁵³ Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии..., стр. 271.

¹⁵⁴ Т. М. Минаева. Городище на балке Адиух в Черкесии. СНТ СГПИ, вып. 9, стр. 130, рис. 1; ее же. Археологические памятники Черкесии..., стр. 274.

¹⁵⁵ Обследованы П. Г. Акритасом в 1952 г. и автором в 1953—1956 гг.

Керамику IV—VI вв. можно разделить на три основных типа. К первому типу мы относим наиболее многочисленные в это время небольшие чернолощенные кувшины со слабо отогнутым венчиком, ручкой, начинающейся от венчика, и почти шаровидным туловом. Орнамент состоит из налепных сосков по тулову (обычно три), вертикальных лощеных линий и кружков. Встречаются и неорнаментированные сосуды этого типа (рис. 15, А, 1—3).

Второй тип керамики составляют крупные кувшины яйцевидной формы, с оттянутым вниз венчиком или сливом. Некоторые кувшины имеют по три ручки. Орнамент различный: налепные соски по корпусу, лощеные полосы в косую клетку, ломаные линии, глубокое рифление (рис. 15, А, 5—6). Наиболее хорошо эти сосуды представлены в могильнике Гиляч¹⁵⁸.

К третьему типу можно отнести небольшие кувшины и кружки с зооморфными ручками в виде стилизованных животных (рис. 15, А, 4, 7). Эти сосуды главным образом происходят из раскопок В. М. Сысоева на Клян-Кала¹⁵⁹ и Т. М. Минаевой на Гиляче¹⁶⁰ и Узун-Коле¹⁶¹. Сюда же можно включить и несколько кувшинов с ручкой-сливом, поставленной вертикально (рис. 15, А, 8). Почти вся описанная посуда сделана от руки, имеет серо-черный цвет и отличается в большинстве случаев высококачественной фактурой.

Керамика VII—IX вв. изучена слабо. Судя по отдельным данным, в VII в. еще существуют отдельные сосуды, характерные для предшествующего периода (Узун-Кол), но в целом облик керамики меняется. Это видно по керамике из могильника Узун-Кол. Из чернолощенных кувшинов первого типа предшествующего периода развиваются кувшины с отогнутым венчиком (рис. 15, Б, 2). Появляются красноглиняные кувшины типа бутылки (рис. 15, Б, 1). Посуда делается на гончарном круге, иногда на днищах сосудов помещаются клейма.

В 1953 г. нами было дообследовано разрушенное погребение в пещере у пос. Нижний Архыз, датируемое VII—VIII вв.¹⁶² В нем найдены обломки крупного сероглиняного кувшина больших размеров, со сливом. По форме этот кувшин сходен с яйцевидными кувшина-

ми предшествующего периода. Кувшин орнаментирован вертикальными и горизонтальными налепными валиками с лощением в виде елочек. В том же погребении обнаружены фрагменты двух небольших сероглиняных кувшинов, одинаковых по форме и размерам, имеющих круто отогнутый венчик, шаровидный корпус и ручки-петли.

В 1956 г. в скалах у Нижне-Архызского городища случайно найден серо-коричневый кувшинчик со слегка отогнутым венчиком, с раздутым внизу туловом и ручкой (рис. 15, Б, 4). На дне имеется крестовидное клеймо. По общим типологическим признакам сосуд можно отнести к VIII—IX вв. К тому же времени следует отнести два кувшина с низким, приземистым туловом и двойной ручкой-петлей, опубликованные К. М. Скалон и хранившиеся в Армавирском музее (ср. рис. 15, Б, 3). Сосуды попали в музей с территории Большого Карачая¹⁶³. Такой же кувшин с ручкой-петлей найден в устье Теберды¹⁶⁴.

Керамика X—XII вв. изучена также недостаточно. Т. М. Минаева выделяет два основных типа: красноглиняные корчаги с линейно-гребенчатым орнаментом и красноглиняные горшки с отогнутым венчиком и волнисто-гребенчатым орнаментом¹⁶⁵. Фрагменты последних ею опубликованы¹⁶⁶.

К этим материалам следует добавить керамику из могильников р. Кривой и Усть-Тебердинского могильника. Керамический комплекс из наземных гробниц р. Кривой невелик, но выразителен. Коричнево-красный кувшин из гробницы № 2 по своему профилю близок к красноглиняным горшкам городища Гиляч. Фрагменты серо-охристого кувшина с вытянутым горлом и ручкой (рис. 15, Б, 3) относятся, скорее всего, к тому типу стройных кувшинов с носиком-сливом, который хорошо известен по материалам Змейского катакомбного могильника (рис. 3, В, 1). Имеются такие кувшины в Усть-Тебердинском могильнике¹⁶⁷. Интересны два красноглиняных кув-

¹⁵⁸ К. М. Скалон. Изображение животных на керамике сарматского периода ТОИПК. 1. стр. 214. табл. XVI, 2—3.

¹⁵⁹ Т. М. Минаева. Могильник в устье р. Теберды..., рис. 2, 11.

¹⁶⁰ Т. М. Минаева. Керамика балки Канцирки в свете археологических исследований на Северном Кавказе. Тезисы доклада, прочитанного на сессии ИА АН СССР в апреле 1958 г.

¹⁶¹ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 291, рис. 18, 14, 6.

¹⁶² Т. М. Минаева. Усть-Тебердинский могильник..., рис. 6, 7.

¹⁵⁸ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 286, рис. 13, 5.

¹⁵⁹ МАК IX, стр. 155—156, рис. 63—64.

¹⁶⁰ Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 35, д. № 44/1939, рис. 56—57.

¹⁶¹ Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол..., стр. 195 сл., рис. 3, 2—3, рис. 4.

¹⁶² Архив ИА АН СССР, ф. 1, д. № 760.

шина, найденные в гробницах № 5 и 8 (рис. 15, В, 1—2). Они имеют широкое округлое тулово, слегка отогнутый венчик, одинаковые по форме ручки и могут быть отнесены к одному типу посуды. Ближе к этим кувшинам стоят кувшины Усть-Тебердинского могильника, представляющие наиболее многочисленный тип, если судить по отчету Т. М. Минаевой¹⁶⁸. Мы объединяем их в одну группу с кувшинами из могильников р. Кривой.

Можно попытаться хотя бы в предварительном порядке проследить общие линии в развитии верхнекубанской керамики. Бросается в глаза сходство керамики IV—VI вв. в целом с синхронной керамикой всего Центрального Предкавказья. Сосуды, аналогичные по форме, фактуре и орнаментации, в это время широко распространены от верховий Кубани до Чечено-Ингушетии. Это период наибольшей стандартизации форм аланской посуды. Характерной особенностью керамики верхнего Прикубанья является полное отсутствие мисок в IV—VI вв. и позже¹⁶⁹. Таким образом, можно полагать, что развитие верхнекубанской керамики в этот период шло по путям, общим для всех районов бытования аланской культуры.

В VII—IX вв. сохраняются некоторые формы керамики, общие для всех аланских памятников Северного Кавказа. Таковы, например, большие яйцевидные кувшины с носиком-сливом и небольшие кувшины с двойными ручками-петлями. Как мы увидим ниже, эти формы хорошо известны в памятниках Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Но в то же время появляются красноглиняные кувшины в виде бутылки. Маленькие горшочки из дообследованного нами пещерного погребения своеобразны и в более восточных районах Кавказа неизвестны; то же можно сказать и о сосуде, случайно найденном в Нижнем Архызе (рис. 15, В, 4). Все эти сосуды совершенно не типичны для аланской керамики Центрального Кавказа и представляют собой новое явление. Кувшины типа бутылки Т. М. Минаева справедливо сопоставляет с аналогичными сосудами из Борисовского могильника и могильников Крыма¹⁷⁰. Эти аналогии связывают верхнекубанскую керамику

VII—IX вв. с керамикой Восточного Причерноморья. Однако неизвестно, изготавливались ли эти сосуды в верховьях Кубани или ввозились туда. В последнем случае они, разумеется, не являются показателем локальных особенностей культуры и лишь указывают на связи между Черноморским побережьем и верхним Прикубаньем.

Остальные сосуды оригинальных форм, по нашему мнению, можно связывать с ранне-средневековой адыгской керамикой. Так, горшки из пещерного погребения имеют аналогию в керамике из погребения № 4 Пашковского могильника № 1¹⁷¹, а кувшинчик, случайно найденный в Нижнем Архызе, сходен (хотя и не во всех деталях) с рядом сосудов из адыгских памятников, например из того же Пашковского могильника № 1¹⁷², Борисовского могильника¹⁷³, могильника на Ясеновой поляне¹⁷⁴ (раскопки П. А. Дитлера).

В керамике X—XII вв. также есть формы, общие для большой территории аланской культуры. Таков высокогорлый кувшин с носиком-сливом из Усть-Тебердинского могильника (рис. 15, В, 6), о сходстве которого с кувшинами из Змейского могильника X—XII вв. мы уже говорили. Кувшинчик с линейным орнаментом из могильника Адиух имеет полную аналогию в материалах Верхне-Джугатского городища XI—XII вв. в Северной Осетии (раскопки О. В. Милорадович в 1958 г.)¹⁷⁵. Однако в керамике этого периода существуют и местные формы, представленные кувшинами из гробниц № 5 и 8 на р. Кривой (рис. 15, В, 1—2) и из Усть-Тебердинского могильника (рис. 15, В, 4—5). Восточнее верховьев Кубани такие сосуды неизвестны, что мы уже отметили при их публикации¹⁷⁶.

Резюмируя все сказанное выше, можно заключить, что в IV—VI вв. керамика, известная по могильникам верховий Кубани, идентична всем тем основным формам аланской посуды, которые бытуют на обширной территории аланской культуры. Примерно с VII в. появляются новые формы, неизвестные в более восточных районах, которые существуют

¹⁷¹ Архив ИА АН СССР, № 256, рис 212, 4.

¹⁷² Там же, рис. 212, 3—4.

¹⁷³ В. В. Саханев. Раскопки на Северном Кавказе. ИАК, вып. 56, стр. 138, рис. 25, 2.

¹⁷⁴ Архив ИА АН СССР, д. № 1728, табл. XXXII.

¹⁷⁵ Не опубликовано. Отчет в архиве ИА АН СССР, д. № 1818.

¹⁷⁶ В. А. Кузнецов. Наземные гробницы на реке Кривой в Ставропольском крае. КСИИМК, вып. 76, стр. 89.

¹⁶⁸ Там же, рис. 4, 2.

¹⁶⁹ Миски известны только в катакомбном могильнике Байтал-Чапкан. См. Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан..., рис. 21, в, рис. 22, а и др.

¹⁷⁰ Т. М. Минаева. Поселение в устье р. Узун-Кол..., стр. 199.

до XII в., постепенно выходя на первое место по количеству. Эти формы можно считать локальными, присущими только верхне-кубанским памятникам. Выше мы уже говорили о том, что эти сосуды сближаются с адыгскими типами керамики.

Статуи воинов. Во многих местах верхнего Прикубанья, особенно в западной его части, известны каменные статуи воинов. Статуи тщательно высечены из плотного, обычно серого песчаника. Все статуи мужские и, несомненно, изображают воинов с предметами вооружения. На узком поясе обычно висит сабля или Т-образная секира; на некоторых статуях к поясу подвешен крюк на длинном древке. Одни из воинов держат правой рукой саблю (рис. 19, 1), другие прижимают к груди сосуд в виде рюмки (рис. 19, 2). На воинах шлемообразные головные уборы и длинная одежда со стоячим воротом.

Статуи этого типа известны в следующих пунктах: около станицы Преградной¹⁷⁷ (3 экз.), около станицы Сторожевой¹⁷⁸ (2 экз.), около станицы Исправной¹⁷⁹ (1 экз.), в станице Зеленчукской¹⁸⁰ (1 экз.), в ущелье р. Большой Зеленчук¹⁸¹ (3 экз.) и в ущелье

¹⁷⁷ МАК VII, стр. 140 и 142.

¹⁷⁸ Там же, стр. 141, табл. XXIII, 5–6.

¹⁷⁹ Хранится в музее г. Черкесска, без номера.

¹⁸⁰ МАК VII, стр. 141, рис. 32.

¹⁸¹ МАК VIII, стр. 141–142. Две статуй с отбитыми головами лежат между сел. Н. Ермоловка и пос. Н. Архыз, на так называемой «Длинной поляне». Третья статуя случайно обнаружена там же в 1949 г. и ныне хранится в музее г. Ставрополя.

р. Бежгон¹⁸² (1 экз.). Всего в настоящее время насчитывается 11 статуй; кроме того имеется сообщение о том, что пять статуй с р. Кяфар были перевезены в станицу Отраднуню¹⁸³. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Не задерживаясь больше на этом вопросе, укажем, что каменные статуи воинов подобного типа в других районах Северного Кавказа неизвестны. Район их распространения ограничен на западе р. Уруп, на востоке междуречьем Большого и Малого Зеленчуков. Таким образом, хронологически и территориально каменные статуи воинов вполне соответствуют намечаемому в верхнем Прикубанье локальному варианту аланской культуры, являясь еще одним аргументом в пользу существования этого варианта, хотя и связанного, по-видимому, с некавказским этносом (об этом см. ниже).

Рассмотренные нами типы могильных сооружений, характер погребального обряда, топография и некоторые приемы фортификации городищ и поселений, некоторые формы керамики и каменные статуи, занимающие район верхнего Прикубанья от Урупа до Малки и Хасаута,— все эти формы материальной культуры обладают специфически местными, локальными особенностями. Рассмотренный вариант мы условно именуем западным.

¹⁸² Г. Н. Прозрителев. Древнехристианские памятники на Северном Кавказе. СССР, т. I, Ставрополь, 1906, стр. 10.

¹⁸³ Г. Д. Филимонов. Древние каменные изваяния в Пятигорске. «Вестн. Об-ва древнерусск. искусств», № 11–12, М., 1876, стр. 78.

5. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ВАРИАНТА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Вопрос об отношении локальных вариантов аланской культуры к средневековым и современным этническим общностям весьма сложен. К какой конкретной кавказской этнической общности относится тот или иной локальный вариант, какие древние исторические этнонимы, сообщаемые письменными источниками, могут быть связаны с ним? Это важнейшие вопросы, естественно возникающие перед исследователем. Этноним «аланы» в данном случае нас не может удовлетворить, ибо он является собирательным, покрывает собою большое политическое образование, существовавшее на Северном Кавказе с IV—V вв., и не отражает его подлинного эт-

нического содержания. Состояние имеющихся источников таково, что невозможно претендовать на решение столь трудной проблемы, по крайней мере сейчас. Но попытаться приоткрыть завесу времени все же можно и при имеющемся материале. Это тем более необходимо сделать, что существует схематичный и односторонний, ставший шаблонным, подход к решению вопроса об этнической принадлежности раннесредневекового населения верховьев Кубани.

Краткая история вопроса. Вопрос об этнической принадлежности населения верховьев Кубани поставлен давно. Первую попытку связать древние памятники верховьев

Кубани (древнехристианские храмы) с исторической народностью предпринял в 1830 г. известный востоковед Ю. Клапрот. Эти памятники он приписал аланам, отождествляемым им с современными осетинами¹⁸⁴. Мысли Ю. Клапрота оказались настолько плодотворными, что в основе своей они дожили до наших дней. Позже идеи Ю. Клапрота нашли свое развитие в трудах акад. В. Ф. Миллера. В своем капитальном исследовании «Осетинские этюды» и других работах В. Ф. Миллер, используя данные письменных исторических источников, эпиграфики и топонимики доказал, что район верховий Кубани в раннем средневековье был заселен аланами¹⁸⁵. Алан, живших в верховьях Кубани, В. Ф. Миллер считал предками современных осетин.

В советское время идея об аланском населении верховьев Кубани нашла свое продолжение и дальнейшее развитие в работах А. Н. Дьячкова-Тарасова¹⁸⁶, Б. Е. Деген-Ковалевского¹⁸⁷, Х. О. Лайпанова¹⁸⁸, В. И. Абаева¹⁸⁹, Б. В. Скитского¹⁹⁰, Т. М. Минаевой¹⁹¹, Е. П. Алексеевой¹⁹², В. А. Кузнецова¹⁹³, З. Н. Ванеева¹⁹⁴. Большинство перечисленных авторов ограничивалось указанием на аланскую принадлежность раннесредневековых археологических памятников верховий Кубани,

¹⁸⁴ J. Klapproth. Sur les anciennes eglises chretiennes dans le Caucase au-delà du Kouban. Nouveau Journal asiatique t. V, Paris, 1830, S. 375—390; его же. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, Bd. II. Halle und Berlin, 1814, S. 577.

¹⁸⁵ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 112—116; его же. Древне-осетинский памятник из Кубанской области. МАК III, стр. 110—118.

¹⁸⁶ А. Н. Дьячков-Тарасов. Археологические разведки в Карачае. «Бюлл. Северо-Кавказск. науч.-исслед. ин-та», № 2—4, Ростов-Дон, 1927, стр. 83.

¹⁸⁷ Б. Е. Деген-Ковалевский. Аланы в системе хазарского объединения..., стр. 443.

¹⁸⁸ Х. О. Лайпанов. Из связей алано-хазарской и яфетической культур. «Тр. Киргиз. гос. пед. ин-та им. М. В. Фрунзе», т. II, вып. 2, Фрунзе, 1948, стр. 75 сл.

¹⁸⁹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор..., стр. 260 сл.

¹⁹⁰ Б. Скитский. Очерки по истории осетинского народа с древнейших времен до 1867 года. ИСО НИИ, т. XI, стр. 40, 61—64.

¹⁹¹ Т. М. Минаева. Из истории археологических обследований верховьев реки Кубани. УЗ СГПИ, т. VII, стр. 234 сл.

¹⁹² Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако..., стр. 73—78.

¹⁹³ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе..., стр. 345 сл.

¹⁹⁴ З. Н. Ванеев. Средневековая Алания. 1959, стр. 42—45.

не пытаясь глубже раскрыть конкретное этническое содержание, связанное с этими памятниками.

По рассматриваемому вопросу высказывались и другие мнения. Так, Е. Д. Фелицын некоторые городища верховьев Кубани пытался связать с генуэзцами¹⁹⁵. Высказывалось мнение об адыго-черкесском населении верховьев Кубани в эпоху раннего средневековья¹⁹⁶. Наконец, сравнительно недавно появилась уже подвергнутая критике тенденциозная статья Г. Зардалишвили, в которой автор объявляет верховья Кубани издревле входящими в этногеографические границы Грузии¹⁹⁷. Но все эти предположения были либо односторонними, либо прямо националистическими (Г. Зардалишвили) и не отражали реальной этнической картины. Наиболее удачное и правильное отражение последняя нашла в популярной работе Е. П. Алексеевой, считающей раннесредневековое население верховьев Кубани смешанным, состоящим из местного коренного населения и пришельцев — алан¹⁹⁸.

Таковы основные взгляды на вопросы этнической принадлежности населения верховьев Кубани в эпоху раннего средневековья. Как видно из всего изложенного, вплоть до настоящего времени преобладает мнение, что здесь жили алано-осетины. Однако такое представление об этническом составе населения верховьев Кубани создает впечатление, что это население было сплошь алано-осетинским, ираноязычным и однородным. Для коренного местного населения, обитавшего в верхнем Прикубанье испокон веков, не остаются места. Между тем именно этому населению принадлежат те многочисленные памятники, которые рассматривались выше, ибо, как мы уже знаем из гл. I, сармато-аланам принадлежал обряд погребения в катакомбах.

¹⁹⁵ Е. Д. Фелицын. Некоторые сведения о средневековых генуэзских поселениях в Крыму и Кубанской области. «Кубан. сб.», т. V, Екатеринодар, 1899, стр. 15 сл.

¹⁹⁶ Дополнительная заметка к статье А. Н. Дьячкова-Тарасова «Сентинский храм и его фрески». «Кубан. сб.», т. V, стр. 4.

¹⁹⁷ Г. Зардалишвили. К установлению некоторых географических наименований Клухорского района. ИВГО, т. 84, вып. 3, 1952; см. рец.: В. А. Кузнецов. Об одном извращении истории народов Северного Кавказа. «Вопросы истории», 1954, № 9, стр. 114—117.

¹⁹⁸ Е. П. Алексеева. О чем рассказывают археологические памятники Карачаево-Черкесии. Черкесск. 1960, стр. 26—27.

Наземные гробницы, подземные и дольменообразные склепы — памятники культуры автохтонных кавказских племен. Для правильного понимания вопроса о характере верхнекубанского населения в раннем средневековье необходимо напомнить в общих чертах этногеографию Северного Кавказа предшествующей эпохи — I тысячелетия до н. э. Современным кавказоведением установлено, что в I тысячелетии до н. э. на Северном Кавказе бытовали три мощные археологические культуры: на северо-западном Кавказе — прикубанская культура, в Центральном Предкавказье — кобанская, на северо-восточном Кавказе — камякентско-хорочоевская культура. В недрах этих культур и в этническом составе местного населения той эпохи были заложены основы для формирования будущего населения Северного Кавказа — адыго-кабардинского, осетинского и дагестанского народов¹⁹⁹. Следовательно, в прикубанской культуре и ее носителях можно видеть далеких предков адыгских народов²⁰⁰, а в кобанской культуре и ее носителях — далеких предков основного ядра осетинского народа²⁰¹. Эти положения, несомненно, имеют огромное значение для решения вопросов кавказской этнической истории и этногенеза.

Но прикубанская культура I тысячелетия до н. э. может быть связана с далекими предками адыгских народов, и поэтому весьма важно для наших целей очертить ее восточную границу. Исследователь прикубанской культуры А. А. Иессен намечает эту границу следующим образом: «Она в основном охватывает район к северу от массива Эльбруса, верховья Малки, район Кисловодска и Пятигорья. Здесь можно отметить встречу и смешение продукции кобанского и прикубанского очагов»²⁰². Восточная граница рассматриваемого локального варианта аланской культуры

намечена нами по меридиану Эльбруса и верховьям Малки. Следовательно, границы в обоих случаях почти совпадают, а западный вариант аланской культуры полностью приходится на территорию прикубанской культуры. Если учесть факт большой устойчивости этнокультурных границ в условиях Кавказа²⁰³, то это совпадение ареалов западного варианта аланской культуры и прикубанской культуры оказывается очень важным. Оно, естественно, подводит к заключению о том, что, поскольку прикубанская культура связана с предками адыгов, западный вариант аланской культуры может быть также связан с адыгскими племенами — потомками носителей прикубанской культуры.

Из материалов, изложенных в этой главе, видно, что подавляющее большинство ранне-средневековых могильников верховий Кубани представлено наземными гробницами, подземными и дольменообразными склепами и отчасти каменными ящиками. А. П. Смирнов в одной из своих работ показал, что в Прикубанье (в том числе и в верховьях Кубани) эти могильные сооружения, выполненные из камня, восходят к эпохе бронзы и раннего железа и отражают в течение весьма длительного времени — со II тысячелетия до н. э. до XIV—XV вв. н. э. — развитие одной адыгской этнической общности²⁰⁴. Однако А. П. Смирнову в то время не были известны дольменообразные склепы верхнего Прикубанья. Так как последние подтверждают и подкрепляют выводы А. П. Смирнова, очень существенные для нас, остановимся на их значении подробнее.

В первую очередь кратко разберем вопрос о наиболее вероятном происхождении дольменообразных склепов. На этот счет уже высказывались мнения. Сходство некоторых могильных сооружений верховьев Кубани с дольменами эпохи бронзы было впервые отмечено Г. И. Куликовским²⁰⁵. Позже А. А. Миллер высказал мысль об их генетической связи²⁰⁶.

¹⁹⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, стр. 98; его же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, стр. 385.

²⁰⁰ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, стр. 124; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 98—99.

²⁰¹ Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вулгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 155 сл.

²⁰² А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., стр. 122; см. также: Н. М. Егоров. Могильник у реки Эшкакон. КСИИМК, 64, 1956, стр. 140; Е. И. Крупнов эту «зону смешения» (до р. Кубань) включает в территорию кобанской культуры. См. его: Древняя история и культура Кабарды, рис. 21 (карта); его же: Древняя история Северного Кавказа, стр. 81, рис. 7.

²⁰³ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии..., стр. 124; Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 99.

²⁰⁴ А. П. Смирнов. К вопросу о формировании кабардинского народа по археологическим данным. УЗ КНИИ, т. IV, Нальчик, 1948, стр. 65 сл.

²⁰⁵ «Археол. изв. и заметки», т. I, М., 1893, стр. 41.

²⁰⁶ А. А. Миллер. Изображения собаки в древностях Кавказа. ИРАИМК, т. II, П., 1922, стр. 320; его же. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции в 1923 г. ИРАИМК, IV, Л., 1925, стр. 38.

А. А. Спицын считал дольменообразные склепы поздними дольменами и отмечал, что «на Кавказе чувствуется упорное сохранение дольменной традиции»²⁰⁷. Имея в виду те же склепы и наземные гробницы верховьев Кубани, В. Н. Худадов видел в них результат длительной эволюции первоначальных дольменов²⁰⁸. Исследователь прикубанских дольменов Е. Д. Фелицын, напротив, считал эти два вида памятников совершенно разнородными и не видел между ними никакой связи²⁰⁹. В свете имеющихся сейчас в нашем распоряжении данных представляется более правильным мнение А. А. Миллера и А. А. Спицына о генетической связи дольменов и дольменообразных склепов и длительном сохранении на Кавказе дольменной традиции. Об этой традиции в первую очередь свидетельствуют передние плиты склепов. Как и в дольменах, в них обязательно сделано отверстие по осевой линии плиты. Формы и размеры отверстий дольменов и дольменообразных склепов очень близки. Отверстия склепов, как и у дольменов, закрывались каменной втулкой грибовидной формы. В целом ближайшее сходство передних плит дольменообразных склепов с передними плитами дольменов несомненно. Оно подтверждается другими важными чертами, сближающими оба вида памятников. Так, например, известны дольмены не только с плоскими, но и с двускатными перекрытиями²¹⁰ (дольменообразный склеп № 1). Однако подавляющее большинство дольменов и дольменообразных склепов имело плоское перекрытие. Известен ряд дольменов Прикубанья, стены которых сложены из отдельных плит, как и у дольменообразных склепов²¹¹. В дольменах имеются пазы²¹² и выступающие плечи²¹³, так же как и у средневековых дольменообразных склепов. Таким образом, в дольменах Прикубанья хорошо прослеживаются те основные строительно-архитектурные при-

емы, которые позже получили дальнейшее развитие в дольменообразных склепах.

Перед нами налицо длительное бытование дольменной традиции, на что обращал внимание еще А. А. Спицын. Вместе с тем надо отметить, что до сих пор неизвестны промежуточные формы, бывшие связующим звеном между дольменами и дольменообразными склепами. Мы знаем пока лишь, что дольмены Прикубанья использовались для погребений и в более позднее время, вплоть до первых столетий нашей эры²¹⁴. Следовательно, местное население еще в начале нашей эры хорошо знало дольмены и их назначение. Но это не снимает вопроса о строительстве дольменных сооружений в промежуточную эпоху. Ответить отрицательно на этот вопрос нет достаточных оснований, так как исследователи дольменов Прикубанья Е. Д. Фелицын и В. М. Сысоев²¹⁵ из общего числа их (не менее 1200) исследовали лишь незначительную часть. С тех пор раскопки прикубанских дольменов не производились, и наши представления о них базируются лишь на этих старых данных.

Дольменообразные склепы конструктивно связаны с наземными каменными гробницами. Могильник, на котором расположены дольменообразные склепы р. Кривой, состоит в основном из гробниц этого типа²¹⁶. Наземные гробницы в массе своей несложны по устройству и значительно проще склепов. Но встречаются и более сложные сооружения, сочетающие в себе черты обычной гробницы и дольменообразного склепа²¹⁷, переходный тип от наземной гробницы к дольменообразному склепу (рис. 21, б)²¹⁸.

Если наземные гробницы и дольменообразные склепы верховьев Кубани хронологически и конструктивно между собою связаны, то естественно, они должны были принадлежать одному и тому же населению. Какова же его возможная этническая принадлежность? Установливаемая генетическая связь дольменообразных склепов с дольменами уводит в

²⁰⁷ А. А. Спицын. Разведки памятников материальной культуры. Л., 1927, стр. 68.

²⁰⁸ В. Н. Худадов. Мегалитические памятники Кавказа. ВДИ, 1937, № 1, стр. 198.

²⁰⁹ Е. Д. Фелицын. Западно-Кавказские дольмены. МАК IX, стр. 18.

²¹⁰ ОАК за 1898 г., стр. 33—37, рис. 48.

²¹¹ МАК IX, стр. 14, 27—28, рис. 9—10.

²¹² МАК IX, стр. 19.

²¹³ В. М. Сысоев. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 г. МАК IX, стр. 116, рис. 51; А. Лещенко. Материалы до орнаментики дольменов на північно-західньому Кавказі. «Антропологія», т. IX, Київ, 1931, стр. 245, рис. 6; Б. В. Лушин. Дольмены Черноморья. Ростов-на-Дону, 1924, стр. 25.

²¹⁴ МАК IX, стр. 56—59, 61, рис. 28, 29, судя по последним данным, на Черноморском побережье дольмены существовали до IV в. до н. э. См.: И. И. Аханов. Геленджикские подкурганые дольмены. СА, 1961, № 1, стр. 139—149.

²¹⁵ МАК IX, стр. 13.

²¹⁶ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Зеленчукском районе... стр. 346.

²¹⁷ МАК IX, табл. XIII, 25.

²¹⁸ См. В. Н. Худадов. Мегалитические памятники Кавказа, стр. 198—199, рис. 3—4.

среднее Прикубанье, на территорию, исторически известную как прародина современных адыгов. Эта часть Прикубанья уже в III—II тысячелетиях до н. э. была тесно связана с древнейшим населением Черноморского побережья Кавказа²¹⁹. Исследованиями Л. Лопатинского²²⁰, И. А. Джавахишвили²²¹ и других авторов²²² установлено, что древние племена Черноморского побережья и северо-западного Кавказа (синды, меоты, зихи и др.) являются далекими предками адыгов. Это автохтонные племена, истоки культуры которых уходят в глубокую древность и с предками которых можно связывать дольменную культуру Западного Кавказа. Таким образом, на территории северо-западного Кавказа и Черноморского побережья в III—II тысячелетиях до н. э. бытовала дольменная культура, носители которой принадлежали к одной домоотской (доадыгской) этнической общности, входящей в круг древних кавказских племен. С этим древнейшим домоотским этническим массивом и связано появление и распространение в Прикубанье дольменов, первоначальным районом бытования которых было Черноморское побережье и Западная Грузия²²³.

Суммируя все изложенное, приходим к следующим выводам:

1. Древнейшая дольменная культура северо-западного Кавказа оставлена племенами, генетически связанными с более поздними синдо-меотскими племенами.

2. Средневековые дольменообразные склепы верховьев Кубани генетически восходят к дольменам и, следовательно, могли быть созданы в той же меото-адыгской этнической среде.

3. Наземные гробницы верховьев Кубани связаны с дольменообразными склепами конструктивно переходными формами и поэтому должны принадлежать той же этнической среде, что и дольменообразные склепы.

Таковы те результаты, к которым приво-

²¹⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 74.

²²⁰ Л. Лопатинский. Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. СМОМПК, вып. XII, Тифлис, 1891, стр. 1—2.

²²¹ И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4, стр. 44.

²²² Л. И. Лавров. О происхождении народов Северо-Западного Кавказа. «Сб. статей по истории Кабарды», вып. 3. Нальчик, 1954, стр. 193 сл.; Очерки истории Адыгеи, т. 1. Майкоп, 1957, стр. 58.

²²³ Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. 1, Тбилиси, 1949, стр. 258 сл.

дит нас сравнительный анализ рассмотренных типов могильных сооружений верховьев Кубани. Существование подземных склепов верховьев Кубани не противоречит изложенному, ибо, как уже отмечалось, они по всем своим основным признакам очень близки наземным гробницам.

Находки, добытые на верхнекубанских памятниках, обычно было принято сопоставлять с подобными вещами из памятников более восточных районов Кавказа, особенно Кабардино-Балкарии и Северной Осетии. Аналогии находились, устанавливалась культурная, а вслед за ней и этническая общность населения. Эта общность признавалась аланской (алано-осетинской).

Исследователи, как правило, ограничивались односторонним изучением и освещением археологического материала и редко пытались обратиться к другому мощному этническому массиву — адыгскому и его культуре. Это создавало довольно искаженное представление об этнической истории края в раннем средневековье.

Правда, памятники раннесредневековой адыгской культуры изучены чрезвычайно слабо, и это обстоятельство не могло не отразиться на понимании исторического развития верхнего Прикубанья. Незнание раннего средневековья адыгов ныне явно тормозит дальнейшее развитие кавказской археологии. Тем не менее имеются отдельные факты, заставляющие с большой осторожностью отнестись к этнической интерпретации найденного в могильниках инвентаря только как аланского. Попытаемся привести несколько примеров.

Материалы датированного V—VI вв. Пашковского могильника № 1 (около Краснодара) показывают, что культура среднего и нижнего Прикубанья имела в этот период много общего с культурой Центрального Предкавказья. Совершенно одинаковые или очень близкие вещи можно встретить как на той, так и на другой территории. Так, в Пашковском могильнике № 1 найдена инкрустированная пластинчатая фибула²²⁴, аналогичная таким же фибулам Дигории²²⁵ (например, из галиатского могильника Фаскау²²⁶) и близкая инкрустированным фибулам из Кумбултского

²²⁴ М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1. СА, 1, 1936, рис. 3.

²²⁵ Дигория — западная часть Северной Осетии, занимающая верховья р. Урух.

²²⁶ МАК VIII, табл. CXVI, 10.

могильника Верхняя Рутха²²⁷. В том же Пашковском могильнике № 1 М. В. Покровским найдены бронзовые круглые бляхи, украшенные четырьмя птичьими головками²²⁸.

Подобные предметы с птичьими (соколиными) головками широко распространены и на территории аланской культуры — они известны в верховьях Кубани²²⁹, в Кабардино-Балкарии²³⁰, Северной Осетии²³¹. То же самое можно сказать и о бронзовых пряжках Пашковского могильника²³², имеющих полные аналогии в Осетии²³³. Наконец, опубликованный М. В. Покровским ножевидный кинжал из Пашковского могильника²³⁴ тождествен такому же кинжалу из могильника у Вольного аула близ Нальчика²³⁵.

После Великой Отечественной войны Пашковский могильник № 1 исследовал К. Ф. Смирнов. Найденные им бронзовые шейные гривны, металлическое зеркало, пряжки, калачиковидная серьга²³⁶ также находят себе аналогии в культуре аланских племен Центрального Кавказа. Сам К. Ф. Смирнов отмечает, что «Пашковский могильник № 1 представляет непосредственное связующее звено между сарматской культурой первых веков нашей эры и аланской культурой раннего средневековья»²³⁷. В другой своей статье К. Ф. Смирнов справедливо указывает на большую общность материальной культуры среднекубанского населения с аланами верховий Кубани²³⁸.

В связи со сказанным можно заключить, что в IV—VI вв. в материальной культуре нижнего и верхнего Прикубанья и Централь-

²²⁷ МАК VIII, табл. CI, 9, табл. CII, 8.

²²⁸ М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1, рис. 6—7.

²²⁹ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан..., рис. 12а и др.

²³⁰ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан..., рис. 24а; Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, t. II, Budapest, 1897, tabl. XX, 6, 8, 12.

²³¹ МАК VIII, табл. CII, 10, 12, 13, табл. CIII, 6.

²³² М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1, рис. 5 и 6.

²³³ МАК VIII, стр. 290, рис. 223.

²³⁴ М. В. Покровский. Пашковский могильник № 1, рис. 2.

²³⁵ Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 24, д. № 136.

²³⁶ К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников меотской и сарматской культуры Прикубанья и Дагестана. КСИИМК, XXXVII, 1951, стр. 151, сл., рис. 50а, 50б, 51.

²³⁷ К. Ф. Смирнов. О некоторых итогах исследования могильников..., стр. 157—158.

²³⁸ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, 1952, стр. 18.

ного Предкавказья существовало значительное сходство, прослеживаемое в изделиях из металла. Поэтому в поисках аналогий металлическим изделиям IV—VI вв. из верхнекубанских памятников нельзя обращаться только к культуре Центрального Предкавказья, так как эти изделия бытуют на значительно большей территории и не являются этническим показателем.

Сейчас имеются определенные, хотя и немногочисленные данные, позволяющие утверждать то же самое и применительно к более позднему времени — X—XII вв. В последние годы П. А. Дитлер исследовал интересный грунтовой могильник у с. Колосковка в Краснодарском крае. В инвентаре этого могильника²³⁹ можно найти ряд элементов, общих с некоторыми формами материальной культуры Северной Осетии. Особенно много общего в инвентаре Колосковки и Змейского катакомбного могильника. Так, например, довольно близки между собой сабли обоих могильников, особенно их рукояти и перекрестья. В обоих могильниках найдены одинаковые бабочковидные портупейные бляхи (ср. бляху из погребения № 3 кургана № 2 Колосковки и бляхи из катакомб № 14, 15 и др. Змейского могильника). Очень близки по форме бронзовые пластинчатые псалии со стремячковидным выступом для крепления уздечного ремня (из разрушенного погребения в Колосковке и катакомбы № 14 Змейского могильника). Очень интересны ажурные подвесные бронзовые бляхи с человеческой фигурой в рамке, найденные в Колосковке (разрушенное погребение 1957 г.). Они тождественны таким же бляхам из Осетии (могильники Змейский и Верхняя Рутха)²⁴⁰.

Широкое распространение перечисленных металлических изделий свидетельствует не о принадлежности их одному определенному населению (аланам.— В. К.), а об экономических связях, соединявших разные районы Северного Кавказа в раннем средневековье. Одинаковые изделия, бытовавшие на северо-западном Кавказе и Центральном Предкавказье, по-видимому, делались в одних производственных центрах, обслуживавших потребности всего края. В X—XII вв. экономическое развитие северокавказских племен достигло уже настолько высокого уровня, что мы можем

²³⁹ Архив ИА АН СССР, д. № 1728, таблицы.

²⁴⁰ МАК VIII, табл. CXXX, 8, табл. CIV, 13.

предполагать у них наличие собственных производственных центров, локализуемых на крупнейших городищах: Нижне-Архызском, Хумаринском, Верхнем Джулате, Нижнем Джулате²⁴¹ и др.

Несколько иную картину можно наблюдать в керамике. В IV—VI вв., как подчеркивалось выше, существовало единство основных форм керамики на всей территории аланской культуры, включая и верховья Кубани. В это время в верхнекубанских могильниках встречается посуда, тождественная посуде из синхронных могильников Пятигорья, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. Это обстоятельство вместе со сходством металлических вещей и дает исследователям основание считать все верхнекубанские памятники аланскими. Однако все то, что было сказано выше, заставляет усомниться в аланской этнической принадлежности всех памятников верхнего Прикубанья. Мы уже видели, что дольменнообразные склепы и наземные гробницы своими истоками и генетическими связями уводят в меото-адыгский мир, а определения этнической принадлежности по металлическим предметам требуют очень большой осторожности, ибо они часто не дают результатов. Опровергается ли все это керамикой верхнекубанских могильников?

Известно, что керамика довольно редко служила предметом торговли и обмена, тем более в массовом количестве, и, несомненно, являлась продуктом местного производства. Поэтому в основном аланскую керамику верховьев Кубани следует считать местной, а не привозной. Но обязательно ли за этим фактом нужно усматривать именно сармато-аланское население? Наличие общеаланских форм посуды в верхнекубанских могильниках IV—VI вв., разумеется, свидетельствует не только об интенсивных культурных и торговых связях этого района с аланами, но и о проникновении в данный период части алан в верхнее Прикубанье. Весьма характерно, что в III—IV вв. аналогичные формы керами-

ки бытуют в восточной части Крыма²⁴², где известны и позднесарматские катакомбы²⁴³. Можно полагать, что в III—VI вв. сходные типы посуды распространяются по всей территории позднесарматской культуры Кавказа и Крыма безотносительно к ее племенным особенностям. Но бытование такой керамики в могильниках верхнего Прикубанья еще не доказывает само по себе, что все эти могильники принадлежали этническим аланам-иранцам. Погребальный обряд, связанный главным образом со склепами и наземными гробницами, не подтверждает такого предположения. Появление и распространение типичной аланской керамики в верховьях Кубани, по-видимому, объясняется тем, что с IV в. этот район был включен в аланский племенной союз и втянут в тесные экономические связи с центральными районами Кавказа, Подоньем и Крымом. Происходящий в этот период процесс консолидации древних племен, объединенных в аланском племенном союзе, нашел свое археологическое отражение в распространении близких форм керамики по всей территории аланской культуры.

Выше, характеризуя керамику рассмотренных верхнекубанских могильников, мы отмечали, что приблизительно с VII в. появляются формы, не свойственные аланской посуде. Удельный вес этих форм, по-видимому, особенно возрастает в X—XII вв., в период раннефеодальной раздробленности и междоусобиц. Эти новые, неаланские формы керамики мы связали с адыгами и их культурой.

В гл. IV будет специально разбираться керамика городищ и поселений аланской культуры, в том числе и верховьев Кубани. Забегая вперед, отметим, что и в городищенской бытовой керамике верховьев Кубани можно заметить ряд специфических черт, отличающих ее от керамики аланских городищ Центрального Кавказа. По-видимому, эти локальные особенности керамики объясняются теми же причинами — иным характером этнокультурной среды верховьев Кубани, чем в центральных районах Северного Кавказа.

Теперь можно подвести некоторые итоги всему сказанному. Анализ могильных соору-

²⁴¹ О происхождении некоторых выше перечисленных вещей из Змейской и Колосковки сейчас трудно судить. Вряд ли их происхождение можно связывать с определенным узким районом, ибо подобные сабли, портупейные бляхи, псални, поясные бляшки мы встречаем в Венгрии (см., напр., B. Szöke. *Honfoglalaskorimagyar sírok Naszvadon*. AH, III—IV, Budapest, 1941, S. 214, Taf. III, IV, V и др., но Предкавказье, в частности его центральная часть, могло быть одним из центров производства этих распространенных предметов.

²⁴² И. Т. Кругликова. О местной керамике Пантикалея и ее значении для изучения состава населения этого города. МИА. № 33, 1954, табл. IV.

²⁴³ См., напр., Ю. Кулаковский. Керченская христианская катакомба 491 года. МАР, № 5, СПб., 1891.

жений верховьев Кубани привел нас к заключению об их глубоко автохтонном происхождении: это, несомненно, памятники местного кавказского населения. Определение их этнической принадлежности как сармато-алано-осетинской неосновательно. Так же неосновательны определения этнической принадлежности по широко распространенным металлическим изделиям. Глубокие генетические связи и традиции указывают на гораздо более вероятную принадлежность рассмотренных памятников племени, входившему в состав адыгской этнической общности. Последнее обстоятельство подтверждается и намечающимися особенностями в керамике, в топографии городищ и поселений, в характере их фортификационных сооружений. Вместе с тем подчеркнем, что не следует ожидать полного культурного тождества этого верхнекубанского племени со средневековыми меото-адыгами среднего и нижнего Прикубанья. Адыгская культура, как и аланская, несомненно, состояла из ряда локальных вариантов, отражающих племенной состав обширного этнического массива. Большое своеобразие и, так сказать, смешанный характер (например, в керамике) материальной культуры верхнего Прикубанья, видимо, следует объяснять промежуточным положением западного локального варианта между аланами и адыгами.

Топонимика. Наличие ираноязычного аланского населения в верховьях Кубани обычно подтверждается существующей здесь до сих пор иранской топонимикой, происходящей, по мнению лингвистов, из осетинского языка. Такую интерпретацию верхнекубанской топонимики находим, прежде всего, в трудах В. Ф. Миллера и В. И. Абаева²⁴⁴. Подобным образом интерпретируется и известная Зеленчукская надпись, на каменной плите, написанная греческими буквами на иранском языке²⁴⁵.

Действительно, в топонимике верховьев Кубани существует ряд наименований иранского происхождения. Таковы, например, топонимы: «Уллукам» — ком — ущелье, «Хурзук» — каменная впадина, «Загдан» — оленья река, «Рожкао» — «Роскау» — светлый аул, «Сурх» — красный, «Агур» — ищи, «Дар-

дон» — дон — вода и др. Всего здесь насчитывается, по имеющимся данным, не менее 15 таких наименований. Большая их часть опубликована В. Ф. Миллером²⁴⁶. Иранское происхождение этой топонимики не вызывает особых сомнений. Но обязательно ли эту топонимику считать алано-осетинской?

Топонимика иранского происхождения распространена не только в верховьях Кубани, но и далее на запад, вплоть до Черноморского побережья. Таковы топонимы «Фарс» — сторона, «Догуад» — место скачек²⁴⁷. Река Кубань, как известно, в древности называлась «Вардан»²⁴⁸ — дан — дон — вода. С. Броневский приводит сохранившуюся в начале XIX в. иранскую топонимику Прикубанья и Черноморского побережья: «Бунгудур»²⁴⁹ (приток р. Адагум) — дур — камень, местечко «Вардан» (в районе Адлера) «достойное примечания тем, что имеет одинаковое с рекою Кубанью сарматское наименование»²⁵⁰, местечко «Дандар» (южнее Сухуми)²⁵¹ — держать воду, река «Кедон»²⁵², на которой расположено местечко Дандар. Но ведь на всей этой территории нет ни одного аланского археологического памятника; пребывание алан в качестве постоянного населения нижнего Прикубанья и Черноморского побережья Кавказа не засвидетельствовано и письменными историческими источниками. Поэтому нет оснований связывать эту топонимику с алано-осетинами и считать, что «осетинское население было продвинуто в прошлом далеко на запад... вплоть до Черноморского побережья»²⁵³. Археологические и исторические источники не подтверждают такого мнения. Следует полагать, что иранская топонимика Черноморского побережья и нижнего Прикубанья была оставлена иранцами, но не аланами.

Сарматский слой населения верховьев Кубани. Таковыми иранцами, отличными от алан, могли быть только сарматы. Из многих исторических и особенно археологических источников известно, что средняя и нижняя часть

²⁴⁶ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 8—9.

²⁴⁷ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 285, 310—311.

²⁴⁸ И. А. Захаров. Древнее наименование реки Кубани. ИРГО, т. XII, вып. 1, 1930, стр. 72.

²⁴⁹ С. Броневский. Новейшие известия о Кавказе, ч. I. М., 1823, стр. 144.

²⁵⁰ Там же, стр. 293.

²⁵¹ Там же, стр. 295.

²⁵² Там же.

²⁵³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 87.

²⁴⁴ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 8—9, 112—116; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 249 сл., 310—311.

²⁴⁵ В. Ф. Миллер. Древне-осетинский памятник из Кубанской области. МАК III, стр. 110—118; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 260—270.

Прикубанья испытала очень сильное влияние со стороны иранцев юго-восточной Европы — сначала скифов и савроматов, затем сарматов. Первыми распространителями иранской речи на Кавказе были скифы, оставившие такие памятники, как курганные могильники у станиц Келермесской, Костромской и Ульской²⁵⁴. Но наиболее интенсивное иранское влияние на местную среду Прикубанья относится к III в. до н. э., III в. н. э., т. е. к сарматскому времени. Примерно со второй половины III в. до н. э. с коренной сарматской территории Подонья и Поволжья начинается движение мощных сарматских²⁵⁵ племенных объединений на юг и запад, захватившее и Прикубанье. Массовая инфильтрация сарматских этнических элементов в местную среду Прикубанья доказана огромным археологическим материалом. В Прикубанье в настоящее время известны десятки могильников (например, Усть-Лабинский) и более 150 городищ²⁵⁶, представляющих смешанную меото-сарматскую культуру. Из свидетельств Страбона видно, что непосредственными соседями меотов были сарматские племена сираков, расселившиеся по Кубани от Меотиды до Кавказского хребта, а также занявшие степную часть Северного Кавказа вплоть до Ахардея — Маныча²⁵⁷. Длительное сосуществование местных меотских и пришлых сармато-сиракских племен привело к сарматизации материальной культуры Прикубанья. Оно же обусловило появление в Прикубанье иранской топонимики, о которой речь шла выше. Несомненно, до нас дошла лишь ее небольшая часть, которую не успело стереть время.

Выше мы уже говорили о вероятном включении группы алан в население верховьев Кубани. Однако характерно, что, несмотря на сравнительно хорошую изученность верховий Кубани, здесь до сих пор известен лишь один аланский катакомбный могильник Байтал-Чапкан. По-видимому, эта группа этнических алан, осевшая в верховьях Кубани, не была многочисленной и не оказала на местное на-

селение такого влияния, как это было на Центральном Кавказе. Наличие сравнительно большого количества топонимов иранского происхождения в верховьях Кубани скорее всего объясняется, как и в остальном Прикубанье, включением в местную среду ираноязычных сармато-сиракских племен. Этот процесс начался с IV—III вв. до н. э., но особенно усилился в I в. до н. э.²⁵⁸

Правда, сарматские памятники верхнего Прикубанья почти не изучены, и это обстоятельство вынуждает нас ограничиться предлагаемой рабочей гипотезой. Но это отнюдь не значит, что в верховьях Кубани нет таких памятников. В долинах рек Большой Зеленчук, Маруха, Аксаут мне приходилось видеть курганные группы, из которых многие могут быть сарматскими и которые еще не исследовались. По мнению К. Ф. Смирнова, восточное Прикубанье (следовательно, и район верховий Кубани) к I в. до н. э. становится центром сильного сиракского объединения сарматских племен, включавшего в свой состав и меотское население²⁵⁹. По существу, к мнению К. Ф. Смирнова присоединилась Е. П. Алексеева, отмечая, что на территории восточнее р. Лабы «влияние скифской, а позднее сарматской культуры действительно было сильнее, чем на территории западнее Лабы»²⁶⁰. Несомненно, культурным и этническим влиянием со стороны сармато-сиракских племен объясняется та сарматизация материальной культуры, которую мы наблюдаем в археологических памятниках верхнего Прикубанья (наличие металлических зеркал, калачиковидных серег, сарматских форм посуды, обычая деформации черепов и т. д.).

Мнения, высказанные указанными исследователями, как будто подтверждаются уже приводившимися данными топонимики. Нельзя не обратить внимание на тот факт, что на территории верхнего Прикубанья (примерно до р. Лабы) сосредоточено наибольшее количество топонимов иранского корня. На остальной территории Прикубанья и Черноморского побережья такие топонимы встречаются гораздо реже²⁶¹. Чем объясняется этот факт? По-

²⁵⁴ М. И. Максимова. Серебряное зеркало из Келермеса. СА, XXI, 1954.

²⁵⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские курганные погребения в степях Поволжья и Приуралья. «Докл. и сообщ. истор. фак. МГУ», вып. 5, 1947, стр. 75—82.

²⁵⁶ Н. Анфимов. Из прошлого Кубани. Краснодар. 1958, стр. 25 сл.

²⁵⁷ Страбон. География, кн. XI, гл. 1, § 1. ВДИ, 1947, № 4, стр. 203; М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. Л. 1918, стр. 128.

²⁵⁸ Н. В. Анфимов. Племена Прикубанья в сарматское время. СА, XXVIII, 1958, стр. 63.

²⁵⁹ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития меото-сарматской культуры среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, стр. 14.

²⁶⁰ Е. П. Алексеева. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов..., стр. 245, примеч. 30.

²⁶¹ Здесь можно насчитать шесть топонимов иранского происхождения.

видимому, именно более сильным включением сармато-сиракского элемента в местную среду и в связи с этим, более длительным и устойчивым его обитанием в данном районе.

О позднем бытовании иранского языка на территории верхнего Прикубанья свидетельствует пока единственный эпиграфический памятник — Зеленчукская надпись. Она содержит эпитафию, написанную греческими буквами на иранском языке. В. Ф. Миллер и В. И. Абаев по палеографическим признакам датировали Зеленчукскую надпись X—XII вв.²⁶² В 1948 г. появилась интересная статья Г. Ф. Турчанинова, в которой последний датирует Зеленчукскую надпись 941 г.²⁶³ Следовательно, еще в X в. в верховьях Кубани звучала иранская речь.

Таким образом, имеются все основания считать, что население верховьев Кубани в эпоху раннего средневековья не было однородным в этническом отношении и не состояло только из «чистых» алан, как это представляется некоторым исследователям. Оно состояло из двух основных компонентов: адыгского (или этнически близкого адыгам) и ираноязычного, сарматского, позднесиракского, с вероятной примесью алан. Какой из этих компонентов преобладал, сейчас сказать трудно. Для этого необходимы широкие археологические исследования и накопление материала. По мнению некоторых ученых, на территории нижнего и среднего Прикубанья преобладал местный меото-адыгский компонент²⁶⁴. С этим трудно не согласиться; вероятно, на территории верхнего Прикубанья удельный вес автохтонного населения был преобладающим, хотя сарматский элемент здесь был более значительным, чем в остальном Прикубанье. В целом создается впечатление, что оба указанных компонента были очень значительны и что смешанное население долго удерживалось в верхнем Прикубанье. Эта смешанность населения отразилась и в характере Зеленчукской надписи: Г. Ф. Турчаниновым недавно выявлено значительное кабардино-черкесское (адыгское) влияние на иранскую речь автора

надписи. Г. Ф. Турчанинов на этом основании заключает, что в верховьях р. Большой Зеленчук наряду с осетинами (иранцами.— В. К.) в X в. обитали адыги²⁶⁵.

Как известно, осетинский язык делится на два основных диалекта — дигорский и иронский. Историко-лингвистическими исследованиями установлено, что Зеленчукская надпись и иранская топонимика верховьев Кубани ближе всего к дигорскому диалекту²⁶⁶. Известно также, что дигорский диалект древнее иронского. О причинах архаизма дигорского наречия В. И. Абаев говорит следующее: «Аланская (иранская.— В. К.) иммиграция в Центральный Кавказ совершилась двумя волнами, из которых первая, более ранняя, может быть условно названа «дигорской», а вторая, позднейшая — «иронской». Если эта наша гипотеза правильна, то она объясняет и большую архаичность дигорского диалекта: условия жизни в замкнутых ущельях Центрального Кавказа в огромной степени способствовали языковой консервации и «дигорцы», раньше изолировавшиеся и попавшие в эти условия, сохранили более архаичный облик языка»²⁶⁷.

Следует подчеркнуть, что эта нарисованная на основании чисто лингвистических материалов картина совпадает с нашими заключениями, сделанными выше. Если иранская топонимика и эпиграфика верхнего Прикубанья ближе всего стоит к дигорскому наречию, то это значит, что она появилась в этом районе намного раньше, чем сложился современный осетинский язык. Когда? Ответ может быть один — в сарматскую эпоху. Иранское наречие, носителями которого были сарматы-сиракки, появилось в верховьях Кубани и близлежащих районах вместе с ними еще в конце I тысячелетия до н. э., т. е. задолго до второй мощной аланской волны миграции IV в. н. э. Поэтому это наречие оказалось «законсервированным» в ущельях Кавказа раньше и сохранило более архаичный облик. С другой стороны, особенности дигорского наречия могут объясняться также языковой архаичностью, спецификой той кавказской среды, с которой смешивались пришельцы-сарматы. В процессе

²⁶² В. Ф. Миллер. Древне-осетинский памятник из Кубанской области. МАК III, стр. 118; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 262.

²⁶³ Г. Турчанинов. К датировке древне-осетинской Зеленчукской надписи. ИАН СССР, отд. лит. и языка, т. VII, вып. 1, М.—Л., 1948, стр. 81.

²⁶⁴ Н. В. Анфилов. Племена Прикубанья в сарматское время, стр. 62, 64; его же. Из прошлого Кубани. Краснодар, 1958, стр. 25.

²⁶⁵ Г. Ф. Турчанинов. Еще раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи. «Эпиграфика Востока», XII, 1958, стр. 51.

²⁶⁶ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 8—10; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 46, 249, 301—302.

²⁶⁷ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 362.

скрещивания с языком местного населения это иранское наречие было, по-видимому, усвоено последним и существует сейчас как дигорский диалект осетинского языка²⁶⁸. Иранской основой иронского наречия, очевидно, послужил аланский язык, вместе с его носителями попавший в горы Центрального Кавказа во второй половине I тысячелетия н. э., более развитый как в смысле лексического состава, так и в смысле грамматического строя и поэтому более совершенный. Впрочем, само собой разумеется, что мы не можем претендовать на решение сложных глоттогонических вопросов и что веское слово здесь принадлежит лингвистам. Отметим еще лишь то, что все сказанное вполне согласуется с выводом В. И. Абаева о диалектальных различиях древнеиранского периода²⁶⁹: сираки и аланы, бывшие родственными, но разными сарматскими племенами, естественно, должны были говорить на разных диалектах иранского языка.

Население верховьев Кубани и исторические этнонимы. Следует кратко остановиться на вопросе об отношении раннесредневекового населения верховий Кубани к племенным наименованиям, известным по письменным и другим источникам.

Из письменных источников I тысячелетия н. э., сообщающих о древних племенах и народах Северного Кавказа, самым полноценным и осведомленным следует считать новый список «Армянской географии» VII в., приписываемый Моисею Хоренскому. Обнаруживая глубокое и довольно точное знание древней кавказской этногеографии, этот источник дает материал по расселению даже небольших кавказских племен. Описывая расположение народов в Азиатской Сарматии и двигаясь с запада на восток «География» называет «народ Агванов, Аштигор на юге. С ними вместе живут Хебуры, Кутеты, Аргвелы, Маруйлы, Такуйры. За Дигорами в области Ардоз Кавказских гор живут Аланы, откуда течет река Арма, которая направляясь на север и пройдя бесконечные степи, соединяется с Атлем»²⁷⁰.

²⁶⁸ Недавно в Венгрии открыт яско-аланский глоссарий XV в. Известный венгерский востоковед Ю. Немет и В. И. Абаев сближают яский язык документа с дигорским диалектом осетинского языка, причем В. И. Абаев отмечает слова, усвоенные на Кавказе. См. Ю. Немет. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Пер. и прим. В. И. Абаева. Орджоникидзе, 1960.

²⁶⁹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, ч. I, стр. 354.

²⁷⁰ Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Пер. К. Патканова. ЖМНП, 1883,

Неясно, с кем следует сопоставлять народ «Агванов»²⁷¹, но, если судить по тексту, он может быть локализован на северо-западном Кавказе, вероятнее всего в Прикубанье. Далее на восток следует народ Аштигор или, как его дальше именуется источник, Дигор. Этот народ может быть локализован довольно точно между «Агванами» с запада и аланами, живущими в области Ардоз Кавказских гор, с востока. По остроумному и вполне убедительному предположению В. Ф. Миллера область Ардоз соответствует Владикавказской равнине²⁷². Значит, территория занятая дигорами, находилась западнее современной Осетии, т. е. в районе Кабардино-Балкарии и верховьев Кубани.

Известным подтверждением такой локализации дигоров являются уже приводившиеся выше данные топонимики и эпиграфики, связанные с дигорским наречием осетинского языка. Эти данные при отсутствии других материалов приобретают значение достаточно важного и, главное, объективного документа. Можно предполагать, что часть верхнекубанского средневекового населения уже тогда была связана с этнонимом «Дигор», дожившим до сегодняшнего дня в самоназвании западных осетин. Какой из двух основных этнических компонентов мог быть связан с этнонимом «Дигор»? Скорее всего, местный кавказский, ибо термин «дигор» необъясним из иранского языка и, по мнению В. Ф. Миллера и В. И. Абаева, местного кавказского происхождения²⁷³. Этноним «дигор», по-видимому, относился к автохтонной части населения верхнего Прикубанья.

В. И. Абаев считает, что «название digor было связано по происхождению с каким-то племенем, отличным от иранцев — алан». Здесь же В. И. Абаев говорит следующее: «Весьма вероятно, что корень dig тождествен с deg в a-deg-e — черкесы. В этом случае -иг/-ог могло быть показателем множественности»²⁷⁴. Таким

март, стр. 30. Вопрос об авторе и дате этого источника окончательно не решен. См.: Я. А. Манандян. Когда и кем была составлена «Армянская география», приписываемая Моисею Хоренскому. «Византийский Временник», т. I, 1947, стр. 127—143.

²⁷¹ Мнение В. Ф. Миллера о том, что агваны — ветвь алан, ничем не доказано (Осетинские этюды, ч. III, стр. 112). Известно, что у армянских авторов термин «Агванк» соответствовал Кавказской Албании, локализуемой на территории современного Азербайджана.

²⁷² В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 107.

²⁷³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 45, 79.

²⁷⁴ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I. М.—Л., 1958, стр. 380.

образом, рассматриваемый этноним, по-видимому, можно считать адыгским по происхождению, что является лишним подтверждением правильности определения основного слоя населения верховьев Кубани как меото-адыгского.

В первом варианте рассмотренного этнонима «Аштигор» обращает на себя внимание приставка «Аш». По совершенно справедливому замечанию В. Ф. Минорского, наименование «Аштигор» является армянской передачей Асдигор. Аш как первоначальная форма едва ли возможна, ибо никакого «ш» в осетинском языке нет и появление этого чужезычного звука следует отнести за счет глухого «т» в слове «Тигор» (вместо «Дигор») ²⁷⁵. В исторической литературе термин «Аштигор» рассматривается рядом авторов как испорченное Ас-Дигор ²⁷⁶.

В таком случае приставка Аш — Ас является не чем иным, как широко известным этническим наименованием иранского происхождения ²⁷⁷, причем применительно к населению Северного Кавказа это наиболее ранний случай его употребления. Естественно будет предположить, что этот этноним принадлежал той группе сармато-алан, которые заселили район верхнего Прикубанья, т. е. второму основному этническому компоненту. Если это так, то в составном этнониме «Аштигор» — Ас-Дигор — совершенно реально отразился и смешанный состав населения верхнего Прикубанья и его этническая и языковая природа.

Есть ряд исторических данных, свидетельствующих о том, что население верховьев Кубани в раннем средневековье и позже было связано с этнонимом «Ас». По словам П. К. Услара, «осетины, не присваивая себе названия оссов или асов, называют этим именем западных соседей, живущих на Кубани. Абхазцы называют Азухо, т. е. Азами, племя Адиге, живущее от них к северу к стороне Кубани» ²⁷⁸. Интересные сведения находим у персидского историка Йезди (1425). Рассказав о походе Тамерлана на Кубань, где он разгромил черкесов, Йезди далее сообщает, что Тамерлан повернул к горе Эльбурз (Эльбрус), т. е. к верховьям Кубани. Поход этот был на-

правлен против Буриберди и Буракана, который был правителем народа асов. Победив асов, Тамерлан двинулся к крепости Пулад (Джулат? — В. К.), где укрылся Утурку, один из эмиров Джучиева улуса. Но Утурку после взятия Пулада Тамерланом бежал в ущелья горы Эльбурз в местность Абаса (по другой редакции Аяса, т. е. Аса. — В. К.) ²⁷⁹. По этому, хотя и довольно позднему, источнику, страна асов четко локализуется в районе Эльбруса — верхнего течения Кубани.

Наконец, необходимо обратить внимание на чрезвычайно любопытное сообщение арабского автора X в. Ибн-Даста. Описывая земли хазар он говорит, что «это страна обширная, одною стороною прилегающая к великим горам, тем самым, в отдаленнейших окраинах которых живут Тулас и Лугар, и которые простираются до Тифлисской страны» ²⁸⁰. Ясно, что под «великими горами» автор имеет в виду Кавказ. Привлекает внимание наименование «Тулас», имеющее разночтение «Таулас» ²⁸¹. В этом этнониме наименование мы без труда узнаем корень «таули» (тюркск. «горцы») — самоназвание современных карачаевцев и балкарцев ²⁸². Это одно из древнейших упоминаний карачаевцев и балкарцев в письменных источниках. С другой стороны не менее ясно читается приставка «ас», означающая, что карачаевцы и балкарцы были покрыты этнонимом «ас» («таулас»-букв. «горцы-асы»).

С другой стороны, ряд различных исторических источников и даже поздних географических карт называет население верховьев Кубани аланами. Так, долго живший в Мингрии итальянский миссионер А. Ламберти на карте, приложенной к его описанию Мингрии XVII в., помещает алан на северном склоне Кавказа северо-западнее истоков р. Ингур западнее «Карачоли», т. е. карачаевцев ²⁸³.

²⁷⁹ Шереф-ад-дин-Али-Иезди. Книга побед. «Сб. матер., относящихся к истории Золотой Орды», т. II. М.—Л., 1941, стр. 181—183.

²⁸⁰ Д. А. Хвольсон. Известия о хазарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али-Ахмеда бен Омар Ибн-Даста. СПб., 1869, стр. 16.

²⁸¹ А. Я. Гаркави. Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе. Труды IV АС в Казани, т. II, Казань, 1891, стр. 243.

²⁸² В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, ч. 1, стр. 276. А. Я. Гаркави пытался в «Таулас» видеть «Таурос», т. е. крымских тавров. Однако при ближайшем рассмотрении такое отождествление не выдерживает критики хотя бы потому, что Ибн-Даст совершенно определенно говорит о Кавказе, но не о Крыме.

²⁸³ Ламберти. Описание Колхиды или Мингрии. ЗООИД, т. X. Одесса, 1877, табл. III.

²⁷⁵ V. Minorsky. Hudud-al-Alam. London, 1937, p. 445.

²⁷⁶ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, стр. 106; История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, стр. 46; З. Н. Ванеев. Ук. соч., стр. 12.

²⁷⁷ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, ч. 1, стр. 157.

²⁷⁸ П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881, стр. 327.

Так же помещают горы «Серир и Алан» турецкая география XVII в. Хаджи Халифы²⁸⁴ и грузинский географ XVIII в. Вахушти²⁸⁵. Все это довольно достоверно говорит о том, что население верховьев Кубани вплоть до позднейшего времени было связано с этническим наименованием «аланы». Противоречит ли этот факт всему тому, что было изложено выше?

По нашему мнению, такого противоречия нет. Чтобы разъяснить это, следует кратко остановиться на истории содержания термина «аланы». Среди исследователей термин «аланы» зачастую оценивался противоречиво — одни считали его весьма собирательным «географическим понятием», другие наоборот, связывали этот термин с обширным народом, населявшим в древности Северный Кавказ. Думается, что оба эти мнения не совсем верны, ибо термин «аланы» употреблялся и в узкоэтническом, и в собирательном смысле в зависимости от эпохи, характера источника и т. д. Существовало племя или союз родственных сарматских племен, связанных с конкретным этническим наименованием «аланы». Археологически это, вероятно, были носители катакомбного обряда погребения. Но когда эти «этнические» аланы заселили предгорья и горы Кавказа и вступили в тесный контакт с кавказскими горскими племенами, когда образовался большой племенной союз, возглавляемый аланами, тогда содержание этнонима «аланы» качественно изменилось. Наряду с прежним конкретным обозначением народности этот этноним получил значение весьма широкого собирательного наименования, обозначая разнородные племена, объединенные политически. Этнический и политический термины должны были сосуществовать, пока аланы не были ассимилированы кавказскими племенами. После этого и после распада Алании в XIII—XIV вв. термин «аланы» существует уже как пережиточный собирательный термин и никакой конкретный народ под ним не разумеется. Начиная с позднего средневековья и вплоть до нашего времени, слово «алан» в своем употреблении у горцев Северного Кав-

каза утратило окончательно этнический смысл, означая «товарищ», «дружище»²⁸⁶.

В каком же значении термин «аланы» следует приложить к населению верховьев Кубани? Говорить об аланах верховьев Кубани в этническом смысле мало оснований, так как здесь включение алан — носителей катакомбного обряда погребения было незначительным. Можно полагать, что население верховьев Кубани было включено в аланское объединение племен, играло в нем не последнюю роль и было быстро покрыто именем «аланы» в его политическом значении. Таким и донесли его до нас письменные источники.

Вопрос об этнической принадлежности каменных статуй. Итак, мы пришли к заключению, что раннесредневековое население верховьев Кубани состояло из двух основных компонентов: местного кавказского, этнически близкого адыгам, и ираноязычного сармато-сиракского с примесью алан. Накапливаются также данные, позволяющие поставить вопрос о появлении к концу раннего средневековья (к X—XII вв.) еще одной этнической группы. Эта группа характеризуется каменными статуями воинов, описанными выше. Как говорилось, эти статуи датируются X—XII вв. Кратко остановимся на вопросе об этнической принадлежности статуй воинов.

Все те мнения, которые уже высказывались по данному вопросу, сводятся либо к признанию их тюркскими каменными бабами, либо к отрицанию их тюркского происхождения. Так, тюрко-татарскими каменными бабами их считал Л. Нидерле²⁸⁷. Против подобных взглядов первым решительно выступил Н. И. Веселовский, указавший, что «тип этих статуй совсем иной, чем у каменных баб. Какой народ воздвигал эти христианские памятники, мы точно еще не знаем, но во всяком случае не тюрки»²⁸⁸. К мнению Н. И. Веселовского присоединился А. А. Миллер, также считавший, что эти статуи не являются каменными бабами²⁸⁹. А. А. Миллер, однако, обошел вопрос об этнической принадлежности верхнекубанских статуй и лишь попытался наметить их генетическую связь с памятниками скифо-сармат-

²⁸⁴ Хаджи Халифа (Кятиб Челеби). Джиханума. Стамбул, 1732, карта Кавказа. Переводом с турецкого я обязан сотруднику Института истории АН СССР А. Новосельцеву.

²⁸⁵ Вахушти. География Грузии. СМОМПК, вып. XXI, Тифлис, 1897, стр. 65 (карта). Об этом см. также: В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, стр. 112—116; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 249.

²⁸⁶ Г. Кокнев. Очерки по истории Осетии, ч. 1. Владикавказ, 1926, стр. 18—19; С. Н. Попов. Пешком по Карачаю. Изд. «Северный Кавказ», 1934, стр. 16.

²⁸⁷ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 399, рис. 137, 6.

²⁸⁸ Н. Веселовский. Мнимые каменные бабы. Отд. оттиск. СПб., 1905, стр. 26.

²⁸⁹ А. А. Миллер. Новый источник по изучению связи Скифии с Кавказом. ИРАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 99.

ской поры²⁹⁰. Х. О. Лайпанов, наоборот, без особых сомнений называет рассматриваемые изваяния половецкими каменными бабами²⁹¹.

Следует признать, что Н. И. Веселовский и А. А. Миллер были правы, отвергая принадлежность верхнекубанских статуй к числу каменных баб. Половецкие каменные бабы разделены столь характерными признаками²⁹², что спутать их со статуями верховьев Кубани просто невозможно. Однако нет оснований отрицать связь между верхнекубанскими статуями и тюркскими. Типологически верхнекубанские статуи очень близки некоторым тюркским статуям Центральной Азии. Общие приемы трактовки фигуры, положения рук, держащих сосуд у груди, и сабля, висящая на поясе, явно тюркский тип лица — все это указывает на очевидную связь рассматриваемых изваяний с каменными изваяниями Южной Сибири, Монголии и, отчасти, Средней Азии и принадлежность их тюркам. Азиатские каменные статуи датируются более ранним временем — VII—IX вв.²⁹³

Данный тип каменных статуй на Кавказе не является местным и не имеет предшествующей традиции. Он, несомненно, принесен из евразийских степей. Его распространителями в верховьях Кубани могли быть только кочевники — тюрки. В X—XII вв. такими кочевниками-тюрками на юго-востоке Европы были половцы.

Вопрос о пребывании половцев на Северном Кавказе почти не разработан. Между тем имеются совершенно достоверные археологические материалы, подтверждающие пребывание там половцев. Таковы, например, каменные бабы, обнаруженные в ряде пунктов степного Предкавказья. Одна из них опубликована И. А. Гильденштедтом²⁹⁴, вторая, хранящаяся в Пятигорске, еще в прошлом столетии была передана в Кавказский музей (г. Тбилиси)²⁹⁵, третья происходит из района Ессентуков и находится сейчас в Пятигорском музее краеведения. Известно, что аналогич-

ная каменная баба хранилась в Ставропольском музее²⁹⁶. А. А. Иессен считает, что южная граница распространения половецких каменных баб проходит примерно по линии Армавир—Пятигорск—Калмыцкие степи²⁹⁷. Обитание половцев на Северном Кавказе зафиксировано и письменными источниками. В начале XII в. грузинский царь Давид III Возобновитель вывел с Северного Кавказа 40 000 кипчаков (половцев)²⁹⁸. Вторгшиеся в 1222 г. на Северный Кавказ монголы встретили здесь объединенное войско алан и кипчаков, которых разгромили затем поодиночке²⁹⁹. Количество подобных фактов, свидетельствующих о включении северокавказских степей в Дешт-и-Кипчак (Кипчакскую степь), можно значительно увеличить³⁰⁰.

Однако выше мы были вынуждены отделить каменные статуи верховьев Кубани от типичных половецких каменных баб. По-видимому, каменные статуи верховьев Кубани принадлежали какой-то группе кочевников-тюрков, пришедших вместе с половцами из глубин Центральной и Средней Азии и осевших в районе верхнего Прикубанья. Это предположение подтверждается подкурганном кочевническим погребением XI—XII вв., раскопанным Т. М. Минаевой у аула Кубина³⁰¹.

Возможно, что, подобные погребения окажутся связанными с каменными статуями. Тогда верхнекубанская группа тюрков X—XII вв. выявится гораздо рельефнее; это, несомненно, может иметь большое значение для выяснения сложного вопроса этногенеза карачаевского народа, в котором половцы приняли активное участие³⁰².

²⁹⁶ ТСУАК, вып. V, Ставрополь, 1913, рисунок на обложке.

²⁹⁷ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии..., стр. 30.

²⁹⁸ М. Джанашивили. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России. СМОМПК, вып. XXII, Тифлис, 1897, стр. 36.

²⁹⁹ В. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. СПб., 1884, стр. 25.

³⁰⁰ Пребывание кипчаков в Предкавказье зафиксировано и в топонимике. Так, имя одного из подразделений кипчаков-куманов — сохранилось в названии р. Кубань (Куман-Кубан). см.: К. Д. Оссон. История монголов от Чингиз-хана до Тамерлана, т. I, Иркутск, 1937, стр. 193; А. Пономарев. Куман-половцы. ВДИ, 1940, № 3—4, стр. 369. С тем же именем куманов, по-видимому, связано название р. Кума.

³⁰¹ Доклад Т. М. Минаевой на сессии ИА АН СССР в апреле 1959 г.

³⁰² Л. И. Лавров. Происхождение балкарцев и карачаевцев. КС ИЭ, XXXII, 1959, стр. 3—7; «Вопросы истории», 1959, № 12, стр. 179—181.

²⁹⁰ Там же, стр. 114.

²⁹¹ Х. О. Лайпанов. К истории карачаевцев и балкарцев. Черкесск, 1957, стр. 49.

²⁹² См. С. А. Плетнев а. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62, 1958, рис. 28—37.

²⁹³ Л. А. Евтюхова. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА, № 24, 1952, стр. 72 и сл.; А. Н. Бернштам. Археологический очерк Северной Киргизии. Фрунзе, 1941, табл. X, 10—13.

²⁹⁴ I. A. Gildenstadt. Op. cit., Bd. II, Taf. 5.

²⁹⁵ За сообщение об этом памятнике и его рисунок выражаю свою признательность Н. М. Егорову.

Глава третья

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЛОКАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Как было показано в предшествующей главе, в районе Эльбруса намечается восточная граница западного локального варианта аланской культуры. Поэтому восточнее Эльбруса в еще плохо изученном районе верховий рек Кумы и Малки можно ожидать обнаружения памятников смешанного типа или типичных для обоих локальных вариантов. Не исключена также возможность выявления здесь особой категории археологических памятников — на что уже имеются определенные указания. Так, в Эрмитаже¹ и Пятигорском музее краеведения² хранятся коллекции керамики с городищ Кисловодского района, среди которых есть ряд фрагментов глиняных котлов с внутренними ушками. Эта форма совершенно нехарактерна для аланской керамики Северного Кавказа и не имеет в ней предшествующих форм. Разведочные работы, проведенные нами на городищах и поселениях в районе Кисловодска в 1959 г., показали большую насыщенность культурного слоя VIII—IX вв. фрагментами глиняных котлов.

¹ Гос. Эрмитаж, коллекция № 1367. Сборы Н. Е. Макаренко на Рим-горе.

² Пятигорский музей краеведения, инв. № 2406.

Недавно некоторыми советскими археологами было высказано предположение о принадлежности глиняных котлов юго-востока Европы черным болгарам³. Характерно, что нигде в других районах Центрального Кавказа глиняные котлы не встречаются. Лишь на городище Верхний Джулат в Северной Осетии в 1959—1960 гг. среди тысяч обломков керамики были найдены два обломка глиняных котлов. Район Кисловодска, где сейчас локализируются почти все находки глиняных котлов, в VIII—IX вв., возможно, был занят группой черных болгар, заселивших территорию между двумя соседствующими племенами алан. Однако памятники этой болгарской группы населения только начинают выявляться⁴. Сейчас же обратимся к интересующим нас памятникам Кабардино-Балкарии, где намечается еще один локальный вариант аланской культуры.

³ Н. Я. Мерперт. Древнейшие болгарские племена в Причерноморье. Очерки истории СССР III—IX вв., стр. 611; И. И. Ляпушкин. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. МИА, стр. 146 сл.

⁴ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и районе Кисловодска. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. IX, Нальчик, 1961, стр. 209—215.

1. ПОДЗЕМНЫЕ СКЛЕПЫ

На территории Кабардино-Балкарии в настоящее время известны могильные сооружения трех типов, относящиеся к раннему средневековью: подземные склепы, грунтовые могилы и каменные ящики. Наиболее многочисленны подземные склепы. Приведем их краткую характеристику.

1. Верхний Былым (б. Озоруково). Могильник у сел. Верхний Былым исследован

В. Ф. Миллером в 1883 г.⁵ Наружным признаком могил служили камни, выложенные по склону. После их удаления открывался спуск в виде колодца, заваленного камнем и зем-

⁵ МАК I, стр. 87 сл.; см. также В. Миллер и М. Ковалевский. В горских обществах Кабарды. «Вестник Европы», СПб., 1884, т. II, стр. 540 сл. Н. Хрузин. По горам Северного Кавказа. «Вестник Европы». СПб., 1888, № 10, стр. 483 сл.

лей (рис. 23, 1). Вход в склеп закрывали две-три плиты. Судя по публикации В. Ф. Миллера⁶, входное отверстие было четырехугольной формы. В стенах имелись ниши.

2. Нижний Былым. В этой же местности В. Ф. Миллер обследовал еще один могильник у впадения р. Гестанты в Баксан. Эти подземные склепы близки предыдущим, но на поверхности отмечены четырехугольниками из камней или курганами⁷.

Достоверность данных, полученных на Былымских могильниках В. Ф. Миллером, подтверждают раскопки Г. А. Вертепова в 1913 г. Им был вскрыт курган, под которым оказался подземный склеп, сложенный из тесаного камня. В стенах были выложены ниши, в западной стене имелось входное отверстие, закрытое каменной плитой. В кратком отчете Г. А. Вертепова⁸ нет указания на колодец, но о его существовании можно судить по наличию отверстия.

Курганные насыпи над склепами Былымских могильников отметили также В. Тепцов⁹ и Э. Шантр¹⁰. Былымские могильники очень значительны, но, к сожалению, разграблены. По свидетельству П. Г. Акритаса, здесь насчитывается более 900 расхищенных подземных склепов¹¹.

О погребальном обряде Былымских подземных склепов можно судить на основании раскопок В. Ф. Миллера. В первом склепе, исследованном В. Ф. Миллером, лежало шесть скелетов, из которых пять было ориентировано головами на запад и один лежал поперек склепа¹². О деталях в положении погребенных автор ничего не говорит, но ясно, что они могли лежать только вытянуто, иначе не поместились бы в склепе. Во втором склепе В. Ф. Миллер обнаружил пять скелетов, ориентированных головами на запад¹³.

Более подробных сведений нет. Склеп, раскопанный Г. А. Вертеповым, был ограблен, кости перемешаны¹⁴.

⁶ МАК I, рис. 77.

⁷ Там же, стр. 90.

⁸ Прибавление к 52 вып. ИАК, СПб., 1914, стр. 76—77.

⁹ В. Тепцов. По истокам Кубани и Терека. СМОМПК, вып. XIV, Тифлис, 1892, стр. 144—146.

¹⁰ E. Chantré. Op. cit., t. III, p. 43—46.

¹¹ П. Г. Акритас. Вновь открытые аланские подземные склепы в Баксанском ущелье (недалеко от Эльбруса). УЗ КНИИ, т. XI. Нальчик, 1957, стр. 407.

¹² В. Миллер и М. Ковалевский. Ук. соч., стр. 586.

¹³ МАК I, стр. 89—91.

¹⁴ М. И. Чехович. Краниологическое исследование серии черепов из Куркужанского могильника. «Зап.

В. Ф. Миллер отнес Былымские могильники ко времени не раньше XII—XIV вв.¹⁵ Такая датировка не может быть принята. Наиболее ранние вещи из могильников Былыма могут быть отнесены к IV—VI вв. Таковы бронзовая пряжка с эмалью и «брошка» со стеклянной вставкой¹⁶. Вещи с инкрустацией имеют широкое распространение в IV—VI вв. и известны в хорошо датированных могильниках этого времени в Керчи¹⁷, Верхней Рутхе¹⁸, Байтал-Чапкане¹⁹ и др.

Более точное представление о дате Былымских могильников дает обломок византийской ларохранительницы — пиксиды, хранящейся в Государственном историческом музее. Д. В. Айналов относит ее ко второй половине V в.²⁰ Тем самым определяется средняя дата могильника — V—VI вв. К V—VII вв. относятся бронзовые височные кольца с граненой гирькой на конце²¹. Они также хорошо известны в могильниках V—VII вв. не только на Северном Кавказе, но и в Крыму²² и Северном Причерноморье²³.

Намечаемое время Былымских могильников подтверждают монетные находки. В склепах были найдены: сассанидская монета Хозроя I Ануширвана (531—579), золотые индикации с монеты Юстиниана II Ринотмета и его сына Тиверия IV (705—711) и 12 золотых индикаций монеты Льва II (716—743)²⁴. Монеты указывают на длительное бытование подземных склепов Былыма от IV—V вв. до VIII в. Это вполне соответствует датировке, предложенной Б. Е. Деген-Ковалевским²⁵.

3. Гижгид. Могильник у с. Гижгид исследован И. А. Владимировым в 1897—1898 гг.

Терск. об-ва любителей казачьей старины», № 4: Владикавказ, 1914, стр. 55.

¹⁵ МАК I, стр. 96.

¹⁶ Там же, табл. XX, 3—4.

¹⁷ А. А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб 1904 г. ИАК, вып. 17. СПб., 1905, стр. 115—126.

¹⁸ МАК VIII, стр. 236 сл., табл. CI, CII.

¹⁹ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан... стр. 230, рис. 12, 21.

²⁰ Д. В. Айналов. Обломок пиксиды и другие древности из Озуровского могильника, находящиеся в Историческом музее. «Археол. изв. и заметки». т. II. М., 1894, стр. 1—8.

²¹ МАК, табл. XX, 2.

²² Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов, табл. 1.

²³ С. И. Капошина. Ук. соч., стр. 104, рис. 49.

²⁴ Д. В. Айналов. Ук. соч., стр. 8.

²⁵ История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. ч. III—IV (макет). стр. 45.

Всего здесь было вскрыто три подземных склепа. Склеп, вскрытый И. А. Владимировым в 1897 г., имел вход с запада. Отверстие было закрыто плитой. К входу вела «галерея», сложенная из толстых плит, поставленных на ребро и накрытых такой же плитой. В «галерее» можно видеть видоизмененный колодец. Стены склепа были скошены кверху²⁶.

Более обстоятельное описание склепа 1897 г. мы находим в рукописном отчете И. А. Владимирова. Из него видно, что «стены были не отвесны, а нависали на 4 вершка с боков». Наличие насыпи над склепом и довольно значительный скос стен хорошо видны на приложенных к отчету чертежах²⁷ (рис. 23, 2).

Еще два подземных склепа И. А. Владимиров исследовал в 1898 г. В склеп вел «спуск» (колодец), подходивший к входному четырехугольному отверстию, заложенному плитой. Входные отверстия располагались в западной или восточной стене. Если судить по чертежам И. А. Владимирова²⁸, стены слегка сходились кверху (рис. 23, 4).

В 1913 г. подземный склеп на Гижгидском могильнике был раскопан Г. А. Вертеповым. Он был устроен «по типу озоруковских могил», но был глубже и имел одну нишу²⁹.

Материал для суждения о погребальном обряде дают раскопки И. А. Владимирова. В склепе 1897 г. им обнаружены четыре скелета, лежавшие на спине, головами к входу, т. е. на запад. Ноги у всех погребенных были вытянуты, руки скрещены на груди (рис. 23, 5).

В первом склепе 1898 г. И. А. Владимиров обнаружил два скелета. Первый лежал вытянуто на спине, со скрещенными на груди руками, головой ко входу, т. е. на запад. Второй погребенный, по мнению И. А. Владимирова, был положен в полусидячем положении. И этот скелет был ориентирован головой на запад.

На запад был ориентирован костяк во втором склепе 1898 г.³⁰

В склепе 1897 г. И. А. Владимиров нашел три черноглиняных сосуда, имеющих ближайшие аналогии в керамике IV—VI вв. с тер-

ритории верхнего Прикубанья³¹. Кувшины имеют шаровидное тулово, покрыты вертикальным лощением и наклепными сосками. Вместе с сосудами найдены бронзовые подвески, отделанные птичьими головками³². Этот прием украшения металлических вещей характерен для V—VII вв. не только на Северном Кавказе³³, но и в Крыму³⁴ и в Западной Европе³⁵. К VI в. можно отнести «византийскую» бронзовую пряжку³⁶. В склепах 1898 г. были найдены глиняные сосуды такого же типа, относящиеся к IV—VI вв. Хронологическое сопоставление керамики и металлических вещей приводит к заключению о наиболее приемлемой дате Гижгидских склепов V—VII вв. Косвенно это подтверждают найденные в склепах Гижгида деформированные черепа и случайно найденная в Гижгиде монета — золотой солид римского императора Грациана (375—383)³⁷, возможно, происходящий из рассматриваемого могильника. Датировка, предложенная Гижгидским склепам Е. И. Крупновым, несколько завышена (VI—IX вв.)³⁸.

4. Тырны-Ауз. Случайно открытый в 1955 г. подземный склеп около г. Тырны-Ауз (в ущелье р. Баксан) недавно опубликован П. Г. Акритасом³⁹. Устройство склепа обычное для этого вида могильных сооружений. Курганная насыпь отсутствовала. На чертеже четко видна скошенность стен, дающая разницу между полом и потолком в 61 см (рис. 23, 6).

Погребальный обряд Тырны-аузского склепа неизвестен из-за плохой сохранности погребения. Несомненным можно считать то, что он содержал коллективное захоронение пяти-шести человек.

³¹ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 179, рис. 6; е е же. Могильник Байтал-Чапкан..., рис. 1, 4—3, 22.

³² ОАК за 1897 г., стр. 45, рисунок.
³³ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан..., рис. 12, 24; МАК VIII, стр. 221, рис. 188, табл. СII.

³⁴ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов..., табл. VI—IX; В. В. Кропоткин. Из истории средневекового Крыма. СА, XXVIII, 1958, рис. 3, 2.

³⁵ H. Zeiss. Die Grabfunde aus dem Spanischen Westgoten-reich. Berlin u. Leipzig, 1934, Taf. 6, 4—5.

³⁶ ОАК за 1897 г., стр. 144, рис. 280.
³⁷ А. Н. Зограф. Античные золотые монеты Кавказа. ИГАИМК, вып. 110. М.—Л., 1935, стр. 191, № 56.

³⁸ Е. И. Крупнов. Краткий очерк археологии Кабардинской АССР. Нальчик, 1946, стр. 8.

³⁹ П. Г. Акритас. Вновь открытые аланские подземные склепы..., стр. 407—414.

²⁶ ОАК за 1897 г., СПб., 1900, стр. 143—144.

²⁷ Архив ЛО ИА АН СССР, ФАК. д. № 215/1896, л. 77 сл.

²⁸ ОАК за 1898 г., стр. 136 сл., рис. 47—54.

²⁹ М. И. Чехович. Ук. соч., стр. 54.

³⁰ ОАК за 1897 г., стр. 114, рисунок.

Рассматриваемый памятник П. Г. Акритас отнес ко второй половине I тысячелетия н. э.⁴⁰ Эта дата слишком растянута. В инвентаре склепа имеется ряд достаточно хорошо датированных предметов (рис. 25). К ним относятся височные кольца с граненой гирькой на конце; выше указывалось, что они датируются V—VII вв. Тем же временем датируются бронзовые серьги «калачиком», бронзовые фибулы Тырны-аузского склепа, бронзовые подвески в виде кольца с наплывами. Такие же серьги, фибулы и кольца найдены Т. М. Минаевой в могильнике V в. Байтал-Чапкан⁴¹. Не противоречат этой дате бронзовые пластинчатые и одна фигурная пряжки, аналогии которым находим в опубликованной Т. М. Минаевой коллекции Нальчикского музея⁴². Двупластинчатые фибулы, судя по аналогиям, относятся к VI в.⁴³ Характерна керамика, обнаруженная в склепе⁴⁴. Это шесть кувшинов, большая часть которых (судя по публикации) относится к типичной посуде IV—VI вв. (см. гл. I—II). Суммируя все эти соображения, приходим к выводу, что наиболее вероятной датой Тырны-аузского склепа следует признать V—VI вв.

5. Куркужин. Три подземных склепа на могильнике у сел. Куркужин были вскрыты Г. А. Вертеповым в 1913 г.⁴⁵ По описанию М. И. Чеховича, они устроены «по типу озороковских, но с той разницей, что вместо надмогильных курганов здесь имеются едва заметные возвышения, обложенные камнем»⁴⁶.

В каждом из трех склепов, раскопанных Г. А. Вертеповым, находилось по шесть-семь покойников. Погребены они были, по словам исследователей, «в сидячем положении»⁴⁷, т. е. были, по-видимому, перемешаны.

Инвентарь, добытый Г. А. Вертеповым в склепах Куркужина, не опубликован. В его беглом описании упомянуты вещи с инкруста-

цией⁴⁸, что указывает на возможное время могильника — IV—VI вв. Подтверждение такой даты можно видеть в антропологическом материале. В Куркужинских склепах было найдено семь деформированных черепов, опубликованных М. И. Чеховичем⁴⁹ и Г. Филдом⁵⁰.

Все это дает возможность ориентировочно отнести Куркужинский могильник к IV—VI вв.

6. Сел. Балкарское. По сообщению М. И. Ермоленко, около сел. Балкарского находятся могилы, которые «сверху имеют вид курганчиков, с отверстием в боку, в виде круглой дыры, которая заложена каменной плитой»⁵¹. Речь идет, несомненно, о склепах рассматриваемого типа.

7. Вольный аул. Вольный аул ныне представляет окраину Нальчика. Здесь в 1923 г. было раскопано М. И. Ермоленко несколько могил. Никаких данных о его раскопках не опубликовано, однако в личном архиве А. А. Миллера сохранилась следующая запись: «Могилы (склепы.— В. К.) грунтовые... в стене — ниша, в которой находимы были кувшины, остатки пищи»⁵². Там же находим сведения о погребальном обряде — костяки лежали головами на юго-запад, на слое угля.

Известный нам небольшой материал из склепов Вольного аула свидетельствует о значительном хронологическом диапазоне этого могильника.

Найденный здесь сарматский меч с кольцевидным навершием датируется I—II вв. н. э.⁵³, а пластинчатые фибулы, вещи с инкрустацией⁵⁴ относятся к V—VI вв.

8. Хабаз. По сообщению М. И. Ермоленко, местными жителями возле аула Хабаз (на р. Малка) был случайно найден могильник, состоящий из подземных склепов. Один из них, осмотренный М. И. Ермоленко, имел в плане форму квадрата. Стены сложены из

⁴⁰ Там же, стр. 414.

⁴¹ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан..., рис. 3-д; рис. 17-а; ее же. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии..., стр. 256 сл., рис. 7 и 8.

⁴² Т. М. Минаева. Там же, рис. 24.

⁴³ Сужу по докладу А. К. Амброза о фибулах, прочитанному на заседании группы раннего средневековья юго-востока Европы. ИА АН СССР 4 ноября 1960 г.

⁴⁴ П. Г. Акритас. Вновь открытые аланские подземные склепы..., рис. на стр. 408.

⁴⁵ Прибавление к 52 вып. ИАК, стр. 76; раскопки в Нальчикском округе. ТСУАК, вып. V, Ставрополь, 1913.

⁴⁶ М. И. Чехович. Ук. соч., стр. 55.

⁴⁷ Там же, стр. 55—56; ТСУАК, вып. V, стр. 3.

⁴⁸ М. И. Чехович. Указ. соч., стр. 56.

⁴⁹ Там же, рис. на стр. 57, 62 и 63.

⁵⁰ H. Field. Contributions to the Anthropology of the Caucasus. Cambridge, 1953, fig. 16, 17, 18.

⁵¹ М. И. Ермоленко. Древние храмы близ Нальчика и мумии балкарских могильников Терской области. Отд. оттиск. Ставрополь, 1911, стр. 2.

⁵² Архив ЛО ИА, АН СССР, ф. 24, д. № 129.

⁵³ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 165, рис. 45, 2; см. аналогии: Н. В. Анфиимов. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской. МИА, № 23, стр. 197, рис. 18 и др.

⁵⁴ Архив ЛО ИА АН СССР, ф. 24, д. № 129.

нетесанных, но ровных плиток, сверху склеп был накрыт толстой плитой. В восточной стене имелось входное отверстие. Скелет лежал головой к северо-западной стене⁵⁵. Склеп у аула Хабаз ориентировочно можно отнести к эпохе раннего средневековья.

9. Шканыты. Подземные склепы у сел. Шканыты (верховья р. Черек-Балкарский) были зафиксированы А. А. Миллером. Они имеют четырехугольные входные отверстия, а сверху курганную насыпь⁵⁶. Склепы не исследовались.

Кроме перечисленных, подземные склепы обнаружены у селений Верхний Баксан и Заюково⁵⁷, но о них, к сожалению, мы не имеем никаких данных. Л. И. Лавров приводит интересные сведения о наличии земляных насыпей, обложенных камнями, и каменных насыпей на могильнике у сел. Верхний Че-

⁵⁵ М. И. Ермоленко. Могилы седой старины Нальчикского округа Терской области. ТСУАК, вып. V, стр. 4.

⁵⁶ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции ГАИМК в 1924 и 1925 годах. СГАИМК, т. 1, Л., 1926, стр. 77, рис. 5.

⁵⁷ П. Г. Акритас. Вновь открытые аланские подземные склепы..., стр. 409. М.—Л., 1939, стр. 178.

гем⁵⁸. Вполне возможно, что под этими насыпями скрыты подземные склепы, но никаких археологических раскопок на указанном могильнике не производилось.

Таковы имеющиеся в нашем распоряжении данные о подземных склепах Кабардино-Балкарии. При всей скромности и отрывочности материала все же можно установить ряд черт, неоднократно повторяющихся и являющихся специфичными. К ним относятся: курганчик или насыпь из камня над склепом (Былым, Гижгид, Балкарское, Куркужин, Шканыты), наличие входного отверстия и ведущего к нему колодца или «галереи» (Былым, Гижгид, Куркужин), скошенность стен склепа внутри камеры (Гижгид, Тырны-Ауз).

Характеристика погребального обряда, связанного с подземными склепами, может быть сделана только предварительно из-за недостаточности материала. Судя по могильникам Былым и Гижгид, преобладала западная ориентировка погребенных и вытянутое на спине положение. Руки часто скрещивались на груди (по данным И. А. Владимирова). Склепы предназначались исключительно для коллективных захоронений.

⁵⁸ Л. И. Лавров. Из поездки в Балкарию. СЭ, II.

2. ГРУНТОВЫЕ МОГИЛЫ И КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ

Кроме описанных подземных склепов, на территории Кабардино-Балкарии в нескольких пунктах известны грунтовые могилы в виде ям и каменные ящики. Ниже дается их краткое описание.

1. Зилги. Несколько грунтовых могил у аула Зилги (ущелье р. Черек-Балкарский) исследовал в 1883 г. В. Ф. Миллер. На поверхности могилы не были отмечены. Здесь же В. Ф. Миллер обнаружил погребения в каменных ящиках. О погребальном обряде этого могильника известно лишь то, что погребенные были ориентированы головами на северо-запад и юго-запад⁵⁹.

Из могил Зилги В. Ф. Миллером опубликован ряд находок⁶⁰, хранящихся в Государственном историческом музее. Однако ни в публикации, ни в фондах этот материал не разделен на комплексы. Это делает невозможной отдельную датировку грунтовых могил и каменных ящиков Зилги.

К числу ранних предметов следует отнести металлические кольца с семью соколиными головками⁶¹. Выше уже говорилось, что предметы этого стиля датируются V—VII вв. Более поздний период (VII—IX вв.) представлен литыми бронзовыми фигурками всадников⁶². В наборе бус из погребений Зилги преобладают мозаичные и глазчатые пастовые бусы, многочастные бусы из золоченого и посеребренного стекла⁶³. По наблюдениям В. Б. Деопик, максимальное количество мозаичных бус на Северном Кавказе наблюдается в VI—VIII в., а многочастных бус — более всего после VI в.⁶⁴

⁶¹ Там же, табл. XIX, 4

⁶² Там же, табл. XIX, б. См. В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 105.

⁶³ ГИМ, хр. 52/116.

⁶⁴ В. Б. Деопик. Средневековые бусы Северного Кавказа. Доклад, прочитанный 28 марта 1958 г. на заседании группы раннего средневековья юго-востока Европы ИА АН СССР.

⁵⁹ МАК I, стр. 80—81.

⁶⁰ Там же, табл. XIX.

Таким образом, дата могильников у с. Зилги может быть определена временем с V—VI по VIII—IX вв.

2. **Кардан.** Могильник на правом берегу р. Кардан (ущелье р. Чегем) обследован В. Ф. Миллером. По его описанию, могилы представляли собой ямы, заваленные камнями. В одной могиле найдены куски дерева от «сруба»⁶⁵. Погребенные лежали вытянуто на спине, головами на юго-запад.

3. **Кешене-алы.** Могильник, состоящий из грунтовых ям, расположенный на холме Кешене-алы (в 2 км южнее с. Советское в ущелье р. Черек) открыт в 1947 г. Е. И. Крупновым. Здесь им вскрыто четыре могилы с вытянутыми скелетами, ориентированными головами на запад⁶⁶.

Грунтовые могилы Кешене-алы датированы Е. И. Крупновым VII—IX вв. Эту дату следует считать удовлетворительной, так как нет предметов, датировемых более точно.

⁶⁵ МАК I, стр. 84—85.

⁶⁶ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г..., стр. 317; его же. Археологические работы на Северном Кавказе. КСИИМК, XXVII, 1949, стр. 17.

Кроме того, могильники, состоящие из каменных ящиков, известны на горе Донгат⁶⁷, у сел. Куспарты и Шканти⁶⁸. Однако хотя бы примерная дата первого неопределима, а каменные ящики у этих селений (ныне покинутых балкарских селений в верховьях р. Черек-Балкарский) относятся к эпохе позднего средневековья и выходят за хронологические рамки нашей темы⁶⁹.

Закljučая этот раздел, укажем, что грунтовые могильники Зилги, Кардан и Кешене-алы и каменные ящики Зилги дают в общем такую же картину погребального обряда, как в подземных склепах. Это та же западная ориентировка и вытянутое положение погребенных. Поэтому рассмотренный погребальный обряд существенно пополняет те данные, которые были отмечены для погребального обряда подземных склепов.

⁶⁷ МАК I, стр. 80.

⁶⁸ А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции..., стр. 76, рис. 3—4.

⁶⁹ В. А. Кузнецов. Археологические разведки в Кабардино-Балкарии и районе Кисловодска. Сб. статей по истории Кабардино-Балкарии, вып. IX, Нальчик, 1961, стр. 208—209.

3. ТОПОГРАФИЯ И ПЛАНИРОВКА ГОРОДИЩ. ФОРТИФИКАЦИОННЫЕ СООРУЖЕНИЯ

В литературе уже обращено внимание на весьма своеобразные особенности аланских городищ Кабардино-Балкарии. На этом вопросе следует остановиться, так как оригинальная планировка и топография городищ, особенности их фортификации могут быть весьма веским аргументом при выделении локальных групп племен.

Наиболее обстоятельно городища Кабардино-Балкарии были обследованы в 1932—1936 гг. экспедициями ГАИМК и ИИМК. В результате этих работ были зафиксированы десятки средневековых городищ, расположенных главным образом в предгорной полосе республики, где концентрация городищ особенно велика и хорошо выявляются особенности их топографии.

Общие закономерности в характере и расположении аланских городищ Кабардино-Балкарии были подмечены Б. Е. Деген-Ковалевским и А. А. Иессеном. Судя по памятникам Среднего Баксана, можно установить планировку городищ. В каждом из них имелось центральное укрепление в виде холма, окружен-

ного рвом. Вокруг этой цитадели располагалось поселение, тоже опоясанное рвом⁷⁰. По мнению А. А. Иессена, «этот план городища является типовым для всей пограничной степной зоны, хотя в отдельных деталях встречаются многочисленные отклонения»⁷¹.

Весьма характерной чертой городищ Кабардино-Балкарии являются укрепленные холмы, вынесенные далеко вперед, но в пределах видимости. Они имеют плоские вершины и часто окружены валом и рвом. А. А. Иессен считает их сторожевыми форпостами городищ, выдвинутыми в степь⁷², а Б. Е. Деген-Ковалевский называет их фортами⁷³. Укрепленные холмы зафиксированы у Кызбурунских городищ⁷⁴,

⁷⁰ Б. Е. Деген-Ковалевский. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции. ИГАИМК, вып. 110, стр. 13, рис. 2.

⁷¹ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии..., стр. 24.

⁷² Там же.

⁷³ Б. Е. Деген-Ковалевский. Работы на строительстве..., стр. 12.

⁷⁴ Там же.

у Нальчикской группы городищ⁷⁵, у городища Герменчик около сел. Старый Лескен⁷⁶ (рис. 28). Некоторые холмы имеют до 16 м высоты⁷⁷.

Остановимся на топографии городищ. Здесь необходимо отметить две интересные черты. Первая состоит в том, что городища имеют групповое расположение, причем можно выделить центральное городище, к которому тяготеют остальные. Так, на Среднем Баксане группа укрепленных поселений тяготеет к центральному Кызбурунскому городищу⁷⁸. Другая такая же группа городищ, объединенных вокруг центрального, находится в районе Нальчика и Вольного аула⁷⁹. Компактные группы городищ, имеющих укрепленные холмы, отмечены П. Г. Акритасом у сел. Аргудан и Чегем II⁸⁰.

Вторая существенная особенность топографии городищ состоит в том, что они связаны между собой зрительной связью. Таковы группы городищ на Среднем Баксане и у Нальчика, расположенные в пределах видимости. Судя по описанию П. Г. Акритаса, зрительную связь имеют городища в долине Черека, расположенные на расстоянии 2,5—4 км одно от другого, и городища у сел. Чегем II⁸¹. Эта си-

⁷⁵ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии..., стр. 25.

⁷⁶ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г., стр. 290. Там же Е. И. Крупнов указывает, что некоторые из отмеченных городищ Кабардино-Балкарии располагаются на возвышенностях естественного происхождения, так называемых озах. Поэтому нет оснований такие возвышенности считать результатом деятельности человека. См. П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г. УЗ КНИИ, т. II, Нальчик, 1947, стр. 303—304.

⁷⁷ П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г., стр. 303.

⁷⁸ Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг., стр. 233.

⁷⁹ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии..., стр. 25.

⁸⁰ П. Г. Акритас. Археологическая разведка в Кабарде в 1946 г., стр. 304—305.

⁸¹ Там же.

стема группового расположения зрительно связанных городищ невольно заставляет вспомнить сообщение арабского географа Х р. Масуди о том, что аланское царство «представляет непрерывный ряд поселений настолько смежных, что если кричат петухи, то им откликаются другие во всем царстве, благодаря смежности и так сказать переплетению хуторов»⁸².

Указанные особенности топографии аланских городищ Кабардино-Балкарии, относящихся к VI—XII вв.⁸³, позволили А. А. Иессену сделать вывод о существовании здесь единой системы укрепленных поселений, внутренне связанных как в экономическом, так и в этническом отношении⁸⁴. Послевоенные работы Е. И. Крупнова и П. Г. Акритаса подтверждают правильность этой точки зрения. Таким образом, ценное для нас наблюдение А. А. Иессена служит дополнительным аргументом при выделении локального варианта аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии. Действительно, нельзя считать случайным, что в верховьях Кубани, где городища и поселения известны не только по разведкам, но и по раскопкам, мы не встречаем вынесенных вперед укрепленных холмов, видим иную топографию городищ, наличие каменных оборонительных стен, а не рвов и т. д. Судя по исследованиям Северо-Кавказской экспедиции Института археологии АН СССР 1957—1958 гг. у станции Змейской, аланские городища Северной Осетии также имели несколько иную планировку и топографию, не сопровождаясь укрепленными холмами. Однако в данном случае картина далеко не ясна из-за слишком плохой изученности городищ Северной Осетии.

⁸² Масуди. Луга золота и рудники драгоценных камней. СМОМПК, вып. XXXVIII, Тифлис, 1908, стр. 54.

⁸³ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г..., стр. 295.

⁸⁴ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии..., стр. 24; Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг., стр. 233.

4. КЕРАМИКА

Керамика раннесредневековых памятников Кабардино-Балкарии сравнительно немногочисленна. Всего нами учтено и использовано 135 сосудов, хранящихся в Нальчикском музее, Государственном Историческом музее и Государственном Эрмитаже. Подавляющее большинство керамики хранится в Нальчикском музее; она и положена в основу написания дан-

ного раздела. Большая часть учтенной керамики делится нами, как и в предшествующих главах, на основные типы, по хронологическим этапам. Небольшая группа атипичных сосудов (13 экз.) в приложенной таблице не представлена.

Керамика IV—VI вв. Наиболее многочисленным и ведущим типом керамики этого времени являются небольшие сосуды типа кув-

шинчиков, черного или серого цвета, с округлым, плавно очерченным корпусом, прямым венчиком и ручкой, начинающейся от венчика (рис. 24, А, 1—4). На некоторых сосудах этого типа ручка помещена по середине тулова (рис. 24, А, 5). Сосуды, преимущественно лепные, отличаются высоким качеством фактуры и обжига. Поверхность их обычно лощеная, иногда до блеска, орнамент представлен налепными сосками, вертикальными лощеными полосами, косыми полосами, каннелюрами по тулову, вдавливаниями разных форм и т. д. Соски часто бывают окружены лощеными концентрическими кругами. Произведенный подсчет показывает, что сосуды этого типа составляют примерно 65% всей керамики IV—VI вв.

Ко второму типу керамики IV—VI вв. мы относим небольшие (до 9,6 см высоты) лепные кувшинчики серого или серо-коричневого цвета. Кувшинчики широкие, их диаметр обычно превышает высоту. Венчики прямые или слабо отогнутые, ручки петлевидные, помещены по середине корпуса. Иногда они зооморфны (рис. 24, А, 6—7). Фактура этих сосудов аналогична фактуре предыдущего типа керамики. Нами учтено восемь сосудов этого типа.

Третий тип представлен крупными кувшинами для хранения жидкостей. Они достигают более 40 см в высоту и изготовлены из высококачественной глины, поверхность серая или черная, иногда лощеная. Кувшины этого типа имеют яйцевидный корпус и носик-слив. Венчик отогнут, ниже венчика прикреплена ручка, иногда двуствольная. Некоторые кувшины снабжены тремя ручками для удобства пользования. Кувшины украшены глубоколощеными линиями и вдавливаниями в различных сочетаниях и налепными валиками, идущими по горизонтали и вертикали (рис. 24, А, 12—13). Кувшинов этого типа нам известно семь. Следует отметить, что отдельные экземпляры этого типа хронологически могут относиться и к VII—VIII вв.

К четвертому типу керамики IV—VI вв. можно отнести стройные коричневые кувшины, высотой до 20 см, отличающиеся оригинальностью форм и особенно ручками-сливами. Последние поставлены параллельно горлу и имеют сквозное отверстие. Кувшин из Вольного аула, кроме ручки-слива, имеет обычную ручку с воротничком сверху (рис. 24, А, 9). Кувшины этого типа известны пока лишь в трех экземплярах.

Остальная керамика IV—VI вв. не составляет типологических групп из-за малочисленно-

сти. Интересен керамический комплекс из Мукуланского могильника V—VI вв.⁸⁵ Он состоит из девяти сосудов. Из них мы сразу же выделяем два сосуда, которые выше отнесли к первому и самому многочисленному типу. Остальные сосуды оригинальны по своим формам и в большинстве относятся к редким формам сосудов IV—VI вв. Из числа этих сосудов к распространенному типу относится лишь лощеная бурая кружка.

Керамика VII—IX вв. Керамика этого периода представлена значительно меньшим числом сосудов (25 экз., кроме нескольких атипичных). Первый, наиболее многочисленный тип — высокие темно-серые или коричневые кувшины с носиками-сливами, яйцевидными или грушевидными очертаниями корпуса и одной ручкой, прикрепленной ниже венчика или (реже) к венчику. Кувшины украшены желобками, линейным орнаментом, вдавливаниями и изредка маленькими налепными сосочками, явно вырождающимися (рис. 24, Б, 1—3). Всего нами учтено 11 таких кувшинчиков. К ним близко примыкают два сходных сосуда без носиков⁸⁶ и один кувшин с тремя лентовидными ручками, без носика-слива⁸⁷, явно генетически связанный с аналогичными яйцевидными кувшинами более раннего времени.

Второй тип керамики VII—IX вв. составляют чернолощеные невысокие кувшинчики с плавными округлыми очертаниями тулова, ручкой-петлей по середине корпуса и характерным венчиком-раструбом (рис. 24, Б, 4). Количественно они весьма немногочисленны (3 экз. в Нальчикском музее).

Третий тип керамики — средней величины кувшины серого или черного цвета, с низким и приземистым округлым туловом и плоской ручкой с двумя отверстиями для захвата двумя пальцами (рис. 24, Б, 5—6). Всего нам известно пять таких сосудов.

К четвертому типу мы относим черные кувшины с широким, плоским днищем, диаметр которого намного больше диаметра горла. Благодаря этому они производят впечатление приземистых (рис. 24, Б, 7—8). Эти сосуды также весьма немногочисленны (3 экз.).

Керамика X—XII вв. Эта группа керамики самая немногочисленная. С достоверно-

⁸⁵ Гос. Эрмитаж, коллекция № 1320. Покупка В. П. Ренгартена 1914 г. К сожалению, ни в археологической литературе, ни в архивах не содержится никаких сведений о самом могильнике.

⁸⁶ Нальчикский музей, инв. № 1506 и 3933.

⁸⁷ Нальчикский музей, инв. № 1182.

стью мы можем включить в нее лишь два коричневых стройных кувшина, сделанных на круге (рис. 24, В, 1—2). Кувшины имеют высокие горла, носики-сливы и ручки, начинающиеся от венчика.

Сравнивая описанную керамику Кабардино-Балкарии с синхронной керамикой верховьев Кубани, мы прежде всего должны отметить весьма большую их общность. Особенно она заметна в раннеаланской керамике IV—VI вв. Сосуды первого типа этого времени Кабардино-Балкарии находят себе полные аналогии в верхнекубанских памятниках — Гиляч⁸⁸, Байтал-Чапкан⁸⁹, где они количественно также преобладают.

Встречаются в верховьях Кубани и лепные лошенные кружки, иногда с зооморфными ручками⁹⁰, и крупные яйцевидные кувшины с носиками и тремя ручками и кувшины с ручками-сливами⁹¹. Вся эта керамика тождественна таким же сосудам IV—VI вв. Кабардино-Балкарии.

О локальных чертах в керамике IV—VI вв. Кабардино-Балкарии пока очень трудно говорить. Выше мы отмечали оригинальный комплекс из Мукуланского могильника. Ряд сосудов этого могильника редко встречается в Кабардино-Балкарии и совсем не известен в верховьях Кубани (рис. 15, А). Возможно, это и

⁸⁸ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 279, рис. 6.

⁸⁹ Е е ж е. Могильник Байтал-Чапкан, рис. 1, 4—3, 5б, 22.

⁹⁰ Е е ж е. Поселение в устье р. Узун-Кол, стр. 195, рис. 3, 2.

⁹¹ Е е ж е. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 280, рис. 7, стр. 286, рис. 13, 5 и др.

является отражением локальных особенностей в рассматриваемой керамике IV—VI вв., но утверждать данное положение рано из-за недостаточности материала.

В следующий период — VII—IX вв. — мы находим в Кабардино-Балкарии значительное число кувшинов с носиками. Памятники VII—IX вв. в верховьях Кубани изучены слабо, и у нас недостаточно материала для сопоставления. Однако, если судить по этому материалу, такие кувшины в верховьях Кубани редки. Кувшины второго типа с венчиками-раструбами в верховьях Кубани неизвестны. Также там представлены единичными экземплярами сосуды третьего и четвертого типов Кабардино-Балкарии. В VIII—IX вв. в могильниках верховьев Кубани появляются сосуды не аланского облика; их мы связываем со значительным культурным и этническим влиянием адыгских племен. В свою очередь, керамика такого типа в рассматриваемое время не встречается на территории Кабардино-Балкарии. Таким образом, в VII—IX вв. локальные различия в керамике верховьев Кубани и Кабардино-Балкарии прослеживаются более четко, чем в предшествующий период.

Судить о местных особенностях керамики X—XII вв. нет возможности из-за исключительной малочисленности материала. Отметим, что кувшины с носиками, известные в Кабардино-Балкарии, встречаются и в верховьях Кубани⁹² и в Северной Осетии⁹³.

⁹² Т. М. Минаева. Могильник в устье р. Теберды..., рис. 6 и 7.

⁹³ Материалы хранятся в Северо-Осетинском музее краеведения.

5. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО ВАРИАНТА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники раннего средневековья Кабардино-Балкарской АССР, как и Чечено-Ингушской АССР, до сих пор остаются наименее изученными на всем Северном Кавказе. Это обстоятельство сказалось на недостаточности и фрагментарности тех материалов, которые мы смогли привлечь в настоящей главе. Тем не менее существование локального варианта аланской культуры на территории Кабардино-Балкарии вряд ли вызывает сомнение. Подземные склепы центрального варианта по ряду конструктивных деталей (курганные насыпи, входные отверстия и колодцы, скошенность стен

кверху) отличаются от подземных склепов верховьев Кубани. Для погребального обряда характерна западная ориентировка покойных, тогда как в верховьях Кубани мы отмечали неустойчивую ориентировку. В топографии городищ Кабардино-Балкарии заметны своеобразные черты, отличающие их от городищ западного варианта (вынесенные вперед укрепленные холмы, центральные укрепления-цитадели, групповое расположение городищ в пределах зрительной связи). На городищах центрального варианта совершенно нет каменных оборонительных стен, которые характерны для го-

родищ западного варианта. Наконец, можно отметить некоторые отличия и в керамике, которые начинают заметно проявляться с VII—VIII вв. и которые прослеживаются как при сравнении с керамикой верховьев Кубани, так и при сравнении с керамикой Осетии. Все это свидетельствует о существовании на территории Кабардино-Балкарии группы племен, в известной степени отличных от своих западных и восточных соседей. Какова была их этническая принадлежность?

Представляется вероятным, что этническая история раннесредневекового населения современной Кабардино-Балкарии в своих основных чертах сходна с этнической историей населения верховьев Кубани. Как и в верховьях Кубани, здесь, несомненно, следует различать два основных этнических компонента: местный, кавказский и пришлый, иранский. Рассмотрим их в отдельности.

Местный кавказский слой. Кавказский этнический субстрат на территории рассматриваемого локального варианта ярко выражен в археологических памятниках. С этим местным кавказским населением связаны прежде всего подземные склепы. В соответствующем разделе гл. II мы уже отмечали, что подземные склепы, как и прочие средневековые каменные могильные сооружения Кавказа, своими истоками восходят к эпохе бронзы и являются глубоко местными, кавказскими. Попытаемся, хотя бы гипотетически, наметить возможную этническую принадлежность местного слоя населения центрального локального варианта и его отношение к племенам, известным по письменным источникам.

Как уже отмечалось выше, по такому археологическому признаку, как тип могильного сооружения, автохтонный слой населения центрального варианта довольно близок местному слою населения верховьев Кубани. На это указывает почти полное совпадение форм подземных склепов. Однако, если судить по другим археологическим признакам, это население имело и свои специфические этнографические особенности. По-видимому, это были разные, но в основе своей довольно близкие племена. Эта близость вызывается общностью древнейшего кавказского этнического субстрата. Отметим, что в последнее время В. И. Абаевым высказана точка зрения о существовании древнего субстратного языка, легшего в основу балкаро-карачаевского, осетинского и других языков северокавказских народов⁹⁴.

⁹⁴ И. М. Некрасова. Научная сессия в Нальчи-

Территория Кабардино-Балкарии и прилегающего к ней Пятигорья в предшествующую эпоху входила в зону распространения кобанской культуры⁹⁵. Если учесть, что этнические границы в пределах Кавказа обладают весьма большой устойчивостью⁹⁶, то, очевидно, мы должны признать, что местное раннесредневековое население Кабардино-Балкарии было генетически связано с носителями кобанской культуры и являлось их прямыми потомками. Точнее говоря, оно было непосредственно связано с носителями кабардино-пятигорского варианта кобанской культуры⁹⁷. В порядке предварительной рабочей гипотезы мы можем предложить следующие соображения.

В гл. II мы попытались показать, что автохтонное население верховьев Кубани можно связывать с дигорами «Армянской географии» VII в. по новому ее списку. Западная ветвь осетин и сейчас называется дигорцами и говорит на своем диалекте. Между дигорами «Армянской географии» и дигорцами, несомненно, существует глубокая генетическая связь⁹⁸. Нынешние дигорцы, живущие в верховьях р. Урух, по-видимому, являются незначительным остатком древних дигоров, существовавших здесь издавна. Но в таком случае мы совершенно логично можем предположить, что территория между р. Урух и верховьями Кубани (где тоже жили дигоры), Кабардино-Балкария, была также занята племенами дигоров. Таким образом, мы предполагаем, что современные дигорцы — это сохранившийся в силу географической замкнутости и изолированности незначительный (и, конечно, сильно видоизмененный!) осколок древних дигоров, занимавших обширную территорию от р. Уруп до р. Урух. Ясно, что это было не одно огромное племя, а объединение автохтонных кавказских племен, возможно связанных близостью языка и антропологического типа.

Возникает вопрос, почему остатки дигоров — дигорцы — сохранились лишь в совре-

ке. «Вопросы истории», 1959, № 12, стр. 180. В. И. Абаев. Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке. О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960, стр. 127—134.

⁹⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, рис. 21 (карта); его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 81, рис. 7 (карта).

⁹⁶ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, стр. 124.

⁹⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 181 сл.

⁹⁸ История Северо-Осетинской АССР. М., 1959, стр. 46; З. Н. Ванеев. Ук. соч., стр. 12.

менной Дигории? Почему от них не осталось никаких этнических групп западнее, на территории Кабардино-Балкарии и верхнего Прикубанья? Это, конечно, не случайно. Ответ на эти вопросы, возможно, кроется в позднейшей тюркской колонизации края. В верховьях Кубани остатки дигоров, не ассимилированных иранцами, были, очевидно, растворены тюрками в процессе этногенеза карачаевцев, а в горах Центрального Кавказа — балкарцами. Уцелела лишь небольшая, крайняя к востоку группа дигоров, изолированных в ущелье р. Урух. Этот район, как известно, тюркской колонизации не подвергался. Поэтому местный слой населения сохранил до нашего времени свой древний этноним и диалект. Существование местного дигорского населения на территории Кабардино-Балкарии подтверждается новым списком «Армянской географии» VII в., который помещает алан за дигорами в области Ардоз Кавказских гор⁹⁹. Как показал В. Ф. Миллер, область Ардоз сопоставима с Владикавказской равниной¹⁰⁰, ограниченной с запада Кабардинским хребтом. Следовательно, по «Армянской географии», на запад от Владикавказской равнины и Кабардинского хребта лежали земли, занятые дигорами. В них, естественно, входила и территория современной Кабардино-Балкарии.

Другим фактом, косвенно подтверждающим длительное существование намечаемого дигорского союза племен, включающего в себя и племена центрального варианта, является давняя (с I тысячелетия до н. э.) культурная близость между верховьями Кубани и Центральным Кавказом, отмеченная еще А. А. Иессеном¹⁰¹. Эта близость также не могла быть случайным явлением и имела исторические причины. Одной из главных причин могла быть этническая близость населения указанных районов.

В преданиях балкарцев сохранились свидетельства о том, что страна до их прихода была заселена дигорцами¹⁰². Разумеется, такие данные самостоятельного значения не имеют, но в совокупности с прочими соображениями приобретают определенный интерес.

В новом списке «Армянской географии»

⁹⁹ Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, стр. 30.

¹⁰⁰ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 107.

¹⁰¹ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии..., стр. 124.

¹⁰² В. Миллер и М. Ковалевский. Ук. соч., стр. 553.

упоминаются хебуры, кутеты, аргвелы, мардуйлы и такуйры, живущие вместе с дигорами¹⁰³. Это скорее всего мелкие этнографические единицы, соответствующие отдельным родам и, следовательно, населенным пунктам. В дальнейшем тексте «Армянской географии» мы не раз сталкиваемся с такими мелкими родовыми названиями — цехойка, пурка, цанарка и т. д.¹⁰⁴ Возможно, хебуры, кутеты, аргвелы, мардуйлы были какими-то подразделениями, входившими в состав дигоров.

Иранский слой. Теперь обратимся ко второму, иранскому компоненту раннесредневекового населения центрального локального варианта, наличие которого здесь несомненно. Оно документировано топонимикой иранского происхождения. В качестве примера можно привести несколько таких топонимов, взятых из работ В. Ф. Миллера¹⁰⁵, К. Ф. Гана¹⁰⁶, В. И. Абаева¹⁰⁷: «Кордан» (Кардан) — дан — дон — вода, река, «Гетан-дор» — дор — дур — камень, «Орсундаг» — орс фандаг — белая дорога, «Курноят» — курон ват — место мельницы, «Местекам» — мисти ком — мышиное ущелье, «Устур» — стур — большой, «Донгат» — сырое место и т. д. Всего топонимов иранского происхождения на территории Кабардино-Балкарии нами насчитано более тридцати. По заключению В. Ф. Миллера и В. И. Абаева, они лучше всего объясняются из дигорского диалекта¹⁰⁸, т. е. здесь можно наблюдать ту же картину, что и в верховьях Кубани. Возможно, некоторый слой иранской топонимики Кабардино-Балкарии связан, как и в верхнем Прикубанье, с иранизацией края в сарматское время. Но и здесь мы сталкиваемся с существующей до сих пор неизученностью памятников сарматского времени.

Из случайных поступлений и хищнических раскопок на территории Кабардино-Балкарии происходит много вещей сарматского типа, относящихся к первым векам нашей эры. Среди них немало импортных изделий, например из

¹⁰³ Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому, стр. 30.

¹⁰⁴ З. Н. Ванеев. Ук. соч., стр. 12.

¹⁰⁵ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 8—9.

¹⁰⁶ К. Ган. Первый опыт объяснений кавказских географических названий. СМОМПК, вып. XXXIX, Тифлис, 1909, стр. 1—164.

¹⁰⁷ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор..., стр. 46, 284—285.

¹⁰⁸ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 10; В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, там же и стр. 301—302.

египетской пасты¹⁰⁹. Характерно, что эти импортные изделия первых веков нашей эры в основном концентрируются около перевальных путей, ведущих в Закавказье¹¹⁰. По мнению К. Ф. Смирнова, сарматские племена, двигаясь в горы, стремились овладеть перевалами через Кавказский хребет¹¹¹. Судя по топографии случайных сарматских находок, это наблюдение вполне применимо и к территории Кабардино-Балкарии.

Какие это были сарматские племена, принадлежали ли они к кругу сиракских или аорских племен — сейчас решить невозможно. Широкое бытование термина «асы» применительно к населению этой части Кавказа устанавливается достаточно твердо. Так, известно, что осетины своих западных соседей, балкарцев, и сейчас называют аси, а их страну Асией¹¹². Исследователи справедливо считают, что термин «аси», несмотря на смену народностей, остался связанным с той местностью, которая в древности была занята асами. Термин этнический (асы) постепенно превратился в термин географический (Ассия), а затем снова стал этническим термином, означающим иной народ — балкарцев¹¹³. Это явление получило отражение и в топонимике Балкарии — «Асиакам»¹¹⁴ — ущелье асов.

Следует особо отметить, что до недавнего времени восточная часть Балкарии называлась «Басиани». Впервые этот термин встречается в арабском источнике IX в., повествующем о христианизации Кавказа: «И отправил он (св. Григорий.— В. К.) Евфалия в область басианцев епископом над ними»¹¹⁵. Область «Басиани» русскими и грузинскими источниками кон-

ца XVIII — начала XIX вв. совершенно определенно локализуется в верхнем течении р. Черек и прилегающих районах¹¹⁶. Следовательно, область «Басиани» целиком соответствует восточной части центрального локального варианта. Как установил Л. И. Лавров, под басианами русских и грузинских источников скрывались балкарцы¹¹⁷. Это верно для позднего средневековья, но вряд ли приложимо к населению более раннего времени, когда балкарцев как народа на рассматриваемой территории еще не было. По-видимому, балкарцы в процессе своего этногенеза растворили в своей среде басиан, живших в верховьях Черка, и восприняли их наименование. Но здесь важно отметить другое. Термин «Басиани» является не чем иным, как грузинской транскрипцией того наименования страны — Асия, о котором шла речь выше. От грузин такая транскрипция, по-видимому, попала в русские источники.

Таким образом, полученное равенство «Басиани» — «Асия» еще раз подтверждает правильность сопоставления древнего населения Балкарии с асами. Резюмируя все сказанное, приходим к заключению, что смешанное население центрального локального варианта в значительный промежуток рассматриваемого времени могло быть связано с этнонимами «дигор» и «ас». Это относится главным образом к населению горной полосы.

Этногеография предгорий и плоскостной части современной Кабардино-Балкарии еще менее ясна, чем горной. Представляется, что она была более сложной и пестрой. Судя по отдельным катакомбным могильникам (Песчанка, Шалушка, Гунделен) и по большому числу городищ, дающих типичную аланскую керамику сарматского происхождения¹¹⁸ (с глиняными цилиндрическими стаканами), предгорья и плоскость были в основном заняты аланами, несомненно, проникавшими и в горы. Собственно аланские памятники на территории Кабардино-Балкарии изучены слабо, но все же очевидно, что иммиграция алан здесь носила более интенсивный характер, чем в верховьях Кубани.

Остается сказать несколько слов о возможной этнической принадлежности грунтовых

¹⁰⁹ МАК I, табл. XXIII; Zichy. Voyages au Caucase et en Asie Centrale, t. II, tabl. XXII.

¹¹⁰ Б. Б. Пиотровский. Археологическое изучение древнейшего Закавказья. ВДИ, 1947, № 3, стр. 183; В. Б. Виноградов. О путях древних культурных связей Центрального и Северо-Восточного Кавказа с южными областями в I тысячелетии до н. э. «Сб. студенч. докл. на V Всес. археол. конф.», М., 1960, стр. 26.

¹¹¹ К. Ф. Смирнов. Основные пути развития мезо-сарматской культуры среднего Прикубанья. КСИИМК, XLVI, стр. 13.

¹¹² В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 7; Г. Кокиев. Очерки по истории Осетии, ч. I, Владикавказ, 1926, стр. 17; В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. 1, стр. 79; З. Н. Ванеев. Ук. соч., стр. 9—10.

¹¹³ Г. Кокиев. Ук. соч., стр. 17.

¹¹⁴ К. Ган. Ук. соч., стр. 5.

¹¹⁵ Н. Я. Марр. Крещение армян, грузин, абхазцев и аланов святым Григорием. ЗВО ИРАО, т. XVI, СПб., 1906, стр. 137. Возможно, что имеется в виду область «Басиан», расположенная в верховьях р. Аракс, на границе Армении и Византии.

¹¹⁶ И. А. Гильденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. СПб., 1809, стр. 146—147; С. Броневский. Ук. соч., стр. 216 и др.

¹¹⁷ Л. И. Лавров. Расселение сванов на Северном Кавказе до XIX в. КС ИЭ, X, 1950, стр. 80—81.

¹¹⁸ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г., стр. 294—295.

могильников Кабардино-Балкарии. Могилы в виде простой грунтовой ямы в Центральном Предкавказье редки и не характерны для местного населения, хотя они и встречаются в разные эпохи. Поэтому наличие трех грунтовых могильников (Зилги, Кардан и Кешене-алы) на сравнительно небольшой территории Балкарии обращает на себя внимание. С другой стороны, археологу нельзя не обратить внимание на довольно четко намечающуюся связь этих грунтовых погребений с грунтовыми погребениями Зливкинского могильника на Украине¹¹⁹ и Нови-Пазарского могильника, исследованного С. Станчевым в Болгарии¹²⁰. Эта связь состоит не только в одинаковом (судя по имеющимся данным) устройстве могильных ям, но и в идентичности погребального обряда с западной ориентировкой костяков, лежащих на спине. Инвентарь грунтовых могильников Балкарии, Украины и Болгарии относится к одному периоду — VII—IX вв. — и связывается с салтово-маяцкой культурой. Таким образом, налицо и культурная близость.

В последнее время советские и болгарские археологи стали связывать могильники типа Зливок и Нови-Пазара с праболгарами или черными болгарами¹²¹. Эта точка зрения нам

представляется очень интересной и заслуживающей внимания. Если присоединиться к ней, то грунтовые могильники Балкарии получают совершенно новое содержание и открывают заманчивые перспективы для исследователей болгарской проблемы в целом и этногенеза балкарцев в частности. По времени и территориально они увязываются с болгарскими городищами Кисловодского района и, возможно, представляют собой звенья какой-то одной цепи исторических событий, связанных с распадом в конце VII в. Приазовской Болгарии и передвижением болгарских племен не только на Дунай и Волгу, но и на юг, к горам Кавказа. Для решения этих вопросов необходимы систематические исследования.

Как видно по прилагаемой карте (рис. 22), рассмотренные в этой главе археологические памятники центрального варианта аланской культуры расположены целиком на территории современной Кабардино-Балкарской АССР. Зона соприкосновения с западным локальным вариантом находится в районе верхнего течения р. Малки, а с восточным локальным вариантом — по р. Урух (Дигория). На юге граница проходит по Главному Кавказскому хребту, бывшему естественным рубежом между культурами Северного Кавказа и Закавказья.

¹¹⁹ В. А. Городцов. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. Труды XII АС, I, 1905, стр. 211—213, 250—260.

¹²⁰ Станчо Станчев. Некрополь до Нови Пазар. София, 1957.

¹²¹ Н. Я. Мерперт. Древнейшие болгарские пле-

мена в Причерноморье, стр. 611—615; И. И. Ляпушкин. Ук. соч., стр. 146—147; Станчо Станчев. Некрополь до Нови Пазар, стр. 116; его же. Новый памятник ранней болгарской культуры. СА, XXVII, 1957, стр. 107—132.

Глава четвертая

ВОСТОЧНЫЙ ЛОКАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

На территории восточнее р. Урух мы встречаем иные по сравнению с верховьями Кубани и Кабардино-Балкарской республикой господствующие типы могильных сооружений, новые детали в погребальном обряде, ряд местных форм керамики. Улавливая определенные общие закономерности, можно наметить третий вариант аланской культуры Северного Кавказа, который мы условно именуем восточным. Восточный локальный вариант занимает территорию современной Осетии и Ингушетии. Далее на восток, вплоть до Дагестана, археологические памятники эпохи раннего средневековья изучены очень слабо, и на археологической карте здесь до сих пор существует «белое пятно», соответствующее территории Чечни. Неболь-

шие работы, проведенные здесь еще в прошлом столетии В. Ф. Миллером¹, А. А. Бобринским², Н. Семеновым³ и Завадским⁴, не дают достаточного материала для суждений. К тому же они плохо документированы. Поэтому вопрос о характере раннесредневековых памятников Чечни остается открытым. Открытым остается и вопрос о восточной границе этого локального варианта, которую мы намечаем чисто условно.

¹ МАК I, стр. 1—42.

² ОАК за 1882—1888 гг., СПб., 1891, стр. 278—279.

³ Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 161 сл.

⁴ Прибавление к 10 вып. ИАК, СПб., 1904, стр. 16—17.

1. КАМЕННЫЕ ЯЩИКИ

Если в верхнем Прикубанье в эпоху раннего средневековья доминируют могильники, состоящие из наземных гробниц и подземных склепов, а на территории Кабардино-Балкарии преобладают подземные склепы, то на территории Осетии и Ингушетии решительно господствуют каменные ящики. Последние обычно представляют собой могилы, стены которых составлены из двух длинных и двух коротких каменных плит. Иногда длинные стены состоят из двух-трех плит. Сверху каменные ящики накрывались каменными плитами и засыпались землей; пол часто выстилался плитами.

1. Кумбулта. Могильники у аула Кумбулта в верховьях р. Урух (Дигория) обследованы в прошлом столетии К. И. Ольшевским, П. С. Уваровой и В. Л. Тимофеевым. В районе Кумбулты известны два больших древних мо-

гильника: Верхняя Рутха и Хор-Гон (солнечная сторона — осетинск.)⁵. Все материалы, не относящиеся к Верхней Рутхе, следует связывать с могильником Хор-Гон. Так как в литературе более известно наименование «Кумбулта», мы пользуемся им, имея в виду могильник Хор-Гон.

Судя по дневнику К. И. Ольшевского, могилы Кумбулты представляли собой грунтовые ямы, стены которых обложены речным булыжником. Сверху могилы были накрыты каменными плитами и сгнившими досками⁶. П. С. Уварова с основанием относит такие могильные сооружения к числу каменных ящиков⁷.

⁵ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа..., стр. 215.

⁶ МАК VIII, стр. 216—213, рис. 182—183.

⁷ МАК VIII, стр. 375.

Всего К. И. Ольшевский вскрыл шесть могил. Последовавшие затем раскопки П. С. Уваровой и В. Л. Тимофеева «не дали ничего нового»⁸. Число вскрытых этими лицами могил неизвестно.

В 1889 г. В. И. Долбежев на холме Хор-Гон обследовал разграбленные каменные ящики, сложенные из камней и плит без цемента и накрытые большими плитами. Ящики служили для одиночных и коллективных погребений. В. И. Долбежев насчитал на холме Хор-Гон более 150 ящиков⁹.

Погребения Кумбулты разновременны, а описание их не дифференцировано и отрывочно, поэтому дать характеристику погребального обряда не представляется возможным.

Датировка раннесредневековых могил Кумбулты исследователями памятника — К. И. Ольшевским, П. С. Уваровой и В. Л. Тимофеевым — определена не была. В сводной работе акад. Ю. В. Готье находим верное указание на то, что «кумбултский могильник обнимает очень большой хронологический промежуток» и что он «служил местом погребения и в первые века христианской эры»¹⁰.

П. С. Уваровой опубликовано девять сосудов из Кумбулты. Аналогичные им сосуды хорошо известны по могильникам верховьев Кубани и Кабардино-Балкарии. Среди них мы видим три лощеных кувшина с округлым туловом и ручкой, начинающейся от венчика. Два кувшина на тулове имеют наlepные соски¹¹. Аналогичные сосуды имеются в могильниках более западных районов; на территории центрального варианта они составляют около 65% керамики IV—VI вв. В качестве аналогий укажем кувшины из могильников Гижгида¹², Тырны-Ауза¹³, Вольного Аула¹⁴, Гиляча¹⁵, Байтал-Чапкана¹⁶.

Наряду с этими сосудами в Кумбулте были найдены лощеные сосуды с характерным горлом-раструбом и короткой ручкой, помещенной посреди сосуда¹⁷. В верховьях Кубани таких

кувшинов пока не найдено; зато они известны в комплексах VII—VIII вв. в Кабардино-Балкарии¹⁸.

В фондах Государственного исторического музея хранятся сосуды из Кумбулты, типологически не выходящие за пределы намечаемого времени. Таковы маленькие кувшинчики с округлым, раздутым туловом, украшенные налепными сосками по тулову и зооморфными ручками, лощеные сосуды с ручкой, начинающейся от венчика¹⁹, и т. д. Небольшой черный лощеный горшочек или кружка с высоко поднятой ручкой хранится в Эрмитаже²⁰. Осмотр кумбултской керамики, хранящейся в Историческом музее (рис. 27, А, 1—5), подтверждает правильность ее отнесения к периоду с IV—V по VII—VIII вв.

Ряд вещей, хорошо датируемых указанным временем, мы находим среди металлических украшений из Кумбулты. К их числу следует отнести бронзовые кольца с птичьими головками, кольца с «напльвами»²¹, пластинчатые фибулы²², бронзовые пряжки «византийского» происхождения²³. Кольца и другие украшения с птичьими головками и кольца с «напльвами» встречаются обычно в памятниках V—VII вв., о чем мы уже не раз горорили выше. То же следует сказать и о пластинчатых фибулах, относящихся по сходству с пашковскими скорее всего к VI в. К V в. можно отнести бронзовые и золотые аграфы, найденные в Кумбулте²⁴. Идентичные предметы получены из комплекса V в., происходящего из района Гагры и датированного золотой монетой императора Гонория (395—423)²⁵. «Византийскую» пряжку из Кумбулты венгерский археолог Д. Чаллань датирует 620—660 гг.²⁶

На основании приведенных данных раннесредневековые могилы Кумбулты можно датировать в основном V—VII вв.

2. Верхняя Рутха. Могильник Верхняя Рутха, расположенный около аула Кумбулта, был исследован П. С. Уваровой и В. И. Долбе-

⁸ МАК VIII, стр. 214.

⁹ ОАК за 1889 г., СПб., 1892, стр. 59.

¹⁰ Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе. М.—Л., 1930, стр. 56.

¹¹ МАК VIII, табл. ХСVIII, 3—7; табл. ХСIX, 1—3.

¹² ОАК за 1897 г., стр. 144, рисунок.

¹³ П. Г. Акритас. Вновь открытые аланские подземные склепы..., рисунок на стр. 412.

¹⁴ Музей г. Нальчика, инв. № 1264.

¹⁵ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 279, рис. 6.

¹⁶ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан, рис. 1, 4—3, 56, 22.

¹⁷ МАК VIII, табл. ХСVIII, 4, 6; табл. ХСIX, 2.

¹⁸ ОАК за 1898 г., стр. 124, рис. 1, 14, 23, 46; В. А. Кузнецов. Локальный вариант аланской культуры..., стр. 166, табл. V, 4.

¹⁹ ГИМ, инв. № 55421 (коллекция П. С. Уваровой).

²⁰ Гос. Эрмитаж, коллекция 1747, № 66.

²¹ МАК VIII, стр. 221, рис. 188—189.

²² Там же, табл. ХСII, 7.

²³ Там же, табл. ХСII, 12.

²⁴ Там же, табл. XXXIX, 10—14.

²⁵ А. Сплицын. Могильник V века в Черноморье. ИАК, вып. 23, СПб., 1907, стр. 103 сл., рис. 12, 16.

²⁶ Д. Чаллань. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства I. Acta Antiqua Bd. II, Heft 3—4, стр. 339.

жевым. По словам П. С. Уваровой, могильник состоит из значительного количества каменных камер (ящиков), «крепко и изящно сложенных из огромных плит на извести»²⁷. Три каменных ящика, раскопанные в 1889 г. В. И. Долбежевым, относятся к тому же типу: «камни их частью обтесаны и сложены на цементе». Еще два каменных ящика В. И. Долбежев вскрыл на возвышенности севернее бугра Рутха²⁸. Здесь им насчитано до 50 ограбленных жителями каменных ящиков²⁹.

Во вскрытых В. И. Долбежевым каменных ящиках скелеты лежали вытянуто на спине, с вытянутыми конечностями. Костяк в ящике № 1 был ориентирован головой на северо-запад, в ящике № 2 — на север, в ящике № 3 — на северо-восток³⁰.

Могильник Верхняя Рутха богат разнообразным погребальным инвентарем. Наряду с керамикой в нем много металлических вещей и украшений, которые вполне могут быть хронологическими эталонами. Рассмотрим некоторые из них.

Прежде всего обращают на себя внимание великолепные золотые ювелирные изделия, украшенные красными вставками из граната³¹. Это, несомненно, импортные вещи причерноморского происхождения. Аналогичные ювелирные изделия с инкрустацией из красных камней были обнаружены в 1904 г. в катакомбах Керчи. Типологически и стилистически украшения из Рутхи и Керчи одинаковы; очень близки фибулы Рутхи и Керчи. Керченские находки датированы монетами и индикациями монет императоров Констанция II (317—361) и Валентиниана III (424—455)³². Таким образом, керченские вещи датируются V в. Довольно близкие вышеуказанным двупластинчатые фибулы известны в Венгрии, где А. Алфёльди также датирует их V в.³³

K VI в. можно отнести некоторые пряжки из Верхней Рутхи, типа византийских, без бородки или со слабо выраженной бородкой, которая появляется со второй половины VI в.³⁴ Наличие в Рутхе материалов VI в. документи-

ровано резным халцедоном с пехлевийской надписью³⁵.

Намечаемую дату могильника Верхняя Рутха подтверждает керамика. Среди опубликованных сосудов находим три темных лощеных кувшина с округлым корпусом, прямым венчиком и ручкой, прикрепленной к венчику или в середине корпуса³⁶. Это форма посуды, которую мы повсеместно характеризовали как основной тип керамики IV—VI вв. Сосуды таких же форм в большом количестве найдены в ближайшем могильнике у Кумбулты³⁷, который датируется V—VII вв. Аналогичные сосуды из Рутхи, происходящие из раскопок В. И. Долбежева³⁸ и из коллекции П. С. Уваровой из Поречья³⁹ и хранящиеся в Государственном историческом музее, ни по форме, ни по фактуре и обработке поверхности не выходят за пределы V—VII вв.

Следует отметить, что в числе находок из Рутхи есть «византийская» пряжка с маскообразным основанием⁴⁰, относящаяся, по Д. Чалланю, к VII в.⁴¹, и подвесная бронзовая бляха от конской узды⁴², некоторые аналогии которой имеются в Змейском катакомбном могильнике XI—XII вв.⁴³ Вероятно, в Рутхинском могильнике (как и во многих других могильниках Северной Осетии) погребения охватывают большой промежуток времени⁴⁴. Но основной инвентарь этого могильника наиболее хорошо укладывается в пределы V—VI вв.⁴⁵

3. Задалиск. Могильник у аула Задалиск (Дигория) исследован П. С. Уваровой. Здесь она отметила два типа могил: каменные ящики, сложенные из местных известняковых плит⁴⁶, и могилы больших размеров, со зна-

³⁵ МАК VIII, стр. 239.

³⁶ МАК VIII, табл. CVI, 6—8.

³⁷ МАК VIII, табл. XCIX, 1—3.

³⁸ ГИМ, инв. № 25185, 25276.

³⁹ ГИМ, инв. № 89, 90.

⁴⁰ МАК VIII, табл. CII, 16.

⁴¹ Д. Чаллань. Ук. соч., стр. 338—340, табл. VI.

⁴² МАК VIII, табл. CIV, 13.

⁴³ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 108, рис. II, 2. Наиболее точные аналогии бляхам содержатся в Колосковском могильнике в Прикубанье, исследованном в 1957 г. П. А. Дитлером. Материал не опубликован.

⁴⁴ В 1938 г. Е. И. Крупнов на могильнике Верхняя Рутха обнаружил комплекс предметов сарматского времени. В его состав входят две золотые монеты, представляющие собой кавказские подражания статерам Александра Македонского. См. Е. И. Крупнов. Из результатов Северо-Кавказской экспедиции Государственного Исторического музея 1937—1938 гг. ВДИ, 1939, № 1, стр. 266.

⁴⁵ Очерки истории СССР III—IX вв., стр. 624.

⁴⁶ МАК VIII, стр. 189.

²⁷ МАК VIII, 235—236.

²⁸ ОАК за 1889 г., стр. 70—71.

²⁹ Там же, стр. 59.

³⁰ Там же, стр. 70—71.

³¹ МАК VIII, табл. CI, CII.

³² А. Спицын. Вещи с инкрустацией из керченских катакомб..., стр. 115 сл., рис. 32.

³³ A. Alföldi. Funde aus der Hunnenzeit und ihre ethnische Sonderung. AN IX, Budapest, 1932, Taf. X.

³⁴ МАК VIII, табл. CIII, 12—13; табл. CIV, 17; Д. Чаллань. Ук. соч., стр. 318.

чительными остатками деревянных бревен или досок. Могилы эти овальной формы и обложены кусками местного камня; на дне на деревянной подстилке расположен костяк⁴⁷. Таким образом, второй тип могил по форме и устройству довольно близок могилам Кумбулты.

В каменных ящиках Задалиска скелеты лежали большей частью на спине; некоторые из них, по мнению П. С. Уваровой, находились в сидячем положении (т. е. были сдвинуты в кучу к одной из стен). Ориентировка неустойчивая: «то с востока на север, то с запада на восток, то с юга на север»⁴⁸.

Датировка могильника Задалиска определена П. С. Уваровой. На основании сходства с инвентарем могильника Рутха ранний комплекс Задалиска отнесен ею к IV—V вв., а более поздний комплекс — к VII—IX вв.⁴⁹

С датировкой раннего комплекса Задалиска в основном следует согласиться, добавив, что ряд вещей из него может быть датирован и VI в. Это бронзовые пластинчатые фибулы⁵⁰, височные кольца с гирькой на конце⁵¹ и т. д.

С датировкой П. С. Уваровой позднего комплекса Задалиска согласиться нельзя. Об этом свидетельствует керамика. В могилах Задалиска найдены два сосуда с коротким горлом, носиком-сливом сбоку и незамкнутой ручкой. Оба сосуда по корпусу орнаментированы волной⁵². Сосуды такого типа, только с круглой ручкой, были найдены на Змейском катакомбном могильнике в 1958 г.⁵³ В Задалиске также найдены бронзовые височные кольца в полтора оборота, железные ножицы, костяные обкладки лука с штриховым орнаментом, плоские железные наконечники стрел, подобные змейским⁵⁴. Все это указывает на наличие в могильнике Задалиска комплексов XI—XII вв. Подтверждение этой дате можно видеть в кувшине с оттянутой губой, ручкой, прикрепленной выше венчика, и волнистым орнаментом⁵⁵, типологически близком поздним сосудам, относящимся ко времени не ранее XI—XII вв. (например, из Архона)⁵⁶.

⁴⁷ МАК VIII, стр. 190.

⁴⁸ МАК VIII, стр. 189.

⁴⁹ МАК VIII, стр. 194—195.

⁵⁰ Там же, табл. XXXI, 5, 10, 11, 12.

⁵¹ ГИМ, хр. № 53/10 об.

⁵² МАК VIII, табл. XXXV, 2; ГИМ, инв. № 24.

⁵³ В. А. Кузнецов и О. В. Милорадович. Археологические исследования в Северной Осетии в 1958 г. КС ИА (в печати).

⁵⁴ ГИМ, хр. 53/7а, 53/7б, 53/9б.

⁵⁵ МАК VIII, табл. XXXV, 3.

⁵⁶ МАК VIII, табл. XXVIII, 13.

Таким образом, в Задалиске можно выделить два хронологических слоя — IV—VI и XI—XII вв.

4. Фаскау. Могильник в местности «Фаскау» находится недалеко от с. Галиат в Дигории. Обследован В. Л. Тимофеевым и П. С. Уваровой. Последняя указывает на этом памятнике два типа могил: каменные ящики, сложенные из булыжника на извести, и покрытые каменными плитами грунтовые ямы⁵⁷. По мнению П. С. Уваровой, оба типа могил одновременны. Однако обнаруженный в Фаскау инвентарь относится чуть ли не ко всем эпохам древней истории: докобанской, кобанской, скифо-сарматской и раннему средневековью⁵⁸. По описанию В. Л. Тимофеева и П. С. Уваровой выяснить хронологическую принадлежность того или иного типа могильных сооружений невозможно. По-видимому, к раннему средневековью следует относить каменные ящики, сложенные из булыжника (что уже было встречено выше в могильниках Кумбулты и Задалиска).

В двух каменных ящиках, вскрытых В. Л. Тимофеевым, было найдено по одному-два скелета, лежащих вытянуто на спине, с вытянутыми конечностями. В ящике № 2 руки костяка были согнуты и положены к шее; ориентированы погребенные были головами на запад⁵⁹.

В материалах Государственного исторического музея имеется ряд сосудов с паспортом «Фаскау» и относящихся к интересующему нас времени. Один из них опубликован П. С. Уваровой⁶⁰, остальные ею лишь упомянуты и сопоставлены с сосудами из Задалиска и Кумбулты⁶¹. Среди этих сосудов действительно имеются черноглиняные кувшины, одинаковые по форме, размерам и фактуре с описанными выше кумбултскими и задалисскими, кувшинчики с горлом-раструбом, с зооморфными ручками, с налипными сосками по туловищу⁶² и т. д. Хронологически вся керамика Фаскау вполне укладывается в пределы V—VII вв.

Замеченная по керамике дата находит соответствие в изделиях из металла. Так, П. С. Уварова опубликовала пальчатую фибулу из Фаскау⁶³. Пальчатые фибулы, хотя

⁵⁷ МАК VIII, стр. 271—272.

⁵⁸ МАК VIII, табл. CXV, CXVI, CXVII, рис. 210—214.

⁵⁹ МАК VIII, стр. 271—272.

⁶⁰ МАК VIII, табл. XXXV, 15.

⁶¹ МАК VIII, стр. 282.

⁶² ГИМ, инв. № 137, 222.

⁶³ МАК VIII, табл. CXVI, 10.

и отличающиеся от фибул Фаскау в деталях, хорошо известны в Причерноморье, где они датируются VI—VII вв.⁶⁴ В фондах Государственного исторического музея хранятся бронзовые височные кольца с граненой гирькой на конце⁶⁵, относящиеся к V—VII вв. Там же с паспортом «Фаскау, покупка у Дзелихова» хранится ряд вещей, относящихся к несколько более позднему времени. Так, к VIII—IX вв. можно отнести бронзовую колесовидную подвеску и три поясные бляшки, подвешенные к кольцу, — типа, известного по могильникам Балта и Дуба-юрт⁶⁶, а также Верхне-Салтовского могильника⁶⁷. Вильчатый железный наконечник стрелы, некоторые бронзовые поясные пряжки и металлическое зеркало с крестовидным орнаментом, хранящиеся там же⁶⁸, скорее всего относятся ко времени не ранее X в. Довольно близкие аналогии им можно найти в материалах Змейского катакомбного могильника XI—XII вв.

5. Г а л и а т. Каменные ящики у аула Галиат копали В. Б. Антонович, А. С. Уваров, В. Л. Тимофеев и Иоакимов. По описанию В. Б. Антоновича, вскрывшего два ящика, они были покрыты одним или двумя рядами плит. Стены одного ящика имели сверху слабо выраженный свод, составленный дополнительными плитами, и были обмазаны желтой глиной. Дно было засыпано мелкими круглыми камнями. Во втором ящике признаков, свидетельствующих о наличии свода, не было, дно было выстлано щебнем⁶⁹.

А. С. Уваров в 1882 г. вскрыл в Галиате три могилы, из них один каменный ящик без инвентаря, возможно средневековый⁷⁰. Точных сведений о раскопках В. Л. Тимофеева и Иоакимова нет, но, по сообщению П. С. Уваровой, оба они копали «на том же месте»⁷¹, т. е., по-видимому, те же каменные ящики.

В 1935 г. каменные ящики на Галиатском могильнике отметил Е. И. Крупнов⁷².

В первом ящике, исследованном В. Б. Антоновичем, костяк был погребен «в сидячем положении». Ящик был ориентирован с севера на юг. Остатки двух черепов свидетельствуют о числе погребенных. Стенки и дно могилы были вымазаны слоем желтой глины. Во втором ящике скелет бы найден у восточной стенки «в таком же положении». На дне находилась подстилка из щебня⁷³.

Одну могилу, конструкция которой не совсем ясна (каменный ящик?—В. К.), вскрыл в 1882 г. К. И. Ольшевский. В ней обнаружены были три скелета, ориентированные головой на северо-запад и юго-восток. Положение вытянутое на спине. Под погребенными отмечен слой желтой глины, «которой нигде в окрестностях нет»⁷⁴. В первом каменном ящике В. Б. Антоновича были найдены железные ножницы для стрижки овец, железный нож, бронзовый браслет и колечко. Во втором ящике найдены были лишь две бусины и «обломок железного оружия»⁷⁵. Определить дату по столь общему описанию трудно. Судя по наличию железных ножниц, инвентарь относится к эпохе раннего средневековья, не ранее X в.

Более определенно можно судить о времени могил, раскопанных Иоакимовым. Им найдено несколько бронзовых зеркал «обыкновенного Камунтского типа», арбалетная фибула, бронзовые браслеты «позднейшего типа», поясные наборы, кабаньих клык — предметы явно раннесредневековые. Интересны две бронзовые пряжки, одна из которых украшена вставкой из красного стекла⁷⁶ и может быть отнесена к V—VII вв. Пряжки такого типа найдены в крымском могильнике Суук-су⁷⁷, датируемом VI—VII вв., и других памятниках того времени. Вторая пряжка имеет прорезное основание, отлитое вместе с дужкой. Типологически она близка «византийской» пряжке VII в. из Дьёра (Венгрия)⁷⁸ и, по-видимому, относится к тому же времени.

⁷² Е. И. Крупнов. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов. ВДИ, 1938, № 2 (3), стр. 115.

⁷³ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 233—234.

⁷⁴ МАК VIII, стр. 288.

⁷⁵ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 232—234.

⁷⁶ МАК VIII, стр. 290, рис. 222 и 223.

⁷⁷ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов..., табл. X, 27.

⁷⁸ Д. Чаллань. Памятники византийского металлообрабатывающего искусства II. Acta Antiqua, Bd. IV, Heft 1—4, табл. IV, 6.

⁶⁴ J. Wernier. Slawische Bugelfibeln den VII Jahrhunderts. Mainz, 1950; Sonderdruck aus Reineckefestschrift; Б. А. Рыбаков. Древние русы. СА, XVII, 1953, стр. 54 сл., рис. 8—10.

⁶⁵ ГИМ, инв. № 21630—22183.

⁶⁶ А. П. Круглов. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии..., табл. II, 3.

⁶⁷ А. М. Покровский. Верхне-Салтовский могильник. «Труды XII АС в Харькове 1902 г.», т. I, табл. XXI, 52.

⁶⁸ ГИМ, инв. № 21630—22183, 25276.

⁶⁹ В. Б. Антонович. Дневник раскопок, веденных на Кавказе осенью 1879 года. «Труды Подготовит. ком. V АС в Тифлисе», М., 1882, стр. 232—234, табл. IV, 17—18; МАК VIII, стр. 286—287, рис. 218—219.

⁷⁰ Там же, стр. 288.

⁷¹ Там же, стр. 290.

К VI—VII вв. следует отнести пальчатую фибулу кавказского типа и шесть двупластинчатых фибул из Галиата⁷⁹. К несколько более позднему времени, скорее всего к VIII—IX вв., относятся две бронзовые колесовидные подвески с ушком⁸⁰. Совершенно аналогичные подвески обнаружены в хорошо датированной этим временем катакомбе у с. Верхний Алкун⁸¹.

Судя по всему сказанному, каменные ящики Галиата в основном можно датировать V—VII вв. (поскольку большая часть перечисленного выше инвентаря происходит именно из них). Керамика с паспортом «Галиат», хранящаяся в Государственном историческом музее, полностью соответствует этой дате. Таковы, например, черноглиняные лощеные кувшины с шаровидным корпусом и налепными сосками, сосуды с зооморфными ручками⁸² и т. д.

6. Донифарс. Аул Донифарс находится на левом берегу р. Урух, в его верхнем течении. П. С. Уварова отмечает здесь три могильника, состоящие из каменных ящиков и «общих склепов» (о последних более подробных сведений нет). В. Л. Тимофеев на одном из этих могильников, называемом Догунхунта, вскрыл шесть каменных ящиков⁸³. Судя по опубликованному инвентарю⁸⁴, ящики относятся как к кобанской, так и к раннесредневековой эпохам.

В 1886 г. западнее Донифарса В. И. Долбежев вскрыл каменный ящик с погребением воина. Узкий ящик был сложен из местного плитняка. Скелет лежал вытянуто на спине, головой на север, лицом на восток⁸⁵. Больше никаких данных о погребальном обряде этого могильника нет.

Комплексы из Донифарса не опубликованы. Материал в них смешан, и еще П. С. Уварова относил его к «трем различным эпохам»⁸⁶. Судя по дневнику В. Л. Тимофеева, в числе могильных комплексов Донифарса были раннесредневековые. Так, в одном из

ящиков было найдено разбитое металлическое зеркало⁸⁷.

В коллекциях Государственного исторического музея находим ряд средневековых предметов, происходящих из могил Донифарса. Они свидетельствуют о большом хронологическом диапазоне Донифарского могильника. К числу находок, датируемых V—VII вв., относятся многочисленные пластинчатые фибулы, бронзовые пряжки, литые бронзовые зеркала, железные втульчатые наконечники копий, бронзовые височные кольца с гирькой на конце⁸⁸. Хронологическими эталонами в данном случае служат пластинчатые фибулы и височные кольца с гирьками. Об их датировке V—VII вв. мы говорили выше. К IV—VI вв. относятся два найденных в Донифарсе кувшина с характерной вертикальной ручкой-сливом⁸⁹. Аналогичные ручки на сосудах в V—VI вв. распространены довольно широко не только в северокавказских памятниках⁹⁰, но и в Центральной Европе⁹¹. Таким образом, комплекс V—VII вв. в Донифарсе устанавливается достаточно определенно.

В Государственном историческом музее хранится серия находок из раскопок В. И. Долбежева 1886 г. Вещи явно разновременны и происходят, несомненно, из разных могил. Среди этих вещей мы снова видим пластинчатые фибулы VI—VII вв., бронзовые литые зеркала с геометрическим орнаментом, железные ножи⁹² и т. д.

В каменном ящике со скелетом воина В. И. Долбежев нашел глиняный кувшинчик, железную саблю, меч со следами ножен, шестопер, наконечники железных стрел, пряжки⁹³. Данный комплекс хранится в Государственном историческом музее⁹⁴. Этот комплекс состоит из железного меча или палаша с прямым перекрестьем, железных плоских наконечников стрел листовидной или ромбовидной формы, с намеченным порожком. Сабли в коллекциях из Донифарса нет, по-видимому, саблей ошибочно считался второй обломок такого же меча⁹⁵. Остальные вещи из

⁷⁹ ГИМ, инв. № 86861, хр. 51/336.

⁸⁰ ГИМ, инв. № 25175 и 25176.

⁸¹ Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье. КСИИМК, вып. XLVI, 1952, стр. 117—118.

⁸² ГИМ, инв. № 25185, 221, 223, 226, 227 и т. д.

⁸³ МАК VIII, стр. 204—206.

⁸⁴ МАК VIII, табл. XXVIII, XXXIV, XXXV, рис. 174—179.

⁸⁵ ОАК за 1882—1888 гг., стр. 119.

⁸⁶ МАК VIII, стр. 206.

⁸⁷ МАК VIII, стр. 205.

⁸⁸ ГИМ, хр. № 51/60а, 53/1а, 53/1б.

⁸⁹ МАК VIII, табл. XXXV, 14.

⁹⁰ См., напр., Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 297.

⁹¹ J. Wegner. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches, Taf. 18, 3.

⁹² ГИМ, инв. № 25194.

⁹³ ОАК за 1882—1888 гг., стр. 119.

⁹⁴ ГИМ, инв. № 25193.

⁹⁵ ГИМ, хр. № 51/366.

этого комплекса смешались с другими находками и ныне неопределимы. Погребение воина 1886 г. датируется стрелами, которые по аналогии со стрелами Змейского катакомбного могильника могут быть отнесены ко времени не ранее X в. О том же свидетельствуют и железные ножницы для стрижки овец, хранящиеся в Государственном историческом музее⁹⁶.

Таким образом, в материалах из Донифарса намечаются также комплексы, относящиеся к позднему (позже X в.) этапу аланской культуры.

7. Гал-фандаг. Местность Гал-фандаг находится в Кассарском ущелье (р. Ардон), в районе древней оборонительной стены. Здесь П. С. Уварова в 1879 г. раскопала два каменных ящика. В одном из них был замечен вход, состоящий из большой четырехугольной плиты, другая могила начиналась двумя аккуратно сложенными ступенями из шифера⁹⁷.

В том же году семь каменных ящиков на могильнике Гал-фандаг вскрыл В. Б. Антонович. По его словам, стены были сложены из шиферных плиток, без цемента⁹⁸. Все могилы были потревожены, кости перемешаны. Данных по погребальному обряду почти нет; ящики содержали от одного до семи скелетов. Ориентированы они были с запада на восток⁹⁹.

Раннесредневековый материал в могильнике Гал-фандаг документируется наличием в нем стеклянных перстней¹⁰⁰, относящихся в могильниках Северного Кавказа к VIII—IX вв.¹⁰¹

8. Нузал. Каменные ящики на древнем могильнике аула Нузал (Алагирское ущелье) отмечены Г. Кокиевым¹⁰². Е. Г. Пчелина в 1946 г. вскрыла под полом Нузальской часовни каменный ящик, содержащий вытянутый скелет мужчины, лежащий головой на восток¹⁰³. При погребенном найден железный нож в деревянных ножнах, три железных кольца от портупей, железное кресало.

⁹⁶ ГИМ, хр. № 53, 2а.

⁹⁷ МАК VIII, стр. 333—334.

⁹⁸ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 240—242.

⁹⁹ В. Б. Антонович. Там же.

¹⁰⁰ МАК VIII, стр. 330; В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 241.

¹⁰¹ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек..., стр. 39.

¹⁰² Г. Кокиев. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, стр. 12.

¹⁰³ З. Н. Ванев. Народное предание о происхождении осетин. 1956, стр. 16—17.

Е. Г. Пчелина датирует погребение началом XIII в.¹⁰⁴

9. Далагкау. Аул Далагкау находится в Куртатинском ущелье (р. Фиэгдон). На древнем могильнике Далагкау П. С. Уварова обнаружила «следы каменных ящиков» и «целые фамильные склепы»¹⁰⁵. «Беспорядочность» могильника помешала П. С. Уваровой высчитать характер погребального обряда.

Материал, найденный в могилах Далагкау, относится к разным периодам средневековья. К числу наиболее ранних находок относится керамика, типичная для IV—VI вв.: черноглиняные кувшины с шаровидным корпусом и прямым венчиком, знакомые нам по ряду предшествующих памятников. У одного сосуда ручка отбита¹⁰⁶, у второго она представляет собой стилизованное животное¹⁰⁷.

П. С. Уваровой опубликованы подвески в виде лунницы, колесовидная подвеска из Далагкау¹⁰⁸. Аналогичные предметы известны в аланских памятниках VI—IX вв. (см., например, в Кобани¹⁰⁹ и Балте¹¹⁰). К наиболее позднему времени следует отнести серьги¹¹¹, известные по могильнику Махческа¹¹² и кабардинским курганам XIV—XVI вв.¹¹³

10. Лац. Три каменных ящика на могильнике у сел. Лац (ущелье р. Фиэгдон) были вскрыты в 1879 г. В. Б. Антоновичем и В. Л. Бернштамом¹¹⁴. Один из ящиков имел необычную шестиугольную форму, стены были скреплены глиной. В том же году еще один ящик со стенами, «облицованными камнями», вскрыл К. И. Ольшевский¹¹⁵. Еще несколько ящиков в Лаце раскопал В. Ф. Миллер в 1883 г. По его словам, ящики были сложены насухо из сланцевых плит и камней и покрыты обычно тремя плитами. Наружными признаками могил были камни, выложенные на поверхности¹¹⁶. Один каменный ящик на могильнике Лаца был исследован П. С. Ува-

¹⁰⁴ Письмо Е. Г. Пчелиной к автору от 8 января 1959 г.

¹⁰⁵ МАК VIII, стр. 160.

¹⁰⁶ ГИМ, инв. № 25279.

¹⁰⁷ МАК VIII, стр. 161, рис. 156.

¹⁰⁸ МАК VIII, табл. XXII, 3, 5—8.

¹⁰⁹ МАК VIII, табл. XLVI, 9.

¹¹⁰ Катакомба № 7.

¹¹¹ МАК VIII, табл. XXII, 18.

¹¹² МАК VIII, табл. CVII, 3—4.

¹¹³ О. В. Милорадович. Кабардинские курганы XIV—XVI вв. СА, XXII, 1954, стр. 348, рис. 3, 7—8.

¹¹⁴ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 247—249, табл. V, 10—14.

¹¹⁵ МАК VIII, стр. 167, рис. 160.

¹¹⁶ МАК I, стр. 54.

ровой. Крыша состояла из крупных плит, стены — из мелких¹¹⁷.

Два вида подземных каменных ящиков в сел. Лац отмечает Е. Г. Пчелина¹¹⁸. В ящиках, исследованных В. Б. Антоновичем, установлен следующий погребальный обряд: все погребенные были ориентированы головами на запад; в двух ящиках скелеты лежали вытянуто, с вытянутыми конечностями; в третьем ящике скелет лежал на левом боку, ноги согнуты в коленях, правая рука согнута в локте. В двух ящиках пол состоял из желтой глины с щебнем, встречался древесный уголь.

В каменных ящиках, вскрытых в Лаце В. Ф. Миллером, костяки лежали «лицом на восток» и были засыпаны желтой глиной. Ориентировка не указана; скорее всего, она была северной или южной. П. С. Уварова нашла «сидячий костяк» — речь, по-видимому, идет о костях скелета, сдвинутых в кучу.

Инвентарь первого ящика, исследованного В. Б. Антоновичем, состоял из бронзовых пуговиц, железной пряжки, ножа, металлического зеркала, кабаньего клыка и бус. Во втором каменном ящике обнаружены железные ножи, бронзовые пуговицы, железная пряжка и обломок стекла. Третий ящик находок не дал¹¹⁹.

Из этого описания видно, что материал относится к эпохе раннего средневековья. Хронологическими показателями являются бронзовые пуговицы-бубенчики, зеркало, кабаньих клык.

В. Ф. Миллер в могилах Лаца нашел типичный инвентарь эпохи раннего средневековья¹²⁰. Правда, он не разделен по комплексам, и нам неизвестно, какие вещи происходят из каменных ящиков.

В целом этот материал можно суммарно отнести ко времени не ранее VI—VII вв., судя по бронзовой фибуле и крупным мозаичным и глазчатым бусам¹²¹, характерным для VIII—IX вв.¹²² Стекланные пуговицы в виде бубенчиков¹²³ как будто указывают на более поздний период (X—XI вв.) (если судить по ма-

териалу Змейского катакомбного могильника). В заключение отметим, что Е. Г. Пчелина древние могилы Лаца датирует III—XII вв.¹²⁴

II. Дзивгис. Аул Дзивгис находится в Куртатинском ущелье (р. Фиадон). Около аула на склоне горы находится древний могильник. Впервые раскопки здесь произвел в 1879 г. В. Б. Антонович, вскрывший два каменных ящика. Первый ящик на поверхности был обозначен кругом из небольших булыжников. Стены ящика состояли из 10 плит с замазанными глиной щелями. Ящик был накрыт пятью плитами, щели между которыми были замазаны глиной.

Второй ящик на поверхности был обозначен вертикально стоящей шиферной плитой и четырехугольной выкладкой из булыжника. Щели между плитами перекрытия были замазаны глиной¹²⁵.

Судя по описанию П. С. Уваровой, ею около Дзивгиса было обследовано два могильника — выше и ниже селения. На первом были обнаружены каменные ящики из мелкого камня, на втором — из плит¹²⁶.

В 1883 г. на могильнике около Дзивгисской церкви произвел небольшие раскопки В. Ф. Миллер. Могилы в виде каменных ящиков на поверхности были отмечены «невысокими каменными столбами из шиферных плит». Ящики также были сложены из шиферных плит¹²⁷.

Погребения в каменных ящиках у аула Дзивгис отмечает Л. П. Семенов¹²⁸. В первом ящике, вскрытом В. Б. Антоновичем, был найден лежащий вытянуто на спине и с вытянутыми конечностями скелет женщины, ориентированный головой на запад. Грудь скелета была засыпана орехами; дно ящика состояло из утрамбованной глины и щебня. Во втором ящике скелет лежал вытянуто, головой на запад¹²⁹. В каменных ящиках, исследованных П. С. Уваровой, скелеты лежали головами на север, «иногда поодиночке, иногда по нескольку вместе»¹³⁰. В. Ф. Миллер отмечает положе-

¹¹⁷ МАК VIII, стр. 164.

¹¹⁸ Е. Г. Пчелина. Два погребения..., стр. 409.

¹¹⁹ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 247—249.

¹²⁰ МАК I, табл. XII.

¹²¹ МАК I, табл. XII, 1, 4.

¹²² В. Б. Деопик. Средневековые бусы Северного Кавказа. Доклад, прочитанный на заседании группы раннего средневековья юго-востока Европы ИА АН СССР 28 марта 1958 г.

¹²³ МАК I, табл. XII, 19.

¹²⁴ Е. Пчелина. Крепость «Зильде Машиг»..., стр. 98, примеч. 25.

¹²⁵ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 245—247, табл. V, 7—8.

¹²⁶ МАК VIII, стр. 173.

¹²⁷ МАК I, стр. 53.

¹²⁸ Л. П. Семенов. Этнолого-археологическая экспедиция по горной Осетии. «Новый Восток», кн. I. М., 1925, стр. 381.

¹²⁹ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 246—247.

¹³⁰ МАК VIII, стр. 173.

ние скелетов «лицами на восток»¹³¹, т. е. их ориентировка скорее всего была северной или южной. Таковы имеющиеся данные по погребальному обряду.

Каменные ящики Дзивгиса относятся к разным периодам средневековья. К числу более ранних можно причислить могилы, вскрытые П. С. Уваровой. К VIII—IX вв. следует отнести железные секиры, железное тесло, поясную бляшку с петлей и кольцом¹³². Аналогичные секиры можно видеть в катакомбах Камунты¹³³, Кобани¹³⁴ и в других памятниках того времени. Железные тесла вообщем широко распространены в аланских могильниках. Поясные бляшки с кольцами, относящиеся к рассматриваемому типу, хорошо известны в катакомбах Песчанки¹³⁵, Дуба-юрта¹³⁶ и т. д.

К тому же времени можно отнести и низкий горшочек-кружку из черной глины¹³⁷, напоминающую некоторые салтовские сосуды. Добавим, что датировка VIII—IX вв. в Дзивгисе подтверждается иранскими расписными бусами из сердолика¹³⁸, которые являются хорошим хронологическим показателем¹³⁹.

Более поздний период X—XII вв. отмечен плоским железным наконечником стрелы ромбической формы, с круглым черешком¹⁴⁰, лепной кружкой из грубого теста¹⁴¹, представляющей довольно близкую аналогию кружкам Змейского катакомбного могильника¹⁴².

Один из дзивгисских ящиков, вскрытых В. Б. Антоновичем, содержал погребение женщины в хорошо сохранившейся одежде¹⁴³. Это погребение вряд ли можно отнести к V—IX вв., как предлагает Л. П. Семенов¹⁴⁴. В некоторых деталях одежды мы находим

сходство с костюмом, зафиксированным нами в Змейских катакомбах XI—XII вв.: конической формы головной убор из ткани, ворот, обшитый металлическими пуговицами, остроносые кожаные ноговицы и т. д. Следует отметить также большое сходство головного убора с позднесредневековыми головными уборами осетин¹⁴⁵ и ингушей (так называемый «курхарс»)¹⁴⁶, имеющими вид рога. Возможно, головной убор женщины из Дзивгиса представлял собой нечто среднее между колпаком типа змейохи и курхарсом? Судя по характеру платья, этот каменный ящик относится ко времени не ранее XI—XII вв.

Инвентарь из дзивгисских каменных ящиков, опубликованный В. Ф. Миллером, вполне соответствует предлагаемой дате ранне-средневековой части памятника (мозаичные бусы и пронизи, металлические зеркала, железная секира, наконечник стрелы, бронзовые подвески)¹⁴⁷.

12. Кобань. Три осетинских аула — Верхняя, Средняя и Нижняя Кобань — расположены в Даргавском ущелье, на левом берегу р. Гизельдон. Здесь находится известный кобанский могильник I тысячелетия до н. э., содержащий погребения в каменных ящиках. Последние распределяются несколькими ярусами, причем верхние ярусы П. С. Уварова отнесла к «поздним могилам»¹⁴⁸.

На наличие в Кобани каменных ящиков с погребениями «позднего времени» указывает Л. П. Семенов. Он же обследовал несколько таких каменных ящиков в ауле Верхняя Кобань¹⁴⁹. Погребальный обряд автором раскопок не охарактеризован. Каменные ящики Л. П. Семенов отнес к XIV в.¹⁵⁰; однако в музее г. Орджоникидзе хранятся предметы из указанных раскопок Л. П. Семенова, которые относятся, без сомнения, к более раннему времени. Таковы, например, три бронзовых зеркала (два разбиты) с геометрическим (многолучевым) орнаментом¹⁵¹. Типологически они скорее всего относятся к VII—IX вв.

¹⁴⁵ J. Klapproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien unternommen in den Jahren 1807 und 1808, t. II. Halle u. Berlin, 1814, S. 596, Zeichn.

¹⁴⁶ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа... табл. 1, 3.

¹⁴⁷ МАК I, табл. XI.

¹⁴⁸ МАК VIII, стр. 87.

¹⁴⁹ Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 56, рисунок.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Экспозиция Северо-Осетинского музея краеведения.

¹³¹ МАК I, стр. 53.

¹³² МАК VIII, табл. XXIV, 1—4, 9.

¹³³ E. Chantre. Op. cit., tabl. XI.

¹³⁴ МАК VIII, табл. XVII, 5—8.

¹³⁵ ОАК за 1898 г., стр. 124 сл., рис. 40.

¹³⁶ А. П. Круглов. Уч. соч., табл. II, 3.

¹³⁷ МАК VIII, табл. XXIX, 9.

¹³⁸ Там же, стр. 175, рис. 163.

¹³⁹ В. Б. Деоник. Классификация бус юго-восточной Европы VI—IX вв. СА, 1961, № 3, стр. 230.

¹⁴⁰ МАК VIII, табл. XXIV, 6.

¹⁴¹ МАК VIII, табл. XXIV, 8.

¹⁴² В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 99, рис. 2, 8.

¹⁴³ В. Б. Антонович. Уч. соч., стр. 246; МАК VIII, стр. 172, рис. 161.

¹⁴⁴ Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии. ИСО НИИ, т. XII. Дзауджикау, 1948, стр. 89.

В 1928 г. Л. П. Семенов обследовал два каменных ящика в местности «Саппата» (по дороге из Верхней Кобани в Даргавс). Плиты покрытия, щели и дно одного из ящиков были обмазаны глиной. Ящики содержали одиночные погребения и были ориентированы с запада на восток. Эти погребения Л. П. Семенов датировал VII—IX вв.¹⁵²

13. Даргавс. Раскопки, произведенные П. С. Уваровой на могильнике у аула Даргавс (р. Гизельдон), открыли погребения в каменных ящиках¹⁵³. Количество вскрытых П. С. Уваровой могил неизвестно. Пять каменных ящиков на могильнике Даргавса были исследованы в 1928 г. Л. П. Семеновым. Ящики были сложены из каменных плит; ящик № 3 имел стены, сложенные из мелких камней на извести¹⁵⁴. В отчетных данных, опубликованных П. С. Уваровой, находим указание лишь на то, что ящики были ориентированы с запада на восток, а под плитами обнаружены следы угля. Более подробно погребальный обряд характеризует Л. П. Семенов. Во вскрытых им могилах содержались одиночные костяки, лежащие вытянуто на спине и ориентированные с запада на восток (№ 1—4) и с северо-запада на юго-восток (№ 5).

Могильник в ауле Даргавс разновременный, но, по мнению П. С. Уваровой, «преобладает VIII и IX вв.»¹⁵⁵. Золотые серьги с четырехгранной подвижной колонкой в могилах Даргавса дали возможность Е. Г. Пчелиной датировать этот памятник также VIII—IX вв.¹⁵⁶ С. С. Куссаева в своей диссертации каменные ящики Даргавса отнесла к X—XI вв.¹⁵⁷

Обе указанные даты не противоречат одна другой и отмечают разные периоды существования могильника. В материале из Даргавса мы находим вещи, датируемые как VIII—IX вв., так и X—XII вв. К первым относятся упомянутые Е. Г. Пчелиной серьги¹⁵⁸, стеклянные перстни¹⁵⁹ (об их дате говорилось выше), бронзовые перстни с захватами для встав-

ки¹⁶⁰, бронзовые литые зеркала с изображением звезды¹⁶¹.

Более поздний период X—XII вв. документирован такими хронологическими эталонами, как стеклянные браслеты¹⁶². Показательна керамика, часть которой опубликовала П. С. Уварова. К сожалению, она дана вне комплексов, что ограничивает обоснование датировки. Однако по описанию П. С. Уваровой видно, что эти сосуды происходят из каменных ящиков, а не из поздних наземных склепов. Все сосуды имеют довольно поздний облик как по профилировке, так и по фактуре. Они изготовлены из хорошей красной глины на круге и украшены желобками, волной и мелкозубчатым штампом. В некоторых особенностях этих сосудов можно уловить черты, приближающие их к позднеаланским сосудам XI—XII вв. Особенно близко позднеаланским кувшинам кувшин с носиком-сливом, ручкой, начинающейся ниже венчика, и двумя ручками по бокам¹⁶³. Это лишь несколько видоизмененный тип кувшина, весьма характерного для Змейского катакомбного могильника¹⁶⁴.

Один из даргавских сосудов¹⁶⁵ имеет ближайшую аналогию в могильнике Саниба¹⁶⁶, а также в поздних могилах Кобани¹⁶⁷. К этому сосуду примыкают два других¹⁶⁸. Могильник Саниба датируется XI—XII вв. (см. ниже). Все это позволяет рассмотренный керамический комплекс отнести к XI—XII вв.

14. Саниба. Аул Саниба находится в ущелье р. Геналдон. Могильник у аула Саниба впервые исследовал В. Ф. Миллер в 1883 г. Ящики были сложены из сланцевых плит и тесаных камней на глине; пол в некоторых был выстлан плитами. Всего В. Ф. Миллер вскрыл здесь шесть каменных ящиков. Пять из них содержали одиночные погребения, один — коллективное; все погребенные были ориентированы головами на юго-запад¹⁶⁹.

П. С. Уварова, описывая могильник Саниба, отмечает большое число каменных ящиков, ограбленных местными жителями. Одни ящи-

¹⁵² Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 57.

¹⁵³ МАК VIII, стр. 105.

¹⁵⁴ Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 63.

¹⁵⁵ МАК VIII, стр. 105.

¹⁵⁶ Е. Г. Пчелина. Два погребения..., стр. 421.

¹⁵⁷ С. С. Куссаева. Археологические памятники Восточной Осетии..., стр. 13.

¹⁵⁸ МАК VIII, табл. II, 6.

¹⁵⁹ МАК VIII, табл. IV, 1.

¹⁶⁰ МАК VIII, табл. IV, 7—8.

¹⁶¹ МАК VIII, табл. IV, 11, 13.

¹⁶² МАК VIII, табл. II, 5.

¹⁶³ МАК VIII, табл. XXVIII, 5.

¹⁶⁴ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 99, рис. 2, 1—2.

¹⁶⁵ МАК VIII, табл. XXVIII, 3.

¹⁶⁶ МАК VIII, табл. XXIX, 4.

¹⁶⁷ МАК VIII, стр. 90, рис. 87.

¹⁶⁸ МАК VIII, табл. XXVIII, 1, 2.

¹⁶⁹ МАК I, стр. 55—57.

ки, по ее словам, состояли из шести громадных шиферных плит, другие сложены из небольших плиток и покрыты составной верхней плитой. П. С. Уварова раскопала десять каменных ящиков. Из ее публикации узнаем, что «костики почти везде в простертом положении»¹⁷⁰.

Более подробных сведений о погребальном обряде нет.

Посетивший в 1911 г. аул Саниба А. М. Дирр отметил длинные, узкие ящики из камня, с крышей, «имеющей округленные, оканчивающиеся гранью скаты»¹⁷¹.

Ряд хорошо датированных вещей дали раскопки В. Ф. Миллера. К ним принадлежат стеклянный браслет¹⁷² из могилы № 3, указывающий на X—XII вв., и высокогорлый красноглиняный кувшин с длинным носиком-сливом¹⁷³ из могилы № 1, имеющий точные аналогии в керамике Змейского катакомбно-могильника¹⁷⁴. Точной копией змейских являются бронзовые золоченые бубенчики с разрезом и дырочками внизу¹⁷⁵. Намечаемой дате не противоречат металлические зеркала, литые из высокооловянистой (?) бронзы¹⁷⁶, которую В. Ф. Миллер ошибочно называет себром.

П. С. Уваровой в могилах Санибы найдено днище деревянного цилиндрического колчана¹⁷⁷, бронзовые прорезные бляшки бабочковидной формы от портупей¹⁷⁸, железные секиры с перпендикулярными лезвиями, плоские железные наконечники стрел, бронзовые ногтечистки — крючки, металлическое зеркало с геометрическим орнаментом¹⁷⁹. Все эти вещи имеют полные аналогии в материалах Змейского катакомбно-могильника XI—XII вв., где найдены такие же деревянные колчаны, прорезные бабочковидные бляшки, секиры, наконечники стрел, ногтечистки, зеркала¹⁸⁰. Добавим, что некоторые глиняные со-

суды из Санибы также близки керамике из Змейских катакомб¹⁸¹.

По вопросу о времени могильника Саниба был высказан ряд точек зрения. В. Ф. Миллер датировал его первыми веками нашей эры¹⁸², П. С. Уварова — VI—VII вв.¹⁸³, а С. С. Куссаева отнесла каменные «гробницы» (ящики) Санибы к X—XI вв.¹⁸⁴ Уточняя последнюю, наиболее верную дату, укажем, что приведенные выше соображения свидетельствуют о наличии в Санибе материалов и XII в.

Таким образом, время бытования могильника Саниба — X—XII вв.

15. Харх. Урочище Харх находится у Военно-Грузинской дороги (Дарьяльское ущелье), в 4 км от сел. Чми. В урочище Харх наряду с катакомбами и подземными склепами в большом числе известны и каменные ящики. Впервые небольшие раскопки на могильнике Харх произвел в 1881 г. Д. Я. Самоквасов. Он вскрыл каменный ящик, стены которого сложены из плиток и булыжника. В ящике найдено шесть скелетов, расположенных у стенок «в сидячем положении» (?). Дно ящика состояло из глины, смешанной со щебнем¹⁸⁵.

В 1887 г. семнадцать каменных ящиков на Хархе вскрыл В. И. Долбежев. По его словам, ящики были врыты в западный склон и у ног покойника прикрыты приставной плитой. В ящиках находилось по одному-два скелета. В одиночных могилах костяк лежал на правом боку, головой на запад. Перед входной плитой обычно был зарыт большой глиняный кувшин¹⁸⁶.

В следующем 1888 г. В. И. Долбежев исследовал на могильнике Харх еще 42 каменных ящика. По конструкции они идентичны уже описанным ящикам. Погребальный обряд охарактеризован для 28 могил. В 23 ящиках погребенные лежали на правом боку, с подогнутыми ногами и вытянутыми руками. Пять скелетов лежали вытянуто на спине. Ориентированы все скелеты (судя по отчету) головами на запад. Три каменных ящика содержали по одному взрослому и по одному

¹⁷⁰ МАК VIII, стр. 98—100.

¹⁷¹ А. М. Дирр. В Тагаурской и Куртатинской Осетии. ИКОИРГО, т. XXI. Тифлис, 1912, стр. 259; Прибавление к 44 вып. ИАК, СПб., 1912, стр. 20—22.

¹⁷² МАК I, стр. 56, табл. XIII, б.

¹⁷³ МАК I, рис. 66.

¹⁷⁴ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 99.

¹⁷⁵ Там же, стр. 108, рис. 13, 5.

¹⁷⁶ МАК I, табл. XIII, 1—2.

¹⁷⁷ МАК VIII, стр. 98, рис. 93.

¹⁷⁸ МАК VIII, стр. 99, рис. 94—95.

¹⁷⁹ МАК VIII, табл. XLIX.

¹⁸⁰ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., стр. 102 сл.

¹⁸¹ МАК VIII, табл. СХХIX, 1.

¹⁸² МАК I, стр. 108.

¹⁸³ МАК VIII, стр. 103.

¹⁸⁴ С. С. Куссаева. Археологические памятники Восточной Осетии..., стр. 13.

¹⁸⁵ Д. Я. Самоквасов. Могилы русской земли, стр. 186.

¹⁸⁶ ОАК за 1887 г., СПб., 1891, стр. 174.

детскому скелету, остальные могилы индивидуальные¹⁸⁷.

В том же году А. А. Бобринский на могильнике Харх исследовал восемнадцать каменных ящиков. По характеристике А. А. Бобринского, ящики составлены из двух длинных и двух коротких крупных плит. В восточной короткой стене всегда имеется узкий ход, через который вносили покойников. Ход обычно тщательно забит камнями. Средняя длина ящиков 1,75 м, ширина 0,7 м. Сверху ящики были покрыты тонкими шиферными плитами. А. А. Бобринский насчитал на Хархе свыше 100 открытых каменных ящиков.

Исследованные А. А. Бобринским каменные ящики содержали от одного до семи скелетов (индивидуальных могил девять). Все костяки лежали вытянуто на спине, с вытянутыми или немного согнутыми руками, головой ориентированы на запад. В одном ящике скелет лежал скорченно на правом боку, с подогнутыми ногами¹⁸⁸.

Археологический материал из каменных ящиков, исследованных Д. Я. Самоквасовым, хранится в Государственном историческом музее. В этот материал входят плоские ромбической и листовидной формы наконечники стрел, бронзовые височные кольца из проволоки в полтора оборота, небольшие железные ножи с черенками, две маленькие железные секиры с перпендикулярными лезвиями, бронзовый нательный крестик с ушком¹⁸⁹ и т. д. Инвентарь Змейского катакомбного могильника представляет собой полные аналогии этим предметам¹⁹⁰. Это дает нам возможность определить датировку каменных ящиков Харха XI—XII вв.

По-видимому, к этому времени следует отнести и ящики, вскрытые на Хархе В. И. Долбежеем. Среди его находок отметим металлические зеркала и стеклянный стакан с глубокими разводами.

К сожалению, нам неизвестно местонахождение материалов из раскопок А. А. Бобринского. В опубликованных отчетных данных находим ряд указаний на явно раннесредневековые вещи. Таковы металлические зеркала, кабаньи клыки, бронзовые бубенчики, железные ножницы для стрижки овец, стеклян-

ные стаканы. Особенно показательны в хронологическом отношении цветные стеклянные браслеты, найденные в каменном ящике № 29¹⁹¹. Они свидетельствуют о X—XII вв. и подтверждают намечаемую дату каменных ящиков Харха. Предлагаемой нами дате Харха (XI—XII вв.) близко соответствует дата, выдвинутая С. С. Куссаевой (XII—XIII вв.)¹⁹².

16. Джераховское ущелье. Несколько могил в Джераховском ущелье (р. Армхи, Ингушетия) в 1886 г. вскрыл В. И. Долбежев. У сел. Лежг, Еголкас и Могогаали им исследованы узкие ящики из плит¹⁹³. В 1889 г. на земле Мецхальской общины, в глубине бокового ущелья, выходящего на Терек, В. И. Долбежев исследовал еще три каменных ящика¹⁹⁴.

Ящики у селений Еголкас, Могогаали и Лежг содержали по одному-двум покойникам. Все они лежали на спине, с вытянутыми руками, головой на запад. В ящиках, вскрытых В. И. Долбежеем на земле Мецхальской общины, скелеты лежали на левом боку, с вытянутыми конечностями, головой на север. Отмечена подсыпка из древесного угля.

Л. П. Семенов отмечает, что «подземные погребения с невысокой продолговатой каменной кладкой, над которой с одной стороны возвышается вертикальная плита, есть у ингушских селений Лежг, Кост и Гуль»¹⁹⁵. Возможно речь идет о каменных ящиках, которые еще не исследовались.

Судя по опубликованному отчету В. И. Долбежева, инвентарь вскрытых им ящиков относится к раннему средневековью. Среди перечисленных вещей отметим бронзовое зеркало¹⁹⁶. Это зеркало и прочий инвентарь из раскопок В. И. Долбежева хранятся в Государственном историческом музее. Следует отметить стеклянный браслет и бабочковидную бронзовую бляшку от портупей¹⁹⁷, аналогичную таким же бляшкам из Змейского катакомбного могильника. Это дает основание приблизительно определить время расматриваемых могил X—XII вв.

17. Фуртоуг. Ингушское селение Фуртоуг находится у слияния рек Армхи и Тере-

¹⁹¹ ОАК за 1887 г., стр. 194.

¹⁹² С. С. Куссаева. Археологические памятники Восточной Осетии..., стр. 13.

¹⁹³ ОАК за 1886 г., СПб., 1891, стр. 115.

¹⁹⁴ ОАК за 1889 г., стр. 72.

¹⁹⁵ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 гг., стр. 12.

¹⁹⁶ ОАК за 1886 г., стр. 65.

¹⁹⁷ ГИМ, инв. № 26946.

¹⁸⁷ ОАК за 1882—1888 гг., стр. 285—290.

¹⁸⁸ ОАК за 1888 г., стр. 231—236.

¹⁸⁹ ГИМ, хр. № 75/53а, 75/556.

¹⁹⁰ В. А. Кузнецов. К вопросу о позднеаланской культуре..., материал хранится в Государственном историческом музее и Северо-Осетинском музее краеведения.

ка. В окрестностях Фуртоуга расположены три древних могильника, состоящих из каменных ящиков. Могильники исследовались Л. П. Семеновым в 1926—1929 гг. Ящики не имели наружных признаков и были сложены из шиферных плит. Сверху они были покрыты плитами, положенными в один-три слоя.

На западном могильнике с. Фуртоуг Л. П. Семенов обследовал 12 каменных ящиков. Два ящика им вскрыты на восточном могильнике Фуртоуга¹⁹⁸.

Погребальный обряд рисуется следующим образом. Все ящики содержали индивидуальные погребения с неустойчивой ориентировкой (с запада на восток, с юга на север, с северо-запада на юго-восток). Костяки лежат преимущественно на спине или на правом боку, реже скорчены.

Л. П. Семенов отнес каменные ящики Фуртоуга к VI—IX вв.¹⁹⁹ Эта дата вызвала обоснованные возражения со стороны Е. И. Крупнова, указавшего, что погребения Фуртоуга следует датировать X—XI вв.²⁰⁰ Основанием для такой датировки является сходство фуртоугского инвентаря с инвентарем каменных ящиков Шуана (X в.) (см. ниже).

18. Памет. Обширный могильник, состоящий из каменных ящиков, находится близ сел. Памет в Джераховском ущелье. Исследован Л. П. Семеновым и Е. И. Крупновым.

Могилы на поверхности были обозначены булыжниками и невысокими вертикальными плитами. Л. П. Семенов исследовал три²⁰¹, а Е. И. Крупнов — 15 каменных ящиков; раскопками последнего установлена трехъярусность могил, причем верхний ярус был пустым (заготовки? — В. К.)²⁰².

Ящики, вскрытые Л. П. Семеновым на Паметском холме, содержали одиночные погребения с неустойчивой ориентировкой (запад — восток, северо-запад — юго-восток). Два скелета лежали на правом боку, с согнутыми ногами, третий — на спине, с вытянутыми конечностями. Все вскрытые Е. И. Крупновым могилы были ориентированы на запад и содержали одиночные погребения с вытянутыми костяками, лежащими на спине или на правом боку.

Е. И. Крупнов датировал каменные ящики Памета в первой публикации IX—X вв.²⁰³, но позже автор пересмотрел эту дату и принял X—XI вв. как время существования могильника²⁰⁴.

19. Шуан. Могильник у сел. Шуан находится в урочище Мохде (Джераховское ущелье). Впервые исследован В. Ф. Миллером в 1883 г.²⁰⁵ В 1937 г. раскопки на Шуанском могильнике произвел Л. П. Семенов, вскрывший шесть каменных ящиков, залегающих в три яруса²⁰⁶. Все ящики содержали индивидуальные погребения, скелеты были ориентированы головами на запад и лежали вытянуто на спине (пять) и скорченно на боку (один).

Л. П. Семенов относит вскрытые им ящики Шуана к IX—X вв. Основанием для такой датировки является не только характер могильного инвентаря, но и найденные в ящике № 6 три арабских диргема. Два из них, по определению А. А. Быкова, относятся к VIII в., один — к X в.²⁰⁷ К этой датировке присоединяется Е. И. Крупнов²⁰⁸.

20. Бишт. Л. П. Семенов в 1929 исследовал могильник у сел. Бишт. Вскрыто два каменных ящика, отмеченных на поверхности вертикальными плитами. Один из ящиков был ориентирован с северо-востока на юго-запад, второй — с северо-запада на юго-восток. Оба погребения одиночные, положение костяков вытянутое на спине²⁰⁹.

Инвентарь каменных ящиков Бишта аналогичен инвентарю каменных ящиков Шуана. На этом основании Е. И. Крупнов включает

¹⁹⁸ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг., стр. 12—14; его же. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг. Отд. отиск. Владикавказ, 1930, стр. 371—372.

¹⁹⁹ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 гг., стр. 13.

²⁰⁰ Е. И. Крупнов. История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века. Канд. диссертация. Рукопись, стр. 57.

²⁰¹ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 гг., стр. 14; его же. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг., стр. 372.

²⁰² Е. И. Крупнов. Северо-Кавказская археологическая экспедиция. СА, I, М.—Л., 1936, стр. 281.

²⁰³ Там же.

²⁰⁴ Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терек..., стр. 42.

²⁰⁵ МАК I, стр. 29—32, рис. 44—46.

²⁰⁶ Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 234/1937, л. 20—23.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Е. И. Крупнов. История Ингушетии с древнейших времен до XVIII века, стр. 58—59.

²⁰⁹ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг., стр. 373—374.

ящики Бишта в группу памятников VI—X вв.²¹⁰

21. Верхний Датых. Селение Верхний Датых расположено на р. Фортанге, притоке р. Ассы. На его северо-западной окраине находится древний могильник с погребениями в каменных ящиках. Три из них были вскрыты в 1938 г. Л. П. Семеновым. Два ящика содержали единичные, сильно потревоженные и неопределимые захоронения, в третьем ящике скелет лежал вытянуто на спине. Дно могилы было покрыто слоем глины. Л. П. Семенов отмечает, что все ящики были ориентированы с запада на восток²¹¹.

Обнаруженный в Верхне-Датыхских ящиках материал Л. П. Семенов датировал «примерно XIII—XIV вв.», однако в поисках аналогии он сам обращался к более ранним памятникам. И это не случайно, ибо Л. П. Семенов несколько завысил дату. Как правильно отмечает автор, сосуды из Верхнего Датыха наиболее близки сосудам из Даргавса и Санибы, опубликованным П. С. Уваровой²¹². Такие же сосуды В. И. Долбежев нашел в каменных ящиках Джераховского ущелья²¹³. Все эти памятники на основании такого хронологического эталона, как стеклянные браслеты, мы датируем X—XII вв. По-видимому, эту дату можно принять и для каменных ящиков Верхнего Датыха, допуская здесь скорее всего XII в. Прочий инвентарь, в том числе металлическое зеркало, как будто не противоречит такой дате.

Таковы могильники Осетии и Ингушетии интересующей нас эпохи, содержащие каменные ящики. Нет сомнения, что это далеко не полный перечень. Так, например, кроме описанных выше, в Северной Осетии известны еще каменные ящики у аулов Какадур²¹⁴, Джимара, Генал, Кани, Хидикус, Гули, Дзуарикау, Барзикау, Цимити и Тменикау²¹⁵. Но их датировка неясна (Какадур, Джимара), или они еще не подвергались раскопкам.

Количественно каменные ящики преобладают на территории Осетии и Ингушетии. Всего, по нашим подсчетам, здесь археологически исследовано более 180 каменных ящиков эпохи раннего средневековья. В это число не входят могилы, которые исследовались, но количество которых не указано в публикациях. Таковы, например, раскопки В. И. Долбежева в Джераховском ущелье, П. С. Уваровой на могильниках Верхняя Рутха, Задалиск, Дзивгис, Кобань, Даргавс, В. Ф. Миллера на могильниках Лац, Дзивгис.

Ни на одном из горных средневековых могильников Осетии и Ингушетии не производилось систематических стационарных раскопок, и они затронуты исследованием лишь частично. Эти памятники еще ждут своего исследователя, и мы можем считать, что действительное число могил этого типа здесь во много раз больше, чем известно сейчас. Лишь на могильниках Кумбулты и Харха археологи насчитали не менее 300 ограбленных каменных ящиков.

Если в верховьях Кубани и в Кабардино-Балкарии каменные ящики эпохи раннего средневековья известны лишь в нескольких пунктах и в небольшом количестве, то в Осетии и Ингушетии они доминируют и являются основным типом могильных сооружений из камня (рис. 29, 31). Каменные ящики на территории Осетии продолжают бытовать и в эпоху позднего средневековья (например, могильники Махческ²¹⁶, Лизгор²¹⁷, Лац²¹⁸) и сохраняют свое значение могил массового типа. Сосуществуя с наземными осетинскими склепами — западзами, — каменные ящики Осетии обнаруживают необычайную устойчивость во времени и бытуют вплоть до конца XIX в., когда они были запрещены синодом²¹⁹ в связи с проводимой царским правительством политикой христианизации осетин.

Преобладание каменных ящиков и их устойчивость во времени свидетельствуют о том, что этот тип могил прочно связан с определенным кругом местного кавказского населения,

²¹⁰ Е. И. Крупнов. История Ингушетии..., стр. 58—59.

²¹¹ Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье. КСИИМК, вып. XLVI, стр. 111—115.

²¹² МАК VIII, табл. XXVIII, 1—3, табл. XXIX, 3—4.

²¹³ ГИМ, инв. № 25204.

²¹⁴ Л. П. Семенов. Этнолого-археологическая экспедиция по горной Осетии. «Новый Восток», кн. 1, стр. 381; его же. Археологические разыскания в Северной Осетии. ИСО НИИ, т. XII, стр. 59—60.

²¹⁵ Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 51.

²¹⁶ МАК VIII, стр. 254—268, табл. CVII, CVIII, CIX и т. д.

²¹⁷ МАК VIII, стр. 197—203, табл. XXXII.

²¹⁸ Г. А. Кокеев. Склеповые сооружения..., стр. 10—11.

²¹⁹ Пользуюсь любезным сообщением Е. Г. Пчелиной, специально занимавшейся этим вопросом. Факт захоронений в каменных ящиках Осетии вплоть до XX в. подтверждают также Е. И. Крупнов и Т. Б. Тургиев. См. «Археологические исследования в РСФСР 1934—1936 гг.», стр. 237.

хоронившего в каменных ящиках, начиная со II тысячелетия до н. э.²²⁰ и до XIX в., т. е. на протяжении трех с лишним тысяч лет. Характерно, что в более западных районах аланской культуры мы такого массового и длительного существования каменных ящиков не наблюдаем.

Теперь следует подвести итоги по данным погребального обряда, связанного с каменными ящиками. Как видно из приведенных выше фактов, большинство каменных ящиков служило для индивидуальных захоронений. Ориентировка погребенных неустойчива (Верхняя Рутха, Задалиск, Фаскау, Галиат, Лац, Дзивгис, Джераховское ущелье, Фуртоуг, Бишт). Преобладает вытянутое на спине положение скелетов с вытянутыми конечностями (Задалиск, Фаскау, Галиат, Лац, Дзивгис, Даргавс, Саниба, Харх, Джераховское ущелье, Фуртоуг, Памет, Шуан, Бишт, Верхний Датых). В ряде могильников встречен толстый слой специально принесенной глины под погребенными (Галиат, Лац, Дзивгис, Кобань, Верхний Датых). Наконец, нельзя не отметить группу могильников, локализуемых в верхнем течении Терека (Дарьяльское ущелье и

²²⁰ См., напр., В. И. Марковин. О происхождении северокавказской культуры. СА, 1959, № 1, стр. 3; Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 178 сл.

р. Армхи) и заметно отличающихся некоторыми деталями погребального обряда. В этих могильниках наблюдается довольно устойчивая западная ориентировка и обычай класть погребенных на правый бок в вытянутом или скорченном положении (Харх, Фуртоуг, Памет, Шуан). Эта группа могильников по своему погребальному обряду образует местный микровариант.

При сопоставлении рассмотренного погребального обряда с погребальным обрядом центрального локального варианта мы можем сразу же указать на основное различие, состоящее в ориентировке. На территории центрального варианта мы наблюдали западную ориентировку, на территории восточного варианта она не устойчива. Это очень важное наблюдение, свидетельствующее о существенной разнице в погребальном ритуале. Другая интересная деталь, зафиксированная в погребениях восточного варианта,— глиняная подстилка под погребенными. Она совершенно неизвестна на территории центрального варианта, а в верховьях Кубани отмечена лишь один раз²²¹. Возможно, что и эта черта погребального обряда является локальной, присущей главным образом памятникам Осетии и Ингушетии.

²²¹ Е. П. Алексеева. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии..., стр. 75.

2. ПОДЗЕМНЫЕ И ПОЛУПОДЗЕМНЫЕ СКЛЕПЫ

Наряду с каменными ящиками на территории Осетии и Ингушетии распространены подземные и полуподземные склепы, в основном относящиеся к последнему этапу эпохи раннего средневековья (после X в.). Так как и конструктивно, и хронологически подземные и полуподземные склепы тесно связаны между собой, мы их рассматриваем вместе.

1. Задалиск. В верхней части могильника у аула Задалиск П. С. Уварова вскрыла четыре «семейных склепа», судя по описанию подземных. Склепы сложены из местного мелкого, неотесанного плитняка и покрыты сверху сводом из известняковых неотесанных плит. В одной из боковых стен было сделано отверстие, заваленное большим камнем. Длина склепов до 2,25 м, ширина до 1,10 м, высота 1,0 м, в стенах имелись ниши. Данных о погребальном обряде нет²²².

²²² МАК VIII, стр. 191.

2. Морга. В полукилометре от аула Задалиск в местности Морга, П. С. Уварова исследовала могилу, сложенную из мелкого плитняка, аналогичную камерам из Задалиска. Длина камеры 2,20 м, ширина 1,10 м. В склепе лежало четыре скелета, головами на запад и восток²²³. Размеры свидетельствуют о том, что это именно подземный склеп.

3. Кумбулта. В окрестностях сел. Кумбулта К. И. Ольшевский обследовал могилу, имевшую «вид кургана, обложенного речным камнем»²²⁴. Камера была накрыта тремя плитами, стены сложены из камня на извести. По-видимому, речь идет о подземном склепе. Данных о погребальном обряде нет.

4. Галиат. Подземный склеп на Галиатском могильнике в 1935 г. исследовал Е. И. Крупнов. Склеп был в плане прямоуголь-

²²³ МАК VIII, стр. 195.

²²⁴ МАК VIII, стр. 213—214.

ным, отвесные стены сложены насухо из грубо отесанных брусков и плит известняка и сланца. Камеру покрывали массивные плиты. В одной из продольных стен имелось входное отверстие. В склепе лежало три скелета, вытянутых на спине, головами на восток. На основании найденного серебряного диргема халифа Абдуль Малека Е. И. Крупнов датирует склеп VIII в.²²⁵ Полуподземные склепы в ауле Галиат отмечены Г. А. Кокиевым и Л. П. Семеновым²²⁶.

5. Донифарс. В 1887 г. В. И. Долбежев у аула Донифарс обследовал четыре подземных (?) склепа, сложенных из плитняка со следами цемента и штукатурки. Внутри сохранились остатки полок²²⁷.

Обследовавший склеповые сооружения горной Осетии Г. А. Кокиев отмечает, что полуподземные склепы Донифарса ничем не отличаются от других склепов Дигории, но большинство их имеет на поверхности каменные «обелиски», чего нет в других местах Осетии²²⁸.

6. Нузал. Несколько полуподземных склепов отмечено у аула Нузал. В литературе они не описаны и бегло упомянуты Г. А. Кокиевым²²⁹.

7. Далагкау. По свидетельству Г. А. Кокиева, в ауле Далагкау много полуподземных склепов, поражающих своими размерами. Некоторые имеют парные просверленные шиферные плиты по одну и другую сторону отверстия²³⁰.

Полуподземные склепы в Далагкау отметили Л. П. Семенов и Ф. С. Панкратов²³¹.

8. Згид. Полуподземный склеп в сел. Згид Садонского района, имеющий на фасадной стенке фрески в виде знаков тамг, обследован А. А. Миллером и Л. П. Семеновым²³².

9. Лац. В 1879 г. В. Б. Антонович и В. Л. Бернштам на древнем могильнике аула

Лац исследовали два подземных склепа. Длина одного склепа 3,98 м, другого 3,10 м. Стены были сложены из плит и булыжника разной величины, пол выстлан плитами, перекрытие в обоих склепах состояло из шести плит. Склепы имели входные отверстия, в стенах — ниши²³³.

В одном из своих трудов П. С. Уварова дает более подробное описание этих склепов. Так как это описание представляет большой интерес для нас, приведем его полностью.

«Поверх земли заметны были маленькие углубления; в ином месте, обложенном камнями, иногда поверх всего возвышался камень, род маленького менхира, который вынимался весьма легко. Сняв дерн, покрывавший могилу, попадали на крышу, сложенную чешуйчато из каменных плит, пазы которых довольно часто являлись замазанными глиной. Приподняв крышу, нападали на общую могилу, более или менее обширную, аккуратно сложенную из каменных плит, с окошечком на западной стороне и лесенкой с восточной»²³⁴.

Два подземных склепа на Лацском могильнике раскопал в 1883 г. В. Ф. Миллер. Эти склепы были сложены насухо из булыжника и шиферных плит, вход завален плитой. Наружными признаками склепов были валуны. На чертеже В. Ф. Миллера четко видна сводчатость склепа²³⁵ (рис. 26, 1).

П. С. Уварова вскрыла в Лаце еще два подземных склепа, сложенных из плитняка на растворе, с нишами в стенах²³⁶. По свидетельству Г. А. Кокиева, среди Лацских полуподземных склепов встречаются склепы с контрфорсами. На некоторых имеется до шести отпечатков рук²³⁷. Два полуподземных склепа в Лаце осмотрел в 1934 г. Л. П. Семенов²³⁸.

В первом подземном склепе, вскрытом В. Б. Антоновичем, найдено 15 черепов, сосредоточенных в центре и западной половине камеры. Остальные части скелетов разложились и превратились в труху. Судя по положению черепов, ориентировка погребенных могла быть западной.

²³³ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 248—250.

²³⁴ П. С. Уварова. Кавказ. Путевые очерки. М., 1887, стр. 81.

²³⁵ МАК I, стр. 54, рис. 64.

²³⁶ МАК VIII, стр. 164—165.

²³⁷ Г. А. Кокиев. Склеповые сооружения..., стр. 9, рис. 12; см. также: С. Кригер. Архитектура горных селений Северной Осетии. «Архитектурное наследство» № 3, М., 1953, стр. 153, рис. 6.

²³⁸ Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 74, рисунок.

²²⁵ Е. И. Крупнов. Галиатский могильник как источник по истории алан-оссов..., стр. 120; его же. Из итогов археологических работ. ИСО НИИ, т. IX, Орджоникидзе, 1940, стр. 164.

²²⁶ Г. А. Кокиев. Склеповые сооружения..., стр. 13.

²²⁷ ОАК за 1882—1888 гг., стр. 176.

²²⁸ Г. А. Кокиев. Склеповые сооружения..., стр. 17.

²²⁹ Там же, стр. 13.

²³⁰ Там же, стр. 8.

²³¹ Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 66; Ф. С. Панкратов (Гребенец). Могильники в Куртатинском ущелье. «Изв. Кавказ. отд. Имп. Моск. археол. об-ва», вып. IV, Тифлис, 1915, стр. 77, рисунок.

²³² А. А. Миллер. Краткий отчет о работах Северо-Кавказской экспедиции Академии в 1923 г. ИРАИМК, т. IV, Л., 1925, стр. 36; Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 71, рис. на стр. 74.

Склеп, раскопанный П. С. Уваровой, был ориентирован с запада на восток и содержал три костяка, из которых два были «сидячими» (очевидно, сдвинутыми в кучу)²³⁹.

10. Кобань. Л. П. Семенов в 1929 г. обнаружил у сел. Средняя Кобань полуподземные склепы. Один из них имел ступенчатую двускатную крышу, второй — плоскую (судя по фотографии)²⁴⁰.

11. Даргавс. Наличие полуподземных и подземных склепов на могильнике у аула Даргавс отмечено Л. П. Семеновым²⁴¹.

12. Генал. Л. П. Семенов и И. П. Щеплыкин в 1930 г. обследовали полуподземные склепы у аула Генал. Склепы глубоко вделаны в скалу, фасадная часть выделяется наружу, входное отверстие прямоугольной формы²⁴².

13. Саниба. Подземные склепы в сел. Саниба исследовал в 1887 г. В. И. Долбежев. Склепы были сложены из плитняка, со следами цемента и штукатурки. Внутри камер имелись каменные полки²⁴³. Полуподземные склепы с плоской крышей в сел. Саниба отметили А. М. Дирр и Л. П. Семенов²⁴⁴.

14. Харх. На могильнике Харх наряду с каменными ящиками В. И. Долбежев отметил «подземные коллективные усыпальницы, выложенные сводом из дикого камня на цементе»²⁴⁵.

Два подземных склепа на Хархе исследовал А. А. Бобринский. Один из них был ограблен местными жителями. Второй был ориентирован с востока на запад, в восточной стене имелось входное отверстие. Пол был сделан из утрамбованной глины, камера разделена на две части перегородкой²⁴⁶.

15. Бишт. Могильник у сел. Бишт обследован Л. П. Семеновым в 1926—1929 гг. Он отметил здесь 17 ограбленных подземных склепов²⁴⁷.

16. Дошхакле. Л. П. Семенов в 1929 г.

²³⁹ МАК VIII, стр. 164.

²⁴⁰ Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 71, рис. на стр. 67; Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 169/1924, л. 56, фотография.

²⁴¹ Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 51 и 66.

²⁴² Там же, стр. 73.

²⁴³ ОАК за 1887 г., стр. 185—187.

²⁴⁴ Прибавление к 44 вып. ИАК, стр. 20—22; А. М. Дирр. Ук. соч., стр. 259; Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 51.

²⁴⁵ ОАК за 1887 г., стр. 184.

²⁴⁶ ОАК за 1882—1888 гг., стр. 229—230.

²⁴⁷ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1928 и 1929 гг., стр. 373.

зафиксировал и обследовал подземные и полуподземные склепы у сел. Дошхакле²⁴⁸.

17. Салги. Могильник, состоящий из подземных и полуподземных склепов, у сел. Салги исследовал Л. П. Семенов в 1929 г. Склепы врыты в скалу, свод немного возвышается над землей, в фасадной стене прямоугольный вход. Стены сложены на извести и кверху слегка сужаются. В стенах сделаны ниши. Длина склепов доходит до 3—4 м, ширина — до 2 м²⁴⁹.

Давая суммарное описание склепов Бишта, Дошхакле и Салги, Л. П. Семенов отмечает следующие черты: склепы сложены на извести, потолок сводчатый, кровля двускатная ступенчатая, в стенах сделаны ниши, вход закрывался плитой, в камерах делались каменные или деревянные полки²⁵⁰.

18. Шуан. Впервые могильник у сел. Шуан исследован В. Ф. Миллером. Он раскопал несколько подземных и полуподземных склепов на горе, называемой «Райский курган» или Мохте. Склепы имели сводчатое перекрытие²⁵¹.

В 1929 г. могильник у сел. Шуан обследовал Л. П. Семенов. Им зафиксировано не менее ста подземных и полуподземных склепов, сложенных на извести и имеющих двускатную кровлю. В каждом склепе имеется прямоугольное входное отверстие, в стенах — ниши, полки из дерева и плит. Длина склепов доходит до 5 м при высоте до 2 м²⁵².

19. Тхаба-Ерды. Подземные склепы у древнехристианского храма Тхаба-Ерды (ущелье р. Асса) исследовались В. Ф. Миллером. Входные отверстия были закрыты плитами, стены сложены из камней на извести и имели ниши и полки для покойников. Перекрытие состояло из плит, лежащих «на каменных балках»²⁵³.

20. Верхний Датых. Около сел. Верхний Датых находится группа подземных склепов, обследованных Л. П. Семеновым, относящихся к типу склепов у сел. Шуан, Салги и Бишт. Сложены склепы из больших камней на известковом растворе, длина их²⁵⁴ доходит до 5,5 м.

21. Верхний Алкун. В полукилометре северо-западнее сел. Верхний Алкун, недалеко

²⁴⁸ Там же, стр. 376.

²⁴⁹ МАК VIII, стр. 374.

²⁵⁰ Архив ЛО ИА АН СССР, № 174/1929, л. 32.

²⁵¹ МАК I, стр. 29—30, рис. 44.

²⁵² Л. П. Семенов. Этнолого-археологическая экспедиция по горной Осетии..., стр. 375—376.

²⁵³ МАК I, стр. 28—29.

²⁵⁴ Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье..., стр. 111.

от развалин жилой башни, Л. П. Семенов обнаружил большой подземный склеп, внешне напоминающий склепы Шуана, Салги и Бишта²⁵⁵.

22. Мужичи. Подземные и полуподземные склепы на левом берегу Ассы, между сел. Мужичи и Галашки, отмечены Л. П. Семеновым²⁵⁶ и В. В. Бунаком²⁵⁷.

В 1956 г. эта группа могильных сооружений была обследована В. И. Марковиным и мной. Обнаружено два полуподземных склепа, сильно разрушенных и ограбленных (рис. 26, б). Оба склепа сложены из битого камня, один насухо, другой на известковом растворе. Свод обоих склепов сводчатый, выполненный путем напуска камней друг над другом в виде уступов. В стенах имелись ниши и каменные полки.

Таковы имеющиеся сведения о подземных и полуподземных склепах Осетии и Ингушетии. Как видим, данные по погребальному обряду очень скудны и отрывочны. С уверенностью можно говорить лишь о коллективном характере погребений, очевидно семейных.

Вопрос о времени бытования подземных и полуподземных склепов Осетии и Ингушетии. Этот вопрос может сейчас решаться в самом общем и предварительном виде. Это решение крайне затрудняется тем, что большинство склепов ограблено, материал перемешан, склепами пользовались на протяжении длительного времени. Кроме того, рассматриваемые склепы археологически слабо изучены, в них, по существу, еще не велось больших исследовательских работ. Наиболее систематически склепы Осетии и Ингушетии изучал покойный проф. Л. П. Семенов — один из лучших знатоков памятников древности Центрального Кавказа, наметивший периодизацию склеповых сооружений, существующую в кавказоведении по сей день.

Первые попытки наметить эволюцию и периодизацию склеповых сооружений можно найти в работах Л. П. Семенова 1928—1929 гг.²⁵⁸ Позже она была развита, уточнена²⁵⁹ и вновь

²⁵⁵ Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье..., стр. 117.

²⁵⁶ Там же, стр. 120.

²⁵⁷ В. В. Бунак. Черепа из склепов горного Кавказа в сравнительно-антропологическом освещении. СМАЭ, т. XIV. М.—Л., 1953, стр. 307, рис. 1—2.

²⁵⁸ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—27 гг..., стр. 16 сл.; его же. Эволюция ингушских святилищ. ТСА РАНИОН. т. IV, стр. 455 сл.

²⁵⁹ Л. П. Семенов. Археологические разыскания в Северной Осетии..., стр. 44 сл.

изложена в последние годы жизни исследователя²⁶⁰. Суть периодизации Л. П. Семенова сводится к следующему.

Наиболее ранними склепами являются подземные, которые Л. П. Семенов суммарно относит к аланской культуре VI—XII вв. Следующим эволюционным и хронологическим этапом являются полуподземные склепы; это звено, соединяющее аланскую культуру с наземными склепами эпохи позднего средневековья. Последние появляются около XIV в.²⁶¹ и бытуют вплоть до XIX в.

Указанной периодизации склеповых сооружений Центрального Кавказа придерживается и Е. И. Крупнов. По его мнению, подземные склепы, более распространенные в нагорных районах Кабарды и Осетии, возникают в VI—X вв. Подземные и полуподземные склепы бытуют до XIV в., когда уже появляются наземные двускатные склепы²⁶².

В свое время склеповым сооружениям горной Осетии посвятил специальное исследование Г. А. Кокиев²⁶³. Подземные склепы, приписываемые осетинами легендарному народу «царца», Г. А. Кокиев считал древнейшими. Следующими во времени он считал наземные склепы с двускатными и плоскими крышами, которые он ошибочно связывал с грузинскими храмами XII—XIII вв. Наиболее поздними, по мнению Г. А. Кокиева, являются полуподземные склепы. Эта периодизация, построенная без учета археологического материала и основанная на случайных совпадениях в деталях, без углубленной проработки материала, не обоснована и не получила признания.

Таким образом, подземные и полуподземные склепы Осетии и Ингушетии, по классификации Л. П. Семенова, относятся в массе своей к концу I — началу II тысячелетия н. э. Основная часть найденного в склепах археологического материала (из верхних ярусов погребений), несомненно, относится к более позднему времени. Как видно из неопубликованных материалов Л. П. Семенова, в этих склепах преобладают вещи XIII—XV в.: плоские железные наконечники стрел, серьги со стол-

²⁶⁰ Л. П. Семенов. Из истории работы музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952, стр. 25—28.

²⁶¹ Л. П. Семенов. Эволюция ингушских святилищ..., стр. 455.

²⁶² Е. И. Крупнов. Археологические памятники верховьев р. Терека..., стр. 40.

²⁶³ Г. А. Кокиев. Склеповые сооружения..., стр. 64—66.

биком, в нижней части украшенным напущенными бусами, серьги с массивными полыми округлыми или яйцевидными серебряными привесками, бронзовые пуговицы и т. д.²⁶⁴ В 1937 г. в одном из подземных склепов у сел. Шуан Л. П. Семенов нашел две джучидские монеты, одна из которых бита в 1310—1311 гг.²⁶⁵, что подтверждает высказанные соображения. Касаясь склепов Шуана, Л. П. Семенов писал: «В подземных склепах Шуана древнейшие погребения восходят к VIII—IX вв.; в этих же склепах могли быть более поздние погребения XIV—XV вв.»²⁶⁶.

Локальные черты подземных и полуподземных склепов Осетии и Ингушетии. На территории Дигории, соприкасающейся с районами центрального варианта, встречаются подземные склепы, довольно близкие подземным склепам Кабардино-Балкарии. В первую очередь здесь следует отметить Галиатский склеп, исследованный Е. И. Крупновым. Он представляет почти полную аналогию подземным склепам Гижгида и других могильников центрального локального варианта. Подземный склеп, исследованный К. И. Ольшевским у сел. Кумбулта, имел курганную насыпь с речным камнем. Такие насыпи в качестве локальной черты мы отмечаем в подземных склепах Кабардино-Балкарии²⁶⁷.

По-видимому, эти особенности конструкции некоторых подземных склепов Дигории объясняются территориальной близостью к центральному локальному варианту и проникновением и смешением элементов материальной культуры в зоне стыка двух вариантов — центрального и восточного.

Общая характеристика остальных подземных и полуподземных склепов Осетии и Ингушетии дана в цитированных работах Л. П. Семенова, Г. А. Кокиева и Е. И. Крупнова. Исходя из этих характеристик и изложенных выше данных, можно указать основные и характерные черты склепов.

Подземные склепы имеют обычно вертикальные стены, сложенные, как правило, на растворе, иногда со следами штукатурки (Кумбулта, Саниба, Харх, Салги, Бишт, Шуан). В стенах устраивались ниши, полки и четырехугольные отверстия (Галиат, Лац, Бишт, Шуан,

Мужичи); во многих склепах перекрытие получает форму так называемого «ложного свода» (Дзивгис, Лац, Харх, Салги, Бишт, Шуан, Мужичи).

Полуподземные склепы Осетии и Ингушетии имеют обычно отвесные, реже скошенные стены, сложенные на растворе. Продольные и задняя стены врыты в склон горы или засыпаны землей, фасадная стена часто окрашена в охристый цвет. Внутри камеры имеются ниши, полки и четырехугольные входные отверстия, иногда закрытые плитой. Перекрытие бывает как плоским (Средняя Кобань, Дзивгис, Лац, Саниба), так и сводчатым «ложным» (Дзивгис, Тхаба-Ерды, Мужичи, Шуан, Дошхакле, Салги, Бишт). Некоторые склепы на поверхности отмечены вертикальными плитами (Лац, Дзивгис), в стену у входного отверстия иногда вдевались шиферные плиты с просверленным отверстием (Дзивгис, Далагкау, Шуан).

Сравнивая описанные склепы Осетии и Ингушетии с подземными склепами Кабардино-Балкарии, мы видим ряд общих для них конструктивных черт. Таковы входные отверстия, ниши, плоская крыша, общие принципы планировки и строительства. Вместе с тем бросаются в глаза заметные различия между склепами с территории Кабардино-Балкарии, Осетии и Ингушетии. В подземных и полуподземных склепах Осетии и Ингушетии появляется весьма важная деталь, не встречающаяся в склепах Кабардино-Балкарии, — сводчатое перекрытие, выполненное в технике «ложного свода». Наиболее раннее появление элементов «ложного свода», по-видимому, следует связать с могилами Галиата²⁶⁸ и Дзивгиса²⁶⁹, где типичные каменные ящики имеют сводчатое (чешуйчатое) перекрытие. Можно предположить, что эта группа каменных ящиков со сводом является одним из зачатков будущих подземных, полуподземных и наземных средневековых склепов Осетии и Ингушетии с уступчатым сводом, развитие которых шло длительным и сложным путем. Из каменных ящиков со сводчатым перекрытием и подземных склепов с плоским или сводчатым верхом постепенно сложился наиболее практичный тип склепа с прочной сводчатой ступенчатой крышей. Сначала это были подземные и полуподземные склепы, затем наземные осетинские «западзы» и «обай», ингушские и чеченские

²⁶⁴ Архив ЛО ИА АН СССР, д. № 174/1929, л. 32, 61, 62, 64.

²⁶⁵ Там же, д. № 234/1937, л. 8 сл.

²⁶⁶ Там же, д. № 181/1928, л. 16.

²⁶⁷ В. А. Кузнецов. Локальный вариант аланской культуры..., стр. 154.

²⁶⁸ В. Б. Антонович. Ук. соч., стр. 233; МАК VIII, стр. 286—287.

²⁶⁹ П. С. Уварова. Кавказ. Путевые очерки, стр. 83.

«каши», кабардинские и балкарские «кешене», получившие распространение по всему горному Северному Кавказу и бытовавшие до XIX в.

Такой представляется нам эволюция позднесредневековых склепов Северного Кавказа, обоснованная в трудах Л. П. Семенова. Схема развития позднесредневековых склепов из сармато-аланских катакомб, предложенная в кандидатской диссертации Л. Г. Нечаевой²⁷⁰, так же неубедительна как и взгляды А. М. Дирра²⁷¹, выведившего наземные склепы Осетии из Тибета, Непала и Индии.

Кроме сводчатости перекрытия, подземные и полуподземные склепы Осетии и Ингушетии имеют ряд черт, неизвестных в более западных районах: каменные или деревянные полки, кла-

²⁷⁰ Л. Г. Нечаева. Могильник Алхан-Кала и катакомбные погребения сарматского времени на Северном Кавказе. Архив ИА АН СССР, ф. 2, д. № 1338.

²⁷¹ А. М. Дирр. Ук. соч., стр. 265.

дка стен на растворе, использование штукатурки на фасадной стене, вертикальные плиты на поверхности, просверленные плиты у входного отверстия. Эти детали конструкции вместе со сводчатым характером перекрытия позволяют четко отделить подземные и полуподземные склепы восточного варианта от могильных сооружений Кабардино-Балкарии и верховьев Кубани.

Углубленное изучение склеповой архитектуры Осетии и Чечено-Ингушетии в будущем позволит эту массу однородных памятников разделить на несколько локальных групп, наделенных общими особенностями конструкции. По отношению к склепам Осетии такая мысль уже высказана Г. А. Кокиевым²⁷². Вместе с тем эти памятники центральной части Кавказа тесно связаны между собой и образуют своеобразный культурно-исторический район.

²⁷² Г. А. Кокиев. Склеповые сооружения..., стр. 12.

3. КЕРАМИКА

К интересующему нас времени относится очень большое число глиняных сосудов, происходящих почти целиком из Осетии. Всего нами учтено около 250 сосудов, хранящихся в Государственном историческом музее, Государственном Эрмитаже, Северо-Осетинском музее краеведения и частично опубликованных. Действительное количество раннесредневековой керамики значительно больше, но далеко не весь имеющийся материал может быть использован из-за отсутствия необходимой документации.

Керамика IV—VI вв. В керамике IV—VI вв. на рассматриваемой территории мы находим уже хорошо известные нам типы посуды, составлявшие основные группы керамики западного и центрального локальных вариантов. Это и понятно. Речь идет об одной культуре в пределах одного отрезка времени. Рассматривая керамику IV—VI вв., мы в первую очередь выделяем именно такие типы, общие для всех вариантов аланской культуры.

К первому типу керамики IV—VI вв. можно отнести небольшие, преимущественно лощеные, кувшины и кувшинчики черного и серого цвета, сделанные от руки и на круге. Округлый корпус иногда приземистый, иногда вытянутый вверх, украшенный вертикальным лощением и наклепными сосками, чаще всего тремя. Это наиболее распространенные приемы орнаментации корпуса, хотя встречаются и иные при-

емы. Горло, как правило, широкое, по высоте приближающееся к высоте тулова сосуда, венчик прямой, почти не отогнутый. Ручки по форме и способу крепления делятся на два вида: одни крупные, для захвата несколькими пальцами, начинаются от венчика, другие, в виде небольшой петли, помещаются в середине корпуса и предназначены для захвата одним пальцем.

Все сосуды этого типа изготовлены из высококачественного теста и, как правило, отличаются хорошей фактурой.

В процентном соотношении сосуды этого типа составляют более половины (около 60%) всей керамики IV—VI вв., так же как в синхронной керамике центрального варианта.

Рассматриваемый тип керамики известен повсеместно на всей территории Осетии и встречен в большинстве раннеаланских могильников (рис. 27, А, 1—2). Образцы первого типа сосудов IV—VI вв. имеются в коллекциях из Кумбулты²⁷³, Рутхи²⁷⁴, Задалиска²⁷⁵, Фас-

²⁷³ МАК VIII, табл. ХСVIII, 5 и 7, табл. ХСIX, 1, 3; ГИМ, инв. № 25277 (раскопки В. И. Долбежева), инв. № 55421 (коллекция П. С. Уваровой), инв. № 25276 и т. д.

²⁷⁴ МАК VIII, табл. CVI, 7—8; ГИМ, инв. № 25185, 25276 (раскопки В. И. Долбежева).

²⁷⁵ МАК VIII, табл. XXXV, 5, 7—8; ГИМ, инв. № 157, инв. № 55421 (коллекция П. С. Уваровой).

кау²⁷⁶, Галиата²⁷⁷, Змейки²⁷⁸, Донифарса²⁷⁹, Джераховского ущелья²⁸⁰. Конечно, не всегда эти сосуды идентичны, встречаются многочисленные отклонения в деталях, но принадлежность к одному типу несомненна. Вне пределов Осетии и Ингушетии сосуды этого типа имеют аналогии в могильниках Байтал-Чапкана²⁸¹, Гиляча²⁸², Тырны-Ауза²⁸³, Мукулана²⁸⁴ и т. д.

Реже встречаются небольшие приземистые черноглиняные сосуды шаровидных форм. Ручки обычно имеют вид петли для захвата пальцем, или зооморфные, венчики прямые или слабо отогнутые. Это маленькие столовые кувшинчики, скорее напоминающие кружки. По корпусу они часто украшены характерными для этого времени наклепными сосками, лощеными вертикальными полосами, вдавливаниями и т. д. Эти сосуды можно объединить во второй тип керамики IV—VI вв. (рис. 27, А, 3—4). Сосуды второго типа мы находим в Кумбулте²⁸⁵, Задалиске²⁸⁶, Далагау²⁸⁷, Донифарсе²⁸⁸, Галиате²⁸⁹, Кобани²⁹⁰ и т. д. В процентном отношении они составляют примерно около 20% керамики IV—VI вв.

Третий тип составляют кувшины, обычно имеющие вытянутое горло и шаровидное или грушевидное тулово. Фактура аналогична предыдущим. Характерной особенностью этих кувшинов являются ручки-сливы, имеющие сквозное отверстие, сообщающееся с корпусом (рис. 27, А, 5). Высота кувшинов достигает 20 см. Иногда против слива прикреплялась еще одна ручка. Некоторые кувшины этого типа орнаментированы желобками и лощеными полосами. Кувшины третьего типа встречаются сравнительно редко и известны в могильниках

²⁷⁶ ГИМ, инв. № 222, два сосуда без номера.

²⁷⁷ ГИМ, инв. №№ 227, 228 (дар Московского археол. общества).

²⁷⁸ ГИМ, инв. № 55421 (коллекция П. С. Уваровой).

²⁷⁹ ГИМ, инв. № 25196 (раскопки В. И. Долбежева).

²⁸⁰ ГИМ, инв. № 44790 (раскопки В. Л. Тимофеева).

²⁸¹ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан... рис. 1, 4, 5, 7, а, в, 12 д, 22 б, в.

²⁸² Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., рис. 6.

²⁸³ П. Г. Акритас. Вновь открытые аланские подземные склепы..., рисунок на стр. 408.

²⁸⁴ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии..., табл. VI, 1—3.

²⁸⁵ МАК VIII, табл. XCVIII, 6, табл. XCIX, 3; ГИМ, инв. № 25277.

²⁸⁶ МАК VIII, табл. XXXV, 7; ГИМ, инв. № 55421.

²⁸⁷ МАК VIII, стр. 161, рис. 156.

²⁸⁸ ГИМ, инв. № 25192, 28196 (раскопки В. И. Долбежева).

²⁸⁹ ГИМ, инв. № 221.

²⁹⁰ ГИМ, инв. № 26946 (раскопки В. И. Долбежева).

Кумбулты²⁹¹, Донифарса²⁹² и др. Аналогии рассмотренным кувшинам третьего типа можно найти на всей территории аланской культуры — в могильниках Гиляч²⁹³, Байтал-Чапкан²⁹⁴, Вольном ауле²⁹⁵, Хабазе²⁹⁶, в материалах Грозненского музея краеведения²⁹⁷ (точнее неизвестно) и т. д.

Интересно, что крупные кувшины со сливом и одной-тремя ручками, предназначенные для хранения жидкостей и довольно часто встречающиеся в верховьях Кубани и Кабардино-Балкарии, редки в составе керамики IV—VI вв. Осетии и Ингушетии. Известно всего два подобных сосуда: один из Камунты²⁹⁸, второй из фондов Северо-Осетинского музея краеведения²⁹⁹. Высота этих сосудов достигает 38 см, оба имеют яйцевидной формы корпус и одну или три ручки (рис. 27, А, 10). Однако по чисто типологическим признакам трудно определить, к какому именно времени следует отнести эти кувшины, так как они встречаются и в VII—VIII вв. Так, кувшин из Камунты скорее всего относится ко времени более позднему, чем V—VI вв.

Таковы типы керамики IV—VI вв., общие для всех трех локальных вариантов. Процентное соотношение этих типов внутри каждого локального варианта примерно одинаково. Отсюда можно заключить, что состав керамики в IV—VI вв. был общим для всей территории Алании.

Наконец, из числа редких сосудов отметим сосуды, сделанные в виде животных и птиц. Два из них, изображающие фигуры какого-то животного (олень?), были найдены в Верхней Рутхе³⁰⁰, один сосуд в виде птицы — в Кумбулте³⁰¹. Четвертый сосуд этого типа был случайно найден в Былыме Кабардино-Балкарской АССР³⁰².

Фигурные сосуды в виде животных и птиц появляются во II тысячелетии до н. э. в стра-

²⁹¹ МАК VIII, табл. CXXVIII, 8.

²⁹² ГИМ, инв. № 81 и 55421 (коллекция П. С. Уваровой); МАК VIII, табл. XXXV, 14.

²⁹³ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., рис. 7, 2.

²⁹⁴ Т. М. Минаева. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии, рис. 5, 1.

²⁹⁵ Музей г. Нальчика, инв. № 1994.

²⁹⁶ Музей г. Нальчика, инв. № 1289.

²⁹⁷ Музей г. Грозного, инв. № 1055.

²⁹⁸ МАК VIII, табл. CXXIX, 13.

²⁹⁹ Музей г. Орджоникидзе, инв. № 3672/121.

³⁰⁰ МАК VIII, рис. 199 и 200.

³⁰¹ МАК VIII, рис. 184.

³⁰² ГИМ, инв. № 29198.

нах Переднего Востока³⁰³. В начале I тысячелетия н. э. они появляются на Северном Кавказе, причем наиболее ранние — в Прикубанье³⁰⁴. Вряд ли зооморфные сосуды Дигории следует датировать первыми веками нашей эры, так как этому не соответствует прочий археологический материал из могильников Верхняя Рутха и Кумбулта. Эти сосуды скорее всего относятся к основному времени бытования указанных могильников V—VII вв. Напомним, что аналогичный зооморфный сосуд был найден на левобережном Цимлянском городище³⁰⁵.

Вопрос о происхождении зооморфных сосудов Дигории не решен. Характерно, что они концентрируются именно в Дигории. Независимо от того, были ли они местными или привозными, эти оригинальные и редкие сосуды придают керамике Дигории IV—VI вв. известное своеобразие.

Это своеобразие дигорской керамики подчеркивается еще одним сосудом редкого типа, происходящим из Верхней Рутхи. Он представляет собой два небольших черноглиняных кувшинчика характерной раннеаланской формы, соединенных вместе одной ручкой³⁰⁶ (рис. 27, А, 8). Еще один такой «двойной» сосуд хранится в Северо-Осетинском музее краеведения³⁰⁷. Местонахождение его неизвестно, но он, несомненно, найден в Осетии. В других районах аланской культуры таких сосудов нет. Все это дает возможность предполагать, что «двойные» сосуды происходят скорее всего из Осетии. Поэтому, вероятно, с Осетией следует связывать «двойной» сосуд, попавший в коллекцию В. Скиндера и хранящийся ныне в Пятигорском музее³⁰⁸. Известно, что В. Скиндер скупал для своей коллекции вещи из разных районов Кавказа, в том числе из Осетии.

Керамика VII—IX вв. Как и в предшествующий период, в керамике VII—IX вв. наблюдается общность форм с синхронной керамикой Кабардино-Балкарии. И в этот период развитие керамики на основной территории аланской культуры идет по одному пути, давая

одинаковые типы посуды для всего Центрального Предкавказья. Приведем несколько примеров.

В могильниках Осетии известны яйцевидные или грушевидные кувшины с носиками-сливами и ручками по бокам корпуса (рис. 27, Б, 10), имеющие аналогии в могильниках Кабардино-Балкарии (рис. 24, Б, 3). Самостоятельный тип керамики центрального варианта составляют небольшие лощеные кувшины с горлом-раструбом (рис. 24, Б, 4). Они также известны в могильниках Осетии — Галиате³⁰⁹, Кумбулте³¹⁰, Донифарсе³¹¹ и т. д. (рис. 27, Б, 3—4). Найдены на территории Осетии и кувшинчики с характерной двойной ручкой-петлей³¹² (рис. 27, Б, 5), которые мы отмечали выше в керамике центрального и западного вариантов. Найдены в Осетии и небольшие приземистые сосуды с широким уплощенным туловом (рис. 27, Б, 9) и отдельные сосуды, относящиеся, возможно, к VII—IX вв., но очень малочисленные и (как в Кабардино-Балкарии) не являющиеся устойчивыми типами.

В настоящее время и при имеющемся материале нам не удалось выделить определенные группы сосудов VII—IX вв., которые были бы наиболее характерны именно для восточного варианта. Большую пользу в данном случае могла бы оказать статистическая обработка керамики, но мы не решаемся применить этот метод из-за слишком большой разницы в степени изученности, скажем, Осетии и Кабардино-Балкарии. При существующем положении статистика не дает подлинного соотношения типов керамики в разных районах и может ввести в заблуждение.

Чем объясняется единство основных форм керамики в период с IV по IX вв.? Создается впечатление, что это единство было особенно сильным в VII—IX вв. Конечно, в этом сказывается и этническая близость населения, и принадлежность его к одной культуре. Следует также учитывать экономические и политические причины. В рассматриваемый период происходит экономическая и политическая консолидация кавказских племен, объединенных в аланском племенном союзе. На основе развивающегося ремесленного производства складывается экономическая основа аланского общества. Ремесленное гончарное производство и

³⁰³ См., напр., L. Van den Berghe. *Archeologie de l'Iran ancien*. Leiden, 1959, fig. 143, 154, 173.

³⁰⁴ К. М. Скалон. Изображения животных на керамике сарматского периода. Тр. ОИПК, I, стр. 207, табл. XIV, 1—2.

³⁰⁵ М. И. Артамонов. Средневековые поселения на нижнем Дону. ИГАИМК, вып. 131, Л., 1935, стр. 23, рис. 9.

³⁰⁶ МАК VIII, рис. 197.

³⁰⁷ Музей г. Орджоникидзе, инв. № 3672/135

³⁰⁸ Музей г. Пятигорска, инв. № 612.

³⁰⁹ Е. И. Крупнов. Из итогов археологических работ..., стр. 146, рис. 9.

³¹⁰ МАК VIII, табл. ХСVIII, 4, 6.

³¹¹ ГИМ, инв. № 25196 (раскопки В. И. Долбежева).

³¹² См., напр., МАК VIII, рис. 194.

тесные межплеменные торговые связи между отдельными частями Алании способствовали известной нивелировке материальной культуры и распространению одних и тех же форм керамики на широкой территории. Как мы увидим, в последующий период это единство нарушается, что вызвано глубокими политическими и экономическими причинами.

Керамика X—XII вв. Керамика X—XII вв. на территории восточного варианта найдена главным образом в датированных могильниках этого времени Саниба и Даргавс. Часть керамики из Санибы и Даргавса опубликована П. С. Уваровой. Среди керамики из Санибы мы видим два близких по форме сосуда с небольшой ручкой, начинающейся от прямого венчика³¹³ (рис. 27, В, 3—4), высокий кувшин с туловом бомбовидной формы, без венчика, с узким горлом и крупной ручкой-петлей³¹⁴ (рис. 27, В, 5), высокий кувшин с ручкой, начинающейся от венчика, и двумя волнистыми линиями на корпусе (рис. 27, В, 2) и маленький кувшинчик довольно грубой фактуры, с ручкой, начинающейся от венчика³¹⁵. Кроме того, В. Ф. Миллер опубликовал еще один высокогорлый кувшин с носиком-сливом³¹⁶ (рис. 27, В, 1).

В состав керамического комплекса из Даргавса входят пять кувшинов с широким туловом и ручками, начинающимися от венчика (рис. 27, В, 6—8). Один из кувшинов двуручный, другой с тремя ручками. Орнамент сделан зубчатым штампом и состоит из волнистой линии и вдавливания различных форм. Характерен появившийся на горле двух кувшинов валик, украшенный вдавливаниями. Сосуды гончарные, изготовлены из красного обжига грубой глины, как и в Санибе.

Из прочих сосудов X—XII вв. отметим красноглиняный кувшин с носиком-сливом из Дзивгиса³¹⁷, грубые кружки оттуда же и из Лаца³¹⁸, кувшины, сходные с даргавским, из Задалиска³¹⁹, Кобани³²⁰, Джераховского ущелья³²¹ и Верхнего Датыха³²². Особую группу составляют глиняные молочники XI—XII вв.

(рис. 27, В, 10). Они имеют носик-слив по середине корпуса и на противоположной стороне или сбоку носика ручку. Аналогичные молочники были найдены нами на Змейском катакомбном могильнике в 1958—1959 гг. К XI—XII вв. следует отнести красноглиняный кувшинчик с тремя ручками, носиком-сливом и боковыми ушками, происходящий из Харха (рис. 32, 3). Аналогичной формы кувшин с боковыми ушками, одной ручкой и четырьмя отбитыми ножками был найден на Змейском катакомбном могильнике в 1959 г. К тому же времени — XI—XII вв. — можно отнести и группу кувшинов из Харха, составляющих два типа: кувшины с носиком и кувшины без носика (рис. 32). Цвет поверхности коричневато-розовый, сосуды сделаны на круге, хорошо обожжены и имеют гончарные клейма.

Таковы те сосуды, которые с уверенностью могут быть датированы X—XII вв. Сопоставить их с синхронной керамикой центрального варианта нет возможности из-за малочисленности данных по керамике Кабардино-Балкарии. Если обратиться к керамике западного варианта X—XII вв., то можно заметить существенную разницу между нею и керамикой восточного варианта. Керамические комплексы Даргавса и Санибы по своим основным формам четко отличаются от керамики верховьев Кубани (ср. рис. 15 и 27). Единственным исключением является кувшинчик с носиком-сливом из Усть-Тебердинского могильника³²³. В верховьях Кубани нам неизвестны также молочники типа задалисских и миски, встречающиеся в памятниках Осетии. Все это указывает на существовавшие в X—XII вв. локальные особенности в керамике западного и центрального вариантов.

К XI—XII вв. относится довольно многочисленная группа сосудов, обнаруженных на территории Дигории. Это кувшины с высокими узкими горлами и обычно одной ручкой, похожие на высокую бутылку (рис. 33). Все кувшины этого типа изготовлены на круге из отлично отмученного и звонкого глиняного теста красно-оранжевого цвета. Всего из могильников Дигории (Верхняя Рутха, Кумбулта, Хор-Гон) насчитывается 14 таких кувшинов, хранящихся в Государственном историческом музее и Эрмитаже. Часть их опубликована П. С. Уваровой³²⁴.

³¹³ МАК VIII, табл. XXIX, 3—4.

³¹⁴ МАК VIII, табл. XXIX, 5.

³¹⁵ МАК VIII, табл. CXXXIX, 1—2.

³¹⁶ МАК I, рис. 66.

³¹⁷ МАК I, табл. XIV, 3.

³¹⁸ МАК VIII, табл. XXIX, 8 и XXVIII, 10.

³¹⁹ Там же, табл. XXXV, 3.

³²⁰ Там же, рис. 87.

³²¹ ГИМ, инв. № 25204 (раскопки В. И. Долбежева).

³²² Л. П. Семенов. Археологические разведки в Ассинском ущелье..., стр. 112, рис. 33.

³²³ Т. М. Минаева. Могильник в устье р. Теберды..., рис. 6, 7.

³²⁴ МАК VIII, табл. CVI, 2—4.

Кроме того, один сосуд такого типа, но без ручки, был найден в Чми³²⁵.

Археологические комплексы, с которыми связаны рассматриваемые сосуды, не описаны авторами раскопок. Поэтому даты их долго не были установлены, хотя употребление гончарного круга и высококачественная глиняная фактура как будто указывали на довольно позднее время. Эти соображения подтвердились после того, как при раскопках древнего грузинского города Рустави в культурном слое X—XIII вв. был найден совершенно аналогичный черноглиняный сосуд³²⁶. На горлышке кувшина выцарапано грузинское имя владельца «Тепале». Возникает вопрос о происхождении кувшинов этого типа, найденных в Дигории. Делались они на месте или привозились из Грузии в Дигорию? Грузинское имя «Тепале» как будто свидетельствует о том, что эти сосуды грузинского происхождения. С другой стороны, надпись на сосуде могла быть выцарапана позже изготовления, во время употребления сосуда. Все эти неясности затрудняют решение вопроса о происхождении красноглиняных кувшинов Дигории, хотя и следует признать факт грузинского влияния на Осетию в домонгольское время. Но нам в данном случае важно другое — что кувшины рассматриваемого типа встречены только на территории восточного локального варианта. Западнее и восточнее их нет. Они являются типом посуды, характерным именно для восточного варианта и особенно для западной Осетии — Дигории.

Следует отметить, что в период X—XII вв. значительно увеличивается количество красноглиняной керамики. Посуда отличается хорошим обжигом и имеет звонкий черепок. На поверхности сосудов появляются округлые валики, волна и зубчатый штамп. Красноглиняные сосуды и приведенные приемы украшения появляются еще в VIII—IX вв.; об этом говорят наши раскопки на Змейском поселении VIII—IX вв. в 1958 г. и раскопки В. Б. Деопик на том же поселении X—XII вв.³²⁷ Наряду со столовой красноглиняной высококачественной керамикой существует кухонная посуда, изготовленная из более грубого теста и отличающаяся худшим качеством обжига и серо-коричневым цветом. Но как столовая, так и кухон-

ная обиходная посуда в целом развиваются из форм аланской керамики VIII—IX вв. и в дальнейшем своем развитии дают формы, хорошо представленные в материалах с городища Верхний Джулат (раскопки О. В. Милорадович).

Керамика городищ западного, центрального и восточного вариантов. Мы подвергли подробному исследованию столовую посуду, найденную в средневековых могильниках Северного Кавказа. Однако не меньший интерес представляет и бытовая кухонная посуда, в изобилии встречающаяся на городищах и поселениях. Но и здесь мы сталкиваемся с неравномерной и слабой изученностью аланских городищ. Поэтому мы не можем сейчас произвести сравнительный анализ кухонной керамики IV—VII вв. Основная масса известных сейчас аланских городищ и поселений дает керамический материал, начиная с VIII в. и позже, Таковы городища верховьев Кубани, района Пятигорска, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии.

По наблюдениям Т. М. Минаевой, в верховьях Кубани в X—XII вв. наиболее характерны красноглиняные корчаги с линейно-ребенчатым орнаментом и красноглиняные горшки с отогнутым венчиком и волнисто-ребенчатым орнаментом³²⁸. Фрагменты последних с городища Гиляч опубликованы³²⁹. По-видимому, подобную посуду имеет в виду Т. М. Минаева, описывая из культурного слоя городища Адиух «черепки красноглиняной посуды с линейно-ребенчатым орнаментом»³³⁰. Сплошной и зональный линейный орнамент, штрихи, налпные валики, волна и зубчатый штамп на венчике отмечены ею и в керамическом материале из городища X—XI вв. Гиляч³³¹. Насечки на прямых венчиках и округлые налпные валики зафиксированы Т. М. Минаевой в керамике на городищах у хут. Дружба³³² и аула Кубины³³³ в Черкесии.

³²⁸ Т. М. Минаева. Керамика балки Канцирки в свете археологических исследований на Северном Кавказе. Тезисы доклада, прочитанного на сессии ИА АН СССР в апреле 1958 г.

³²⁹ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 291, рис. 18, 4.

³³⁰ Т. М. Минаева. Городище на балке Адиух в Черкесии, стр. 132.

³³¹ Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гиляч..., стр. 291, рис. 18.

³³² Т. М. Минаева. Археологические памятники Черкесии, стр. 272—273, рис. 3, в—г.

³³³ Т. М. Минаева. Городище близ аула Кубины в Черкесии. Доклад, прочитанный на сессии ИА АН СССР 9 апреля 1959 г.

³²⁵ ГИМ, коллекция П. И. Щукина, инв. № 35.

³²⁶ Г. А. Ломтатидзе. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави. МАГК, I, Тбилиси, 1955, стр. 209, табл. XX, 2; см. также: Археология Грузии, Тбилиси, 1959, стр. 370, табл. XXXVII, 2.

³²⁷ Архив ИА АН СССР, д. № 1634-а.

В 1953—1956 гг. нами был собран подъемный материал на городищах и поселениях, расположенных в долине Большого Зеленчука (Нижний Архыз, Шпиль, Кяфар, Бежгонское, «Батарейя» у станицы Зеленчукской). Все они в основном могут быть отнесены в X—XIII вв. Среди фрагментов керамики преобладают черепки серого и коричневого цвета, довольно многочисленны красные и красно-желтые черепки. Орнаментация в основном устойчивая — это округлые валики по-одному, по-два и по-три параллельно сплошной линейный орнамент косая клетка, решетка, широкие и узкие желобки, иногда встречается волна. Венчики в основном прямые или слабо отогнутые, иногда с насечками и вдавливаниями.

Керамика из аланских городищ и поселений с территории Пятигорья, Кабардино-Балкарии, Осетии и Чечено-Ингушетии обнаруживает большое сходство. По существу, это одни и те же типы сосудов (как по ассортименту, так и по орнаментации и фактуре сосудов). Преобладают небольшие горшки с отогнутым венчиком, украшенным косыми насечками, имеющими на тулове линейный орнамент (рис. 34, 3—5). Много больших пифосообразных сосудов для хранения запасов: их массивные венчики круто отогнуты, а яйцевидный корпус украшен вертикальными и горизонтальными острорезерными галиками (рис. 34, 7). Много лощеных мисок сарматского облика с загнутым внутрь бортиком (рис. 34, 6). На ручках часто встречается характерный налест в виде воротничка (рис. 34, 8). После X в. уменьшается число мисок и больших пифосообразных сосудов, появляются характерные для салтово-маяцкой керамики крупные яйцевидной формы сосуды, без ручек, украшенные по корпусу сплошным линейным орнаментом, а по отогнутому венчику зубчатым штампом. Зубчатый штамп и волна появляются и на кухонных горшках (рис. 34, 3—6). Бортик многих мисок уже выпрямлен. Если до X в. полностью доминировала керамика черно-серых тонов и лишь изредка встречались фрагменты красных и охристых тонов, то после X в. число последних (особенно красноглиняных) значительно вырастает. В XI—XII вв. на горшках появляется орнамент из косо перекрещивающихся линий. Подобную картину можно наблюдать на всей обширной территории аланской культуры от Пятигорья до Чечни³³⁴.

³³⁴ Городища Провальское и Урухское (материал хранится в музее г. Пятигорска), Заюковские и Кызбурунские городища (исследованы Б. Е. Деген-Ковалев-

На всех этих городищах от Пятигорья до Чечни встречаются весьма любопытные цилиндрической формы глиняные стаканы с круглым отверстием в дне (рис. 36). Их принято считать культовыми курильницами³³⁵, время их наибольшего распространения скорее всего VIII—IX вв., хотя появляются они гораздо раньше в сарматских памятниках Нижнего Поволжья³³⁶ и Северного Кавказа³³⁷ II—III вв. н. э. В Пятигорье такие курильницы были найдены на Провальском и Юцком аланских городищах³³⁸, в Кабардино-Балкарии на городище Герменчик³³⁹ и других, в Осетии на Змейском поселении³⁴⁰ и городище Дур-Дур I³⁴¹, в Чечено-Ингушетии у сел. Алхасте³⁴² и на Ермоловском городище³⁴³ и т. д.

Как видно, глиняные стаканы-курильницы являются распространенным видом керамики, существующим на территории центрального и восточного вариантов.

Рассматривая бытовую керамику всех трех локальных вариантов, нельзя не заметить определенных отличий внутри нее. Керамика городищ и поселений VIII—XII вв. верхнего Прикубанья имеет некоторые особенности, отделяющие ее от такой же керамики более восточной аланской территории. Так, например, описанные выше глиняные курильницы неизвестны в верховьях Кубани. Заслуживает также внимания тот факт, что во время наших разведок на городищах в долине Большого Зеленчука и Кяфара ни разу не были найдены обломки мисок. Характеризуя керамику верхних слоев городищ Гиляч и Аднух, Т. М. Ми-

ским), Герменчикское городище (исследовано Е. И. Крупновым), Змейское поселение (исследовано В. Б. Деоник и В. А. Кузнецовым), городища Дур-Дур I и на юго-восточной окраине г. Орджоникидзе (исследованы автором и Т. Б. Тургиевым), Ханкальские городища, Ермоловское городище на Сунже (исследованы М. П. Севостьяновым и Т. М. Минаевой).

³³⁵ N. M. Iegorov. Gefässe von Iuck. ESA, V. Helsinki, 1930, стр. 50.

³³⁶ P. Rau. Prähistorische Ausgrabungen auf der Stepenseite des Deutschen Wolgagebiets im Jahre 1926. Pskrowsk, 1927, s. 60—61.

³³⁷ А. П. Рунич. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы. СА, 1961, № 1, стр. 269, рис. 2, 9.

³³⁸ N. M. Iegorov. Op. cit., s. 50, Zeichn. 1.

³³⁹ Е. И. Крупнов. Отчет о работе археологической экспедиции 1947 г., стр. 294—295, рис. 9.

³⁴⁰ Раскопки автора в 1958 г.; ГИМ, инв. № 55421.

³⁴¹ Разведки автора и Т. Б. Тургиева в 1959 г.

³⁴² Музей г. Грозного, инв. № 1549 и др.

³⁴³ Т. М. Минаева. Археологические разведки в долине р. Сунжи. СНТ СГПИ, вып. 13, Ставрополь, 1958, стр. 418.

наева также не отмечает в ее составе мисок³⁴⁴. По-видимому, это не случайность, хотя для окончательных выводов еще мало данных.

В фактуре керамики городищ западного варианта можно наблюдать такую характерную черту, как серо-голубой цвет черепка и вообще большое количество фрагментов керамики светлых тонов: разных оттенков охры, розовых или охристо-розовых, коричнево-красных, серо-красных, оранжевых. Такого разнообразия светлых оттенков нам не приходилось встречать на городищах центрального и восточного вариантов.

Намечаются местные особенности и в орнаментации керамики. На керамике западного варианта мы встречаемся со знакомыми нам деталями: налпным валиком, линейным и волнистым орнаментом, косо перекрещивающимися линиями, зубчатым штампом на венчике. Эти приемы орнаментации распространены чрезвычайно широко вплоть до Центральной Европы³⁴⁵. Но на верхнекубанских (зеленчукских) городищах нам попадалась масса керамики, украшенной округлым валиком, несколькими параллельными глубокими и широкими желобками, глубоким многорядным рифлени-

³⁴⁴ Т. М. Минаева. Археологические памятники на реке Гиляч... стр. 291; ее же. Городище на балке Адюх в Черкесии..., стр. 137—138.

³⁴⁵ См., напр., М. Кишваси-Комша. Исторические выводы на основании исследования керамики VI—XII вв. Studii si cercetari de istorie veche, t. VIII, Bucaresti, 1957, таблицы.

ем, решеткой, штриховым орнаментом. Все эти приемы орнаментации характерны для верхнекубанских городищ и не характерны для керамики городищ центрального и восточного вариантов.

Подытоживая все вышесказанное, необходимо отметить тот факт, что городищенская керамика западного локального варианта отлична от городищенской керамики центрального и восточного вариантов. Напротив, керамика городищ двух последних локальных вариантов очень близка и представляет собой (насколько можно сейчас судить) одно целое. Вполне возможно, что в дальнейшем на территории ЧИ АССР удастся выявить какие-то локальные черты в керамике городищ, в частности присунженских. Так, здесь встречается довольно много сосудов на выступающем поддоне³⁴⁶. Однако не совсем ясны их даты, так как происходят они исключительно из сборов на поверхности. Л. Г. Нечаева отмечает многочисленные миски на поддоне в сарматское время³⁴⁷, но бытовали ли они позже? Во всяком случае район вокруг Ермоловского (Алханкалинского) городища интересен в историко-археологическом отношении и заслуживает внимания археологов.

³⁴⁶ Городища Закан-юртовское II, Грозненское I, Петропавловское, Ильинское, Герменчукское, Гудермесское (сборы М. П. Севастьянова). Музей г. Грозного.

³⁴⁷ Л. Г. Нечаева. Ук. соч., стр. 96.

4. ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ВАРИАНТА АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В историческом плане вопрос об отношении восточного варианта аланской культуры к этническим общностям должен решаться также с учетом существования двух компонентов — местного кавказского и пришлого (иранского по языку). Однако здесь мы встречаемся с иными племенными образованиями и несколько иным ходом исторического и этногенетического процесса.

Местный кавказский слой. Попытаемся рассмотреть вопрос об этническом значении того местного населения, с которым на территории Осетии и Ингушетии встретились и смешались ираноязычные аланы. Как и на территории центрального варианта, это были потомки носителей позднекобанской культуры, связанные генетически с центральной и отча-

сти с восточной группами памятников кобанской культуры³⁴⁸. Археологически этот кавказский этнический компонент на территории восточного варианта представлен многочисленными могильниками, описанными выше (каменные ящики, подземные и полуподземные склепы). Доказывать их принадлежность автохтонному населению вряд ли необходимо, ибо об этом мы уже говорили выше. Как показывают наблюдения лингвистов, это были племена, по языку отличающиеся от своих соседей. Рассматривая сходство и расхождения между дигорским и иронским диалектами осе-

³⁴⁸ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 110; его же; Древняя история Северного Кавказа, стр. 185, рис. 26 (конец).

тинского языка, В. И. Абаев приходит к выводу, что сходство идет преимущественно по линии иранской лексики, а расхождения — по линии неиранской³⁴⁹. Это свидетельствует о неоднородности кавказского языкового субстрата, легшего в основу дигорского и иронского диалектов³⁵⁰. «Субстратная среда была многоязычна, лингвистически раздроблена, в то время как иранская, будучи более единообразной и цельной, наложилась на первую как некое сближающее, унифицирующее начало, как язык межплеменного общения», — пишет В. И. Абаев³⁵¹. Возможной особенностью субстратного языка, легшего в основу дигорского, был формант *sk* или *šk*, отложившийся в топонимике Дигории и Балкарии³⁵².

При помощи сравнительно-исторического языкознания можно попытаться установить и гот древний этноним, под которым скрывается часть местного населения Осетии и Ингушетии в эпоху раннего средневековья. Как известно, большая часть осетинского народа относится к его ветви, называемой ирон. Сюда же примыкают и южные осетины-туальцы, говорящие на поддиалекте иронского³⁵³. Взятые вместе, они составляют $\frac{5}{6}$ осетинского народа. По заключению Н. Я. Марра и В. И. Абаева, специально исследовавшего термин «ирон» с историко-лингвистической стороны, последний не имеет ничего общего с иранским миром и представляет древнее местное этническое наименование³⁵⁴, существовавшее еще в доаланский период.

Это дает некоторые основания связать ав-

³⁴⁹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 119, 363.

³⁵⁰ Н. Я. Марр. *Ossetica-Iaphetica*. «Изв. Росс. акад. наук», т. XII, П, 1918, стр. 2077.

³⁵¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 121.

³⁵² Там же, стр. 289—290. Исследователь топонимики и гидронимики Осетии А. Д. Цагаева приводит около 40 необъяснимых из осетинского языка географических наименований Дигории, большая часть которых, вероятно, относится к древнейшему доаланскому населению Осетии. См. А. Д. Цагаева. Из топонимики и гидронимики Западной Осетии. ИСО НИИ, т. XXII, вып. I, Орджоникидзе, 1960, стр. 133.

³⁵³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 357, примеч. 2.

³⁵⁴ Там же, стр. 245—247, стр. 263, примеч. 2; Н. Я. Марр. Избранные работы, т. I, Л., 1933, стр. 328; В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I, 1958, стр. 47—48. В самое последнее время появилась статья Г. С. Ахвледиани, в которой делается попытка этимологизации термина «ирон» на основе иранского. См. Г. С. Ахвледиани. *Ossetica-Georgica*. ИСО НИИ, т. XXII, вып. I, Орджоникидзе, 1960, стр. 32—38.

тохтонное население восточного варианта с этнонимом «ирон», неизвестным по письменным источникам, но дошедшим до наших дней в самоназвании основной части осетин. Конечно, такое распространение термина «ирон» на все местное население условно, так как последнее не было сплошным и однородным массивом и включало в себя племена с другими наименованиями. Например, в верховьях р. Ардон и прилегающих районах обитали еще археологически не изученные двалы. Ироны, двалы и жившие к востоку от них племена кистов и дзурдзуков, по-видимому, были близки в этническом и языковом отношении и составляли одну группу родственных племен.

Иранский слой. На более западных территориях этот слой был нами определен как сармато-аланский. Применительно к восточному варианту эта картина несколько меняется. Сарматское культурное и этническое влияние наблюдалось также на территории восточного варианта. Об этом свидетельствуют как вещи сарматского происхождения из некоторых горных могильников (например, Корца)³⁵⁵, так и сарматские подкурганые, катакомбные и грунтовые могильники предгорий³⁵⁶. Но, в противоположность западному варианту сарматская иранизация здесь не была значительной. Главное значение во второй половине I — начале II тысячелетий н. э., несомненно, сыграла иранизация, связанная с аланами.

По свидетельству нового списка «Армянской географии», в области Ардоз, т. е. на территории Владикавказской равнины, жили аланы³⁵⁷. Это сообщение находит полное подтверждение в археологических материалах. Картографирование аланских катакомбных могильников показывает, что основная их масса приходится на территорию восточного варианта и в первую очередь Осетии (рис. 1). Хронологически они обнимают время с VII по XII вв. Можно без преувеличения сказать, что центр тяжести аланской миграции на Кавказе лежал в Осетии и прилегающих к ней райо-

³⁵⁵ МАК VIII, табл. XXIII, 12, табл. XXV, XXVI, XXVII.

³⁵⁶ ОАК за 1898 г., стр. 160—161; Е. И. Крупнов. Археологические памятники Ассинского ущелья. Тр. ГИМ, вып. XII, стр. 185—186; Археологические исследования в РСФСР 1934—1935 гг., стр. 246; С. С. Куссаева. Археологические находки последних лет в Северной Осетии. ИСО НИИ, т. 19, Орджоникидзе, 1957, стр. 184.

³⁵⁷ Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Перев. К. Патканова, стр. 30.

нах. Проникновение больших масс алан именно в Осетию, очевидно, было связано с необходимостью овладения главным проходом через центральную часть Кавказского хребта — Дарьяльским ущельем. Дарьяльский проход был жизненно необходим для алан, осуществлявших через него мирные и военные сношения с Закавказьем. По-видимому, поэтому территория Осетии и Ингушетии и была наиболее притягательной для аланской экспансии.

Обращает на себя внимание тот факт, что в пределах Осетии и Ингушетии катакомбные могильники встречены не только на плоскости и в предгорьях, но и в глубине горных районов. Местами они близко подходят к Главному Кавказскому хребту (например, могильники в Камунте, Садоне, Архоне, Гоусте). В других районах Северного Кавказа такого глубокого проникновения аланских катакомб в глубь гор не наблюдается (рис. 1). Не подлежит сомнению, что носители катакомбного обряда погребения — аланы, внедрившись большой массой в иронское население, оказали на него огромное культурное и языковое влияние. Здесь мы вплотную подходим к сложнейшей проблеме происхождения осетин.

О происхождении осетинского народа. Проблеме этногенеза осетин можно осветить и археологически, если полностью учесть, что катакомбные могильники принадлежат иранцам-аланам, а каменные ящики и склепы — кавказцам. Этническая принадлежность катакомбных могильников аланам в настоящее время не вызывает особых сомнений и признана.

Антропологические материалы полностью подтверждают это положение. По заключению Г. Ф. Дебеца, погребения в каменных ящиках Харха дали в основном брахикранный тип черепов, в то время как Дуба-юртские катакомбы дали резко выраженный долихокраний тип, идентичный основному типу Верхне-Салтовского катакомбного могильника на Украине. Эти могильники указывают на существование на Северном Кавказе во второй половине I — начале II тысячелетия двух европеоидных типов. Первый из них (Харх) может быть связан с местным населением предшествующих эпох, второй (Дуба-юрт) может быть пришлым с севера, из степей Южной России или Украины³⁵⁸. Ранее к выводу о том, что черепа из раннесредневековых могил Осетии «не

принадлежат особам одного племени и являются значительно смешанными», пришел А. А. Ивановский³⁵⁹.

Эти исходные позиции дают ключ к пониманию этногенеза основной части осетин-иронцев. По вопросу о происхождении осетин в литературе высказывались различные мнения. Ю. Клапрот полностью отождествлял их с аланами³⁶⁰, В. Ф. Миллер и М. И. Ростовцев допускали возможность смешения алан с «иранскими племенами»³⁶¹, В. И. Абаев различает два слоя: кавказский, субстратный и пришлый, иранский³⁶². Таковы наиболее серьезные научные положения об этногенезе осетин, высказанные в исторической и историко-лингвистической литературе. Кроме того, существовали другие точки зрения. П. Бутков считал осетин потомками невров³⁶³, И. И. Пантюхов был сторонником «европейского» происхождения алан и осетин³⁶⁴, И. А. Гильденштедт утверждал, что осетины — остатки полонцев³⁶⁵, В. Б. Пфаф считал, что осетины образовались из смешения арийцев с семитами³⁶⁶, а Г. Д. Филимонов пытался даже связать осетин с «этрусками»³⁶⁷. А. Гакстгаузен считал осетин германцами-готами, разбитыми гуннами и оставшимися в горах Кавказа³⁶⁸. На германистских позициях стоял и К. Ган³⁶⁹. В новейшее время теория о «германском» происхождении осетин культивируется на неонацистской почве в Западной Германии. Так,

³⁵⁹ А. А. Ивановский. Черепа, добытые в описанных могильниках. МАК VIII, стр. 359.

³⁶⁰ J. Klapproth. Memoire dans lequel on prouve l'identité des Ossètes...

³⁶¹ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, стр. 96; М. И. Ростовцев. Эллинизация и иранство на юге России. П., 1918, стр. 129.

³⁶² В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь..., стр. 109—122.

³⁶³ Протоколы Подготовительного комитета V АС в Тифлисе. М., 1880, стр. 96.

³⁶⁴ И. И. Пантюхов. О кумыках. Антропологический очерк. Тифлис, 1895, стр. 10—11.

³⁶⁵ И. А. Гильденштедт. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа..., стр. 39.

³⁶⁶ В. Б. Пфаф. Этнологические исследования об осетинах. ССК, т. II, Тифлис, 1872, стр. 101 сл.

³⁶⁷ Л. П. Загурский. По поводу предположения о родстве древних этрусков с осетинами. ИКОИРГО, т. VI, Тифлис, 1879—1881, стр. 22—26.

³⁶⁸ А. Гакстгаузен. Закавказский край, ч. II, СПб., 1857, стр. 117.

³⁶⁹ К. Н а h n. Neue Kaukasische Reisen und Studien. Leipzig, 1911. Развернутая критика теории «германского» происхождения осетин принадлежит Г. Коккиеву, См.: Г. Коккиев. Об одной фашистской фальсификации истории осетин. ИЖ, кн. 2—3. 1944, стр. 43—47.

³⁵⁸ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, М.—Л., 1948, стр. 273—276.

видный западногерманский историк Ф. Альтгейм считает алан-осетин готами, находящимися в тесных связях с германцами и целиком германизованными³⁷⁰.

Новейшая советская работа, посвященная этногенезу осетин, принадлежит Е. И. Крупнову³⁷¹. Концепция, предложенная им, основательна и хорошо отражает те данные, которые имеются в распоряжении археологии. Разделяя основные положения этой концепции, мы попытаемся несколько дополнить и развить ее в некоторых направлениях. Этногенез осетинского народа рисуется нам в следующих основных чертах.

В начале I тысячелетия н. э. на территории современной Осетии обитала группа родственных автохтонных племен, генетически связанных с носителями позднекобанской культуры конца I тысячелетия до н. э.³⁷² Выше мы условно назвали их иронами. Это были оседлые земледельческо-скотоводческие племена с богатыми традициями в металлургии. Автохтонность этих племен подтверждается не только местными кавказскими типами погребального обряда, но и преемственностью основных форм материальной культуры³⁷³. Иронские племена говорили на особом наречии древнейшего иберо-кавказского языка³⁷⁴. Занимая географически выгодное положение в центре Кавказского хребта, у Дарьяльского прохода, эти племена издавна были втянуты в оживленные межплеменные связи с северными и южными соседями. Поэтому они должны были быть хорошо известны этим соседним племенам.

В первых веках нашей эры иронские племена вступают в контакт с сарматскими племенами, продвинувшимися в степи Северного

Кавказа из Северного Прикаспия³⁷⁵. По-видимому, тогда же в среде этих сарматских племен появляются аланы, исходной территорией которых могла быть область Яньцай-Аланья между Аралом и Каспием³⁷⁶. В результате этого контакта продолжается постепенная иранизация местного населения, начавшаяся еще в скифскую эпоху, во время походов скифов в Переднюю Азию через Кавказ³⁷⁷. Но эта иранизация, продолжавшаяся и позже в сарматскую эпоху, еще не носила интенсивного характера и, по-видимому, не была значительной.

После гуннского нашествия в конце IV в. огромная масса алан передвинулась из Прикаспия и Поволжья в Предкавказье. Центр тяжести аланской миграции пришелся в силу объективных исторических причин на территорию Северной Осетии. Началось настоячивое продвижение алан в глубь Кавказского хребта, по направлению к основным перевальным путям. Процесс аланской инфильтрации приобрел чрезвычайно интенсивный характер. Об этом говорит тот факт, что аланские катакомбы сплошь и рядом встречаются в окружении местных типов могил — каменных ящиков, склепов. Несомненно, что на одной и той же территории, в пределах одних и тех же поселков сосуществовали бок о бок длительное время ираноязычные аланы и кавказцы-ироны. Это длительное сосуществование племен разного происхождения говорит о мирном характере их взаимоотношений. Численное соотношение иронов и алан вряд ли можно выяснить, но ясно, что удельный вес последних был значительным³⁷⁸. Соответственно должны были сосуществовать в течение длительного промежутка времени и два языка — кавказский иронский и аланский. Сосуществование кавказцев и алан на одной территории привело к ассимиляции алан и их растворению в иронской среде. Процесс этнической ассимиляции алан отражен в археологических памятниках.

³⁷⁰ F. Altheim. Attila und die Hunnen. Baden — Baden, 1951, S. 65.

³⁷¹ Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин и других народов Северного Кавказа. Сб. «Против вульгаризации марксизма в археологии». М., 1953, стр. 155—164.

³⁷² Е. П. Алексеева. Поздне-кобанская культура Центрального Кавказа. УЗ ЛГУ, вып. 13, № 85, Л., 1949, стр. 191 сл.

³⁷³ Ю. Готье. Железный век в Восточной Европе..., стр. 58, 60—61; Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин..., стр. 158—159. Глубокую древность иронской группы, имеющей свою «особую» историю, подчеркивает Е. Г. Пчелина. См.: Краткий историко-археологический очерк страны Ирон-Хусар (Юго-Осетия). Сб. «Материалы по изучению Грузии», серия I, вып. I, Тифлис, 1925, стр. 236.

³⁷⁴ Доклад В. И. Абаева на научной сессии в Нальчике в июне 1959 г. «Вопросы истории», 1959, № 12, стр. 180.

³⁷⁵ К. Ф. Смирнов. Сарматские племена Северного Прикаспия. КСИИМК, вып. XXXIV, 1950, стр. 97 сл.

³⁷⁶ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 150, 229.

³⁷⁷ Е. И. Крупнов. Об этногенезе осетин..., стр. 158; его же: О походах скифов через Кавказ. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954, стр. 186 сл.

³⁷⁸ Фантастические подсчеты В. Б. Пфафа, насчитывавшего несколько миллионов алан, конечно, не имеют ничего общего с действительностью. См. В. Б. Пфаф. Материалы для древней истории осетин. ССКГ, вып. IV, Тифлис, 1870, стр. 23.

Почти все катакомбные могильники на территории Осетии приходятся на период VI—IX вв. Это был период наиболее интенсивного проникновения алан в предгорья и горы Центрального Кавказа.

Катакомбные могильники, датируемые временем позже IX в., в горных ущельях неизвестны. Исчезновение катакомбных могильников к X в., по-видимому, свидетельствует о том, что к этому времени аланы были ассимилированы и утратили характерный для них погребальный обряд, так же как и ряд особенностей материальной культуры³⁷⁹. Однако, потеряв свои основные этнографические признаки и физически растворившись в местной среде, аланы в свою очередь оказали на нее сильное влияние, выразившееся в изменениях в области языка. Иранский язык, на котором говорили аланы, вошел как важнейшая составная часть в иронское наречие осетинского языка. В связи с этим можно предполагать, что процесс сложения современного иронского наречия в основном был завершен к X в.

В предгорьях и на равнине исторический процесс шел несколько иначе. Судя по катакомбным могильникам XI—XII вв. (Змейскому и Кисловодскому), аланы на плоскости оказались более устойчивыми и сохранили все свои этнографические признаки вплоть до нашествия татар.

Таким образом, к X в. в основном, по-видимому, завершился процесс этнического оформления ядра современного осетинского народа — иронцев. В основу его легло автохтонное доаланское население, обладавшее чисто кавказской культурой. Оно сохранило свое древнее наименование, ставшее самоназванием осетин, — «ирон», а культура этого населения составила один из главных элементов позднейшей национальной культуры осетин. Глубокая преемственная связь хорошо ощущается как в предметах недавнего быта осетин (например, в Северо-Осетинском музее краеведения хранится железный светильник XVIII—XIX вв., украшенный изображениями животных, совершенно одинаковыми по стилю с подобными фигурами животных кобанской

³⁷⁹ Трудно согласиться с Е. П. Алексеевой в том, что для алан характерен погребальный обряд не только в катакомбах, но и в каменных ящиках и гробницах — см.: Е. П. Алексеева. Материалы к древнейшей и средневековой истории адыгов-черкесов. ГЧНИИ, т. II, стр. 225. Это может относиться только к аланам в самом широком собирательном значении этого термина. Для «собственно» алан, а как уже говорилось выше, характерен погребальный обряд в катакомбах.

культуры), так и в народной осетинской орнаментике³⁸⁰.

Кавказская основа осетин и основные линии их этногенеза выражены также в составе осетинского языка. По наблюдениям В. И. Абаева, иранский элемент в осетинском составляет лишь 20%; еще 20% составляют заимствования из арабского, тюркского и грузинского. Остальные 60% еще не подверглись достаточному анализу, но можно полагать, что этот материал относится к субстратной кавказской общности³⁸¹. Следовательно, кавказский элемент в осетинском языке является доминирующим и поэтому осетины — иранизированные автохтонные обитатели Кавказа, а не пришедший откуда-то с севера народ.

В свете изложенных фактов можно понять, почему дигорское наречие архаичнее иронского. Как мы говорили выше, это связано с его сарматским «возрастом», а также с особенностями языка местного субстрата. Иранский же состав иронского диалекта намного моложе по своему происхождению, так как он связан с более поздней и мощной иранизацией во второй половине I тысячелетия н. э. Многовековая разница во времени внедрения этих наречий в горы Кавказа, по-видимому, была главным фактором, обусловившим особенности иронского и дигорского наречий.

Таким представляется нам этногенез иронской группы осетин³⁸², взятый в самых общих чертах. О происхождении другой группы осетин — дигорцев — было сказано выше. Если говорить о происхождении осетин в целом, то можно полагать, что дигорцы и иронцы сформировались на разнородном кавказском субстрате в результате включения в него разно-

³⁸⁰ К. А. Берладина. Орнамент народной вышивки Северной Осетии. Автореферат. Тбилиси, 1958 стр. 9.

³⁸¹ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор, стр. 103.

³⁸² По мнению Р. М. Мунчаева и В. И. Марковина, остается неясным, почему избежали иранизации древние племена Северо-Западного Кавказа, испытывавшие сильное влияние скифо-сарматской культуры (СА, 1959, № 2, стр. 269). Выше мы попытались показать, что это не совсем так. Сарматское влияние не прошло бесследно, свидетельством чего является бытующий и сейчас дигорский диалект. В древности он, очевидно, покрывал и верхнее Прикубанье. Однако в Прикубанье скифо-сарматская иранизация не была продолжена и развита в раннем средневековье со стороны алан, как это было на территории Центрального Кавказа, и племена Северо-Западного Кавказа не были иранизованы в языковом отношении. Сарматская иранизация в среднем и нижнем Прикубанье не была настолько интенсивной, чтобы изменить язык местного населения.

характерного и разновременного сармато-аланского этнического компонента.

Таким образом, мы должны признать, что осетины в своей основе являются коренным кавказским народом, издревле жившим в своей стране. Несмотря на иранскую природу речи осетин, они всегда были кавказскими по своему происхождению племенами³⁸³, не отличаясь и в антропологическом отношении от других народов Кавказа³⁸⁴.

Этническое наименование «осы», «овсы». Кратко остановимся на этническом наименовании «осы», «овсы». Этот термин грузинского происхождения, введенный в историографию грузинскими хрониками и существующий в них вплоть до XVIII в.³⁸⁵, вероятно, связан с этнонимом «асы». В таком случае он был в значительной степени собирательным. В позднейшее время в грузинской транскрипции этноним «овсы» — «овсети» связывался только с населением нынешней Осетии и был воспринят русскими (овсети-осети — осетины). Сами осетины никогда себя так не называли. Очень ха-

рактерно, что хорошо осведомленный автор нового списка «Армянской географии» также не знает осов-овсов, но называет дигоров, алан и двалов. Ни один кавказский народ, кроме грузин и абхазов, не называл население Осетии овсами или осами³⁸⁶. Поэтому современных осетин нельзя полностью отождествлять с асами, как нельзя их отождествлять с аланами³⁸⁷. Прав был Б. Е. Деген-Ковалевский, писавший, что «термины алан и ос и стоящие за ними этнические образования совсем не полностью совпадают и искони существуют параллельно, с разным этническим и социальным содержанием в разные исторические периоды»³⁸⁸. «Осы» грузинских летописей были лишь большей или меньшей частью обширного аланского племенного союза и раннефеодального государственного образования. Можно полагать, что этим этническим наименованием покрывались (в грузинских источниках) только племена центральной части Северного Кавказа.

³⁸³ Н. Я. Марр. Племенной состав населения Кавказа. П., 1920, стр. 24.

³⁸⁴ Г. Ф. Дебец. Ук. соч., стр. 282; К. Х. Беслекоева. Краниология осетин и происхождение осетинского народа. ИСО НИИ, т. XIX, Орджоникидзе, 1957, стр. 211.

³⁸⁵ Вахушти. География Грузии. СМОМПК, вып. XXII, Тифлис, 1897, стр. 65 сл.; Г. С. Ахвледиани. Ук. соч., стр. 29.

³⁸⁶ А. М. Дирр. Современные названия кавказских племен. СМОМПК, вып. XXXX. Тифлис, 1909, стр. 26; Н. Марр. Абхазско-русский словарь. Л., 1926, стр. 21.

³⁸⁷ З. Н. Ванеев. Средневековая Алания, стр. 6—7 сл.

³⁸⁸ Б. Е. Деген-Ковалевский. Аланы в системе хозарского объединения. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства (макет), ч. III—IV, стр. 446.

Глава пятая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ. АЛАНЫ И АСЫ

1. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ АЛАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Выше мы попытались показать, что аланская культура Северного Кавказа не была однородной и состояла из трех крупных локальных вариантов, соответствующих конкретным этническим образованиям. Каково происхождение этих трех больших этнических групп, столь устойчиво сохранивших на протяжении веков свои основные признаки?

При таких обстоятельствах естественно считать, что подобная устойчивость основных форм материальной культуры должна иметь серьезную основу и прежде всего глубокие исторические традиции. Так и было в действительности. Существование локальных вариантов в аланской культуре обусловлено неоднородностью местной кавказской среды. Поэтому в данном случае мы должны иметь в виду именно те памятники, которые принадлежали этой местной среде — каменные ящики, склепы, гробницы и т. д. Катакомбные могильники по своему происхождению с Кавказом не связаны и являются типом могил, принесенным извне.

Основой выделения локальных вариантов аланской культуры Северного Кавказа послужили могильные сооружения, выполненные из камня. Это наземные гробницы, подземные и дольменообразные склепы (западный вариант), подземные склепы (центральный вариант), каменные ящики, подземные и полуподземные склепы (восточный вариант). По существу, все их можно объединить в две большие группы — склепы и каменные ящики. Для горного Кавказа чрезвычайно харак-

терны как склепы, так и каменные ящики, составляющие неотъемлемую часть его культуры. Появившись еще в эпоху энеолита и бронзы, в III—II тысячелетиях до н. э., они широко бытуют вплоть до XIX в., т. е. на протяжении четырех тысяч лет. Следовательно, склепы и каменные ящики в условиях Северного Кавказа являются глубоко исконными и традиционными типами могильных сооружений, необычайно устойчивыми во времени. Они являются археологическим отражением такой же устойчивой местной кавказской этнической среды.

Наличие в общей массе могильных сооружений нескольких локальных групп памятников, несомненно, свидетельствует об относительной неоднородности этой кавказской среды, о существовании в ней нескольких различных этнических групп. За каждым из трех намеченных локальных вариантов аланской культуры мы вправе усматривать довольно большую группу древнего населения, объединенную общностью материальной и духовной культуры и, по-видимому, общностью языка. Но можно ли проследить истоки локальных вариантов и, следовательно, истоки намечаемых трех больших этнических групп Центрального Кавказа в более ранние эпохи?

Новейшие исследования советских археологов дают возможность говорить о локальных различиях в культуре Кавказа, начиная с самой глубокой древности.

Уже в эпоху энеолита культура Северного Кавказа не была однородна и состояла, по-

видимому, из нескольких групп памятников¹. Однако применительно к энеолиту этот вопрос еще недостаточно разработан, в первую очередь из-за ограниченности археологического материала.

Более определенная картина вырисовывается в последующую эпоху бронзы. Существенное исследование северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. было недавно завершено В. И. Марковиным. На основании анализа большого археологического материала В. И. Марковин пришел к выводу о неоднородности так называемой северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. и о наличии в ней трех крупных локальных вариантов: прикубанского, центрального и восточного (Осетия и Чечено-Ингушетия)². Для прикубанского локального варианта северокавказской культуры характерны грунтовые могилы, зачастую перекрытые деревом. Ареал этого варианта — бассейн р. Кубань, среднее течение и верховья вплоть до Эльбруса. Территория центрального варианта включает в себя Пятигорье, Кабардино-Балкарию и Осетию. В пределах этого варианта В. И. Марковин различает две группы памятников — кабардино-пятигорскую и дигорскую. Для первой характерны каменные ящики и склепы, сложенные из массивных плит; могильные сооружения второй группы многообразнее. Это каменные ящики, склепы, ямы с перекрытиями из камня или дерева, использование деревянных конструкций. Восточная граница этого варианта прослеживается по течению р. Ассы. Далее, на территории Чечено-Ингушетии и плоскостной части Северного Дагестана, В. И. Марковин намечает восточный вариант северокавказской культуры, характеризующийся теми же типами могильных сооружений, что и центральный локальный вариант. Следует отметить, что на территории центрального варианта северокавказской культуры позже возникает широко известная кобанская культура³.

Кобанская культура, занимавшая большую часть Северного Кавказа, — от верховьев Ку-

бани до Дагестана⁴ — хронологически охватывает все I тысячелетие до н. э.⁵ Как показывают последние исследования, кобанская культура также не была однородной и делилась на ряд локальных вариантов. Локальные варианты кобанской культуры первой половины и середины I тысячелетия до н. э. намечены Е. И. Крупновым. Как пишет Е. И. Крупнов, «современный опыт изучения кобанской культуры позволяет на территории центральной части Северного Кавказа выделить три крупных района концентрации памятников этой культуры... западную группу (Кабардино-Пятигорье, до верховьев Кубани), центральную (Северная Осетия и прилегающие к ней районы) и восточную группу (Чечено-Ингушская АССР)»⁶.

Западная группа кобанских памятников характеризуется преобладанием почти квадратных в плане гробниц. Для центральной группы характерны вытянутые прямоугольные каменные ящики. Могилы восточного варианта кобанской культуры — это грунтовые ямы, иногда заваленные булыжником (типа Лугового, Нестеровского и других могильников)⁷.

Такова краткая характеристика локальных вариантов древнейших культур Северного Кавказа, доведенная до середины I тысячелетия до н. э. Далее следует почти тысячелетний разрыв, объясняемый слабой изученностью позднекобанских памятников и особенно памятников сарматского времени Северного Кавказа. Применительно к этому периоду мы не можем говорить о локальных вариантах северокавказской культуры; особенно темным и неясным представляется время с III—I вв. до н. э. по III—IV вв. н. э. Правда, Е. П. Алексеева в своей работе, посвященной позднекобанской культуре Центрального Кавказа, делит эту культуру на две локальные группы памятников — западную и восточную⁸. Западная группа памятников, по Е. П. Алексеевой, локализуется в Дигории, восточная группа — в Тагаурии и Куртатии. Таким образом, в поле зрения Е. П. Алексеевой находятся исключительно позднекобан-

⁴ Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры. СА, 1957, № 1, карта на стр. 61.

⁵ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура Центрального Кавказа. УЗ ЛГУ, серия исторических наук, вып. 13, стр. 191 сл.

⁶ Е. И. Крупнов. Новые данные по археологии Северного Кавказа. СА, 1958, № 3, стр. 110.

⁷ Е. И. Крупнов. Древняя история Северного Кавказа, стр. 181 сл., рис. 26 (карта).

⁸ Е. П. Алексеева. Позднекобанская культура..., стр. 193—194 и сл.

¹ Р. М. Мунчаев. Проблема взаимоотношений древнейших культур Закавказья и Северного Кавказа. Доклад, прочитанный на заседании первобытного сектора ИА АН СССР 31 мая 1958 г.

² В. И. Марковин. О границах и локальных вариантах культуры племен Северного Кавказа в эпоху бронзы. УЗ КБНИИ, т. XVI, стр. 182 сл.

³ Е. И. Крупнов. К вопросу о хронологии кобанской культуры. УЗ КНИИ, т. I, 1946, стр. 158; В. И. Марковин. О границах и локальных вариантах, стр. 158.

ские памятники Осетии. Позднекобанские памятники более западных и восточных районов ею не исследовались, да они почти и неизвестны. Поэтому мы не имеем еще широкой и более или менее ясной картины исторического процесса на всей территории Центрального Кавказа, от верховьев Кубани до Дагестана, в рассматриваемое время. Исследование позднекобанской культуры именно в таком широком плане, по-видимому, выявило бы иное количество локальных вариантов и иное их соотношение.

Таким образом, с сожалением приходится констатировать, что недостаточно разработан как раз тот материал, который наиболее близок нашей теме по времени и который мог бы внести наибольшую ясность в вопрос о происхождении локальных вариантов аланской культуры. Поэтому, естественно, остается место для сомнений и неясностей, а нам приходится ограничиться посильным использованием лишь тех положений, которые уже разработаны В. И. Марковиным и Е. И. Крупновым.

Локальные варианты северокавказской культуры II тысячелетия до н. э. вряд ли имеют прямое отношение к интересующей нас теме. Это объясняется не только тем, что эта культура отделена от изучаемого нами времени, очень большим хронологическим промежутком, но и прежде всего самим характером локальных вариантов северокавказской культуры. На основе трех локальных вариантов северокавказской культуры возникли и развились три крупные самостоятельные археологические культуры I тысячелетия до н. э.: прикубанская, кобанская и отчасти каякентско-хорочоевская. Поэтому в локальных вариантах северокавказской культуры нельзя усматривать даже отдаленных истоков локальных вариантов аланской культуры, так как они гораздо шире. Но хотя северокавказская культура и ее варианты прямо не связываются с аланской культурой, центральный вариант северокавказской культуры представляет для нас определенный интерес, поскольку с ним связан генезис кобанской культуры. В данном случае важно то, что в центральном варианте северокавказской культуры прослеживаются две разные группы памятников: кабардино-пятигорская и дигоро-осетинская. Если это так, то можно заключить, что кобанская культура возникла и развивалась отнюдь не на единой и однородной культурной основе. Кабардино-пятигорская и дигоро-осетинская

группы памятников северокавказской культуры, по-видимому, были тем фундаментом, на котором позже сформировались западный и центральный варианты кобанской культуры. Установление возможности такой преемственности для нас чрезвычайно важно.

Значительно ближе к нам по времени локальные варианты кобанской культуры. Это та эпоха, в которую уже вполне ощутима этническая подоснова средневековых и через них современных народов Северного Кавказа и их культуры⁹. Поэтому в локальных вариантах кобанской культуры, выделенных Е. И. Крупновым, можно уже по праву видеть отдаленные истоки локальных вариантов аланской культуры. В пользу этого говорят следующие соображения.

1. Из локальных вариантов кобанской культуры не развились самостоятельные археологические культуры, как мы это видим во II тысячелетии до н. э. Значит, кобанская культура вплоть до позднего времени сохранила свою основу и этническое содержание.

2. Территория кобанской культуры очень близко совпадает с территорией аланской культуры.

3. Ареалы отдельных локальных вариантов кобанской культуры в основном соответствуют ареалам локальных вариантов аланской культуры.

4. Типы могильных сооружений, характерных для западного и центрального вариантов кобанской культуры (гробницы квадратные в плане, четырехугольные удлиненные каменные ящики), близки по конструкции могильным сооружениям эпохи раннего средневековья. Генетическая связь между ними очевидна.

Следовательно, более или менее определенно можно говорить о происхождении центрального и восточного вариантов, связанных генетически с соответствующими вариантами кобанской культуры. Что же касается западного варианта аланской культуры, то его а priori можно связать с восточной группой памятников прикубанской культуры¹⁰. Но это последнее соображение еще целиком находится в области предположений, и решение его зависит от дальнейшего изучения прикубанской культуры I тысячелетия до н. э.

⁹ Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды, стр. 93; его же. Древняя история Северного Кавказа, стр. 9.

¹⁰ А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки..., стр. 121.

2. АЛАНЫ И АСЫ

Кратко остановимся на очень сложном вопросе о характере и соотношении терминов «аланы» и «асы» и попытаемся выявить их реальное историческое содержание и связь в рамках Кавказа.

Происхождение этнических наименований «аланы» и «асы» окончательно не выяснено. Существует мнение, основанное на сведениях Аммиана Марцеллина и комментариях Евстафия к «Землеописанию» Дионисия Периегета, о том, что имя «аланы» происходит от названия горного хребта на Алтае¹¹. Г. Вернадский связывает термин «алан» с индоевропейским «елен» (олень), считая оленя эмблемой алан¹². По мнению В. И. Абаева возможна связь наименования «алан» с древнеиранским «ариана»¹³.

Таковы наиболее интересные в научном отношении версии о происхождении наименования аланы¹⁴.

Происхождение другого этнического наименования «асы» лингвистами считается невыясненным. Существует мнение о связи его с авестийским «асу» — быстрый, проворный¹⁵. Другую этимологию предлагает В. Ф. Минорский, считающий, что термин «ас» посредством промежуточной формы «арс» связан с сарматским племенным наименованием «арсы»¹⁶.

Нам кажется, что оба приведенные объяснения заслуживают внимания и не исключают одно другое. Впрочем, здесь единственно верное заключение должны сделать лингвисты.

Этническое наименование аланы впервые в европейских письменных источниках появилось в I в. н. э. (Лукан, Сенека, Иосиф Флавий). Последний его связывает с северо-

кавказской равниной¹⁷. По мнению Дегиня¹⁸, основанному на китайских династических хрониках¹⁹, аланы со II в. стали известны китайцам. Правда, Э. Бретшнейдер отнесся к выводам Дегиня с большой осторожностью²⁰, однако точка зрения о тождестве А-лань-на Хоу-хань-шу с аланами в настоящее время разделяется почти всеми учеными²¹. Таким образом, в I—III вв. источники приурочивают термин «аланы», с одной стороны, к Северокавказской равнине, с другой стороны, к области Яньцай, расположенной, по одним авторам, в Приаралье²², а по другим — на обширной территории от северного Прикаспия до Кангюя (Хорезма)²³.

Одновременно с аланами в письменных источниках первых веков нашей эры появляется этноним «асы». В различных источниках их имя звучит по-разному. Это аттасии (Αττασιοι) Страбона, апасиаки (Απασιακῆαι) Страбона и Полибия, ассее (Ασσειαι) Стефана Византийского. Локализация апасиаков-асов в первой половине I тысячелетия н. э. в пределах узко ограниченной территории маловероятна, хотя Ю. Кулаковский и Томашек пытались поместить их выше излучины Дона²⁴, а А. Д. Удальцов — у Тилигульского

¹⁷ Иосиф Флавий. О войне иудейской. В. В. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. 1, вып. 2, СПб., 1896, стр. 484.

¹⁸ I. de Guignes. Histoire des Huns, Turcs, Mongols et autres Tartares occidentaux, t. II, Paris, 1758, p. 279.

¹⁹ Сводку см. А. И. Иванов. История монголов (Юань-ши) об асах-аланах. «Христианский Восток», т. II, вып. III, СПб., 1914, стр. 282.

²⁰ Э. Бретшнейдер. Русь и Асы на военной службе в Китае. «Живая старина», вып. I, СПб., 1894, стр. 71.

²¹ A. Wylie. Notes on the Western Regions. «Journal of the Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», t. X, 1881, стр. 44. Ф. Хирт и Г. Вернадский предлагают чтение An-ts-ai. Отсюда последний пытается Яньцай связать с аланами-антами. См.: F. Hirth. The story of Cang K'ien. JAOS, t. 37, 1917, p. 96. G. Verнадский. On the Origins of the Antae, JAOS, vol. 59, 1939, p. 60.

²² В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII века. ИТОИРГО, т. IV, вып. II, Ташкент, 1902, стр. 20—23.

²³ Н. Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М.—Л., 1950, стр. 150, примеч. 6; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 20.

²⁴ Ю. Кулаковский. Карта Европейской Сарматии по Птолемию. Киев, 1899, Paulus R. E., т. II, 1896, стр. 1514.

¹¹ J. Charpentier. Die ethnographische Stellung der Tocharer. ZDMG, Bd. 71, 1917, S. 361.

¹² G. Verнадский. Sur l'origine des Alains. «Byzantion», vol. XVI, N. 1, Boston, 1944, p. 82.

¹³ В. И. Абаев. Осетинский язык и фольклор..., стр. 246.

¹⁴ Есть и другие точки зрения, не представляющие научного интереса. Так, Леон Каен полагал, что имя алян пришло от римлян или турок. См. Leon Cahen. Introduction a l'histoire de Asie Turcs et Mongols. Paris, 1896, p. 100.

¹⁵ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, ч. III, стр. 7, 38; Г. С. Ахвледиани. Ук соч., стр. 32.

¹⁶ V. Minorский. A History of Scharvan and Darband in the 10—11 Centuries. p. 107, 147.

лимана²⁵. Одновременно с Восточной Европой асы длительное время находились в Средней Азии. Здесь, а также в степях Прикаспия и Южного Приуралья находилась территория, на которой в среде савромато-сарматского племенного объединения издревле существовали племена, выступавшие в начале нашей эры под именем алан и асов. По мнению В. Тарна, в состав массагетской конфедерации племен входили дербики, аугасии или аугалы, аттасии, апасиаки и хорасмии²⁶. К этому мнению присоединяется С. П. Толстов²⁷. Следовательно, асы по своему происхождению связываются с массагетами и территорией Средней Азии и Приуралья. С другой стороны, это положение поддерживается господствующей еще со времени Дегиня и В. Григорьева до сегодняшнего дня точкой зрения, согласно которой усунь китайских источников идентичны асианам — асам античных писателей²⁸. А. Н. Бернштам, разделявший эти предположения, считал, что асы-асии — это исседоны, восточная ветвь массагетов²⁹. Мнение А. Н. Бернштама не выходит за рамки теории массагетского происхождения асов.

Существует аналогичная теория массагето-сарматского происхождения алан³⁰, основанная на данных письменных источников³¹ и обширных лингвистических и археологических материалов. Эта теория является наиболее аргументированной, хотя и не единственной. Существует также теория кавказского происхождения сармато-алан, первые признаки которой проскальзывают еще в известном труде Ю. А. Кулаковского³². В наше время некото-

рые ученые, последователи Н. Я. Марра, отрицая принадлежность сарматского языка к североиранской языковой группе, считали Кавказ прародиной сарматов. Наиболее полное выражение теория кавказского происхождения сарматов нашла в одной из работ крупного грузинского историка И. А. Джавахишвили, который считал, что «имя сауромат, сармат и сюрмат могло быть собирательным именем только адыгейско-чеченских и лезгинских племен»³³. Не останавливаясь на этом, И. А. Джавахишвили далее пытался установить генетическое родство сарматов с грузинами³⁴. По существу, те же взгляды развивал и Л. А. Мацулевич. Сарматы и абхазы им сближались не только по языку, но и по материальной культуре; считая сармато-алан исконными автохтонами Кавказа, Л. А. Мацулевич писал, что предполагаемый приход алан в северокавказские области не оправдывается археологическими материалами³⁵.

Вряд ли эту теорию стоит подвергать специальной критике, ибо ее несостоятельность доказана всем ходом современного развития науки³⁶. Хорошо известно, что скифы, сарматы и аланы были носителями именно иранской речи в Северном Причерноморье и на Кавказе. отождествление сармато-алан с адыго-чечено-лезгинами и абхазами настолько проблематично, что вообще лежит вне науки. Что же касается мнения Л. А. Мацулевича о том, что приход алан на Северный Кавказ не оправдан археологическими материалами, то нужно заметить, что эти материалы рисуют как раз противоположную картину — массовую миграцию сармато-алан на Северный Кавказ (см. гл. I).

Разделяя взгляды на массагето-сарматское происхождение алан, мы тем самым должны локализовать их не только в Юго-Восточной Европе, но и в Средней Азии³⁷, где они, кстати сказать, приняли участие в этногенезе

²⁵ А. Д. Удальцов. Племена Европейской Сарматии II в. н. э. СЭ, 1946, № 2, стр. 46.

²⁶ W. W. Tarn. The Greeks in Bactria and India. Cambridge, 1938, p. 80—81., Paulus R. E., t. XXVIII, 1930, p. 2127.

²⁷ С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 244.

²⁸ Там же, стр. 245, примеч. 2.

²⁹ А. Н. Бернштам. К вопросу об усунь II кушан и тохарах. СЭ, 1947, № 3, стр. 43—45.

³⁰ В. Ф. Миллер. Осетинские этюды, стр. 110; Paulus R. E., t. I, 1894, p. 1282; E. Taubler. Zur Geschichte der Alanen. «Klio», t. IX, Leipzig, 1909, p. 14 сл.; М. И. Ростовцев. Эллинизм и иранство на юге России. П., 1918, стр. 128 сл. G. Vernadsky. Sur l'origine des Alains. «Byzantion», vol. XVI, N 7, p. 81. Н. Я. Мерперт. О генезисе салтовской культуры. КСИИМК, вып. XXXVI, 1951, стр. 14 сл.

³¹ См., напр., Аммиан Марцеллин. История. В кн.: В. И. Латышев. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. II, вып. 2. СПб., 1906, стр. 331—339.

³² Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям классических и византийских писателей, стр. 13.

³³ И. А. Джавахишвили. Основные историко-этнологические проблемы истории Грузии, Кавказа и Ближнего Востока древнейшей эпохи. ВДИ, 1939, № 4, стр. 42.

³⁴ И. А. Джавахишвили. Там же, стр. 44.

³⁵ Л. А. Мацулевич. Аланская проблема и этногенез Средней Азии. СЭ, VI—VII, 1947, стр. 134 сл.

³⁶ Тем не менее она до последнего времени находит отражение в грузинской археологической литературе. См. Г. А. Ломтагидзе. Некрополь II века н. э. в Кдзее. Тбилиси, 1957, стр. 203—204.

³⁷ С. П. Толстов. Города гузов. СЭ, 1947, № 3, стр. 100.

туркмен³⁸. Письменные источники указывают на совместное обитание алан и асов в пределах Средней Азии вплоть до X в. «Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный из хорезмийского и печенежского», — писал о переселенцах из Хорезма к берегам Каспия Аль-Бируни³⁹. Можно полагать, что это были этнически близкие, но неоднородные образования, сформировавшиеся на основе общего сармато-массагетского субстрата. Но нам сейчас важно подчеркнуть другое — на основании письменных источников можно видеть, что аланы и асы с самого начала существуют параллельно, выступая как разные, но этнически близкие племена. Поэтому вряд ли был прав Я. Шарпантье, считавший что асии (усуни китайских источников) были предками позднейших алан⁴⁰.

Из приведенных выше сведений видно, что этнические термины «аланы» и «асы» появились в начале нашей эры и чрезвычайно быстро распространились на широкой территории Евразии⁴¹. Можно предполагать, что эта быстрота распространения указанных этнонимов и их «популярность» объясняются характером той среды, в которой они бытовали. Мы уже говорили об этнической близости племенных объединений, сформировавшихся на основе общего сармато-массагетского субстрата. Эта близость должна была быть важным фактором, способствующим быстрому распространению этнических наименований, ставших собирательными. Другим обстоятельством, которое могло ускорить этот процесс, был кочевой или полукочевой образ жизни, который вели рассматриваемые племена в первые века нашей эры. Он способствовал быстрому перенесению этнонимов на большие расстояния, да и сами их носители были весьма подвижны и быстро передвигались по степным просторам Евразии.

Применительно к Северному Кавказу можно наблюдать несколько иную картину. Если, начиная с Иосифа Флавия, алан локализируют в пределах Северокавказской равнины, то данных, говорящих о пребывании здесь асов в

первой половине I тысячелетия н. э., нет. Первое упоминание о них находим лишь в VII в. в новом списке «Армянской географии», помещающей асов (аш) рядом с аланами в горах Кавказа⁴². Начиная с IX—X вв. наименование асы все чаще появляется в письменных источниках⁴³, обычно рядом с наименованием аланы. В таком виде, но при различном соотношении эти два термина существуют в письменных источниках до XV в., а в пережиточных трансформированных наименованиях карачаевцев (аланы) и балкарцев (асы) — до новейшего времени. Рассмотрим некоторые характерные показания письменных источников, проливающие свет на соотношение алан и асов.

В письме неизвестного хазарского еврея X в. говорится, что царь хазар заключил союз с царем алан, так как царство алан было сильнее прочих народов. Когда «народы поднялись на хазар и пришли воевать царя Азии и турок», то аланы оказали хазарам помощь в борьбе с этими народами⁴⁴. Таким образом, аланы и асы не только противопоставлены друг другу, но и ведут борьбу между собой.

Четко отделяются аланы от асов во многих источниках XIII—XIV вв., повествующих о татаро-монгольском нашествии и Золотой Орде. Так, в «Тарихи-Гюзиде» (XIII в.) говорится, что хан Туши царствовал «над Хазарами, Булгарами, Саксином, Аланами, Асами, Руссами» и другими народами. Там же содержится указание на то, что Чингис-хан покорил Саксин, Асов, Русь, Аланов, Киргизов⁴⁵. Арабский автор XIII в. Джувейни, перечисляя края, покоренные Батыем, называет земли кипчаков, аланов, асов, русов и другие страны. В другом месте Джувейни упоминает области Булгара, асов, Руси и племена кипчакские, аланские и другие⁴⁶. Хамдаллах Казвини (XIV в.) указывает, что Туши-хану, сыну Чингис-хана «вверены были область Хорезм, Дешт-и-Хазар, Булгар, Саксин, аланы, асы, русские, Микес, башкирды и те преде-

³⁸ А. Бахтиаров. Осколки «исчезнувших» аланов. «Туркменоведение», 1930, № 8—9, стр. 39—40; А. Ю. Якубовский. Вопросы этногенеза туркмен в VIII—X вв. СЭ, 1947, № 3, стр. 54.

³⁹ С. Волни. К истории древнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1, стр. 194.

⁴⁰ J. Scharpan-tier. Op. cit., p. 387—388.

⁴¹ Ю. Кулаковский. Аланы по сведениям..., стр. 14; Всемирная история, т. II, М., 1956, стр. 784.

⁴² Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. Перев. К. Патканова, стр. 30.

⁴³ E. N. Minns. Alani. Encyclopaedia Britannica, t. 1, 1911, стр. 469.

⁴⁴ П. К. Кокорцов. Еврейско-хазарская переписка в X веке. Л., 1932, стр. 116—117.

⁴⁵ Цит. по Б. Дорну. Каспий. Приложение к XXVI тому «Зап. Имп. акад. наук», СПб., 1875, стр. 114.

⁴⁶ Джувейни. История завоевателя мира. «Сб. матер., относящихся к истории Золотой Орды», т. II. М.—Л., 1941, стр. 91.

лы»⁴⁷. Бедреддин Элайни (XIV в.) свидетельствует, что «вторгнувшись в эти земли, они (татары.— В. К.) покорили жившие в них Тюркские народы и племена Кипчацкие, Алланские, Асские, Авлакские, Черкесские и Русские»⁴⁸. «Алан, Асов, Валахов, Черкесов, Русских и других обитателей северных стран» отмечает арабский писатель Эннувейри⁴⁹.

Совершенно определенно отличает алан от асов арабский географ XIV в. Абульфед: «Аланы живут около входа в горный проход (La Porte des Portes). Рядом с ними живет народ тюркской расы, называемой Ассы»⁵⁰. Интересные сведения о расселении народов Восточной Европы, вошедших в западные владения монголов, содержатся на китайской карте 1331 г. Эти владения монголов состояли из стран: Булиар (Булгар), Саркэсы (черкесы), Алань-Асы (аланы и асы), Киньча (кипчаки)⁵¹. Во всех этих источниках аланы и асы различаются древними авторами как разные народы, хотя почти всегда они стоят рядом.

Есть другая группа письменных источников, в которых соотношение алан и асов рассматривается иначе. Так, Ибн-Русте (X в.) говорит, что кавказские аланы делятся на четыре племена, из которых почет и власть принадлежат племени, называемому Дуксас⁵². В. Ф. Минорский удачно исправляет «Дуксас» на «Руксас», что означает «светлые асы»⁵³ (ср. роксаланы — светлые аланы). Следовательно, асы не только входят в состав аланского племенного союза, но и возглавляют его. Иначе говоря, асы в данном случае представляют часть алан⁵⁴.

Полностью идентифицируют алан и асов европейские источники. Гильом де Рубрук, путешествовавший по Восточной Европе в XIII в., называет народ «Аланы или Аас». По пути из Крыма на Волгу Рубрук встречался с

аланами, «которые именуется там Аас»⁵⁵. В том же XIII в. другой европейский путешественник Плано Карпини отмечает народ «Аланы или Ассы»⁵⁶. Наиболее поздний источник, называющий алан и асов, принадлежит генуэзцу Иосафату Барбаро (XV в.). По свидетельству Барбаро, «Алания заимствовала имя свое от народа аланского, называвшего себя на своем языке Ас»⁵⁷.

Любопытно, что знак равенства между аланами и асами ставят почти исключительно европейские авторы. Из писателей восточных лишь у Абульфеды находим указание на то, что в Крыму «обитал народ Ас или Аланы»⁵⁸, хотя, как мы уже видели выше, на Кавказе тот же Абульфед их четко различал.

Итак, мы имеем две группы письменных источников, по-разному освещающих соотношение алан и асов. Одни источники их четко дифференцируют, другие идентифицируют.

Известно, что с наименованиями «аланы» и «асы» (ясы русских летописей) были связаны племена, жившие не только на Северном Кавказе, но и на Дону⁵⁹, в Крыму⁶⁰, на территории современной Молдавии⁶¹. По-видимому, это были отдельные, более или менее крупные и смешанные группы ираноязычного и тюркизированного населения, генетически связанного с поздними сарматами Северного Причерноморья. Часть исторических свидетельств, возможно, относится к этим группам алан и асов⁶². Но в основном этнонимы «аланы» и «асы» несомненно относятся к населению Северного Кавказа. Новый список «Армянской географии», Ибн-Русте и Абульфед совершенно определенно помещают алан и асов на Кавказе. В пределах Северного Кавказа алан помещают и многие другие источники — Проко-

⁴⁷ Хамдаллах Казвини. Избранная история. Там же, стр. 91.

⁴⁸ Бедреддин Элайни. Летопись. Там же, стр. 503.

⁴⁹ Эннувейри. Энциклопедия. Там же, примеч. к стр. 149.

⁵⁰ Geographie d'Aboulfeda. Par M. Reinaud, t. II, Paris, 1848, p. 287.

⁵¹ «Труды членов Российской духовной миссии в Пекине», т. IV, СПб., 1866, стр. 247.

⁵² Русский перевод см.: Н. А. Караулова. Сведения арабских географов IX и X вв. по Р. Хр. о Кавказе, Армении и Азербайджане. СМОМПК, вып. XXXII, Тифлис, 1903, стр. 51. Интересующий нас этноним Н. А. Карауловым переведен неточно (Дахсас).

⁵³ V. Minorsky. Hudud-al-Alam, p. 445, примеч. 5.

⁵⁴ Вероятно, в таком смысле асов, как часть алан, рассматривал Томашек. Paulus R. E., t. II, p. 1514.

⁵⁵ Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны. М., 1957, стр. 106 и 111.

⁵⁶ Плано Карпини. История Монголов. М., 1957, стр. 57.

⁵⁷ Иосафат Барбаро. Путешествие в Тану. «Библиотека иностранных писателей о России», т. I. СПб., 1836, стр. 7.

⁵⁸ Цит. по Ф. Бруну. Черноморье, т. II. Одесса, 1880, стр. 137.

⁵⁹ См., напр., И. Барбаро. Ук. соч.; Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936, стр. 72.

⁶⁰ Ф. Брун. Ук. соч., стр. 122—123, 137.

⁶¹ Там же, стр. 359; Заметка архимандрита Руварца об Ясах на Балканском полуострове и в придунайских землях. «Живая старина», вып. I. СПб., 1894, стр. 76—77; о находившемся в Молдавии городе «Аский торг» см. в ПСРЛ, т. VII, СПб., 1856, стр. 240.

⁶² Ряд таких свидетельств о некавказских аланах и асах см. у Ф. Бруна. Ук. соч., стр. 355 и 359.

пий Кесарийский⁶³, Константин Багрянородный⁶⁴, неизвестные авторы Худуд-ал-Алем⁶⁵ и персидского сочинения XIII в.⁶⁶ На карте Истахри (XIV в.) аланы помещены между землей Серир (Северный Дагестан) и р. Итиль (Волга)⁶⁷, т. е. целиком на Северокавказской равнине. Число подобных источников можно было бы увеличить, но и приведенных достаточно, чтобы основное местопребывание алан и асов на Северном Кавказе считать совершенно достоверным.

Естественно возникает вопрос: чем объясняется указанное выше расхождение источников, то дифференцирующих, то идентифицирующих алан и асов? Применительно к Северному Кавказу можно выдвинуть следующее предположение.

Племенные союзы алан и асов. В предшествующем изложении мы попытались показать, что население западного и центрального вариантов аланской культуры было связано с двумя основными этнонимами «асы» и «дигоры», а население восточного варианта — с этнонимами «аланы» и «ироны». Все это неоднородное в этническом отношении население Северного Кавказа было известно древним писателям под весьма расширенным наименованием аланы и входило в политическое объединение, известное как Алания.

Можно предположить, что эти две большие группы раннесредневекового кавказского населения составляли соответственно два крупных племенных союза. Один из них занимал западную часть Алании (асы), другой — восточную (аланы). Это, по-видимому, были две составные части одного целого — Алании, — находившиеся в сложном диалектическом взаимодействии.

Сама мысль о том, что аланы и асы представляют восточную и западную части одного и того же народа, не нова. Впервые ее высказал шведский ученый Г. Шёльд. Однако Г. Шёльд считал, что алан следует поместить в области Яньцай китайских источников, а не на Кавказе⁶⁸. Для второй половины I тысяче-

летия н. э. в этом нет необходимости. И асы и аланы в это время и позже хорошо локализируются на Северном Кавказе. После Г. Шёльда с подобными предположениями выступил А. Намиток. По его мнению, асы объединили осетин и абазинцев, а аланы господствовали над аваро-дагестанцами⁶⁹. Последнее маловероятно, но общая схема А. Намиток — асы на Северо-Западном и аланы на Центральном и Северо-Восточном Кавказе — безусловно заслуживает внимания. Однако предположения Г. Шёльда и А. Намиток, построенные на данных письменных источников и языка, а также на некоторых других косвенных соображениях, не получили резонанса в нашей кавказоведческой литературе.

Вопрос о том, когда и как сложились два предполагаемые племенные союзы, остается открытым. Для его разрешения пока нет достаточных данных. Можно лишь попытаться высказать некоторые предположения относительно возможного соотношения этих союзов в разные исторические периоды. Представляется вероятным, что период V—IX вв. был временем политического и культурного преобладания аланского племенного союза. Поэтому в источниках этого времени нет упоминаний асов (за исключением нового списка «Армянской географии»). Вероятно, это был период наибольшей экономической и политической консолидации всех племен, составлявших Аланию. В этот период имя «аланы» было доминирующим, а источники знают на Центральном Кавказе только алан. В археологическом отношении эта консолидация аланских племен отразилась в распространении одинаковых форм материальной культуры (например, керамики) по всей территории алан. Характерно, что к рассматриваемому периоду относится большая часть богатых аланских могильников, таких как Камунта, Кумбулта, Верхняя Рутха, Кобань, Балта, Чми и т. д. Множество привозных вещей, в том числе золотых и инкрустированных, покрытых цветной эмалью, большое количество стеклянных сосудов, византийских и восточных монет, импортные ткани египетского и сирийского производства⁷⁰ свидетельствуют о том, что в этот период аланы находились в особенно оживленных сношениях с внешним миром, в частности с Византией, Закавказьем,

⁶⁹ А. Namitok. *Origines des Circassiens*. Paris, 1939, p. 118.

⁷⁰ Н. П. Кондаков. *Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры*. Прага, 1929, стр. 338 сл., рис. 98—101.

⁶³ Прокопий из Кесарии. *Война с готами*. Перев. С. П. Кондратьева. М., 1950, стр. 383 и др.

⁶⁴ Константин Багрянородный. *Об управлении государством*. ИГАИМК, вып. 91, М.—Л., 1934, стр. 21.

⁶⁵ Худуд-ал-Алем, рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л., 1930, стр. 31.

⁶⁶ Н. Д. Миклухо-Маклай. *Географическое сочинение XIII в. на персидском языке*. УЗ ИВ, т. IX, М.—Л., 1954, стр. 199.

⁶⁷ Б. Дорн. *Ук. соч.*, карта II.

⁶⁸ Н. Sköld. *Die Ossetischen Lehnwörter im Ungarischen*. «Lunds Universitets Arsskrift», t. 20, N 4, Lund, 1925, p. 73—74.

Персией и странами Ближнего Востока⁷¹. В этот же период «военной демократии»⁷² в среде разноэтничных аланских племен создается героический нартский эпос⁷³, бытующий ныне у всех народов, генетически связанных с аланами или соседствовавших с ними в древности⁷⁴. Период V—IX вв. представляется нам периодом блестящего подъема аланской культуры и значительного политического и военного могущества кавказских алан, о чем говорят и многочисленные письменные источники, повествующие о военных предприятиях алан в это время⁷⁵. Указанная консолидация аланских племен в период «военной демократии» была исторически закономерным явлением. Кроме экономических причин, образование больших племенных объединений, как говорит Ф. Энгельс, вызывалось возрастающей плотностью населения и отношением народов к внешнему миру: борьбой с соседями и защитой от них. «Союз родственных племен становится повсюду необходимостью, а вскоре становится необходимым и слияние их и тем самым слияние отдельных территорий племен в одну общую территорию всего народа. Военачальник народа — rex, basileus, thiudans — становится необходимым, постоянным должностным лицом»⁷⁶. Исторические источники сохранили имена некоторых таких аланских вождей — Сарозий (VI в.), Итаз (VIII в.) и др.

Наименование «аланы», «Алания» в рассматриваемый период не только распространилось на всю территорию от Кубани до Чечни и Дагестана, но и прочно закрепилось за ней. Вместе с тем, акцентируя внимание на факте консолидации аланских племен, мы должны отметить, что «равновесие» между их отдельными группами иногда нарушалось и приводило к столкновениям. Так, Прокопий Кесарийский

⁷¹ Е. И. Крупнов. К вопросу о культурных связях населения Северного Кавказа по археологическим данным. УЗ КНИИ, т. II, Нальчик, 1947, стр. 127 сл.; его же. О древних связях юга СССР и Кавказа со странами Ближнего Востока. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 1, стр. 72—82.

⁷² Я. С. Смирнова. Военная демократия в нартском эпосе. СЭ, 1959, № 6, стр. 60—68.

⁷³ Е. М. Мелетинский. Место нартских сказаний в истории эпоса. Сб. «Нартский эпос». Орджоникидзе, 1957, стр. 37.

⁷⁴ У. Б. Далгат. К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана. Сб. «Нартский эпос», стр. 174; Л. П. Семенов. К вопросу о происхождении осетинского нартского эпоса. ИСО НИИ, т. 19, Орджоникидзе, 1957, стр. 6 сл.

⁷⁵ См. Очерки истории СССР III—IX вв., стр. 619 сл.

⁷⁶ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1951, стр. 169.

указывает, что аланы «племя независимое, по большей части оно было союзным с персами и ходило походом на римлян и на других врагов персов»⁷⁷. В другом сочинении Прокопий говорит, что аланы издавна были друзьями «христиан и ромеев»⁷⁸, т. е. византийцев. Вероятно, здесь имеются в виду разные группы аланских племен с разной политической ориентацией. Западный союз аланских племен тяготел к Византии, восточный союз — к Персии⁷⁹. Исходя из топографии монетных находок, А. А. Иессен справедливо считает, что в западных районах Алании значительно преобладают византийские монеты, а в Осетии, прилегающей к Дарьялу, еще более значительно преобладают монеты восточные⁸⁰. По мнению В. Б. Деопик, этот факт также свидетельствует о разной политической ориентации алан⁸¹. По-видимому, это, действительно, не случайный факт, хотя в данном случае следует учитывать и постоянно действующее направление торговых и экономических связей, которые, впрочем, также зависят от политической ориентации. Во всяком случае, территория западной Алании находилась целиком в сфере влияния Византии, а восточная Алания всегда была тесно связана с Грузией и Востоком. Здесь мы подходим к другой стороне рассматриваемого вопроса о соотношении асов и алан в едином племенном союзе.

Выше уже было сказано, что с X в. в письменных источниках наряду с аланами все чаще появляется наименование «асы». В. Ф. Минорский считает, что это явление связано с некоторым временным возвышением «этой особой ветви» алан⁸². Мы склонны разделять мнение В. Ф. Минорского. Термин «асы» не вытеснил имя «аланы», которое по-прежнему сохранялось за западной и восточной частями Алании. Но существование наименования «асы» рядом с наименованием «аланы» ясно говорит о возросшем значении западной части Алании. Можно полагать, что племена, входившие в западную Аланию и составлявшие западный и

⁷⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами, стр. 381.

⁷⁸ Прокопий Кесарийский. История войны римлян с персами. Перев. С. Дестуниса. СПб., 1891, стр. 221.

⁷⁹ Интересное высказывание об этом см. у Б. Е. Дега-Ковалевского. Северокавказские аланы. История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства, ч. III—IV, стр. 178.

⁸⁰ А. А. Иессен. Археологические памятники Кабардино-Балкарии, стр. 27.

⁸¹ Очерки истории СССР III—IX вв., стр. 619, примеч. 6.

⁸² V. Minorsky. Hudud-al-Alam, p. 445.

центральный варианты аланской культуры, получили большое значение в аланском племенном объединении уже в IX в. Причины этого явления еще не ясны, но сам факт возвышения западных алан-асов находит подтверждение в большом археологическом материале. Этот материал связан прежде всего с христианизацией западной Алании, шедшей через Авазгию (Абхазию) из Византии.

Западная часть алан издавна находилась в близких сношениях с Византией, и эти аланы всегда были «друзьями христиан и ромеев». Византийцы хорошо знали дорогу на Северо-Западный Кавказ и не раз пользовались здесь помощью и убежищем⁸³. Через район верхнего течения Кубани пролегал транзитный торговый путь, связывавший Византию с Северным Кавказом и Средней Азией⁸⁴.

Но совершенно особое внимание Византии привлекает западная Алания к X в. Судя по византийским источникам, во время второго патриаршества Николая Мистика, т. е. между 912 и 925 гг., произошло крещение алан византийскими миссионерами Евфимием и Петром⁸⁵ (по другим источникам Фомой⁸⁶). Распространение христианства сопровождалось широким церковным строительством, особенно интенсивно охватившим верховья Кубани. Здесь появляются крупные трехапсидные храмы византийского стиля (Зеленчукские, Сентинский, Шоаннинский⁸⁷) и значительное количество небольших одноапсидных церквей, расположен-

ных на городищах и поселениях⁸⁸. Естественно, их должен был обслуживать большой штат священнослужителей. Верховья Кубани и прилегающие с востока районы (Пятигорье и часть Кабардино-Балкарии) покрываются сетью христианских памятников — каменных крестов и плит с изображениями крестов и греческими надписями⁸⁹. Хронологически все эти христианские древности укладываются в пределах X—XIII вв.⁹⁰, а храмы Большого Зеленчука, Сентинский и Шоаннинский датируются X—XI вв.⁹¹ Значительное скопление христианских древностей в верховьях Кубани и в первую очередь храмов на Большом Зеленчуке дало основание предполагать именно в этом районе⁹² центр известной по византийским источникам Аланской епархии⁹³. Византийское происхождение всех этих памятников доказано и не вызывает сомнений. Поэтому возникает вопрос: почему начиная с X в. Византия уделяет такое большое внимание западной Алании? Чем вызвано настойчивое желание Византии включить западную часть Алании в сферу своего политического и идеологического влияния именно в этот период?

Сейчас нет возможности сколько-нибудь полно и аргументированно ответить на эти вопросы. Но можно высказать ряд предположений. Христианизация алан со стороны Византии была лишь одним из ряда подобных актов,

⁸³ В. М. Сысоев. МАК VII, стр. 124, рис. 22—27; И. Владимиров. Развалины старинного храма близ реки Амгаты. ИАК, вып. I, СПб., 1901, стр. 104—106; Т. М. Минаева. Археологические памятники на р. Гилляч..., стр. 293, рис. 20—21 и т. д. Всего мной насчитано более 20 подобных церквей.

⁸⁴ Сводка их, ныне устаревшая, составлена И. Помяловским. «Сб. греческих и латинских надписей Кавказа», СПб., 1881. Нарышкины. Ук. соч.; Е. Д. Фелицын. Археологическая карта Кубанской области. М., 1882 и др.

⁸⁵ Датированные памятники см. J. Klaproth. Sur les anciennes eglises chretiennes dans le Caucase au-delà du Kouban. «Nouveau Journal Asiatique», t. V, Paris, 1830, p. 383—384; И. Помяловский. Ук. соч., стр. 7—8; В. Ф. Миллер. Древне-осетинский памятник из Кубанской области, МАК III, Г. Турчанинов. К датировке древне-осетинской Зеленчукской надписи. ИАН СССР, отд. литературы и языка, т. VII, вып. I, М.—Л., 1948, стр. 81.

⁸⁶ Нарышкины. Ук. соч., стр. 361; МАК VII, стр. 135.

⁸⁷ Западнее р. Лабы древнехристианские храмы известны, на что обратил внимание еще К. Ф. Сталь. См. К. Ф. Сталь. Этнографический очерк черкесского народа. «Кавказский сборник», т. XXI, Тифлис, 1900, стр. 110. Единственное исключение составляет церковь XII в. у ст. Белореченской, МАК VII, стр. 132.

⁸⁸ В. Ф. Миллер. Ук. соч., стр. 118; А. А. Иесен. Археологические памятники..., стр. 27.

⁸³ Через западную Аланию следовало византийское посольство во главе с Зимархом, посланное Юстинианом к туркам. См. Менандр Византиец. Продолжение истории Агафиевой. «Византийские истории», перев. С. Дестуниса, СПб., 1860, стр. 383. О византийских происках в Западной Алании, направленных против авазгов (абхазцев), см. Летопись Византийца Феофана. Перев. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. «Чтения в Имп. об-ве истории и древностей Российских», кн. 2, М., 1887, стр. 286—287. В 662 г. в крепость Схемарис в Алании был послан Максим Исповедник. В. Латышев. К истории христианства на Кавказе. «Сб. археол. статей, поднесенный графу А. А. Бобринскому». СПб., 1911, стр. 177. Схемарис — нынешнее с. Хумара в верхнем течении р. Кубани.

⁸⁴ А. Н. Дьячков-Тарасов. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ. «Новый Восток», кн. 28, М., 1930, стр. 148—156.

⁸⁵ Ю. Кулаковский. Христианство у алан..., стр. 3—7.

⁸⁶ Н. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов и алан святым Григорием. ЗВО РАО, т. XVI, СПб., 1906, стр. 137.

⁸⁷ См.: Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 году. ИРАО, т. VIII, вып. 4, табл. III—X; В. М. Сысоев. Поездка на реки Зеленчук, Кубань и Теберду летом 1895 г. МАК VII, стр. 122 сл., рис. 19—21.

связанных с политической экспансией империи в странах Восточной Европы в X—XI вв. В рассматриваемое время христианские храмы, созданные под византийским влиянием, появляются не только на Кавказе, но и в Крыму и на Руси. Важнейшим историческим событием было крещение Руси в 988 г. Причины этой внешнеполитической активности Византии следует видеть в общем экономическом и культурном подъеме, начавшемся после эпохи иконоборчества со второй половины IX в.⁹⁴ К X в. благоприятно для Византии сложилась и международная обстановка; ее наиболее могущественные враги — Арабский халифат и Хазария — были ослаблены и быстро шли к закату. Все это не могло не содействовать стремлению Византии «втянуть» в сферу своего влияния страны и народы, расположенные неподалеку от нее.

Вместе с тем должны были быть и внутренние причины, связанные с социально-экономическим развитием самого аланского общества. Прежде всего, христианская религия является религией классового общества и, следовательно, должна была соответствовать уже существующему классовому обществу. Такое общество у алан могло быть только феодальным. Само по себе это еще не поясняет причин того внимания, которое Византия уделяла западной Алании. Можно полагать, что это объясняется именно временным усилением западного аланского племенного союза асов, в чем прав В. Ф. Минорский. Христианизация и тесные политические и экономические связи с Византией и Абхазией и их поддержка в свою очередь должны были содействовать росту значения западной Алании на Северном Кавказе⁹⁵. В результате этого исторического процесса в верховьях Кубани возникает крупнейший политический и культурный центр Северного Кавказа X—XIII вв. — Аланская епархия, появляются большие городища с укреплениями, зарождается письменность на основе греческого алфавита. С тем же усилением западной Алании и расширением ее внешних сношений, по-видимому, следует связывать обнаруженный в северном Зеленчукском храме перстень — печать армянского царя Ашота I (886—891)⁹⁶.

⁹⁴ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. II, ч. I, Л., 1927, стр. 388; А. П. К а ж д а н. Византийские города в VII—XI вв. СА, XXI, 1954 г., стр. 168—187.

⁹⁵ Б. Е. Деген-Ковалевский. Аланы в системе хазарского объединения., стр. 443.

⁹⁶ В. А. Крачковская. Печать Багратиды Ашота с арабской надписью. КС ИИМК, вып. XII, 1946,

Необходимо также обратить внимание на тот факт, что на Северо-Западном Кавказе в раннем средневековье было широко распространено этническое наименование асы-азы, в тех или иных видоизмененных формах существующее и поныне. Л. И. Лавров в этой связи отмечает, что «многие племенные термины западного Кавказа имеют один и тот же корень» — Абаза, Азегга, Абхазы, Абадзехи, Апсуа⁹⁷. Любопытно, что абхазы не только балкарцев, но и всех своих северных соседей называют азухо, т. е. азы⁹⁸. В близкой связи с интересующим нас этнонимом, несомненно, находятся такие современные географические наименования, как Азов и Азовское море. С другой стороны, дополнительные аргументы дает материал исландских саг, восходящих к XII—XIII вв. В них находим сведения о том, что страна восточнее Танаиса (Дона) называется Асаланд или Асахейм, а главная крепость страны называется Асгард, т. е. «крепость Асов»⁹⁹. Все эти, пока отрывочные, данные невольно заставляют вспомнить о тех идеях, которые в свое время развивал П. К. Услар. Опираясь на некоторые из только что приведенных данных, а также на сообщения Птолемея о расположенных на восточном берегу Меотиды городах Азара, Азараба, Азабетис и Страбона о народе аспургианы, П. К. Услар доказывал существование в древности «Кубанской Азии»¹⁰⁰. Далеко не со всеми заключениями П. К. Услара, увлекшегося весьма широкими выводами и обобщениями, можно согласиться, но то значение, которое он придавал асам-азам на Северо-Западном Кавказе, определенно заслуживает внимания. Известный французский востоковед Вивьен де Сен-Мартен и П. К. Услар считали даже, что само название страны — Кавказ — происходит от названия «Кауг-аз», т. е. «горы азов»¹⁰¹, впоследствии измененного греками.

стр. 112—117; Х. Л а й п а н о в. Печать Ашота Багратиды. «Изв. Акад. наук Армянской ССР», обществ. науки, 1955, № 2, стр. 97—98 (на арм. яз.).

⁹⁷ Л. И. Лавров. Из поездки в черноморскую Шапсугию. СЭ, 1936, № 4—5, стр. 133.

⁹⁸ Л. Г. Лопатинский. Заметка о народе адыге вообще и кабардинцах в частности. СМОМПК, вып. XII, Тифлис, 1891, стр. 4.

⁹⁹ Snorre Sturlasson. Kongesagaer. Oslo, 1957, s. 7—8. За ознакомление меня с этим источником и перевод выражаю самую искреннюю благодарность Г. И. Анохину.

¹⁰⁰ П. К. Услар. Древнейшие сказания о Кавказе. Тифлис, 1881, стр. 323 сл.

¹⁰¹ Сен-Мартен. Происхождение названия Кавказа, пелазгов кавказских и отношение их к восточным азам. «Кавказ», 1848, № 32—33; П. К. Услар. Ук. соч., стр. 490—491.

Впрочем, этот спорный вопрос окончательно не решен до сих пор¹⁰². Наконец, отметим, что в последнее время появились работы Г. Вернадского, в которых, между прочим, рассматривается вопрос об асах в Азовской области¹⁰³. Г. Вернадский считает, что в VIII—IX вв. в Приазовье существовало алано-славянское объединение — государство асов или «светлых асов» (Руксас), находившееся в вассальной зависимости от Хазарии и игравшее крупную роль в ее системе¹⁰⁴.

Все изложенные соображения как будто подтверждают факт существования на Северо-Западном Кавказе большого племенного объединения, связанного с именем «асы»¹⁰⁵, и его значительной роли, особенно усилившейся в X в., после установления постоянных и прочных отношений с Византией. Вполне возможно, что ядром этого объединения были племена абазы (предки современных абазин), которые в древности были значительно многочисленнее, чем сейчас¹⁰⁶.

В то время как западная Алания находилась в сфере влияния Византии, восточная ее часть в XI—XIII вв. испытывала сильное влияние со стороны Грузии. Особенно это относится к населению горной зоны. Здесь появляются христианские храмы грузинского происхождения — «Тхаба-Ерды», «Алби-Ерды», Таргимский¹⁰⁷ и другие, причем местным религиозно-политическим центром, по-видимому, становится Ассинское ущелье, где они в основном сосредоточены¹⁰⁸. На территории Северной Осетии и Чечено-Ингушетии найдены каменные кресты типа грузинских «джвари» без надписей¹⁰⁹. Сближение между Грузией и Осетией

в этот период было закреплено браком грузинской царицы Тамары (1184—1213) с Давидом Сосланом.

Граница, отделявшая зону византийского влияния от грузинского, судя по известным сейчас памятникам, намечается в восточной части современной Кабардино-Балкарии¹¹⁰. Ясно, что эта граница должна была определяться этническими и политическими границами между соответствующими этническими и политическими образованиями, в данном случае между союзами племен. Поэтому не случайно намечаемая нами этническая граница между центральным и восточным вариантами аланской культуры очень близко соответствует зоне соприкосновения византийской и грузинской сфер влияния на Северном Кавказе.

Подводя итоги, мы можем прийти к заключению, что в эпоху раннего средневековья на Северном Кавказе, по-видимому, существовали два больших племенных союза, составлявших историческую Аланию. Западный племенной союз был связан с этническим наименованием асы, восточный — с наименованием аланы. Основой западного племенного союза были автохтонные племена Северо-Западного Кавказа — предки современных адыгов, абазин и части осетин; основой восточного племенного союза — автохтонные племена Центрального Кавказа — предки современных осетин, ингушей и чеченцев. Оба племенных союза, составляя единое политическое образование — Аланию, находились в сложном и противоречивом взаимодействии между собой, иногда переходящем в борьбу на почве и внутренних причин и разной политической ориентации. Мы не ставим перед собой задачи раскрывать историю этих сложных взаимоотношений внутри Алании. Можно полагать, что до X в. доминирующее положение занимал восточный племенной союз алан; с X в. значительно усиливается западный племенной союз асов. В связи с этим они и занимают равнозначное положение в письменных источниках X—XIV вв.

см. также: Древние постройки на Казбеке. ИКОИРГО. т. XXII, № 1, Тифлис, 1913—1914, стр. 84 (описание последних очень поверхностное). Подобной формы крест был обследован нами в 1956 г. в с. Мужичи ЧИ АССР.

¹¹⁰ Скорее всего в районе рек Чегем и Черек. В 1959 г. П. Г. Акритас в с. Верхний Чегем нашел три плиты с крестами византийского типа. Там же существовала церковь, в которой были обнаружены греческие богослужебные книги — см. J. Klappoth. Op. cit., p. 389. В ущелье р. Черек наблюдаются следы грузинского влияния. См. А. Фиркович. Археологические разведки на Кавказе. ЗРАО, т. IX, вып. 2, стр. 400.

¹⁰² А. Н. Генко. Задача этнографического изучения Кавказа. СЭ, 1936, № 4—5, стр. 18.

¹⁰³ G. Vernadsky. Ancient Russia. New Haven. 1944; The origins of Russia. Oxford, 1959.

¹⁰⁴ G. Vernadsky. Ancient Russia, p. 257—269.

¹⁰⁵ Отметим, что, по мнению М. И. Артамонова, «имя асов или осов было древним названием населения Кубанских степей, ставшим обозначением страны». См. М. И. Артамонов. Саркел и некоторые другие укрепления в северо-западной Хазарии. СА, VI, 1940, стр. 162.

¹⁰⁶ Л. И. Лавров. «Обезы» русских летописей. СЭ, 1946, № 4, стр. 161; его же. Абазини. «Кавказ, этнограф. сб.», I, М., 1955, стр. 5.

¹⁰⁷ Е. И. Крупнов. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе. КС ИИМК, XV, 1947, стр. 116—125; Л. П. Семенов. К вопросу о культурных связях Грузии и народов Северного Кавказа. МИА, № 23, стр. 302—306.

¹⁰⁸ Л. П. Семенов. Эволюция ингушских святыщ..., стр. 454.

¹⁰⁹ См., напр., МАК I, рис. 8; Н. Семенов. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895, стр. 204,

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой археологический материал, проанализированный выше, позволяет сделать основной вывод о неоднородности материальной культуры алан Северного Кавказа. Намеченные локальные варианты соответствовали трем группам племен или отдельным племенам, входившим в аланское племенное объединение. Эти автохтонные племена, генетически связанные с северокавказскими племенами предшествующих эпох раннего железа и бронзы, были тем этническим и культурным субстратом, который лег в основу аланской культуры Северного Кавказа. При этом не следует забывать, что термины «аланы» и «аланская культура» обычно употребляются в собирательном значении, обозначая различные по происхождению и языку племена, входившие в одно племенное объединение.

От этих автохтонных кавказских племен археологически четко отделяются собственно аланы — те позднесарматские племена I тысячелетия н. э., которые были носителями и распространителями этнического наименования «аланы» и иранской речи на Кавказе. Эти племена, по происхождению и культуре чуждые кавказской среде, оставили большое количество катакомбных могильников, которые концентрируются в основном в центральных районах Северного Кавказа. Благодаря массовому включению сармато-алан в кавказскую среду Северный Кавказ оказался исторически связанным с событиями, происходившими на юго-востоке Европы. Не случайно северокавказская аланская культура, представленная катакомбными могильниками Балта, Чми, Гост, у станции Фельдмаршальской, так близка салтовской культуре юго-востока Европы. Но еще более значительную роль ираноязычные аланы сыграли в этногенезе некоторых современных кавказских народов и в первую очередь осетин. Кавказские племена — далекие и основные предки осетин, жившие в центральной

части Кавказских гор, впитали в себя основную массу алан и ассимилировали их, восприняв основу их иранского языка и элементы материальной и духовной культуры. Включение ираноязычных этнических элементов в кавказскую среду началось еще в скифо-сарматскую эпоху, но аланская волна иранской миграции на Кавказ была наиболее последовательной и мощной. Поэтому именно она завершилась сложением современного осетинского народа и языковой иранизацией части местного кавказского населения. В этом состоит историческое значение длительного, почти тысячелетнего пребывания иранцев-алан в пределах центральной части Кавказа.

Аланская культура занимала значительную часть Северного Кавказа от Кубани до Дагестана. Уже из одного этого факта со всей очевидностью вытекает, что с аланами генетически связаны не только осетины, но и другие северокавказские народы. В состав исторической Алании входили кавказские племена, близкие адыгам, и предки современных вейнахских народов — ингушей и чеченцев. Кроме того, имеются все основания полагать, что аланы в качестве важнейшего компонента приняли участие в этногенезе тюркоязычных народов Северного Кавказа — карачаевцев и балкарцев. Поэтому совершенно ошибочны и нереальны представления некоторых авторов о том, что аланы и осетины одно и то же, как одно и то же Алания и Осетия. Аланы и аланская культура в ее широком понимании близки не только осетинам, но и другим северокавказским народам.

Аланы Северного Кавказа были неоднородны не только в этническом отношении. Составляя историческую Аланию, аланские племена, по-видимому, образовали два крупных племенных союза: западный и восточный. Западный племенной союз был связан преимущественно с этническим наименованием асы, восточный — с наименованием аланы, хотя оба эти этнонима

обычно употреблялись и в собирательном значении безотносительно к племенной принадлежности. Этим объясняется различное соотношение алан и асов в европейских и восточных письменных источниках.

Опыт изучения истории и культуры северокавказских алан показывает, что без дальнейшей разработки аланской проблемы невозможно создание полноценной научной истории современных осетин, вейнахских народов, карачаевцев и балкарцев. В известной ме-

ре это относится и к адыгам. Чем дальше будет двигаться кавказоведение, тем больше будет возрастать значение этой проблемы. Дальнейшее всестороннее накопление материала и творческая мысль ученых, несомненно, изменят и уточнят многое из того, что было изложено выше. И тем не менее автор будет удовлетворен, если затронутые в данной работе вопросы найдут отклик среди специалистов и всех, кто интересуется историей Кавказа.

Рис. 1. Карта аланских катакомбных могильников Северного Кавказа:

1 — Байтал-Чапкал, 2 — р. Березовка, 3 — отстойник Кисловодского озера, 4 — б. сан. Наркомтяжпрома, 5 — Буденновская слобода г. Кисловодска, 6 — Рим-гора, 7 — Кольцо-гора, 8 — мебельная фабрика № 1 г. Кисловодска, 9 — Песчанка, 10 — Хазнидон, 11 — Камунта, 12 — Садон, 13 — Змейская, 14 — Архон, 15 — Кобань, 16 — Балга, 17 — Харх, 18 — Чми, 19 — Гоуст, 20 — кирпичный завод г. Орджоникидзе, 21 — Верхний Алкун, 22 — Фельдмаршальская, 23 — Дуба-юрт, 24 — Чирюрт, 25 — Бавтугай, 26 — Паласасырт

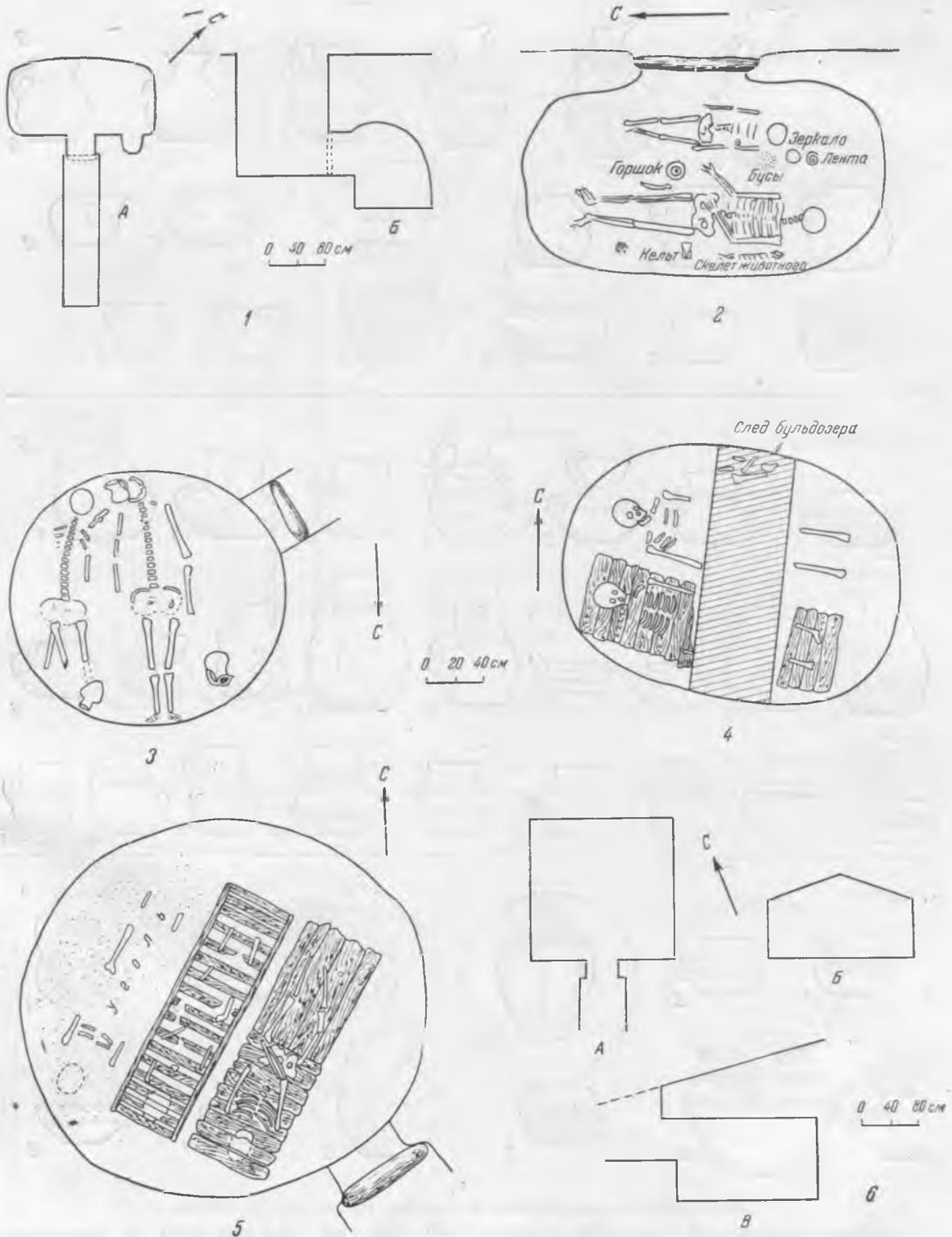

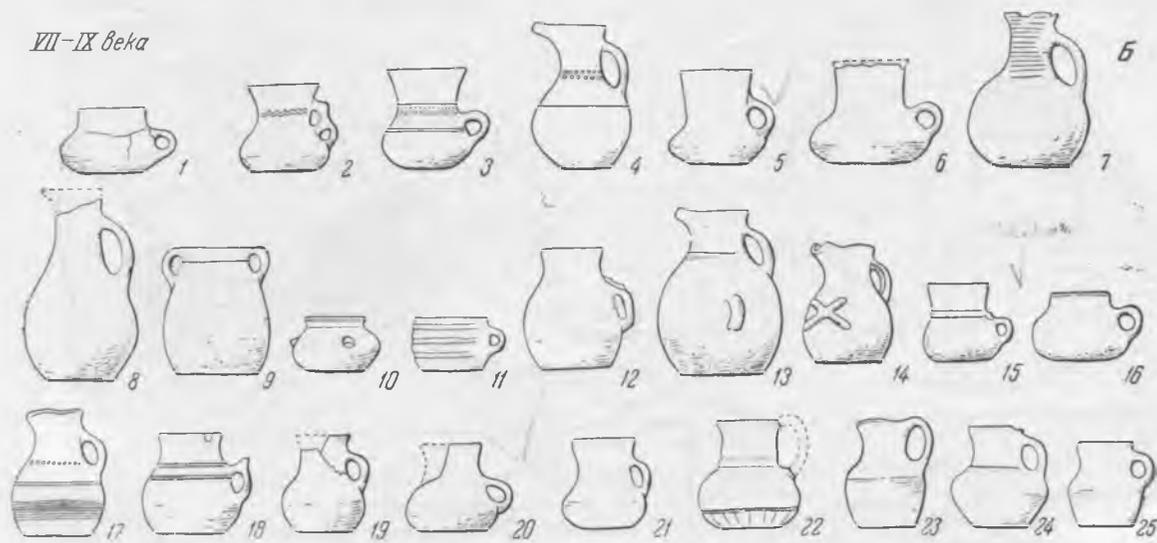
Рис. 2. Погребения в катакомбах:

1 — Байтал-Чапкан, катакомба № 14, а — план, б — разрез; 2 — Гоуст, катакомба № 8 (чертеж В. И. Долбежова); 3 — Верхний Алкун, катакомба № 2; 4 — Кисловодская мебельная фабрика № 1, катакомба № 16 (чертеж А. П. Рунича); 5 — Кольцо-гора (чертеж А. П. Рунича); 6 — Рим-гора (чертеж А. П. Рунича), а — план, б — поперечный разрез, в — продольный разрез

X-XII века

VII-IX века

V-VI века

Рис. 3. Керамика, найденная в аланских катакомбах V—XII вв.

А — 1—5 — Байтал-Чапкан, 6—9 — Березовский могильник, 10—11 — быв. сан. Наркомтяжпрома г. Кисловодска, 12 — Буденновская слобода г. Кисловодска; Б — 1—4 — Песчанка, 5—12 — Чми, 13—16 — Камунта, 17—19 — Балта, 20 — Харх, 21 — Гоуст, 22 — Фельдмаршальская, 23—25 — Верхний Алкун; В — 1—16 — Змейский могильник, 17 — Мебельная фабрика № 1 г. Кисловодска, 18 — Рим-гора

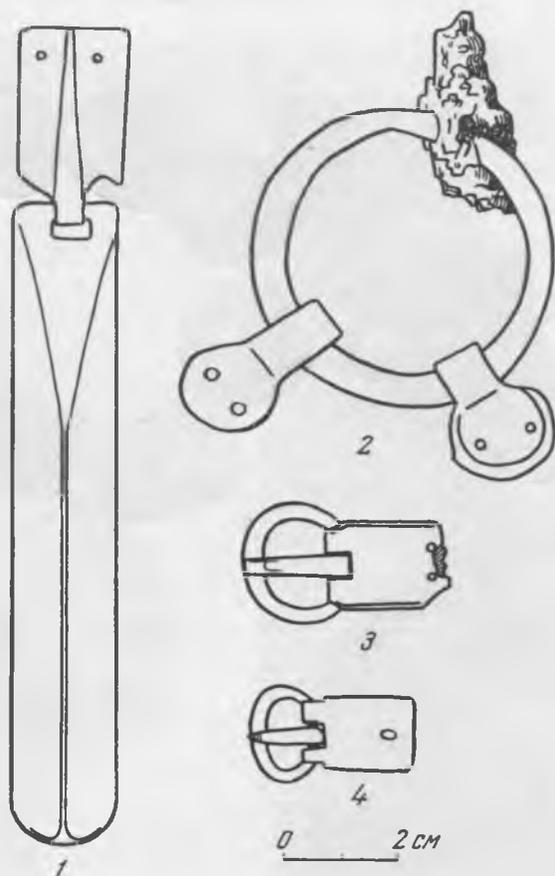

Рис. 4. Находки из катакомбы Буденновской слободы г. Кисловодска:

1 — серебряная подвесная бляха — пластинка от узды, 2 — бронзовое кольцо с серебряными петлями от узды, 3—4 — пряжки (3 — серебро, 4 — бронза)

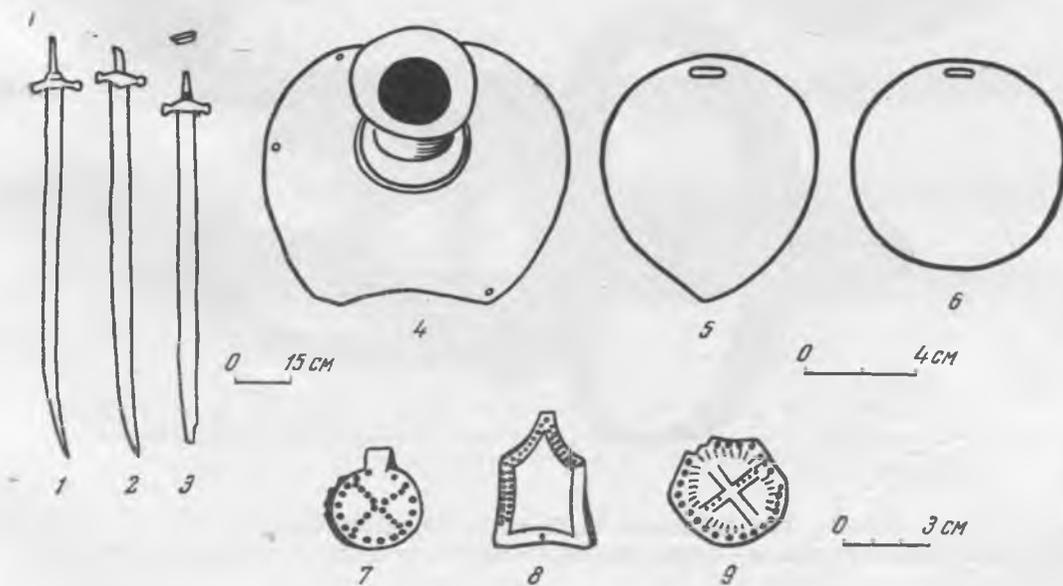

Рис. 5. Некоторые предметы, характерные для аланских катакомбных могильников Северного Кавказа:

1—3 — сабли «хазарского» типа, 4 — конский начельник из Кобани, 5—6 — подвесные бляхи от конского убора из Кобани, 7—9 — бронзовые складни из Змейской

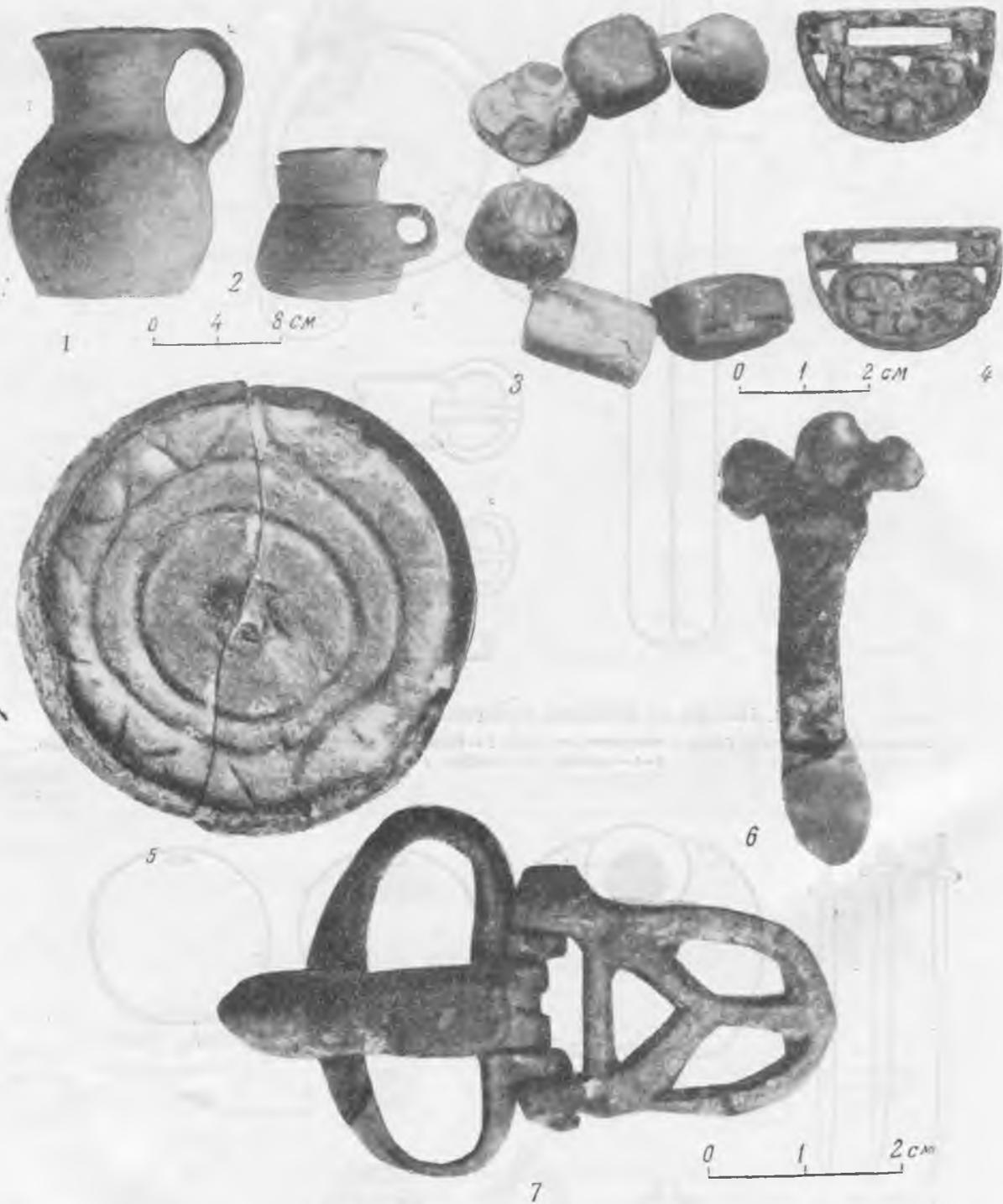

Рис. 6. Находки из Хазнидонской катакомбы.
 1-2 — сосуды, 3 — бусы, 4 — бляшки поясные, 5 — зеркало, 6 — фибула, 7 — пряжка бронзовая

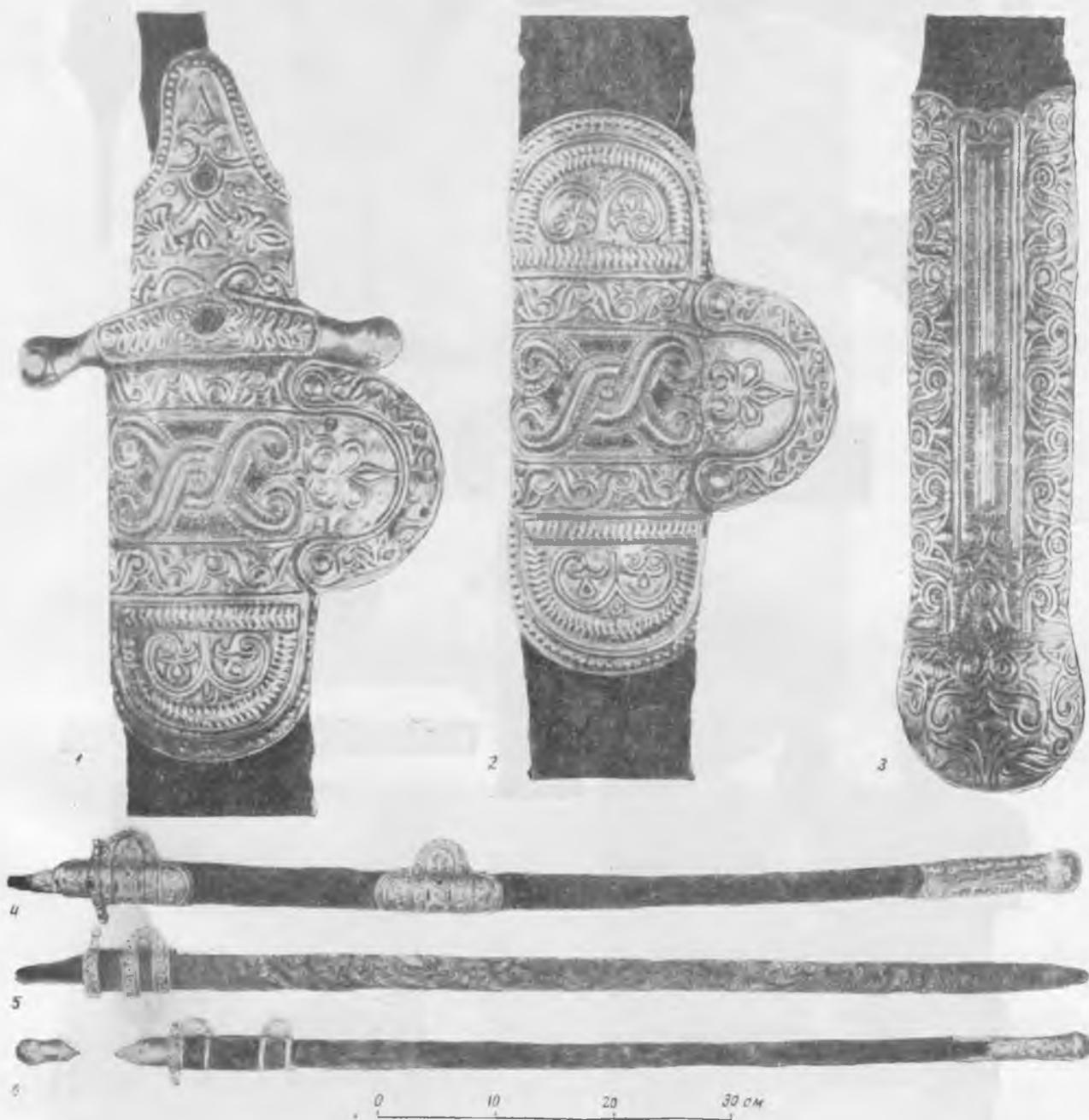

Рис. 7. Сабли из Змейского катакомбного могильника:

1—2—3 — рукоять, обкладка и наконечник ножен сабли из катакомбы № 14, 4 — общий вид сабли из катакомбы № 14,
 5 — сабля из катакомбы № 3, 6 — сабля из катакомбы № 9

Рис. 8. Оружие и конское снаряжение из Змейского катакомбного могильника:
 1 — наконечник копья. 2—3 — секиры, 4—6 — наконечники стрел, 7 — нож, 8 — обкладка лука, 9—10 — фрагменты узды,
 11 — цилиндрический колчан, 12 — лука седла

Рис. 9. Начельник из катакомбы № 14 Змейского могильника

Рис. 10. Колчан-горит с изображением грифона, терзающего змею, из катакомбы № 15

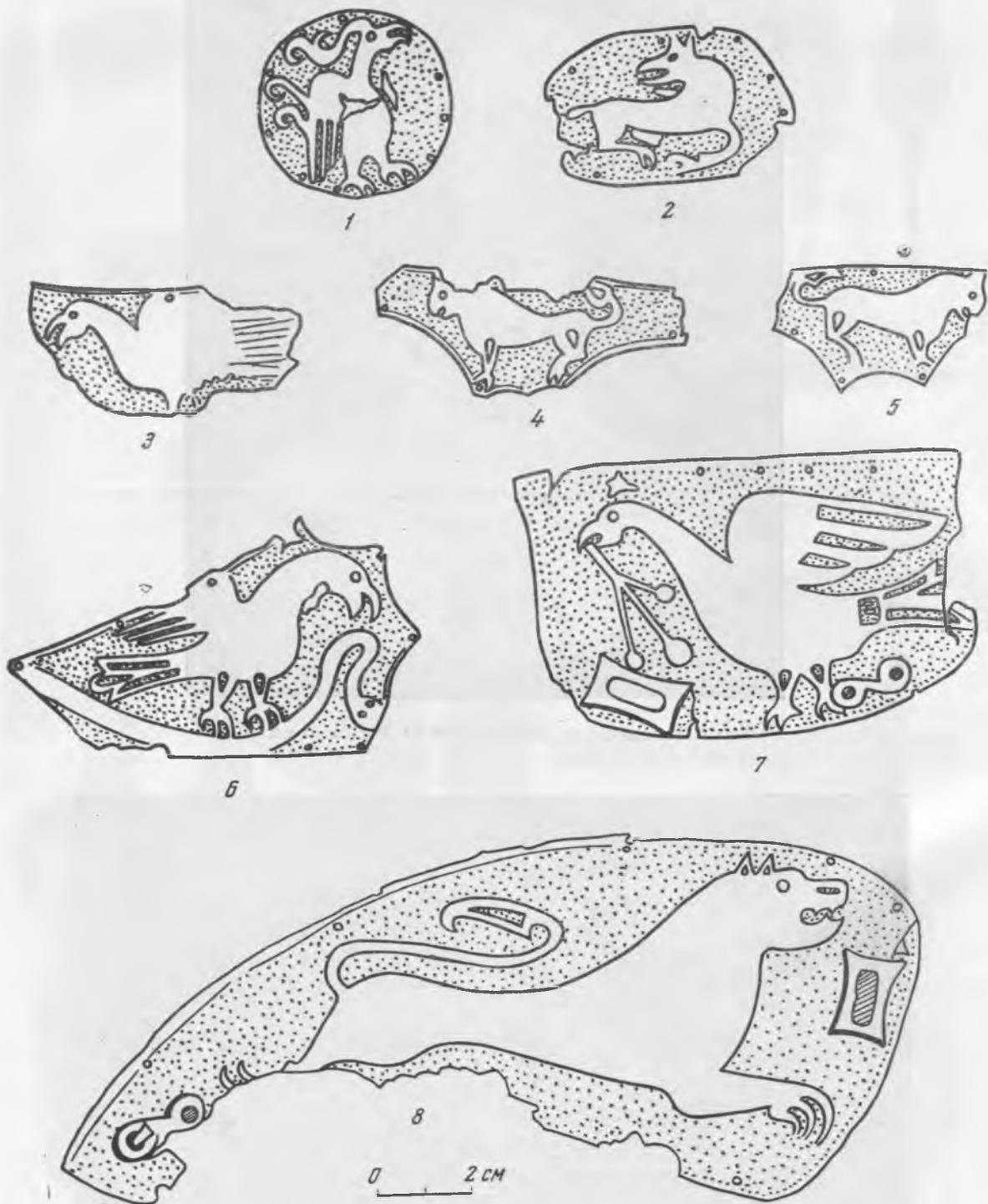

Рис. 11. Бронзовые золоченые пластины с седла из катакомбы № 14 Змейского могильника

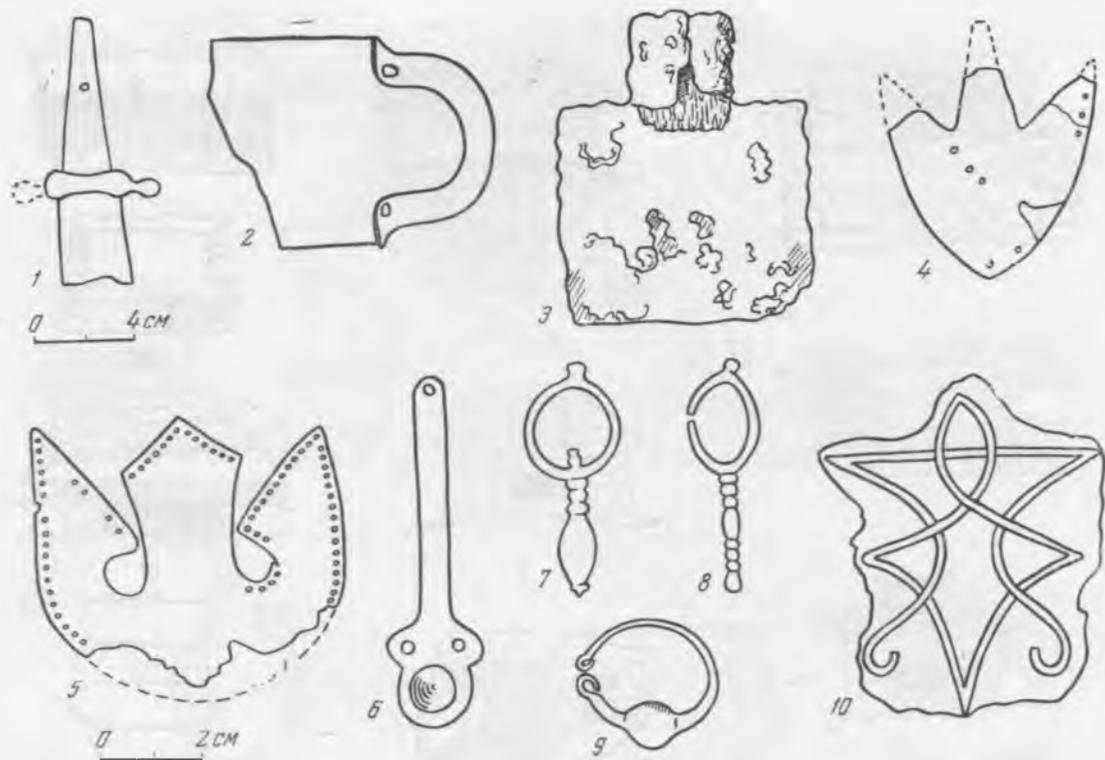

Рис. 12. Находки из катакомб на мебельной фабрике № 1. г. Кисловодска:
 1 — рукоять сабли, 2 — обкладка ножен сабли, 3 — тесло, 4 — 5 — пластинки-трезубцы, 6 — туалетная ложечка,
 7—9 — серьги, 10 — кожа, украшенная золоченой аппликацией (по рис. А. П. Рунича)

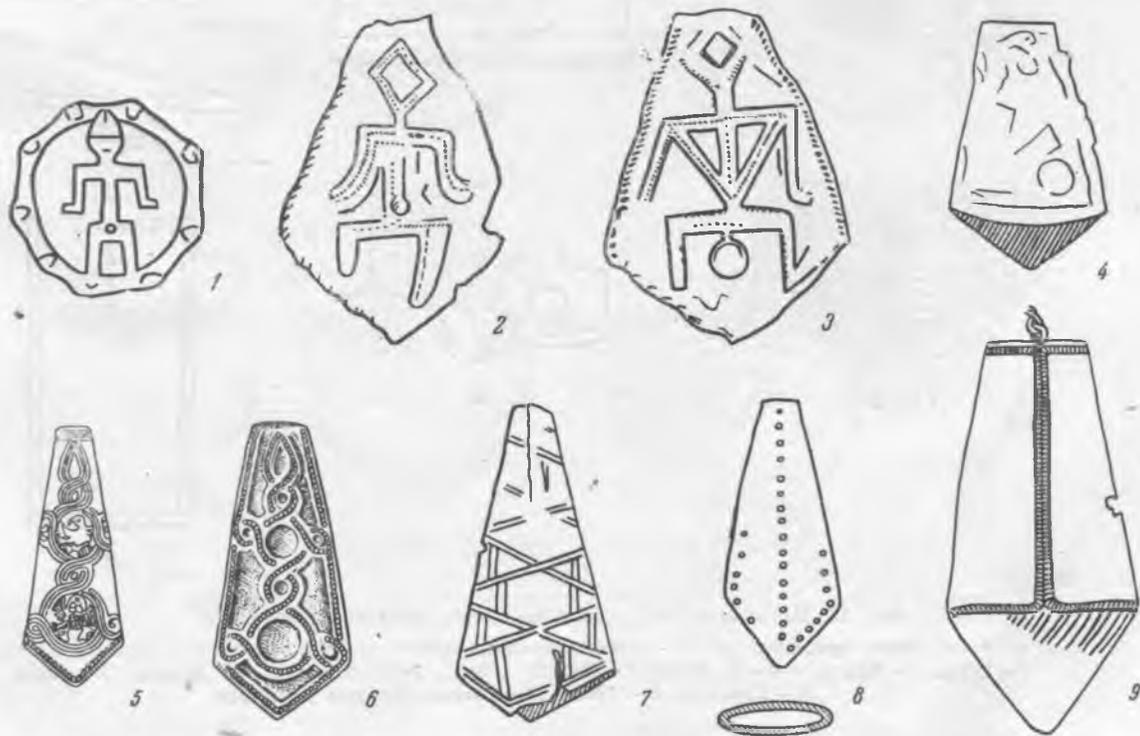

Рис. 13. Аланские амулеты:
 1—3 — Камунта, 4 — Верхнее Салтово, 5—6 — Змейская, 7—8 — Кисловодская мебельная фабрика, 9 — Даргъэс осетинский надземный склеп

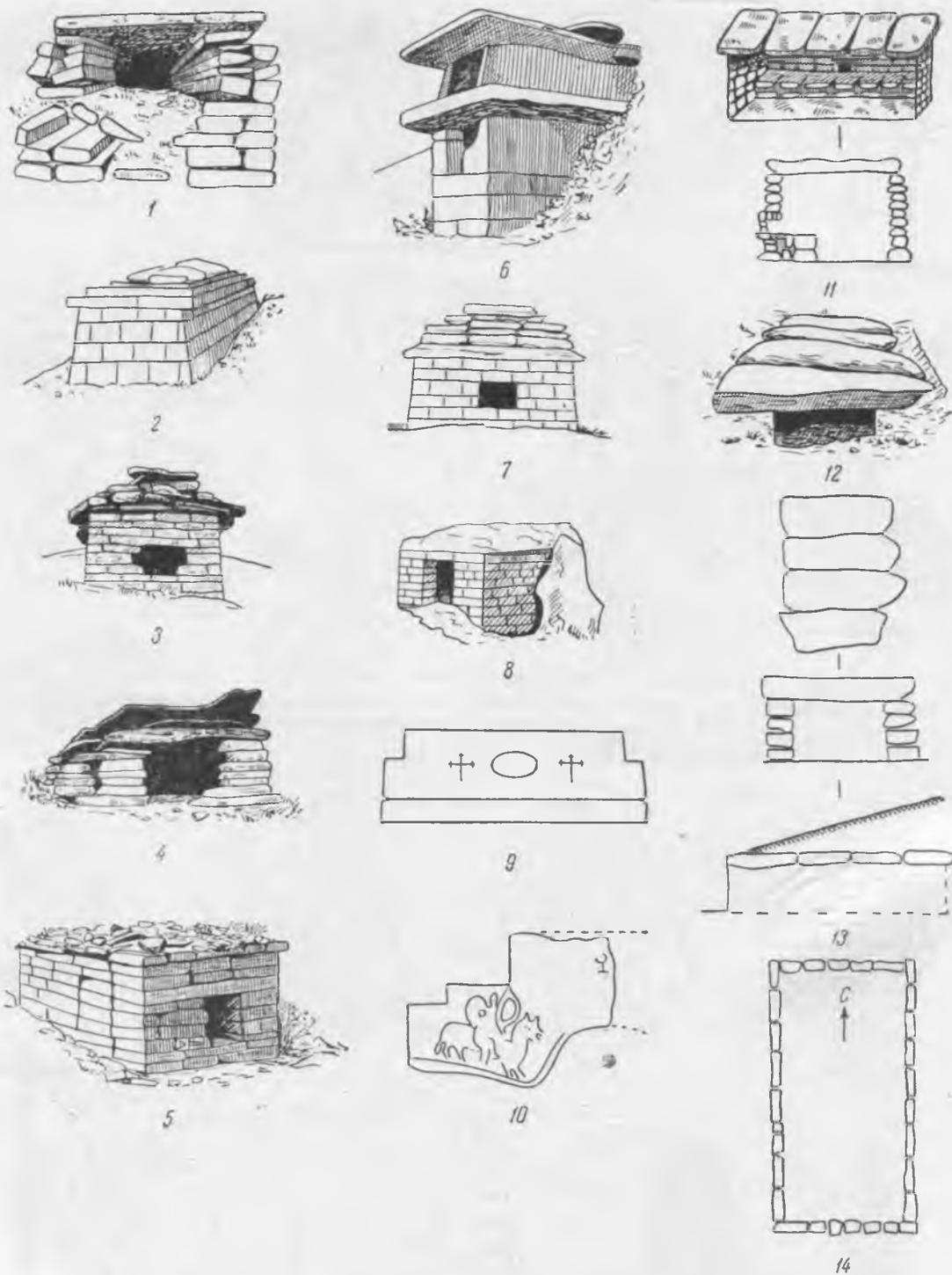

Рис. 14. Могильные сооружения западного локального варианта:

1—8 — наземные гробницы; 9—10 — дольменообразные склепы; 11—14 — подземные склепы: 1 — Гиляч, 2 — Сенты, 3 — Кяфар, 4—5 — р. Кривая, 6 — Индыш — Баши, 7—8 — Сенты, 9 — р. Кривая, 10 — Амгач, 11 — Узун-Кол, 12 — Гиляч, 13 — Лахран, 14 — усте р Теберды

X-XII века

VII-IX века

IV-VII века

Рис. 15. Керамика западного локального варианта:

А — 1-6 — и 8 — Гиляч, 7 — Узун-Кол; Б — 1-2 — Узун-Кол, 3 — Сенты, раскопки Е. П. Алексеевой, 4 — Нижний Архыз; В — 1-3 — р. Кривая, 4-7 — Усть-Тебердинский могильник; 8 — р. Кривая, 9 — Каракент

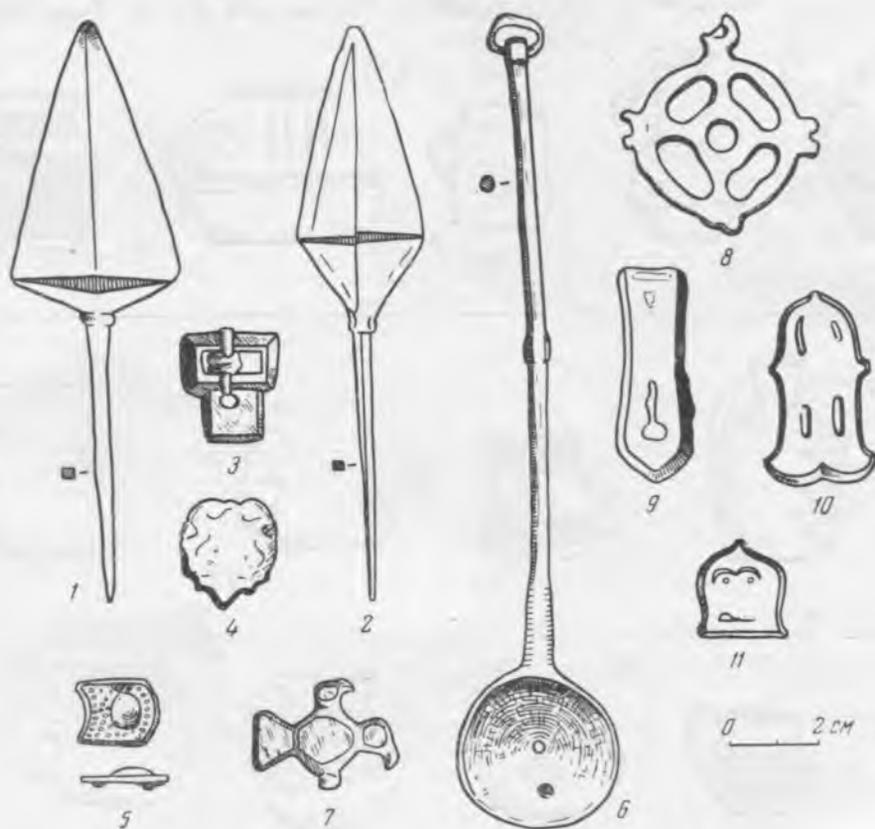

Рис. 16. Предметы из дореволюционных раскопок в верховьях Кубани:

1—2 — железные наконечники стрел, 3 — бронзовая пряжка, 4—5 — бронзовые поясные бляшки (верховья Кубани), 6 — бронзовая ложка, 7 — бронзовая фибула (с. Хумара), 8 — бронзовая подвеска, 9—11 — поясные бронзовые бляхи (урочище «Боготобагде»)

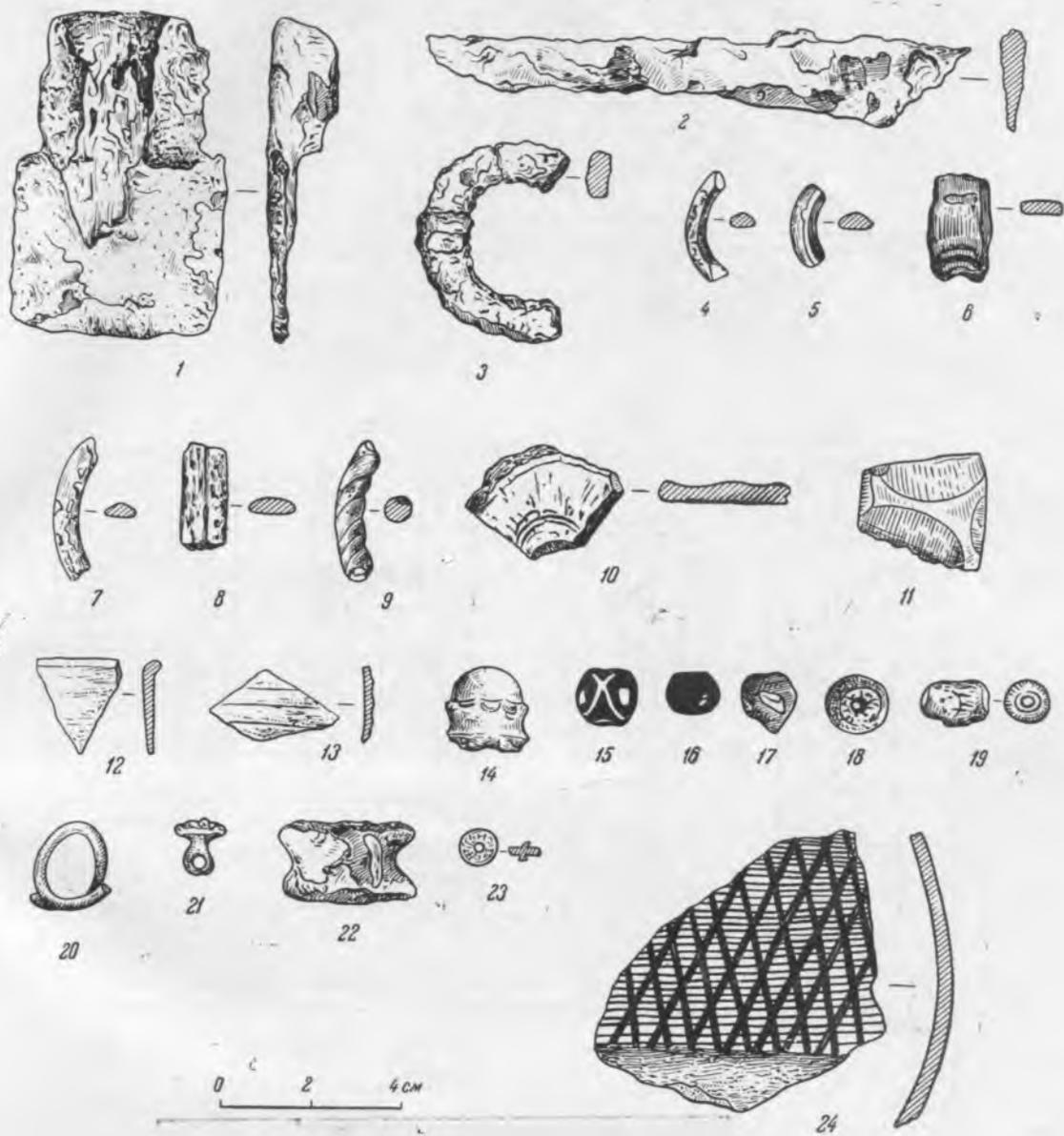

Рис. 17. Инвентарь подземного склепа X—XII вв. у п. Нижний Архыз:

- 1 — тесло, 2 — нож, 3 — кольцо, 4—9 — обломки стеклянных браслетов, 10—14 — обломки стеклянных сосудов, 15—19 — стеклянные бусы, 20 — височное кольцо, 21 — пуговица, 22 — альчик, 23 — деревянная «кнопка», 24 — обломок стенки кувшина

Рис. 18. Дольменообразный склеп № 1 р. Кривой (реконструкция)

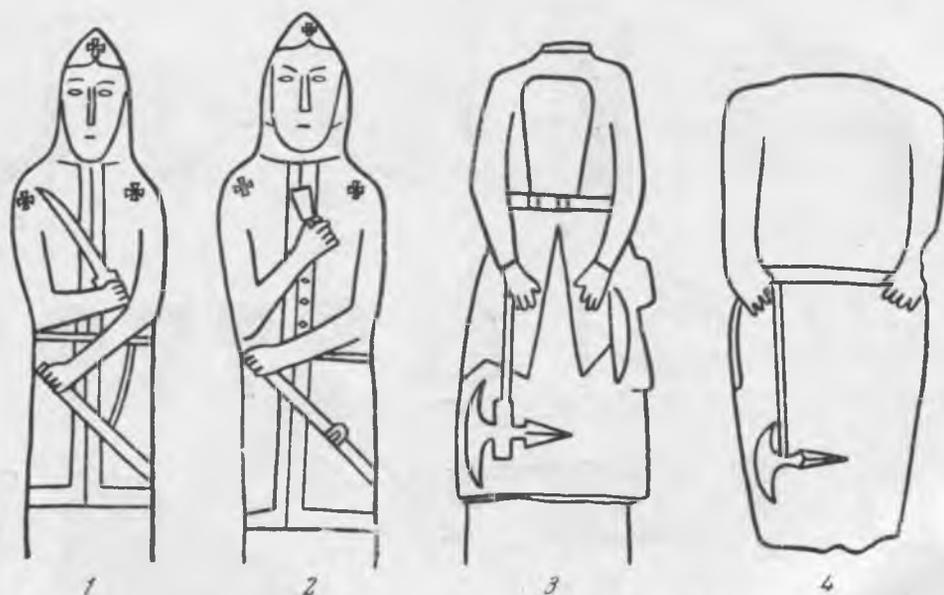

Рис. 19. Каменные статуи верховьев Кубани:
1—2 — район станицы Сторожевой, 3 — р. Бектон, 4 — р. Теберда

Рис. 20. Передняя плита дольменообразного склепа р. Кривой.
На переднем плане — каменная втулка

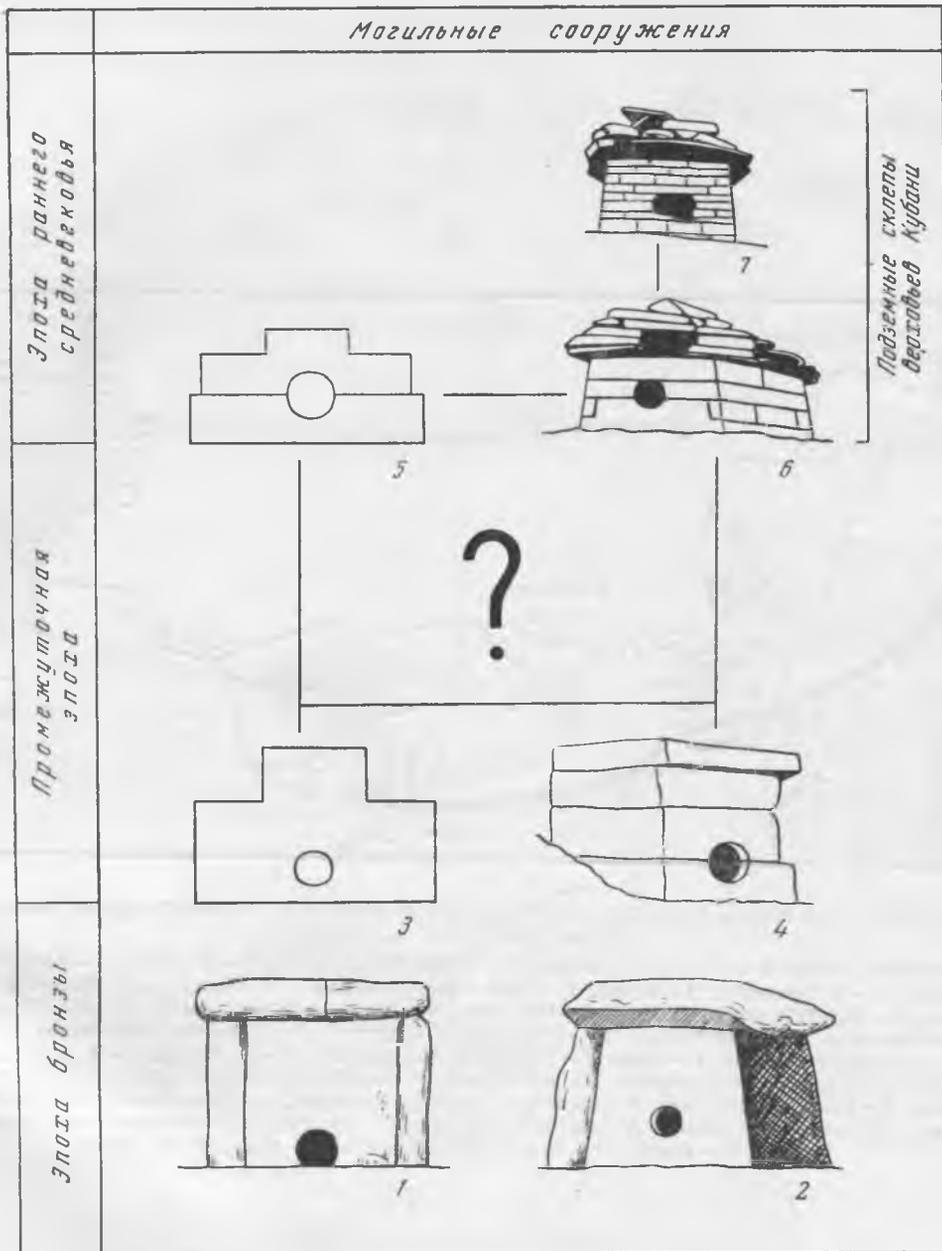

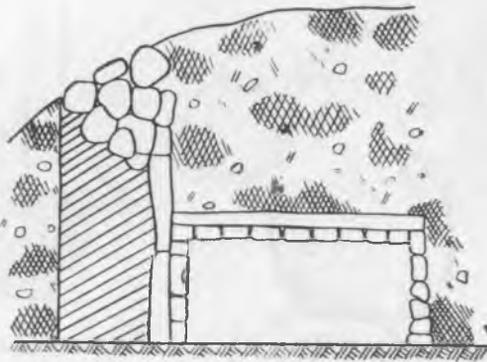
Рис. 21. Схема развития дольменообразных склепов и наземных гробниц верхнего Прикубанья:

1 — пос. Каменноостский, 2 — р. Бунгудур, 3 — Геленджик, 4 — р. Жане, 5 — р. Кривая, 6, 7 — р. Кяфар

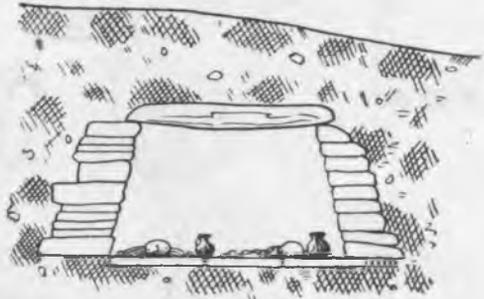

Рис. 22. Три группы археологических памятников центральной части Северного Кавказа эпохи раннего Средневековья:

1 — памятники западного варианта: 1 — Бежгон, 2 — Кыфар, 3 — р. Кривая, 4 — Н. Архыз, 5 — Боготобагде (?), 6 — Адюх, 7 — б. Осегинское, 8 — Шоана, 9 — левый берег Теберды, 10 — Сенты, 11 — Кала-Сырты, 12 — Амгата, 13 — Усть-Тебердинский могильник, 14 — Гиляч, 15 — Индыш, 16 — Индыш-Баши, 17 — Джашатк-Кала, 18 — Марджа, 19 — Кой-Боулар, 20 — Клян-Кала, 21 — Куутум, 22 — Узу-Кол, 23 — Лахран, 2 — памятники центрального варианта: 1 — Хабаз, 2 — Тырны-Ауз, 3 — Куркужин, 4 — Н. Былым, 5 — В. Былым, 6 — Гижгид, 7 — Вольный аул, 8 — Балкарское (?), 9 — Шканы, 3 — памятники восточного варианта: 1 — Донифарс, 2 — Кумбулта, 3 — Рутха, 4 — Задалиск, 5 — Фаскау, 6 — Галиат, 7 — Нузал, 8 — Гал-Фандал, 9 — Дзивгис, 10 — Далагкау, 11 — Лац, 12 — Кобань, 13 — Даргавс, 14 — Саниба, 15 — Харх, 16 — Фуртоуг, 17 — Джераховское ущелье, 18 — Памет, 19 — Салги, 20 — Шуан (?), 21 — Бишт, 22 — В. Датых

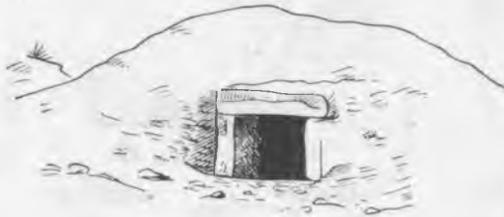

1

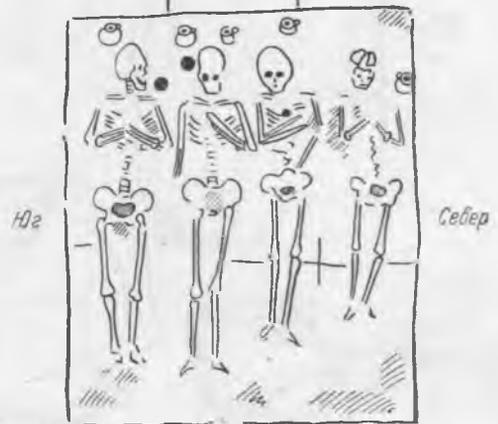

4

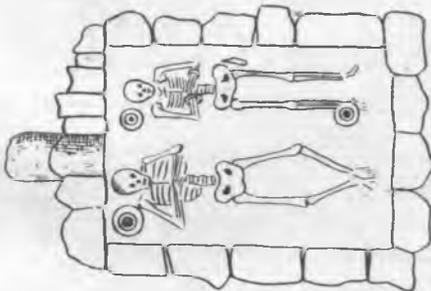
Входн. отверстие

2

5

3

6

Рис. 23. Могильные сооружения центрального локального варианта:

1 — Былым (по В. Ф. Миллеру), 2 — Гижгид, вход в склеп 1897 г., 3 — Гижгид, план склепа 1898 г.,
4 — Гижгид, поперечное сечение склепа 1898 г., 5 — Гижгид, план склепа 1897 г. (по И. А. Владимирову),
6 — Тырны-Ауз, поперечное сечение склепа

X-XII века

B

VII-IX века

B

IV-VI века

A

Рис. 24. Керамика центрального локального варианта.

A — 1 — с. Кенже, 2 — Заюково, 3 — Кудниегово, 4 — Вольный аул, 5 — Гижгид, 6 — Вольный аул, 7 — Кабардино-Балкария (ближе нет), Гижгид; B — 1 — Кабардино-Балкария (ближе нет), 2 — Усхур, 3 — Гунделен, 4 — Нальчик, 5-7 — Кабардино-Балкария (ближе нет), 8 — Бабуков аул; B — 1 — Усхур, 2-13 — Кабардино-Балкария (ближе нет)

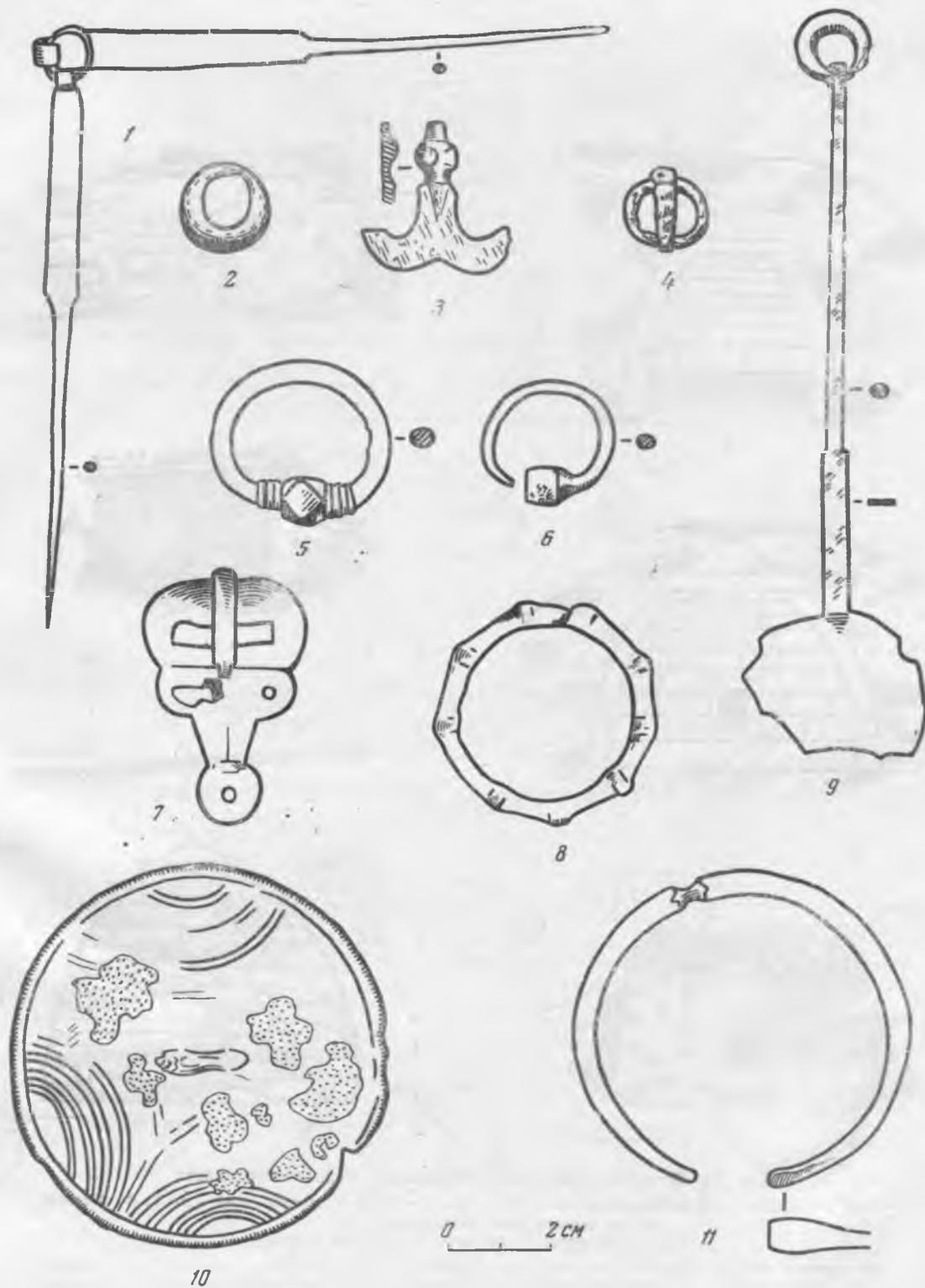

Рис. 25. Металлический инвентарь Тырны-аузского склепа
 1 — туалетные принадлежности, 2 — серьга «калачик», 3 — фибула-муха, 4 — пряжка, 5-6 — височные кольца,
 7 — пряжка, 8 — кольцо-подвеска, 9 — ложка, 10 — зеркало, 11 — браслет

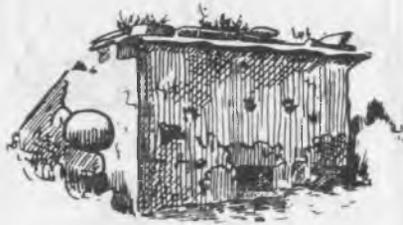
1

4

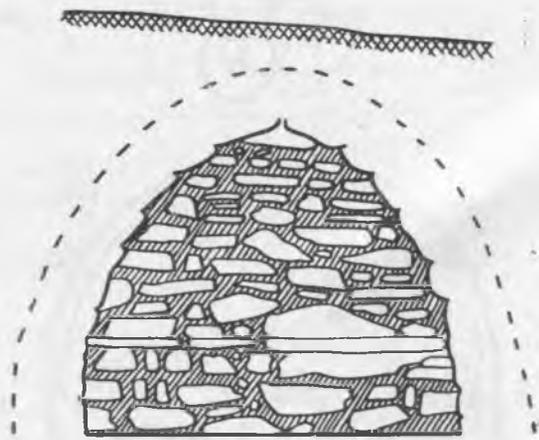
2

5

3

6

Рис. 26. Могильные сооружения восточного локального варианта

1 — Лац, 2 — Мохде, 3 — Дзивгис, 4 — Далагау, 5 — Лац, 6 — Мужичи (разрез). 1—2 — по В. Ф. Миллеру, 6 — по чертежу В. И. Марковина

Х-ХII века

VII-IX века

IV-VI века

Рис. 27. Керамика восточного локального варианта.

А - 1-5 - Кумбулта, 6 - Задалиск, 7 - Кумбулта, 8 - Рутха, 9 - Кумбулта, 10 - Северная Осетия (ближе нет);
 Б - 1-4 - Кумбулта, 5 - Северная Осетия (рис. А. А. Миллера), 6 - Корца, 7 - Галиат, 8 - Донифарс, 9 - Галиат,
 10 - Дзэвгис; В - 1-5 - Саниба, 6-9 - Даргавс, 10 - Задалиск, 11 - Джераховское ущелье

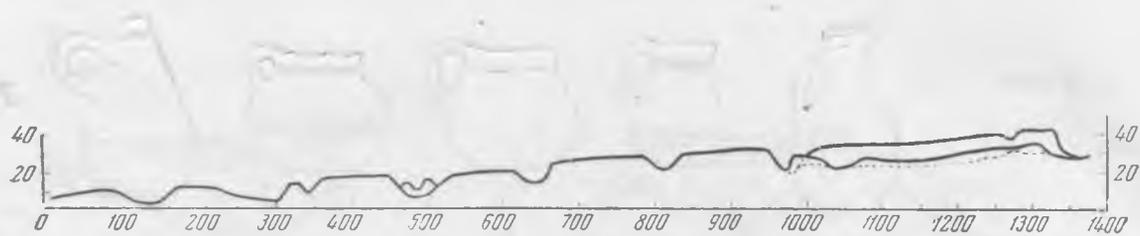

Рис. 28. Городище Герменчик у с. Старый Лескен. Разрез по продольной оси с запада на восток

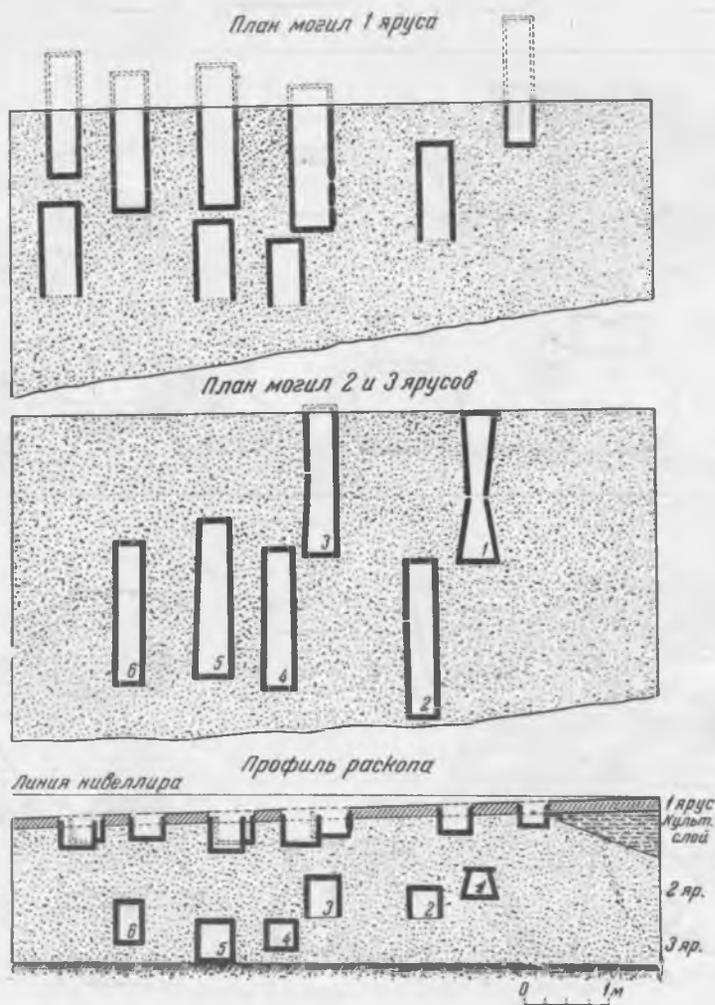

Рис. 29. Каменные ящики X—XII вв. на Паметском могильнике

Рис. 30. Ограбленная гробница из Н. Архыза

Рис. 31. Ограбленный каменный ящик

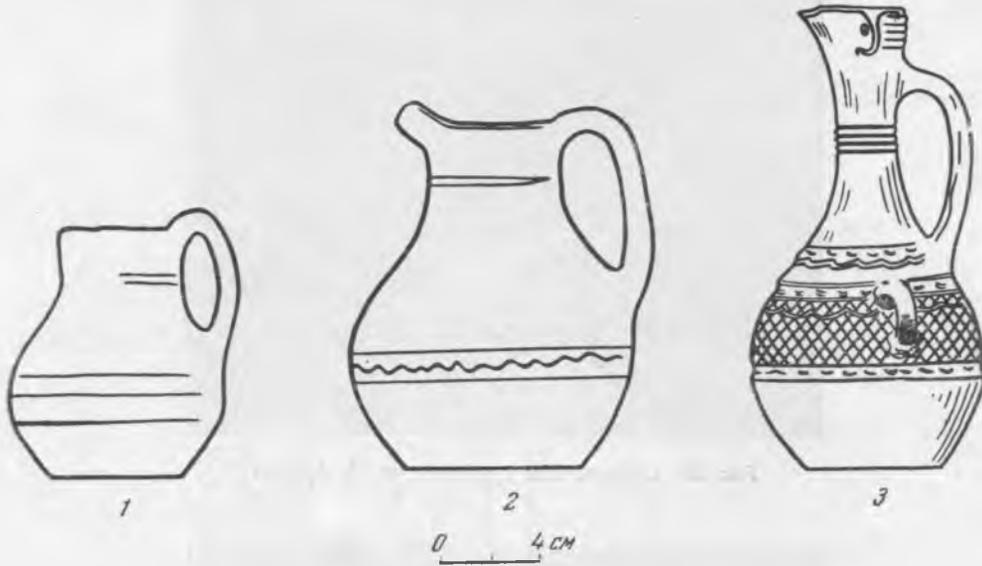

Рис. 32. Керамика X—XII вв. из могильника Харх

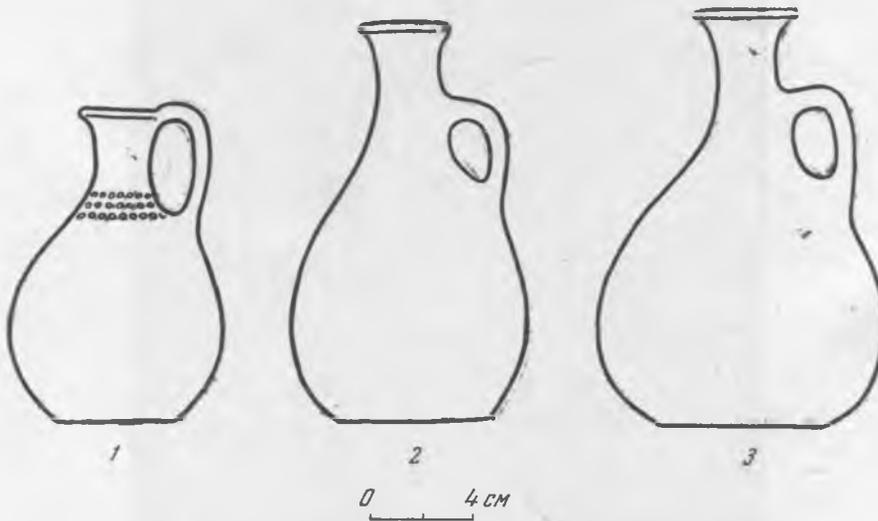
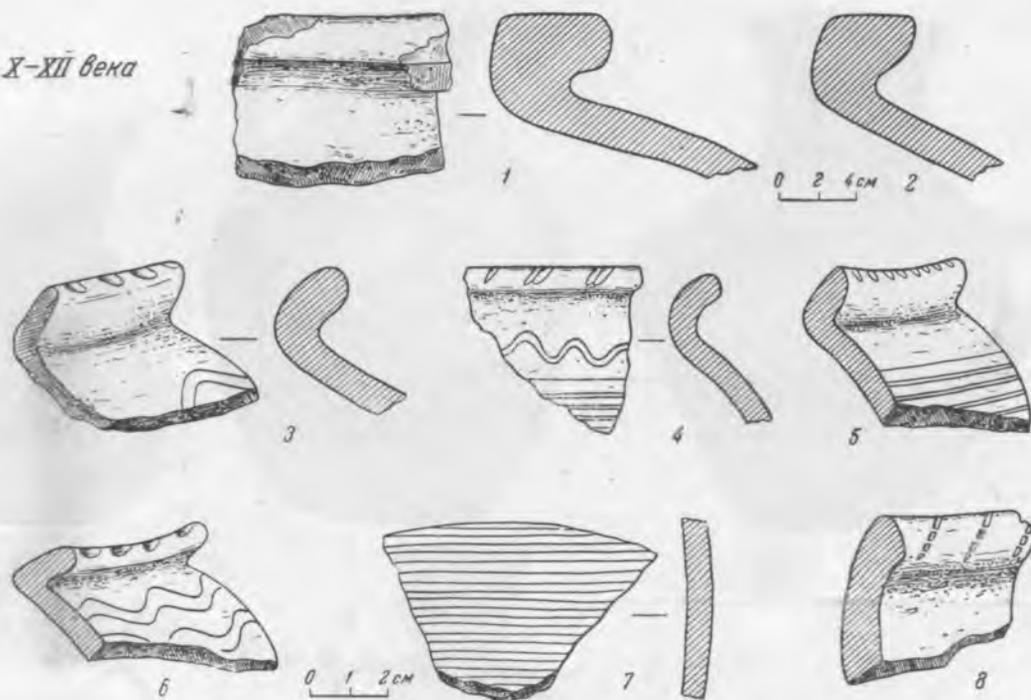

Рис. 33. Красноглиняные кувшины XI—XIII вв. из Дигории

1—2 — Рутха, 3 — Кумбулта

X-XII века

VIII-IX века

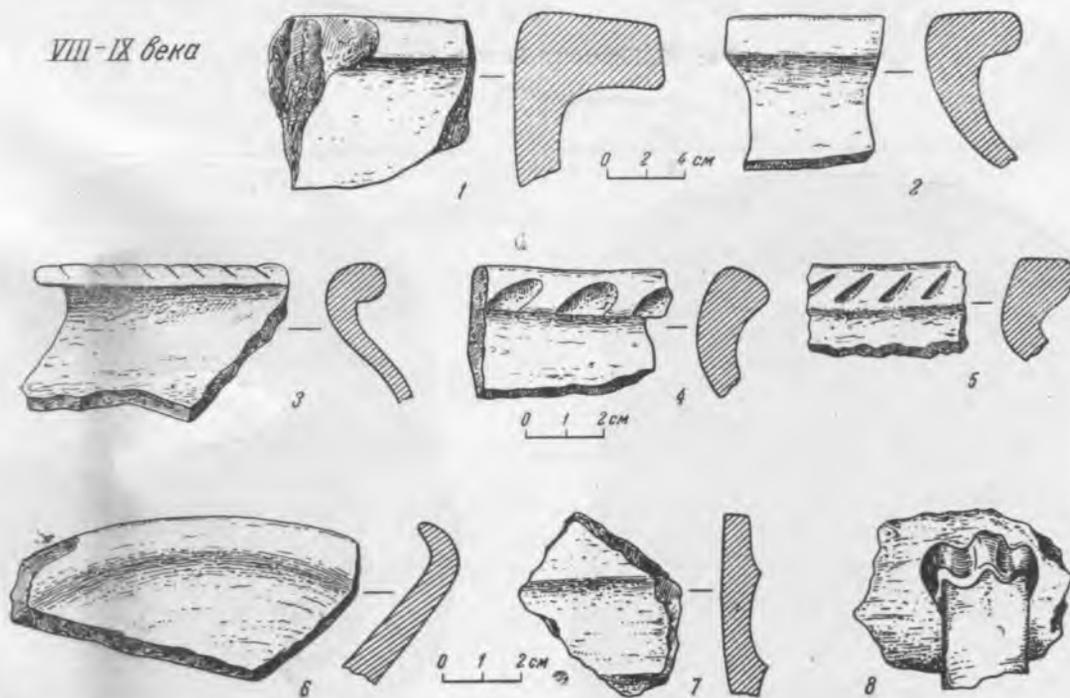

Рис. 34. Керамика аланских городищ центрального Предкавказья VIII—XII вв.
VIII—IX вв., 1—3 Дур-Дур I, 4—6 — Шпиль, 7 — Терский хребет, поселение № 3, 8 — Змейское поселение;
X—XII вв. 1—6 и 8 — Змейское поселение, 7 — Верхний Джулат

Рис. 35. Керамика Галиатского склепа VIII в.

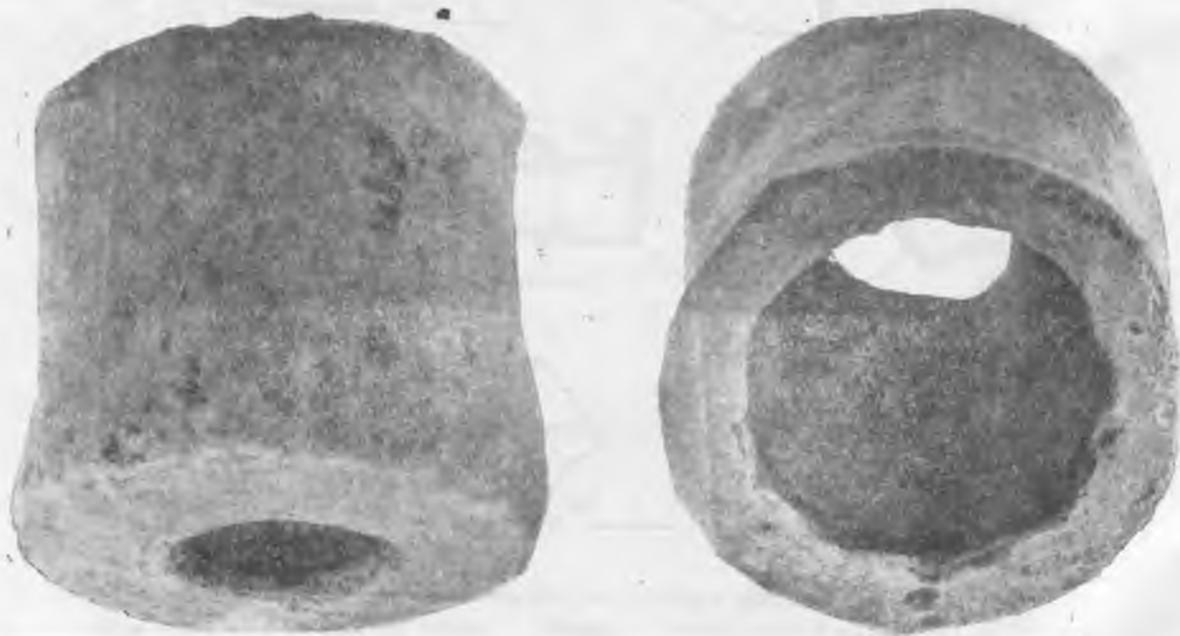

Рис. 36. Цилиндрические глиняные стаканы из аланских городищ Центрального Предкавказья

СПИСОК СОКРАЩЕНИИ

- АС — Археологический съезд
БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный Исторический музей
ИА — Институт археологии
ИАН — Известия Академии наук СССР
ИАК — Известия Имп. археологической комиссии
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИЖ — Исторический журнал
ИИНИИ — Известия Ингушского научно-исследовательского института
ИКОИРГО — Известия Кавказского отделения Имп. Русского географического общества
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
ИРАО — Известия Русского археологического общества
ИРГО — Известия Имп. Русского географического общества
ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института
ИТОИРГО — Известия Туркестанского отделения Имп. Русского географического общества
ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗВОИРАО — Записки Восточного отделения Русского археологического общества
ЗИАО — Записки Имп. археологического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
КИАИ — Кавказский историко-археологический институт
КС ИА — Краткие сообщения Института археологии
КС ИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КС ИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛО ИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИСК — Материалы по изучению Ставропольского края
ОАК — Отчеты археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
СГАИМК — Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры
СМАЭ — Сборник музея антропологии и этнографии
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СНТ СГПИ — Сборник научных трудов Ставропольского гос. педагогического института

ССК — Сборник сведений о Кавказе
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горах
СССК — Сборник сведений о Северном Кавказе
СЭ — Советская этнография
ТГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. ОИПК — Труды Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа
ТСА РАНИОН — Труды секции археологии Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
ТСУАК — Труды Ставропольской ученой архивной комиссии
ТЧНИИ — Труды Черкесского научно-исследовательского института
УЗ ИВ — Ученые записки Института востоковедения АН СССР
УЗ КБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
УЗ ЛГУ — Ученые записки Ленинградского гос. университета
УЗ СГПИ — Ученые записки Ставропольского гос. педагогического института
ФАК — Фонды Археологической комиссии
ЧИНИИ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
АЕ — *Archaeologia Ertesito*
АН — *Archaeologia Hungarica*
BSOAS — *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*
ESA — *Eurasia Septentrionalis Antiqua*
JAOS — *Journal of the American Oriental Society*
PZ — *Praehistorische Zeitschrift*
RE — *Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*
ZDMG — *Zeitschrift der Deutschen Mongenländischen Gesellschaft*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Введение	7
<i>Глава первая.</i> Аланские катакомбные могильники Северного Кавказа	13
<i>Глава вторая.</i> Западный локальный вариант аланской культуры	43
<i>Глава третья.</i> Центральный локальный вариант аланской культуры	76
<i>Глава четвертая.</i> Восточный локальный вариант аланской культуры	89
<i>Глава пятая.</i> Происхождение локальных вариантов аланской культуры. Аланы и асы	120
Заключение	132
Список сокращений	162

Владимир Александрович Кузнецов

Аланские племена Северного Кавказа. МИА № 106

*Утверждено к печати Институтом археологии
Академии наук СССР*

Редактор издательства *В. Б. Деопик*. Технический редактор *Г. С. Симкина*

РИСО АН СССР № Рп-61. Сдано в набор 29/IX 1961 г. Подписано к печати 5/1 1962 г.
Формат 84×108¹/₁₆. Печ. л. 10,25. Усл. печ. л. 16,81 уч и дат л. 17,8 Тираж 1200 экз. Т-00012
Изд № 195 Тип. зак № 4033

Цена 1 руб. 32 коп.

Издательство Академии наук СССР, Москва Б-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография Издательства АН СССР, Москва Г-99, Шубинский пер., 10